

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

С.В. Уянаев

Россия – Индия – Китай: в контурах НОВОГО миропорядка

К 90-летию академика
Евгения Максимовича Примакова

Москва
ИД «ФОРУМ»
2019

УДК 327(470+510+540)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)(5Инд)
У99

*Рекомендовано к публикации
Учёным советом ИДВ РАН*

*Ответственный редактор:
академик РАН В.С. Мясников*

*Заместители ответственного редактора:
доктор политических наук В.Е. Петровский,
доктор экономических наук А.И. Салицкий,
кандидат военных наук А.Ф. Клименко*

Уянаев С.В.

У99 Россия—Индия—Китай: в контурах нового миропорядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова: монография / С.В. Уянаев; отв. ред. акад. В.С. Мясников. — М. : ИД «ФОРУМ», 2019. — 322 с.

ISBN 978-5-8199-0870-9

В книге, которая предназначена читателю, интересующемуся международной политикой, рассматриваются потенциал, реальная практика, а также ограничители трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая (функционирующий с 2002 г. формат РИК). Тема представлена путем анализа глобальной и региональной роли каждой из трех стран, сопоставления совпадений и различий, которые присутствуют в их международных интересах.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, РИК, международные отношения, торгово-экономическое сотрудничество.

The book is focused on the potentials, actual practice, as well as restraints of the trilateral interaction among Russia, India and China (the RIC format functioning since 2002). This subject is presented through the analysis of the global and regional roles being played by each of the three countries, as well as through juxtaposition of similarities and differences featuring their respective international interests.

Keywords: Russia, India, China, RIC, international relations, trade-and-economic cooperation.

**УДК 327(470+510+540)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)(5Инд)**

ISBN 978-5-8199-0870-9

© Уянаев С.В., 2019
© Лузянин С.Г., предисловие, 2019
© ИДВ РАН, 2019

Оглавление

Предисловие (С.Г. Лузянин)	7
От автора	10
Введение	12
Глава 1. БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРОЙКА, ИЛИ СТРАНЫ РИК: РОЛЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	19
1.1. Экономическая сверхдержава	21
1.2. Южноазиатский лидер	25
1.3. Нелегкий путь возрождения	30
1.4. Торговля: глобальный и двусторонний уровни	36
1.4.1. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество	40
1.4.2. Китайско-индийское торгово-экономическое сотрудничество	50
1.4.3. Российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество	56
Глава 2. СТРАНЫ РИК. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ	72
2.1. Дипломатический марш Поднебесной	73
2.2. От неприсоединения к «стратегической автономии»	81
2.3. Возвращение в державный статус	88
Глава 3. ФОРМАТ РИК КАК СТРУКТУРА НЕФОРМАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	102
3.1. «Треугольник Примакова»: партнерская модель на основе «трех не»	103
3.2. Институциональное становление и развитие структуры РИК	109
3.3. Формат РИК и фактор США	118
3.4. Академический формат, или «научное плечо» РИК	128

Глава 4.	ДВУСТОРОННИЙ «КАРКАС» ТРЕХСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	139
4.1.	РФ—КНР: курсом Большого Договора	139
4.2.	РФ—Индия: достижения и вызовы привилегированного партнерства	154
4.3.	Индия—Китай: дилемма «конкурентного сотрудничества»	169
Глава 5.	РИК: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФОРМАТА	199
5.1.	РИК и БРИКС: взаимодополнение вместо дублирования	199
5.2.	РИК и ШОС: новые возможности?	206
5.3.	Уроки секторального диалога	211
5.4.	РИК: безопасность в АТР и проблемы Афганистана	216
5.5.	Интересы РФ, ее роль и образ в трехстороннем формате	224
Заключение		233
<i>Приложение 1.</i>	Совместные коммюнике встреч министров иностраннных дел РИК (2005—2017 гг.)	241
<i>Приложение 2.</i>	Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой	299
<i>Приложение 3.</i>	Декларация о стратегическом партнерстве между российской Федерацией и Республикой Индией	305
<i>Приложение 4.</i>	Совместное заявление Республики Индия и Китайской Народной Республики (об установлении «отношений стратегического партнерства и сотрудничества во имя мира и процветания»)	309
<i>Приложение 5.</i>	О встрече Президента России В.В. Путина с Председателем КНР Ху Цзиньтао и премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом, Санкт-Петербург, Стрельна, 17 июля 2006 года	316
<i>Приложение 6.</i>	Встреча в формате «Россия—Индия—Китай» (1 декабря 2018 г., Буэнос-Айрес)	318
Summary		321

Content

Foreword (<i>S. G. Luzianin</i>)	7
A word by the author	10
Introduction	12
Chapter 1. THE BIG EURASIAN THREE, OR RIC COUNTRUES: ROLE IN THE GLOBAL ECONOMY	19
1.1. Economic super-power	21
1.2. South-Asian leader	25
1.3. Difficult way of revival	30
1.4. Trade: the global and bilateral levels	36
1.4.1. Russian-Chinese trade-and-economic cooperation	40
1.4.2. Sino-Indian trade-and-economic cooperation	50
1.4.3. Russian-Indian trade-and-economic cooperation	56
Chapter 2. RIC COUNTRIES: POLITICAL ROLE	72
2.1. Diplomatic march of the Celestial	73
2.2. From non-alignment to “strategic autonomy”	81
2.3. Regaining the power status	88
Chapter 3. THE RIC FORMAT AS A STRUCTURE OF INFORMAL INTERACTION	102
3.1. The Primakov Triangle: the ‘Three No’-based partnership model	103
3.2. Institutional formation and development of the RIC structure	109
3.3. The RIC format and the US factor	118
3.4. The academic format, or the “scholarly shoulder” for RIC	128

Chapter 4. BILATERAL ‘CARCASS’ OF TRILATERAL INTERACTION	139
4.1. RF—PRC: following the course of the Big Treaty	139
4.2. RF—India: attainments and challenges of privileged partnership	154
4.3. India—China: Dilemma of “competitive cooperation”	169
Chapter 5. RIC: LESSONS AND PROSPECTS OF THE STRATEGIC FORMAT	199
5.1. RIC and BRICS: Mutually supplementing rather than duplicating	199
5.2. RIC and SCO: New Opportunities?	206
5.3. Lessons of sector-focused dialogue	211
5.4. RIC: Asian-Pacific security and problems of Afghanistan	216
5.5. The RF interests, role and image in the trilateral format	224
Conclusion	233
Annex	241
Summary	321

Предисловие

Озвученная в 1998 г. академиком Евгением Максимовичем Примаковым, занимавшим тогда пост премьер-министра Российской Федерации, идея создания стратегического треугольника «Москва—Дели—Пекин» за 20 лет стала реальной политикой кооперации и стратегического сотрудничества трех великих держав. В 2001 г. Институт Дальнего Востока РАН и возглавлявший его тогда академик М.Л. Титаренко инициировали трехсторонний проект в формате «второй дорожки» МИД трех стран, проводя ежегодно (с 2001 по 2018 г.) трехсторонние форумы ведущих ученых России, Индии и Китая поочередно в Москве, Пекине и Дели. Нарботанный экспертно-аналитический материал был успешно использован в ходе подготовки и проведения трехсторонних встреч министров иностранных дел и глав государств трех стран.

В настоящее время отношения между тремя государствами вышли на уровень практической координации и эффективного двустороннего, регионального и глобального взаимодействия. В международный лексикон вошла понятная на сегодняшний день всем аббревиатура РИК (Россия—Индия—Китай). Общее население этих трех стран составляет 40 % населения Земли, на их долю приходится 20 % мирового ВВП.

Одновременно созданный формат стал дополнительным стимулом для вывода непростых китайско-индийских отношений на уровень стратегического партнерства, позволив, кроме решения задач экономического и политического сотрудничества, сблизить Пекин и Дели в рамках развития и углубления трехстороннего диалога. Нынешний двусторонний объем торговли (около 80 млрд долл.) явно неадекватен экономической мощи Китая и Индии. Продолжает работу координационный механизм двух стран по пограничным вопросам и формат ежегодных переговоров по совместной границе на уровне министров и заместителей министров иностранных дел. Объективно Индию и КНР сближает их позиция по проблеме ядерного оружия. Ори-

ентируясь в разумных пределах на стратегию ядерного сдерживания, оба государства рассматривают его не столько как средство ведения войны, сколько в плане вынужденного политического атрибута, необходимого для усиления своих региональных и глобальных позиций.

Российский подход в отношении своих партнеров Китая и Индии сбалансирован и базируется на политике всестороннего углубления созданного и хорошо зарекомендовавшего себя трехстороннего формата. В новой Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. Китай и Индия обозначены как наиболее приоритетные партнеры из стран дальнего зарубежья (ст. 84 и 85). Статья 86 концепции прямо говорит о том, что «Россия считает необходимым продолжить дальнейшее развитие механизма эффективного и взаимовыгодного внешнеполитического и практического сотрудничества в формате Россия—Индия—Китай (РИК)»^{*}.

Проект «Россия—Индия—Китай» тесно коррелирует с форматами Бразилия—Россия—Индия—Китай—Южная Африка (БРИКС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). При этом самостоятельность РИК как самостоятельной диалоговой площадки полностью сохранилась: РИК не растворился в других проектах, РИК предполагает развитие евразийского трехстороннего сотрудничества.

Приоритетные задачи, которые объединяют РИК — это повышение инвестиционного уровня между нашими государствами и обеспечение безопасности в регионе и в мире в целом. Проект успешно развивается, в частности в направлении, связанном с включением стран РИК в систему глобального управления, которая требует реформирования и модернизации. Здесь можно выделить такие аспекты, как взаимодействие каждого из участников РИК с ООН, в том числе деятельность в СБ ООН, сотрудничество с международными финансовыми структурами (ВТО, МВФ, АзБР и др.).

Россия, Индия и Китай выступают за усиление роли развивающихся стран в системе управления мировой экономикой и скорейшую реализацию реформы Международного валютного фонда (МВФ). Об этом неоднократно заявляли руководители трех МИД РИК. В настоящее время РИК выступает за ликвидацию диспропорций в представительстве мировых финансовых институтов и квот в МВФ.

В 2015 г. КНР предложила сотрудничество в трехстороннем формате по пяти направлениям, такими, как создание «мозговых цен-

^{*} Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset.../2542248

тров», углубление взаимодействия бизнес-кругов, сельское хозяйство, ликвидация последствий стихийных бедствий и здравоохранение. К этому следует добавить энергетику, высокие технологии и охрану окружающей среды.

Сложным направлением остается сфера безопасности, в том числе вопросы влияния США на глобальную повестку РИК. Есть уверенность, что все три страны данного формата намерены более активно включиться в общую систему антитеррористической деятельности уже не в региональном, а в мировом масштабе, что обещает значительно поднять качественный уровень глобальной безопасности и стабильности в мире.

Представленная книга известного российского ученого, заместителя директора ИДВ РАН С.В. Уянаева, стоявшего у истоков формирования «второй дорожки» РИК, фактически обобщает экспертно-аналитическую и международную проблематику развития трехстороннего сотрудничества России, Индии, Китая с 2001 по 2018 г., дает возможность последовательно и системно ознакомиться с ролью России в этом чрезвычайно важном проекте.

*Директор Института Дальнего Востока РАН,
доктор исторических наук, профессор С.Г. Лузянин*

*Светлой памяти
Харитона Георгиевича Цомаева
посвящую*

От автора

Данная работа является результатом многолетнего знакомства автора с темой отношений между Россией, Китаем и Индией, в том числе в рамках 16 трехсторонних конференций политологов трех стран, проходивших в 2002—2018 гг.

Материалы накапливались подспудно, частично публиковались в различных научных изданиях. Однако, кроме постепенного наращивания собственно фактологической, документальной или библиографической базы, главным, пожалуй, была редкая возможность научного роста за счет непосредственного общения с коллегами, среди которых были признанные лидеры российской синологической и востоковедческой школы.

В свое время в «трехстороннюю тему» автора «за руку» привел академик Владимир Степанович Мясников. Один из разработчиков не только теории и практики современных отношений РФ и КНР, но и вопросов взаимодействия России, Индии и Китая, Владимир Степанович посвятил в «азы» данной проблематики, задал некий общий вектор дальнейших исследований. На такую поддержку автор, искренне желая заслуженному ветерану отечественной науки творческого долголетия, опирается и по сей день.

Несомненно полезной была работа под руководством академика Михаила Леонтьевича Титаренко, многие годы возглавлявшего не только Институт Дальнего Востока РАН, но и российскую научную делегацию на полутора десятках специализированных российско-индийско-китайских научных конференций.

С искренней благодарностью вспоминаются и советы, рекомендации, размышления по выстраиванию трехстороннего взаимодействия и подходам к его научной систематизации, которые автору посчастливилось слышать в личных беседах с патриархом российского востоковедения академиком Сергеем Леонидовичем Тихвинским.

Недолгим, но от этого не менее ценным был опыт научного общения с одним из первых разработчиков проблемы трехстороннего взаимодействия А.Г. Яковлевым, а также послом Б.Т. Куликом, с кем еще в 2002—2004 гг. довелось участвовать в первых конференциях с китайскими и индийскими политологами. Полезными были беседы и консультации с ответственными сотрудниками МИД РФ, в частности с К.М. Барским, Б.М. Хакимовым, И.Н. Аржаевым и другими.

И, конечно, постоянным и важным научным подспорьем всегда было непрерывное общение с теми товарищами по научному цеху, которые много лет активно участвовали и продолжают участвовать в изучении данной темы, — Т.Л. Шаумян, С.Г. Лузяниным, В.Я. Портяковым, А.И. Салицким, С.И. Луневым, А.Ф. Клименко, В.Е. Петровским, И.В. Ушаковым (оказавшем неоценимую помощь в редакторской работе над книгой) и многими другими. Автор уверен в их многочисленных новых творческих достижениях.

Но этот список был бы неполон без упоминания китайских и индийских коллег, частые контакты с которыми в формате ежегодных научных форумов были по-своему невосполнимыми.

Это сотрудники Китайской академии международных отношений МИД КНР (КАМП), бывший посол КНР в Индии Чжоу Ган, в течение ряда лет директор Центра ШОС КАМП Чэнь Юйжун, заместитель директора КАМП Жун Ин, ведущий эксперт Китайской академии современных международных отношений Ма Цзяли, в недавнем прошлом один из руководителей Индийского института китайских исследований (ИИКИ), бывший посол Индии в КНР Винод Кхана, многолетний директор ИИКИ Алка Ачария, научный руководитель ИИКИ Манораджан Моханти, известный индийский русист, в прошлом руководитель Центра Евразии Университета Дж. Неру Арун Моханти.

Введение

Среди политологических проблем конца XX — первых десятилетий XXI века, связанных с продолжающимся процессом и перспективами формирования структуры международных отношений после окончания холодной войны, распада СССР и возникновения в связи с этим целого комплекса новых геополитических реалий, свое место занимает концепция трехсторонних отношений «большой евразийской тройки» — России, Индии и Китая.

Имея определенную предысторию, данная концепция получила современное прочтение в конце прошлого столетия, причем точкой отсчета послужило оглашение идеи трехстороннего партнерства России, Индии и Китая, сделанное в декабре 1998 г. тогдашним председателем правительства России Евгением Максимовичем Примаковым во время его визита в Дели.

На рубеже веков данная тема выдвинулась если не на авансцену, то в любом случае в разряд весьма важных направлений исследований современной международной политики. Пройдя короткий период обсуждений, пусть и не лишенный определенного скепсиса, концепция уже вскоре превратилась в практическую реальность — в 2002—2003 гг. в мировой политической лексикон вошел термин «РИК» («Россия—Индия—Китай») как формат трехстороннего диалогового партнерства. Эта структура межгосударственного взаимодействия, во многом ставшая, как ныне принято говорить, инновационной моделью «несоюзного», неформализованного партнерства «по совпадающим интересам», поступательно развивалась следующие полтора десятилетия, включив в себя целый ряд переговорных дорожек, в том числе академическую, организованную политологами трех стран. Анализ дальнейших перспектив РИК продолжается в отечественном и зарубежном научном сообществе и на пороге третьего десятилетия текущего века.

Перечисленные факты и события имеют в основе, по меньшей мере, два достаточно очевидных, причем взаимосвязанных, аспекта.

Первый, как представляется, предопределен исторической традицией. Три государства, которые составляют единое географическое пространство Евразии, от Балтики до берегов Тихого и Индийского океанов, — и в каждом случае представляют отдельный и уникальный цивилизационный комплекс, имеют не только длительную и насыщенную летопись внутреннего развития. Кроме этого, Россия, Индия и Китай насчитывают порой сложную и тернистую, но неизменно богатую на события многовековую историю отношений между собой. Не случайно приходящийся на 2018 год 400-летний юбилей отношений Китая и России выглядит скромным на фоне отстоящих от нас на пять с половиной столетий «индийских странствований» русского купца Афанасия Никитина, не говоря уже о тысячелетней истории связей Индии и Китая.

Второй фактор, предопределяющий взаимное притяжение трех стран и актуальность рассматриваемой темы, непосредственно проистекает из событий последних без малого 30 лет. Уход в прошлое по известным причинам прежней биполярной системы мироустройства «запустил» неоднозначный процесс реструктуризации и развития современных международных отношений. Главным вызовом, которым обернулся новый этап, стали претензии на безраздельное мировое господство оставшейся в одиночестве сверхдержавы, которой удалось, особенно в 1990 — начале 2000 гг. (вспомним вторжение в Ирак), реализовать свои гегемонистские амбиции и на практике.

Это поставило перед тремя крупнейшими государствами Евразии сходные и естественные задачи максимально безболезненной адаптации к новым реалиям, а главное — подтолкнуло к поиску адекватного ответа на данный вызов. В русле такого поиска, ориентированного на защиту национальных интересов на мировой арене, на обеспечение наиболее благоприятных внешних условий для внутреннего развития, лежит, как представляется, и идея развития трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая. Причем исторические корни и тесное географическое соседство оказались помноженными здесь на близость проявленных целевых подходов.

Действительно, как показала политическая практика рубежа веков и последующего периода, у всех трех стран традиционно немало общего в оценке узловых пунктов международной повестки. Это, прежде всего, неприятие односторонней политики и приверженность многополярному мироустройству, признание нерушимости принципа решающей роли международно-правовой деятельности ООН и его Совета Безопасности, стремление к созданию справедливого между-

народного политического и экономического порядка с равными возможностями для всех государств. Политические принципы такого рода трудно переоценить на фоне процессов формирования полицентричного мира, который стал явственно набирать темпы во втором десятилетии текущего века, причем во многом благодаря растущей роли Китая, России, Индии и ряда других «восходящих» государств.

С точки зрения общих подходов три страны демонстрируют общность целей в борьбе с терроризмом, урегулировании в «горячих точках», в решении вопросов глобального климата, развития международной торговли и многих других проблем глобального и регионального порядка. Взаимодействие по вопросам глобальной и региональной повестки дня с конечной целью укрепления международных позиций каждой из трех стран стало, таким образом, одним из главных направлений развития партнерского формата РИК.

Второй главной целевой задачей в рамках трехстороннего партнерства стороны определили взаимодействие в прикладных (секторальных) сферах. В качестве предпосылок к этому были приняты во внимание потенциал объективной экономической взаимодополняемости, давние традиции культурно-гуманитарных и иных связей.

Общим благоприятным фактором для становления формата РИК явился высокий уровень отношений по всем трем его двусторонним линиям: с середины 2000-х годов каждая из них, включая китайско-индийскую сторону, обрела статус отношений стратегического партнерства.

В отечественной политологической/страноведческой науке исследование данной темы точно началось в основном в середине 1990-х годов, когда в мире стали проявляться зримые негативные стороны возникшей однополярности и глобальной гегемонии США (работы А.Г. Яковлева, А.А. Кокошина)¹.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов, особенно после выдвижения в Дели инициативы Е.М. Примакова о «стратегическом треугольнике», по проблеме «стратегического взаимодействия России» появляется уже волна публикаций (статьи В.С. Мясникова, М.Л. Титаренко, Ю.С. Пескова, С.Г. Лузянина, С.В. Уянаева, Г.С. Яскиной и др.)².

Одной из первых попыток систематизации материалов по теме международной роли стран РИК и их трехстороннего взаимодействия стало издание в 2004 г. в Институте Дальнего Востока РАН сборника материалов трех первых трехсторонних конференций ученых России, Индии и Китая³.

В дальнейшем отечественная разработка темы, включая те или иные аспекты развития трехстороннего формата, получила развитие, в частности, в научных публикациях М.Л. Титаренко, В.Я. Портякова, А.И. Салицкого, С.И. Лунева, В.Я. Белокреницкого, А.Г. Володина, А.Ф. Клименко, А.В. Лукина, С.В. Уянаева, Ю.А. Мареевой и др., а также в ряде аналитических публикаций в СМИ⁴.

Общим, в том числе экономическим, вопросам развития и перспектив трехстороннего формата уделено внимание в разделе монографии В.Я. Портякова, освещающей историю и современное состояние отношений РФ и КНР⁵.

Материалы по теме РИК, включая аналитические отчеты о проводимых ежегодно экспертных конференциях в рамках упомянутой академической дорожки РИК начиная с 2005 г., регулярно публикуются в журнале «Проблемы Дальнего Востока»⁶.

Отдельные аспекты темы, в частности те, которые связаны с двусторонними отношениями в РФ и КНР, КНР и Индии, РФ и Индии, по понятным причинам оказались отраженными в отечественной литературе значительно подробнее (работы В.С. Мясникова, М.Л. Титаренко, В.Я. Портякова, А.В. Лукина, А.Д. Воскресенского, С.В. Уянаева, Т.Л. Шаумян, С.И. Лунева, А.Г. Володина и др.)⁷.

В зарубежной научной литературе тема (или отдельные ее аспекты) рассматривается прежде всего учеными Индии и Китая. Среди ученых Индии заслуживают внимания в том числе труды А. Моханти, М. Моханти, Миры Синхи Бхаттагарджи, Г.П. Дешпанде, М.К. Бадракумара, а также работы Н.Д. Кунду и Д. Ядава, которые носят характер монографических исследований⁸.

В работах китайских экспертов тема РИК затрагивается, в частности, в исследованиях Чэнь Цзумина, Ма Шуфаня, Хэ Вэйганя, Гао Шучиня, Чжао Ганьчэна, Ци Чжие, Чжу Чаншэна, шанхайских специалистов Чэнь Дунсяо, Фэн Шуая и др.⁹ Взаимодействие в РИК освещается в центральных китайских СМИ и экспертной блогосфере¹⁰.

Отдельные публикации, в основном событийного характера, встречаются в западной научной и политической печати и СМИ¹¹.

Вместе с тем обобщенное, комплексное монографическое исследование, которое решало бы многоаспектную задачу анализа темы РИК, включая практику функционирования этого формата, в отечественной (и доступной зарубежной) научной литературе автору не известно. Хотя в 2000 г. и вышла книга В.В. Жириновского и А.Б. Кулешова под формальным названием «Россия, Китай, Индия», однако по понятным временным причинам она не затрагивает период ста-

новления структуры РИК и в целом носит важный публицистический, но не академический характер¹².

Данная работа — это попытка не столько абсолютно восполнить этот пробел, сколько представить определенную методологическую логику: дать по возможности полную картину политического и экономического места трех стран в мире, а также соответствующих аспектов современной политики РФ, Индии и КНР, делающих возможным реальное трехстороннее взаимодействие; показать процесс формирования, эволюции формата РИК, поразмышлять над его уроками и перспективами. В соответствии с таким видением выстроено и общее содержание работы. Ее хронологическими рамками в основном стали полтора десятилетия после 2002 г., когда впервые началось взаимодействие в РИК на официальном уровне.

Актуальность темы трехстороннего сотрудничества во многом определяется заметной динамикой роли РФ, Индии и КНР на международной экономической и политической арене, что влечет перемены в балансе мировых и региональных сил, в частности в Евразии и АТР. Достаточно сказать, что в последние годы доля стран РИК в мировом ВВП неизменно растет, приближаясь к параметрам, соизмеримым с совокупным объемом «Большой семерки» западных экономик. К тому же три страны — это почти 40 процентов мирового населения и пятая часть мировой суши.

Возрождающаяся в последние полтора десятилетия Россия, несмотря на усиление после 2014 г. давления Запада, опутавшего РФ масштабными антироссийскими санкциями, все более демонстрирует намерение укреплять свои позиции в качестве крупной державы с глобальными интересами. Одновременно динамичное развитие Китайской Народной Республики и Республики Индия делает обе страны все более влиятельными субъектами мировой политики и экономики. К середине 2010-х годов КНР в качестве мирового лидера опередила США по объему ВВП по ППС, а еще через 10 с лишним лет прогнозируемо выйдет на первую позицию по этому показателю в реальном измерении. Экономика Индии развивается сегодня опережающими темпами и, по прогнозам авторитетных международных экспертов, к середине XXI века не просто займет 2-е — 3-е место в мире, но и достигнет паритета с США. Параллельно с экономической ролью растет политическое влияние этих стран, что с точки зрения показателей комплексной государственной мощи делает их (а тем более трехсторонний формат их взаимодействия) зримым фактором формирования нового миропорядка. Миропорядка, развивающегося

в направлении многополярности (полицентричности), в котором будут обеспечены достойные позиции трех «Евразийских гигантов». Место трех стран в мировой экономике, характер их вовлеченности в мировые процессы глобализации, регионализации, включая двусторонние экономические связи, их роль в мировой политике и в конечном счете в формировании нового международного экономического и политического миропорядка — это вопросы, которые рассматриваются в первых двух главах данной работы. Помимо самостоятельной значимости такого анализа, он представляет особую важность с точки зрения выявления базовых как предпосылок, так и ограничителей трехстороннего взаимодействия.

В систематизации, структурировании принципов, задач, направлений, документальной и институциональной базы, других фактов и событий, связанных с трехсторонним сотрудничеством, сегодня нуждается вся уже немалая практика функционирования формата РИК (2002—2018 гг.), включая становление и развитие его внешнеполитической, академической и секторальных «дорожек». Отдельным пунктом здесь служит общий международный контекст его развития, проявляющийся, прежде всего, в реакции США, которые, пусть и незримо, но объективно присутствует в виртуальном треугольнике «Россия—Индия—Китай» в качестве одновременно и катализатора, и, пожалуй, главного ограничителя трехстороннего формата. Освещению всего перечисленного круга вопросов посвящена Глава 3 работы. Здесь же дается картина сотрудничества в рамках академического диалога, на площадке которого полтора десятка лет осуществляется мониторинг многих из перечисленных тем и вопросов.

Комплексный взгляд на саму возможность и перспективы трехстороннего взаимодействия вряд ли возможен без анализа нынешнего состояния и перспектив двусторонних отношений между Москвой, Нью-Дели и Пекином. Именно двусторонний диалог по российско-индийской, российско-китайской и китайско-индийской сторонам «евразийской тройки», рассматриваемый в отдельной главе (Глава 4), во многом определяет возможности и лимиты трехстороннего сотрудничества, концентрирует его центростремительные и центробежные факторы как на направлении внешнеполитического взаимодействия, так и в части трехсторонних экономических и других прикладных проектов.

Заключительная Глава 5 содержит попытку обобщения уроков и формулирования выводов, оценки перспектив РИК; рассматриваются, в том числе, соотношение формата РИК и объединения БРИКС,

взаимосвязь и взаимовлияние с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Отдельно рассмотрен позитивный опыт и возникшие вызовы по ряду направлений внешнеполитического сотрудничества (АТР, Афганистан), а также взаимодействие в рамках практических (секторальных дорожек). В последнем разделе Главы 5 и в Заключении в более широком ключе ставится задача дать комплексную оценку интересам РФ в РИК, суммировать влияние мировых реалий середины-конца 2010-х годов и особенностей внутреннего положения в России, Индии, Китае на текущие процессы и перспективы трехстороннего сотрудничества. В данном контексте прежде всего представляли интерес пути дальнейшего укрепления международных позиций РФ.

Глава 1

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРОЙКА, ИЛИ СТРАНЫ РИК: РОЛЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Как было обозначено выше, многие важные аспекты политического и экономического взаимодействия России, Китая и Индии на международной арене опосредуются *местом этих стран в мировой экономике* и мирохозяйственных связях, глубиной и характером их вовлеченности в мировые процессы глобализации и регионализации. Адекватное восприятие базовых количественных и качественных параметров мирохозяйственного контекста экономического развития России, Китая и Индии принципиально важно для понимания существующих и выявления потенциальных сфер совпадения и неконфликтного столкновения интересов этих государств, для налаживания их практического трехстороннего сотрудничества и взаимодействия в многосторонних международных экономических комбинациях и группировках¹³.

Россия, Китай и Индия входят в последние годы в число наиболее динамично развивающихся стран мира. По оценке Economist Intelligence Unit — аналитической службы английского журнала Economist (данные до 2006 г.), а также по данным МВФ и других источников, в период 2002—2017 гг. реальные среднегодовые темпы роста ВВП в Китае составили 9,2 %, в Индии 7,5 %, в России 3,3 %¹⁴. Причем до 2009 г. эти темпы (особенно в случае России, остро пережившей мировой кризис конца 2000-х годов и испытывающей санкционное давление во второй половине 2010-х годов) были еще выше: 9,3 % для КНР, 8,0 для Индии и 4,7 % (даже с учетом провального 2009 г.) для РФ.

Как следствие, Россия, Китай и Индия вышли на новые уровни годовых объемов производства *валового внутреннего продукта* с адекватным усилением их позиций в мировой экономике.

По оценке Международного валютного фонда, номинальный ВВП КНР, пересчитанный в доллары США по текущему валютному курсу, составил в 2017 г. 12,015 трлн долл., ВВП России — 1,527 трлн долл., ВВП Индии — 2,611 трлн долл. При этом с 2002 по 2017 г. доля Китая в мировом ВВП выросла с 4,3 % до 15,0 %, доля России — с 1,1 % до 1,9 %, доля Индии — с 1,5 % до 3,9 % (мировой ВВП в текущих ценах в 2017 г. составил 79,865 трлн долл.) (табл. 1).

Таблица 1. Валовой внутренний продукт Китая, России и Индии, в целом РИК, а также США, их удельный вес в мировом ВВП (в текущих ценах, млрд долл., включая прогноз и сравнительную оценку)

	2002 г.	2017 г.	2022 г.
Мир	34 745	79 865	108 523
Китай	1477	12 015	19 925
Доля в мировом ВВП, %	4,3	15,0	18,4
Индия	523	2611	4227
Доля в мировом ВВП, %	1,5	3,3	3,9
Россия	371	1527	1890
Доля в мировом ВВП, %	1,1	1,9	1,8
РИК	2372	16 152	26 042
Доля в мировом ВВП, %	6,9	20,2	24,1
США	10 978	19 391	23 787
Доля в мировом ВВП, %	31,6	24,3	21,9

Источник: Данные МВФ и расчет по ним. (World Economic Outlook Database, April 2018 Edition). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>; URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?sy=2002&ey=2022&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=54&pr1.y=10&c=111&s=NGDPD&grp=0&a=>

Показатели ВВП трех стран за тот же период, исчисленные по паритету покупательной способности национальных валют (ППС), были, как следует из табл. 2, еще выше. В 2017 г. доля КНР в мировом ВВП составила 18,2 %, Индии — 7,5, РФ — 3,2 %.

Таблица 2. Валовой внутренний продукт Китая, России и Индии, в целом РИК, а также США, их удельный вес в мировом ВВП (по паритету покупательной способности, млрд долл., включая прогноз)

	2002 г.	2017 г.	2022 г.
Мир	54 684	127 044	168 810
Китай	4538	23 159	34 853
Доля в мировом ВВП, %	8,3	18,2	20,5
Индия	2353	9459	15 247
Доля в мировом ВВП, %	4,3	7,5	9,0
Россия	1869	4011	4777
Доля в мировом ВВП, %	3,4	3,2	2,8
РИК	7262	36 629	54 877
Доля в мировом ВВП, %	16,0	28,8	32,3
США	10 977	19 391	23 787
Доля в мировом ВВП, %	20,1	15,3	14,1

Источник: Данные МВФ и расчет по ним (World Economic Outlook Database, April 2018 Edition). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>

1.1. Экономическая сверхдержава

Приведенные выше цифры наглядно свидетельствуют, что не только среди стран РИК, но и на фоне большинства других государств, наибольших экономических успехов в текущем столетии добилась КНР. Причем, начавшееся в 1980-х годах восхождение Китая (в рамках политики реформ и открытости) к высотам глобального экономического лидерства, когда страна до конца 2000-х годов демонстрировала среднегодовые темпы роста ВВП на уровне 10 %, продолжается и на рубеже второго—третьего десятилетия текущего века.

Еще в 2010 г. Китай, опередив Японию, вышел на позицию второй экономики мира по объему ВВП, исчисленному в долларах по официальному обменному курсу. Несмотря на произошедшее после 2012 г.

снижение темпов роста до уровня от 7,7—6,6 %, КНР продолжает последовательно сокращать отставание от занимающих 1-е место США. Согласно сделанным в 2018 г. прогнозам МВФ в 2030 г. ВВП КНР по обменному курсу сравняется и превзойдет американский¹⁵.

Еще заметнее рост ВВП КНР при использовании исчисления по критерию ППС. В соответствии с этим показателем (применительно к Китаю ряд экспертов считают его единственно верным), КНР еще в 2014 г. стала мировым лидером. И если по обменному курсу нынешняя доля Китая в мировой экономике (2017 г.) составляла, как сказано выше, чуть больше 15 %, то при подсчете по ППС она превысила 18,2 %. В обоих случаях за период 2002—2017 гг. доля КНР в мировой экономике более чем существенно возросла — соответственно в 3,5 и 2,2 раза.

Самым существенным достижением китайской экономической реформы по праву считается тот факт, что еще к концу 1990-х впервые удалось полностью «накормить» страну, решить вопросы создания элементарных жилищных условий для огромного населения. Сегодня Китай, владея всего лишь около 7 % мировой пашни, кормит почти 1/5 часть населения планеты, причем кормит, выращивая самую трудоемкую сельскохозяйственную культуру — рис.

Уже к началу нынешнего столетия КНР обрела статус «мировой фабрики» — комплекса, в котором сырьевые и энергетические отрасли сочетаются с производством средств производства, широкого ассортимента потребительских товаров, оборонной техники, электроники, средств коммуникации. Страна вышла на 1-е место в мире по выплавке стали, алюминия, меди, добыче угля, сборке автомобилей и телевизоров, по производству судов и еще более 200 видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Признанным фактором достижений КНР является привлечение инвестиций. В 2000-е годы на долю Китая ежегодно приходилось в среднем 6—8 % мирового притока иностранного капитала (на конец 2017 г. 1,514 трлн долл. накопленных прямых инвестиций, 6-е место в мире), что превышало показатели большинства европейских стран. Подсчитано, что из 500 крупнейших ТНК мира 490 осуществили инвестирование в Китае.

Но ныне из «фабрики товаров» Китай сам превратился в заметную «фабрику капиталов». К концу 2011 г. года инвесторы из КНР учредили в 178 странах и регионах мира 18 000 предприятий, а суммарный объем китайских капиталовложений в нефинансовый сектор за границей КНР достиг 322 млрд долл.¹⁶ По сведениям Министерства

коммерции КНР, представленным в начале 2017 г., только за предыдущий, 2016 г., сумма нефинансовых прямых инвестиций КНР, вложенных в 7691 зарубежных предприятия в 164 странах и регионах мира, составила примерно 170,1 млрд долл., что на 44 % больше, чем в 2015 г.¹⁷ А к началу 2018 г. совокупные активы китайских компаний за рубежом превысили 1,342 трлн долл.¹⁸

Возросшие инвестиционные возможности КНР, как это понятно, связаны с общими достижениями экономики страны, позволившими скопить серьезные резервы. Китай — устойчивый лидер по золотовалютным резервам, составившим на начало 2018 г. по данным World Fact Book, 3,187 трлн долл. (по данным ГСУ КНР, на конец 2017 г. — 3,1399 трлн долл.).

Масштабное инвестирование за рубежом во многом связано с наступлением нового этапа развития китайской экономики, акцентированного на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) и получившего очередной концептуальный и административный толчок на XIX партийном съезде (октябрь 2017). Переходя от количественных критериев к параметрам качества роста и делая упор на инновации, китайское руководство концентрирует внимание на долговременных программах стимулирования внутреннего спроса и задачах снижения издержек от определенного «перегрева» экономики за предыдущие десятилетия экстенсивного, главным образом, развития. В этот переходный период особое значение приобретает масштабная внешнеэкономическая деятельность (в том числе торгово-инвестиционная, производственная и иная), призванная за счет экспорта избыточных ресурсов и мощностей не допустить «перестроечных» просадок экономического роста. В связи с этим в сентябре—октябре 2013 г. объявлена и в последующие годы активно реализуется масштабная стратегическая инициатива «Один пояс, один путь», нацеленная на резкую активизацию экономического взаимодействия с широкой группой стран как западной, так и восточной Евразии, бассейнов Индийского океана и Средиземноморья; с 2017 г. в Китае говорят о распространении инициативы и на американский континент, таким образом, в ее орбиту ныне входит не менее сотни государств¹⁹. Иллюстрируя работу в рамках этого проекта, во многом ставшего сегодня лейтмотивом и внешнего, и внутреннего курса страны, отметим, что за 2016—2017 гг. в Западной Европе, а также еще в более чем 70 странах «Пояса и пути» Китай осуществил соответственно 450 и 300 инвестиционных сделок и соглашений на общую сумму 180 млрд долл.²⁰ В мае 2018 г. Государственный информационный центра Китая сообщил, что с 2013 по

2017 г. внешнеторговый оборот между КНР и странами вдоль «Одного пояса, одного пути» развивается темпами, которые выше среднегодового прироста общего внешнеторгового оборота Китая, и достиг за этот период суммарно примерно 5 трлн долл²¹.

Общий внешнеторговый оборот Китая также ставит страну на лидирующие мировые позиции. КНР занимает 1-е место в мире по объему экспорта и 2-е — по объему импорта.

Китай все более активно действует в сфере глобального экономического управления — инициативно работает в тех или иных многосторонних форматах, продвигает идею постепенной «интернационализации юаня» — от расчетов в двусторонних операциях до полного включения в «обойму» мировых резервных валют.

1 октября 2016 г. китайский юань (RMB) был официально включен в корзину СДР Международного валютного фонда в качестве пятой валюты, с долей 10,92 процента²².

Однако перед Китаем стоят немалые вызовы, и те из них, которые связаны со структурной перенастройкой экономики, не являются единственными. Платой за бурный экономический рост стало также, в частности, обострение энергетических (КНР с конца 2000-х годов вынуждена завозить уже большую часть потребляемой нефти), а также экологических (загрязнение воздуха и водоемов, опустынивание и др.) проблем. Не исчезли задача ликвидации так называемых пяти разрывов (между бедными и богатыми, передовыми и отсталыми провинциями, городским и сельским населением и т. д.) и проблема преодоления своего рода «шпагата» между рыночным экономическим базисом и нерыночной политической надстройкой во главе с КПК²³.

Тем не менее, набранный за 40 лет реформы большой запас прочности, настрой руководства на заблаговременное, адекватное, открытое обсуждение и решение возникающих проблем; модель «социализма с китайской спецификой», которая на практике воплощает сочетание рыночных механизмов с государственным регулированием; продолжающаяся укрепляться жизнеспособность этой модели — все это дает основание предполагать, что поставленные последним партийным съездом экономические задачи, рассчитанные до середины столетия, будут выполнены. Речь идет о том, чтобы, во-первых, к 2020 г. решить поставленную еще XVIII съездом КПК задачу удвоения ВВП и доходов на душу населения по сравнению с уровнями 2010 г., и, во-вторых, приступить к очередной программе из двух этапов. На первом, в 2020—2035 г., предстоит полностью завершить социалистическую модернизацию на основе построения общества «малого

благоденствия», на втором, с 2035 г. до середины века — «построить богатую и могучую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую модернизированную державу»²⁴.

Как отмечали летом 2018 г. эксперты МВФ, подчеркнувшие, к слову, что на КНР приходится треть роста мировой экономики, у страны достаточно шансов успешно продвигаться по этому пути, поскольку «даже в условиях снижения темпов роста Китай сможет к 2030 г. стать самой крупной экономикой мира»²⁵.

1.2. Южноазиатский лидер

С экономикой Индии в последнее десятилетие эксперты связывают весьма оптимистичные прогнозы, предрекая ей (в силу приведенной выше высокой динамики роста ВВП) выход к середине столетия на вторую-третью (вместе с США) позицию в мире. Современный период ее развития принято относить к началу 1990-х годов, когда в рамках так называемого третьего этапа эволюции индийской экономики в стране была официально объявлена программа перехода к новой модели экономического развития. Цель реформы была сформулирована как обеспечение большей свободы рынка, предпринимательства, открытости и «интернационализации экономики»²⁶. Провозглашалось снижение весьма высокой до этого регулирующей роли государства, характерной для предыдущей модели на основе преобладающего места государственно-капиталистического уклада²⁷.

По итогам 2017 г. многоукладная экономика Индии занимала 6-е место в мире по объему ВВП, исчисленному по обменному курсу²⁸. Однако в пересчете по ППС Индия в мировом рейтинге существенно выше — уже сегодня на 3-й позиции²⁹. С точки зрения структуры она охватывает традиционное сельское хозяйство, современное сельское хозяйство, ремесла, широкий спектр современных отраслей промышленности и множество услуг. Чуть менее половины рабочей силы находится в сельском хозяйстве, но основным источником экономического роста являются услуги: в этой сфере занята треть населения, но на нее приходится почти две трети объема производства в Индии.

Серьезным подспорьем и предпосылкой для высокой динамики роста является фактор наличия в огромном населении страны ощутимого сегмента граждан, не только владеющих английским языком, но и имеющих достаточно высокий уровень образования, что позволило

Индии стать крупным экспортером услуг в области информационных технологий, услуг аутсорсинга в высокотехнологичных сферах.

Меры макроэкономической либерализации, включая снижение регулирующего государственного «пресса» в промышленности, приватизацию государственных предприятий и смягчение контроля за внешней торговлей и инвестициями, способствовали ускорению роста ВВП. С 1997 по 2017 г. он составлял около 7 % в год, причем в 2015—2017 гг. рост является самым высоким среди стран, входящих в первую десятку по объему экономики, измеренной по обменному курсу (7,34 %, у КНР 6,85 %, у США — 2,21 %). Показатели роста ВВП Индии за 2007—2016 гг. и некоторые прогнозные параметры индийской экономики иллюстрируются табл. 3 и 4.

Таблица 3. Темпы роста ВВП Индии, %

Год	Прирост, %
2007	9,80
2008	3,89
2009	8,48
2010	10,26
2011	6,64
2012	5,46
2013	6,39
2014	7,41
2015	8,16
2016	7,11
2017	6,74

Источник: URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?sy=2002&ey=2022&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C922%2C534&s=NGDP_RPCH%2CNGDPD%2CPPPGDP%2CPPPSH&grp=0&a=&pr.x=64&pr.y=12

В 2011 г. экономический рост в Индии замедлился из-за снижения инвестиций, вызванного высокими процентными ставками, ростом инфляции и пессимизмом инвесторов относительно приверженности правительства дальнейшим экономическим реформам, а также из-за медленного мирового роста. Взгляды инвесторов на Индию изменилась в лучшую сторону в начале 2014 г., поскольку произошло

Таблица 4. Некоторые текущие и прогнозные параметры экономики Индии

Параметры	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Рост номинального ВВП (%; начало бюджетного года — 1 апреля)	6,7	7,3	7,7	7,4	7,6	7,8
Рост потребительских цен (%)	3,3	4,8	4,9	4,6	4,8	5,1
Баланс бюджета (% от ВВП; начало бюджетного года — 1 апреля)	-3,5	-3,6	-3,2	-3,1	-2,9	-2,9
Обменный курс рупии к доллару США	65,1	67,1	69,1	67,8	69,2	72,0

Источник: Economist Intelligence Unit, The EIU view, Country forecast. India. 31.07.2018³⁰.

сокращение бюджетного дефицита и, напротив, окреп оптимизм относительно продолжения либерализации после смены правительственного кабинета. Это привело к росту притока капитала и стабилизации рупии. Пришедшее к власти правительство Нарендры Моди выступило с программой резкой активизации деятельности (в том числе внешнеэкономической) в сфере инвестиций и производства, известной как проект Make in India. С оглашением проекта индийский премьер выступил, в частности, на 12-м саммите АСЕАН+Индия в ноябре 2014 г., призвав зарубежных партнеров к сотрудничеству, которое «способно принести выгоду обеим сторонам»³¹.

В 2014—2016 гг. рост увеличился, превысив, как видно из табл. 3, 7 % в год. Несмотря на высокие темпы роста по сравнению с остальным миром, индийские государственные банки столкнулись в этот период с растущими «плохими долгами», что привело к низкому росту кредитования. Растущие макроэкономические диспропорции в Индии и улучшение экономических условий в западных странах привели инвесторов к очередному смещению капитала из Индии, что вызвало резкое обесценивание рупии в течение 2016 г.

Одной из резонансных мер кабинета Моди явилось объявленное в начале ноября 2016 г. решение изъять из оборота купюры номиналом более 100 рупий (на них приходилось 86 % всей денежной массы), что было нацелено на резкое ограничение теневой экономики, «черного нала», выявление давно сложившейся обширной зоны неуплаты налогов, поскольку экономика страны традиционно основывалась на наличных деньгах. По информации индийской налоговой службы, уже через два месяца «свыше полумиллиона налогоплательщиков добровольно признались в существовании теневых счетов, которые раньше проходили мимо государственной казны». В Индии не

скрывают, что денежная реформа с заменой прежних крупных купюр должна через привлечение ранее неучтенных доходов дать возможность экономического роста в долгосрочной перспективе. Однако «шоковая демонетизация» не могла не иметь сиюминутных и серьезных издержек в ряде сфер, прежде всего в торговле, хотя премьер-министр Индии Нарендра Моди, инициатор реформы, призвал население к спокойствию, поскольку возникшие проблемы носят временный характер и их стоит перетерпеть³².

Так или иначе, в 2017 г. рост ВВП несколько замедлился. Правда, стало немаловажным, что прогноз на 2018—2019 гг. сулил возврат на темпы 2014—2015 гг., что свидетельствовало о постепенном преодолении трудностей.

Несмотря на опережающие (в сравнении со среднемировыми) темпы роста абсолютного объема ВВП, позволившие вдвое увеличить долю страны в глобальной экономике, Индия остается страной, где доход на душу населения ниже среднего по миру (157-е место в мировом рейтинге).

Как отмечают эксперты, «Индия превращается в экономику с открытым рынком. Но остаются следы ее прошлой автаркической политики»³³. Еще серьезно дают о себе знать долгосрочные проблемы, такие, как неадекватная транспортная и сельскохозяйственная инфраструктура, ограниченные несельскохозяйственные возможности трудоустройства, высокие расходы и недостаточные целевые субсидии, недостаточная доступность качественного базового и высшего образования, невысокая адаптация к миграции из сельской местности. Последнее обстоятельство достаточно серьезно, поскольку прогнозируется, что между 2010 и 2050 г. в город переедут порядка 500 млн человек.

Развитие Индии в последние два десятилетия часто сравнивают с Китаем. Общего здесь действительно немало (и это само по себе сулит возможности взаимодействия), особенно при наличии общего вектора и характера реформ и стратегии восхождения от отсталости к объявленному передовым рубежам. Разница в том, что в 2010-х годах Индия во многих отношениях находится там, где Китай был на пороге 1990-х, и с точки зрения собственно экономики, и с позиций сопровождающих реформу политических вызовов — протестных настроений части общества, неминуемо возникающих в период перемен (события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь). При этом специалисты справедливо отмечают, что «революция Моди» пользуется поддержкой молодежи и женщин (последние еще ограничены в правах), лю-

дей, желающих национального и религиозного (а конкретно — индуистского) возрождения страны; но «ее очевидные успехи не гарантируют, что на следующих всеобщих выборах в 2019 году власть не поменяется, а это вредит росту и развитию»³⁴.

Суммируя основные позитивные и негативные факторы, которые приводят индийские политики и эксперты, имея в виду перспективы развития, можно еще раз подчеркнуть, что к первым чаще всего относятся уже заданную траекторию роста, преимущества широкого распространения английского языка, достаточное количество рабочей силы. В числе негативных факторов выделяются бедность (к началу 2010-х годов 28 % населения существовало на менее чем два доллара в день), недостаточный уровень «обученности» той же рабочей силы, проблемы энергетического дефицита³⁵.

Но в целом, по мнению экспертов, перспективы долгосрочного роста в Индии в любом случае умеренно позитивны, в силу, в частности, молодого трудоспособного населения и благоприятного для экономики соотношения работающих и иждивенцев, а также интеграции в мировую экономику.

Как отмечено в специальном докладе по Индии, который в феврале 2017 г. был опубликован аналитиками МВФ, несмотря на ряд узких мест и структурных препятствий, «индийская экономика зафиксировала в последние годы значительный рост, чему способствовали активное содействие торговле, позитивные политические шаги, включая осуществление ключевых структурных реформ и снижение внешних уязвимостей; инфляция оставалась низкой после глобального падения сырьевых цен и занятой относительно жесткой денежной позиции»³⁶. Напомним, что по прогнозам на 2050 г., сделанным в 2007 г. американским банком «Голдман Сакс» (его эксперты — авторы акронима БРИКС), индийский номинальный ВВП приблизится по обменному курсу к 40 трлн долл., что сделает экономику страны полностью соизмеримой с американской и уступающей лишь Китаю и с большим отрывом опережающей всех остальных (табл. 5).

Таблица 5. ВВП ведущих экономик мира до 2050 г., трлн долл

Место 2050	Страна	2050 г.	2045 г.	2040 г.	2035 г.	2030 г.	2025 г.	2020 г.
1	Китай	70,710	57,310	45,022	34,348	25,610	18,437	12,630
2	США	38,514	33,904	29,823	26,097	22,817	20,087	17,978
3	Индия	38,668	25,278	16,510	10,514	6,683	4,316	2,848

Окончание табл. 5

Место 2050	Страна	2050 г.	2045 г.	2040 г.	2035 г.	2030 г.	2025 г.	2020 г.
4	Бразилия	11,366	8,740	6,631	4,963	3,720	2,831	2,194
5	Мексика	9,340	7,204	5,471	4,102	3,068	2,303	1,742
6	Россия	8,580	7,420	6,320	5,265	4,265	3,341	2,554
7	Индонезия	7,010	4,846	3,286	2,192	1,479	1,033	0,752
8	Япония	6,677	6,300	6,042	5,886	5,814	5,570	5,224
9	Великобритания	5,133	4,744	4,344	3,937	3,595	3,333	3,101
10	Германия	5,024	4,714	4,388	4,048	3,761	3,631	3,519

Источник: Данные доклада «Голдман Сакс»: BRICS and Beyond. Goldman Sachs study of BRIC and N11 nations, November 23, 2007. Archived December 3, 2011³⁷

1.3. Нелегкий путь возрождения

Экономика России к концу 2010-х годов находилась на достаточно непростом этапе развития. С точки зрения внутренних факторов это было предопределено назревшими задачами активизации и модернизации экономической модели и ухода от ее ресурсно-сырьевого типа. С точки зрения внешних условий речь продолжала идти о политике санкций и изоляции РФ, предпринятой Западом во главе с США после украинского кризиса 2014 г. Для страны, являющейся одним из главных производителей и экспортеров нефти³⁸, дополнительным важным осложняющим фактором в 2014—2015 гг. стало резкое — в 2,5 раза — падение цен на нефть, поступления от экспорта которой составляют заметную часть госбюджета. Все эти обстоятельства в той или иной степени отразились на стабильности национальной валюты, курс которой по отношению к основным мировым валютам снизился примерно вдвое. Отрицательные значения приняли общие показатели роста ВВП (–2,5 % в 2015 г.).

Нельзя не напомнить, что этому этапу предшествовали весьма противоречивые и даже критические периоды. К новому столетию Россия подошла с тяжелым наследием распада СССР, нарушения сложившихся связей в рамках его некогда единого экономического организма, с грузом продолжающегося перехода от прежней административной модели к рыночным механизмам, включившего в себя и

жесткие, драматические инструменты «шоковой терапии». Достаточно сказать, что в 1993—1998 гг. ВВП страны ежегодно снижался в среднем более чем на 5,5 % (табл. 6)³⁹.

Таблица 6. ВВП РФ в 1990-х годах, %

1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
-8,7	-12,7	-4,1	-3,6	1,4	-5,3

Однако затем наступил этап устойчивого подъема, продолжавшийся до 2009 г., когда экономика страны вновь сделала заметный шаг назад (-7,5 % объема ВВП), на этот раз под влиянием глобального кризиса.

В целом за десятилетие 1999—2008 гг. средние темпы роста составили 6,9 %. Такой заметный подъем (объясняемый, понятно, низкой точкой отсчета) позволил международным экспертам (в том числе аналитикам «Голдман Сакс», выдвинувших в 2001—2003 гг. концепцию мировых лидеров роста — стран БРИК) включить Россию в список наиболее быстро развивающихся мировых экономик (табл. 7).

Таблица 7. Динамика ВВП РФ в 1999—2008 гг., %

1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2

Примечательно, что восстановительный период после упомянутого падения ВВП в 2009 г. в ходе мирового финансового кризиса Россия преодолела достаточно быстро и уже в 2010 г. вышла на траекторию нового роста. Она прочно вошла в восьмерку наиболее крупных экономик, демонстрируя до начала 2014 г. пусть и менее высокие, но все же превышающие среднемировые темпы годового роста (около 4 %) ⁴⁰ (табл. 8).

Таблица 8. Динамика ВВП РФ в 2010—2013 гг., %

2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
4,5	5,1	3,7	1,8

Заметное снижение в 2014 г., а затем и отрицательный спад продолжались до 2016 г. включительно, после чего последовал незначительный рост, который прогнозируется и на ближнесрочную перспективу. Общую динамику ВВП после 2014 г. с прогнозами до 2023 г. иллюстрирует табл. 9.

Таблица 9. Динамика ВВП РФ в 2014—2018 гг. с прогнозом до 2023 г., %

2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
0,7	-2,5	-0,2	1,5	1,7	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5

Спад середины 2010-х годов, весьма заметный на фоне КНР, Индии и других лидеров по темпам роста, но, особенно, резкая девальвация рубля в 2014 г. существенно занизили для РФ показатель номинального ВВП, который был пересчитан в доллары США уже по изменившемуся курсу. В результате, если в 2013—2014 гг. эксперты МВФ оценивали номинальный ВВП РФ в пределах 2,1—2,3 трлн долл., то в 2015 г., при показанном в сводках снижении объема всего на 2,5 % (табл. 10), экономика России по номинальному курсу в долларах США выражалась почти вдвое меньшей суммой (1,37 трлн). В 2017 г. номинальный ВВП РФ равнялся 1527 млрд долл.

Таблица 10. ВВП РФ в период кризиса 2014—2016 гг.

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Темпы роста, %	1,800	0,700	-2,500	-0,200	1,500
Номинальный ВВП, трлн долл.	2,297	2,063	1,368	1,281	1,527
ВВП по ППС, трлн долл.	3,797	3,891	3,836	3,877	4,008
Доля в мире по ППС, %	3,600	3,500	3,200	3,200	3,100

Отмеченная зависимость падения номинального ВВП от перемены в курсовой разнице рубля хорошо видна из приведенной таблицы, поскольку в пересчете по ППС картина принципиально другая: ценовые снижение/рост пропорциональны процентным показателям динамики ВВП. В результате экономика РФ по показателю ППС избежала данного «арифметического провала», хотя и в этом случае находится не на лучшем этапе, что отражается в снижении доли РФ в мировой экономике, в том числе и по показателю ППС. Так или иначе, в мировом рейтинге МВФ по объему номинального ВВП РФ в 2017 г. опустилась на 12-е место (7-е в 2007 г.)⁴¹, но в списке лидеров ВВП по ППС по-прежнему числилась весьма высоко, занимая 6-е место и лишь незначительно уступая следующей, 5-й — Германии⁴² (табл. 11).

Таблица 11. Валовой внутренний продукт некоторых стран мира в 2017 и 2020 г. (оценка и прогноз МВФ), млрд долл.

Место (по ППС) 2017 г.	Наименование	2017 г.	2020 г.
1(2)	США ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	19 391 19 391 15,3	23 787 23 787 14,7
2(1)	Китай ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте по, %	12 015 23 159 18,2	16 952 29 726 19,6
3(4)	Япония ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте по, %	4872 5428 4,3	5499 5927 3,9
4(5)	Германия ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	3684 4170 3,3	4628 4719 3,1
5(8)	Великобритания ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	2624 2914 2,3	3350 3479 2,2
6(3)	Индия ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	2611 9459 7,5	3447 12 584 8,0
7(9)	Франция ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	2583 2835 2,2	3196 3201 2,1
8(7)	Бразилия ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	2054 3240 2,6	2362 3700 2,4
9(10)	Италия ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	1937 2310 1,8	2340 2551 1,7

Окончание табл. 11

Место (по ППС) 2017 г.	Наименование	2017 г.	2020 г.
10(11)	Канада ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	1652 1769 1,4	2029 1999 1,3
12(6)	Россия ВВП в текущих ценах ВВП по ППС, в т.ч. доля в мировом валовом продукте, %	1527 4011 3,2	1786 4473 3,0
	Мировой валовой продукт: в текущих ценах по паритету покупательной способности (ППС)	79 865 127 044	97 789 151 521

Другое дело (и это повод для беспокойства), что, в отличие от Китая и Индии, России, в силу низких, согласно прогнозу до 2020 г., темпов роста даже при измерении по ППС предрекается все меньшая доля в мировой экономике (уменьшение на 0,2 процентных пункта в период до 2020 г.).

Выход из стагнации середины 2010-х годов дается РФ нелегко. Тем не менее, экономические показатели по отдельным, весьма важным отраслям выглядят значительно лучше. К примеру, еще в кризисном 2015 г. был отмечен рост в промышленности, развивался ВПК, продвигались, пусть и не слишком быстро, объявленные программы импортозамещения в сельском хозяйстве, получившем импульс в связи ограничениями на импорт сельхозпродукции из стран — проводников антироссийских санкций. Несмотря на определенные ограничения по росту заработной платы и росту числа рабочих мест, в стране не было отмечено сколько-нибудь заметной экономической напряженности на обычном, бытовом уровне. В 2016 г. снижение практически прекратилось, а в 2017 г. был отмечен незначительный, но рост.

Руководство страны ставит задачу развития производственной составляющей, более решительного перехода к проектам инфраструктурного, высокотехнологичного характера, акцентируется необходимость использования естественных преимуществ — уникальной природной ресурсной базы, унаследованного с советских времен потенциала атомной, авиастроительной, оборонной, космической и

других сфер. В указах президента РФ, изданных в мае 2018 г., вскоре после президентских выборов, говорится о необходимости решительных экономических прорывов. Однако этот очевидный субъективный созидательный настрой не всегда соответствует объективному развитию событий. Пока не удастся решительно и стратегически переломить ситуацию с переходом к модели развития на основе производства высокотехнологичной продукции и инноваций, хотя соответствующих деклараций звучит немало. Большая часть бюджетных доходов продолжает формироваться за счет продажи энергоресурсов на внешних рынках, что сохраняет зависимость экономической и финансовой ситуации от уровня нефтяных цен. Продолжается отток капитала, как и раньше, нелегко идет процесс привлечения прямых иностранных инвестиций. Сильны чиновнические и бюрократические барьеры, сказываются коррупция и теневой бизнес, несовершенны условия для малого и среднего предпринимательства. Потенциально имеются вызовы в социальной сфере, где правительство вынуждено продвигать, видимо, назревшие, но весьма непопулярные среди населения меры в рамках пенсионной реформы, которые повышают планку пенсионного возраста. Отрицательное влияние оказывают, несомненно, и западные экономические и финансовые санкции, которые серьезно затрудняют доступ к инвестициям, ставят барьеры на пути крупных инфраструктурных проектов. Все эти обстоятельства лишь повышают для РФ актуальность усиления экономического взаимодействия, в том числе с КНР и Индией, которые решительно отмежевались от западных антироссийских санкций, более того, сами испытывают их опосредованное влияние.

* * *

Итак, экономики стран РИК имеют сходство и различия. Сходство — в совпадении реализуемых в каждой из них общих стратегий модернизации, нацеленных на передовые мировые рубежи и обеспечение сопоставимого с развитыми странами уровня жизни населения. Повторимся: основная разница — в размерах экономик: разрыв между КНР и Индией в 2017 г. составлял в расчетах ВВП по ППС 2,4 раза, по номинальному ВВП 4,6 раза, между КНР и Россией — соответственно 5,8 и 7,9 раза. Причем, если, согласно прогнозам, в обозримом будущем соотношение между Китаем и Индией будет примерно таким же, то между КНР и РФ разрыв может еще вырасти. Имеются различия и в моделях модернизации, управленческих tradi-

циях, степени вовлеченности в процессы экономической глобализации и внешние торгово-экономические связи. Тем не менее, сходные базовые стратегии развития составляют благоприятную предпосылку для потенциальной кооперации.

1.4. Торговля: глобальный и двусторонний уровни

Особенности внутриэкономического развития и избранных моделей развития определяют место каждой из трех стран в международном разделении труда, что находит выражение и в их роли в мировой торговле товарами. Основные параметры этой роли доступны в статистике Всемирной торговой организации (табл. 12 и 13).

Таблица 12. Страны РИК и ряд ведущих государств в мировом экспорте в 2017 г. (сводные данные)

Страны	Объем экспорта, млрд долл.	Среднегодовой прирост (2010—2017), %	Прирост, %	Доля в мире, %	Место в мире	4 топ-партнера в экспорте страны, %
США	1547	3,0	7,0	8,7	2	ЕС и Канада — по 18,3; Мексика — 15,7; КНР — 8,4
Китай	2 263	5,0	8,0	12,8	1	США — 18,4; ЕС — 16,2; Гонконг — 13,7; Япония — 6,2
Индия	298,4	4,0	13,0	1,7	20	ЕС — 17,4; США — 16,1; ОАЕ — 9; Гонконг — 5; КНР — 4,2
Россия	353,1	-2,0	25,0	2,0	16	ЕС — 44,4; КНР — 10,8; Беларусь — 5,4; Турция — 5,1
Германия	1448	2,0	9,0	8,2	3	ЕС — 58,0; США — 8,7; КНР — 6,7; РФ — 2,0
Весь мир	17 723					

Таблица 13. Страны РИК и ряд ведущих государств в мировом импорте в 2017 г. (сводные данные)

Страны	Объем импорта, млрд долл.	Среднегодовой прирост (2010—2017), %	Прирост, %	Доля в мире, %	Место в мире	4 топ-партнера в импорте страны, %
США	2409	3,0	7,0	13,4	1	КНР — 21,2; ЕС — 19,5; Мексика — 13,2; Канада — 12,7
Китай	1842	4,0	8,0	10,2	2	ЕС — 13,1; Р.Корея — 10,0; Япония — 9,2; Тайвань — 8,7
Индия	447	4,0	24,0	2,5	11	КНР — 16,6; ЕС — 10,4; США — 5,7; ОАЭ — 4,9
Россия	238	-1,0	24,0	1,3	20	ЕС — 35,6; КНР — 18,1; США — 5,6; Беларусь — 5,0
Германия	1167	1,0	11,0	6,5	3	ЕС — 56,0; КНР — 9,8; США — 6,1
Весь мир	18 037					

Источник: данные официального сайта ВТО по профилям отдельных стран⁴³. Составлено автором.

По данным ВТО, отраженным в табл. 12 и 13⁴⁴, в 2017 г. экспорт товаров Китаем составил 2263 млрд долл. (1-е место в мире). Его доля в мировом экспорте — 12,8 %⁴⁵. Эти цифры отражают происходящий в 21 веке неуклонный рост КНР как мирового экспортера, поскольку, к примеру, в 2006 г. ее доля в мировом экспорте была более чем на треть ниже (8 %).

Импорт товаров Китаем в 2017 г. достиг 1842 млрд долл. (2-е место в мире), или 10,2 % мирового импорта, что почти вдвое больше по сравнению с ситуацией еще полтора десятилетия назад (5,3 % в 2003 г.).

Среднестатистическая доля РФ в мировом экспорте последние полтора десятилетия колеблется в пределах 2—2,5 процентов.

В 2017 г. доля России в мировом экспорте товаров составила 1,99 % (353,1 млрд долл., 16-е место в мире), что ниже показателей начала 2010-х годов. Причиной тому явилась существенная просадка внешней торговли страны в кризисном 2016 г., когда экспорт РФ по сравнению с предыдущим годом испытал падение глубже среднемирового (–17 %). Вследствие этого среднегодовой показатель динамики российского экспорта в 2010—2017 гг. приобрел отрицательное значение. В 2017 г. падение было отыграно, был отмечен существенный рост экспорта на 25 %. На 24 % увеличился в 2017 г. и российский импорт (237,9 млрд долл., 20-е место в мире), также испытавший падение годом раньше.

Это же 20-е место, но уже в мировом экспорте, занимала в 2017 г. Индия (298,4 млрд долл.). При этом доля в мире составила 1,7 %, что ровно вдвое выше, чем было в 2003 г.

В мировом импорте товаров позиции Индии заметно выше. В 2017 г. Индия импортировала товаров на сумму 447, 2 млрд долл., с долей 2,5 % (1 % в 2003 г.) оказалась на 11-м месте в мировом товарном импорте.

Более высокие, в сравнении с РФ, темпы прироста внешней торговли товарами, демонстрируемые КНР и Индией, не означают, что эти две страны избежали кризисных явлений: в 2016 г. для КНР снижение по экспорту составило 8 %, по импорту — 5 %, для Индии соответственно на 1 и 8 %.

Общие тенденции *в нынешней товарной структуре экспорта и импорта КНР* определились в 2000-х годах и, в частности, характеризуются высокой долей промышленной продукции, в том числе машиностроения (в 2010 г. 59,2 % в экспорте и 47,3 % в импорте).

Эти тенденции сохранились и позже. В 2016 г. для КНР основными экспортными статьями являлись изделия промышленности (manufactures), на их долю приходилось 93 % от всего объема экспорта, причем свыше четверти от всего объема экспорта занимали компьютерная техника и средства связи, а также продукция сельского хозяйства (3,6 %). Импорт КНР основной долей (65 %) также имел продукцию промышленности (manufactures) причем пятую часть импорта составляла современная электроника. На продукцию горнодобычи и энергосырье в импорте приходилось 20,3 %, включая сырое нефтегазовое сырье (6 % от общего объема импорта).

Для Индии главные *экспортные позиции* — также продукция промышленности (70 % — продукты нефтепереработки, изделия из драгоценных металлов, фармацевтика и т. п.), продукция сельского хозяйства

(12,8 %), продукция горнодобычи (13,8 %, включая топливные ископаемые); *товарная структура импорта Индии* — это 51 % продукция промышленности, 30 % приходится на продукты горнодобычи и энергосырье, в том числе нефтегазовое (13,4 %), продукция сельского хозяйства составляет 8,1 %.

Россия строит свой *экспорт* за счет продукции горнодобычи и энергоносителей (63 %), в том числе сырых углеводов (26 %), продукции промышленности (22 %), продукции сельского хозяйства (9 %). *Импорт РФ* включает продукцию промышленности (75 %, в том числе промышленное оборудование и механизмы, лекарства, средства электронной связи, автозапчасти и пассажирский автотранспорт, на которые приходится 16 % всего импорта), продукцию сельского хозяйства (13,5 %), в том числе цитрусовые, соевые бобы, вина (пятая—шестая часть от всего сельхозимпорта)⁴⁶.

Краткий вывод относительно общих и сравнительных позиций трех стран в мировой торговле товарами может быть таков. Доли КНР с одной стороны, РФ и Индии — с другой, заметно разнятся. Одновременно Китай и Индия (пусть с разной динамикой и разными стоимостными измерениями) устойчиво наращивают долю в мировой торговле товарами. При этом понятно, что все абсолютные показатели КНР значительно выше, что отражает гораздо большую (в сравнении с индийской) экспортную ориентированность китайской экономики, которая к тому же и много больше по своему объему.

Доля Россия в мировой торговле товарами, учитывая кризисные этапы в развитии экономики страны (2009, 2014—2016 гг.), находится в относительно статичном положении. Свою роль здесь сыграло, в том числе, падение (на 36 % в 2015 и еще на 14 % в 2016 г.)⁴⁷ стоимостных измерений мировой торговли нефтью и другими сырьевыми товарами, важными для России. Вместе с тем экспортная ориентация экономики РФ (пусть и во многом за счет сырья) также выше индийской: при меньшем объеме ВВП (по ППС более чем в вдвое), РФ опережает Индию по доле в мировом товарном экспорте, хотя и уступает по доле в импорте. Тем не менее, присутствие всех трех стран в «десятке—двадцатке» ведущих стран по доле в мировой торговле дает шансы на обсуждение определенной совместной повестки на мировых торговых переговорах и в целом при обсуждении вопросов глобальной и региональной экономики.

Далее, для каждой из трех стран важны связи со странами ЕС и США, куда, в частности, суммарно идет свыше трети и китайского, и индийского экспорта. ЕС и США занимают 2—3-е места в индий-

ском импорте (суммарно более 16 % всего импорта). ЕС служит основным поставщиком товаров в Китай (13,1 %). Для России ЕС — главный импортер и экспортер, а США (несмотря на антироссийские санкции) в 2017 г., опережая союзную для РФ Беларусь, находились в тройке основных источников российского импорта.

* * *

Но, при этом для тройки РФ—КНР—Индия определенную важность представляют и связи между собой, *по трем двусторонним линиям*. Об этом свидетельствуют не только факты взаимного присутствия в списках основных торговых партнеров каждой из трех стран (главным образом речь о торговой роли КНР для РФ и Индии), но и элементы потенциального взаимодополнения экспортно-импортных потребностей, вытекающие из товарной структуры внешней торговли каждой из трех стран. Каково же положение дел на этих трех двусторонних линиях?

1.4.1. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество

В торговле РФ с КНР в 2000-е годы в целом наблюдалась устойчиво восходящая динамика (табл. 14). Исключение, под влиянием мирового финансово-экономического кризиса, составил 2009 год.

Таблица 14. Российско-китайская торговля в 2000—2010 гг. (данные ФТС РФ)

Годы	Оборот		Экспорт		Импорт		Сальдо, млн долл.
	млн долл.	Прирост, %	млн долл.	Прирост, %	млн долл.	Прирост, %	
2000	8003,0	—	5770,0	—	2233,0	—	+3537,0
2001	10 670,0	+33,3	7959,0	+37,9	2711,0	+21,4	+5248,0
2002	11 928,0	+11,8	3407,0	+5,6	3521,0	+29,9	+4886,0
2003	15 760,62	+32,1	9726,07	+15,7	6034,55	+71,4	+3691,52
2004	21 231,95	+34,7	12 129,46	+24,7	9102,49	+51,0	+3026,97
2005	29 103,14	+37,3	15 890,89	+31,0	13 242,25	+45,2	+2673,65
2006	33 336,55	+14,7	17 554,12	+10,5	15 832,43	+19,8	+1721,68
2007	43 165,37	+44,3	19 676,89	+12,1	28 488,48	+79,9	−8811,59

Окончание табл. 14

Годы	Оборот		Экспорт		Импорт		Сальдо, млн долл.
	млн долл.	Прирост, %	млн долл.	Прирост, %	млн долл.	Прирост, %	
2008	55 922,1	+16,1	21 142,0	+7,5	34 780,2	+22,1	-13638,2
2009	39 509,0	-29,4	16 668,6	-21,2	22 840,3	-34,3	-6171,7
2010	59 300,0	+50,3	20 300,0	+21,3	39 000,0	+71,2	-18 700,0

В 2011—2017 гг. (табл. 15) ситуация складывалась под влиянием двух главных тенденций. Первая состоит в том, что достигнув своего пика в 2013 г. 88,84 млрд долл. по российской статистике (по китайской статистике рекорд в 95,3 млрд долл. был достигнут в 2014 г.) двусторонняя торговля в силу целого ряда причин, главным образом внешних, не только прекратила свой устойчивый и заметный рост предыдущего десятилетия, но и (по статистике РФ) в 2014 г. даже несколько снизилась.

Таблица 15. Российско-китайская торговля в 2011—2017 гг., млрд долл., российская статистика⁴⁸

Годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Товарооборот	72,33	75,09	88,84	88,40	63,55	66,11	86,96

В следующем, 2015 г. произошел резкий обвал, прежде всего касающийся стоимостного (в долларах США) измерения. Объем (статистика РФ) составил 63,6 млрд, на 27,8 % меньше в сравнении с 2014 г., в том числе экспорт России в КНР — 28,6 млрд долл. (-23,7 %), импорт РФ из КНР — 34,95 млрд долл. (-31,3 %). По китайской статистике за 2015 г. объем торговли составил 68,1 млрд долл., в том числе экспорт РФ в КНР 33,3 млрд долл., импорт из КНР — 34,8 млрд долл.⁴⁹

При этом следует иметь в виду, что данные китайской статистики, как правило, несколько отличаются от российских, хотя в обоих случаях выявляются практически совпадающие общие тенденции динамики двусторонней торговли (данные китайской статистики, см. диаграмму 1).

Рассматривая ситуацию 2015—2017 гг., нужно учитывать, что при снижении ценовых объемов физические объемы поставок, в частности, упавшего в цене российского минерального сырья — на него приходится большая часть российского экспорта (табл. 17) — зачас-

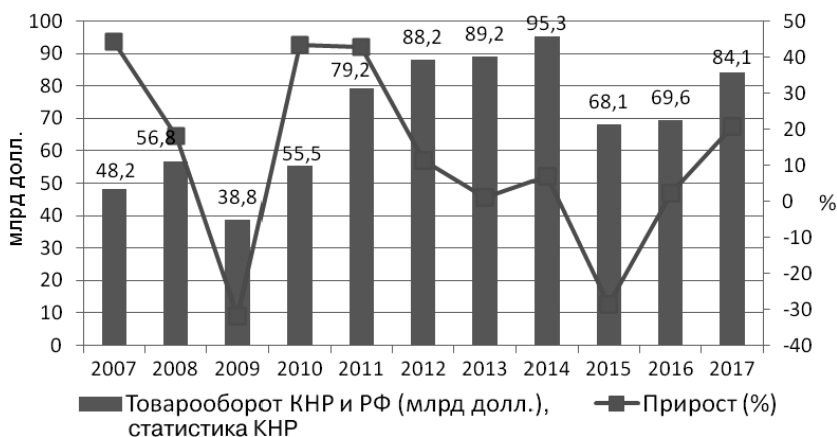

Диаграмма 1. Источник: URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report39-Ru.pdf>; URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302277/index.html> URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302276/310690/index.html>

тую не снижались, а, наоборот, росли: в 2015 г. поставки сырой нефти из РФ в КНР при снижении стоимости на 31,1 % физически увеличились на 28,2 % — до 42,43 млн т.

Начиная с 2016 г., вновь стала проявляться вторая тенденция — тенденция роста. Вначале он был незначительным. Согласно статистике китайской таможни, по итогам 2016 г. объем китайско-российской торговли товарами вырос на 2,2 % по сравнению с предыдущим годом и достиг 69,53 млрд долл., в том числе экспорт России в Китай — 32,2 млрд долл. (–3,1 %), импорт из Китая — 37,23 млрд долл. США (+7,3 %). На 20 % вырос двусторонний объем торговли услугами⁵⁰.

Некоторые примечательные перемены произошли на этом фоне в структуре двусторонней торговли. Так, в *российском экспорте* по итогам 2016 г. выросла доля потребительских товаров, в том числе сельхозтоваров и продовольствия, доля которого составила 6,3 %. В части *импорта из Китая* в 2016 г. наметился рост (15,6 %) стоимостного объема китайских поставок машин, оборудования и транспортных средств. Доля этой позиции в российском импорте по итогам 2016 г. являлась преобладающей — 42,6 %.

В 2017 г. тенденция роста объемов двусторонней торговли проявилась уже весомо и определенно. По данным главного таможенного управления КНР, по сравнению с 2016 г., товарооборот между Россией и Китаем по итогам 2017 г. в долларовом эквиваленте вырос

на 20,8 % .Общий объем при этом, по данным китайской статистики, составил 84,07 млрд долл. (данные ФТС РФ — 86,96 млрд). Согласно китайским данным, экспорт КНР в Россию вырос на 14,8 % — до 42,9 млрд долл., а импорт из России увеличился на 27,1 % — до 41,2 млрд долл. То есть с позиций ввоза и вывоза торговля выглядела достаточно сбалансированно⁵¹ (см. табл. 16).

Россия в рейтинге 20 основных торговых партнеров Китая улучшила свои позиции, поднявшись на 12-е место (по итогам 2016 г.

Таблица 16. Поквартальная динамика товароборота РФ—КНР в 2016—2017 гг.

Период	Товароборот, млн долл.			Экспорт России в КНР, млн долл.			Импорт России из КНР, млн долл.		
	За 2016 г.	За 2017 г.	Прирост, %	За 2016 г.	За 2017 г.	Прирост, %	За 2016 г.	За 2017 г.	Прирост, %
1 квартал	14 121,56	18 101,15	+28,2	7051,58	9662,17	+37,0	7069,97	8438,99	+19,4
Январь	4990,97	6547,71	+31,9	2280,72	3138,47	+37,6	2710,25	3409,25	+25,8
Февраль	4138,84	5034,43	+21,6	1988,94	3014,33	+51,5	2149,90	2020,10	-6,0
Март	4991,75	6519,01	+30,6	2781,92	3509,37	+26,1	2209,82	3009,64	+36,2
2 квартал	17 680,25	21 701,67	+22,7	8532,95	10616,63	+24,4	9147,31	11 085,04	+21,2
Апрель	5599,14	6590,69	+17,7	2890,52	3374,76	+ 16,8	2708,62	3215,93	+18,7
Май	6097,67	7662,11	+25,6	3013,32	3895,64	+29,3	3084,35	3766,47	+22,1
Июнь	5970,81	7448,87	+24,6	2658,97	3346,22	+28,5	3311,85	4102,64	+23,9
3 квартал	18 553,89	21 905,89	+18,1	7592,82	9746,94	+28,4	10 961,07	12 158,94	+10,9
Июль	5673,69	7016,68	+23,7	2366,32	3056,39	+29,3	3307,37	3960,28	+19,7
Август	6899,12	7280,96	+5,5	2499,37	2875,51	+15,0	3630,87	4405,45	+21,3
Сентябрь	5981,08	7608,25	+27,2	2486,33	3815,04	+53,4	3494,75	3793,21	+8,5
4 квартал	19 421,41	22 717,45	+17,0	8879,8	11 079,33	+24,8	10 541,61	11 638,11	+10,4
Октябрь	5949,96	6643,83	+11,7	2796,92	3115,93	+11,4	3153,04	3527,90	+11,9
Ноябрь	6307,29	7945,02	+26,0	2866,25	3891,02	+35,8	3441,04	4053,99	+17,8
Декабрь	7164,16	8128,60	+13,5	3216,63	4072,38	+26,6	3947,53	4056,22	+2,8
Всего за год, млрд долл	69,6	84,1	+20,8	32,2	41,2	+27,1	37,2	42,9	+14,8

Источник: Данные китайской статистики. URL: http://new.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/stat_2017_2.pdf; URL: <http://www.ved.gov.ru/files/images/2018/02/Analytical%20background%20and%20statistics%20in%20the%20foreign%20trade%20of%20China%20and%20Russia%20for%202017.pdf>

14-е место), но оставшись, в частности, «за спиной» Вьетнама (121,26 млрд), Малайзии (96,02 млрд), а также своих партнеров по БРИКС — Бразилии (87,54 млрд) и Индии (84,41 млрд). Также следует отметить, что темпы роста двустороннего товарооборота превысили темпы роста общего объема внешней торговли Китая, который в 2017 г., по ряду данных, вырос на 11,4 %⁵², а по данным ГСУ КНР на 14,2 %. В 2018 г. ожидается достижение оборота в 100 млрд долл. Эта задача оказалась не выполненной на середину десятилетия, в частности, по причине упомянутого общего проседания внешней торговли обеих стран в 2016 г.

К сентябрю 2018 г. она виделась вполне достижимой: за первые 8 месяцев года объем двусторонней торговли, по данным китайской статистики, составил 67, 5 млрд долл.⁵³

В части *экспорта в КНР* в 2017 г. прервалась разнонаправленная динамика физических и стоимостных показателей, имевшая место в 2015—2016 гг., когда физические объемы экспортируемой продукции демонстрировали рост, а стоимостные — падение: за год российский экспорт в физическом выражении увеличился на 16,7 %, а в стоимостном, повторим, на 27,1 %.

С точки зрения структуры экспорта из РФ (см. табл. 17) в нем по-прежнему преобладали поставки «минерального топлива, нефти и нефтепродуктов», на которые в стоимостном выражении пришлось 66,2 % всего экспортного объема (против 59,0 % в 2016 г.). Доля сырой нефти в общем объеме поставок минерального сырья в стоимостном выражении составила 87,0 %. *Россия по итогам года заняла первое место среди стран-поставщиков сырой нефти в Китай. Физические объемы российских поставок сырой нефти увеличились на 13,8 %, составив 59,7 млн т. При этом в стоимостном выражении рост был заметно выше — 40,3 %. Увеличился и экспорт угля, в том числе в связи с прекращением его ввоза в КНР из КНДР.*

По ряду товарных групп российского экспорта произошло стоимостное снижение. Речь идет, в частности, о машинно-технической продукции (–13 %) и цветных металлах (–30 %). Одновременно доля этих товарных позиций в общем объеме российского экспорта (и до этого весьма скромная) вновь снизилась: соответственно, с 2,73, до 1,86 % и с 8,38 % до 4,52 %. Снижение поставок по статье «машины и оборудование» специалисты частично объясняли окончанием выполнения обязательств в рамках российского участия в строительстве Тяньваньской АЭС. Для РФ данная позиция с точки зрения оптимизации структуры экспорта продолжала желать лучшего.

Таблица 17. Основные товары российского экспорта в Китай в 2017 г.

Наименование	2017 г.		Изменения к 2016 г., %
	Объем экспорта, млн долл.	Доля в общем экспорте, %	
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты, в том числе:	27 267,42	66,20	43,5
сырая нефть (59,7 млн т, +13,76 %)	23 722,73	57,58	40,3
ГСМ	68,22	0,16	-76,0
прочие смазочные масла	34,18	0,08	-4,4
электроэнергия	139,38	0,33	-10,6
Древесина, изделия из нее	4472,05	10,85	21,5
Сельхозпродукция и продукты питания	2110,15	5,12	6,4
Рыба, моллюски, ракообразные	1435,59	3,48	5,6
Цветные металлы, из них:	1861,09	4,52	-30,0
никель и изделия из никеля	1293,56	3,14	-39,0
медь и изделия из меди	427,54	1,04	-4,1
алюминий и изделия из него	70,30	0,17	31,7
Руды, шлаки, зола	1265,76	3,07	41,5
Химические товары, из них:	1081,15	2,62	55,8
органические химические соединения	230,81	0,56	44,8
каучук и резиновые изделия	314,17	0,76	56,6
пластмассы и изделия из них	303,61	0,73	66,7
Бумажная масса, целлюлоза	887,47	2,15	13,2
Машины и оборудование, из них:	765,71	1,86	-13,2
энергетическое, технологическое и другое оборудование, станки, насосы и др.	366,51	0,88	-13,1
электрические машины и оборудование, аппаратура записи	80,46	0,19	-31,4
летательные аппараты	130,91	0,32	-8,8
приборы оптические, медицинские	173,66	0,42	-10,7
Удобрения	459,06	1,11	-38,1

Окончание табл. 17

Наименование	2017 г.		Изменения к 2016 г., %
	Объем экспорта, млн долл.	Доля в общем экспорте, %	
Драгоценные камни и металлы	358,23	0,87	25,6
Бумага и картон, изделия из них	103,93	0,25	13,9
Черные металлы	97,50	0,23	248,8

Источник: Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития РФ. URL: <http://www.ved.gov.ru/files/images/2018/02/Analytical%20background%20and%20statistics%20in%20the%20foreign%20trade%20of%20China%20and%20Russia%20for%202017.pdf>

Заметим, что в *российском импорте* (табл. 18), темпы годового роста которого в сравнении с экспортом, напомним, были почти вдвое меньше (14,1 %), по-прежнему основная доля пришлась как раз на машинно-техническую продукцию. За год эта доля вновь чуть подросла — до 44,48 %, при этом рост ее стоимостного объема в сравнении с 2016 г. составил почти 20 %.

Таблица 18. Основные товары российского импорта в Китай в 2017 г.

Наименование	2017 г.		Изменения к 2016 г., %
	Объем импорта, млн долл.	Доля в общем импорте, %	
Машины и оборудование , в том числе:	19 082,26	44,48	19,8
энергетическое, технологическое и другое оборудование, станки, насосы, пр.	8687,00	20,25	11,8
электрические машины и оборудование, аппаратура для записи	7429,34	17,3	36,6
автомобили, тракторы, др. транспортные средства	1638,88	3,82	30,8
приборы оптические, медицинские и пр.	1081,05	2,52	32,6
Химические товары, из них:	3640,24	8,48	15,9
пластмассы, изделия из них	1243,50	2,89	8,2
органические химические соединения	933,64	2,17	27,7

Продолжение табл. 18

Наименование	2017 г.		Изменения к 2016 г., %
	Объем импорта, млн долл.	Доля в общем импорте, %	
химические волокна	288,20	0,67	-10,1
продукты неорганической химии	244,92	0,57	17,8
Пушнина, меховое сырье, изделия из меха	2863,26	6,67	11,5
Одежда текстильная	2 457,77	5,73	24,6
Обувь	2112,50	4,92	10,9
Одежда из трикотажа	1661,27	3,87	-10,2
Изделия из черных металлов	1076,56	2,51	-15,2
Игрушки, спортивный инвентарь	944,44	2,20	54,2
Мебель, матрасы, осветительные приборы	921,37	2,15	9,8
Черные металлы	630,43	1,47	43,9
Прочие готовые текстильные изделия (белье постельное, покрывала, шторы)	549,08	1,28	-15,5
Овощи, горох, фасоль и др.	411,66	0,96	11,9
Столовые приборы	388,87	0,90	30,4
Изделия из драгоценных камней	388,41	0,90	23,9
Фрукты	378,95	0,88	-5,7
Изделия из кожи	355,46	0,83	-2,9
Алюминий и изделия из него	326,48	0,76	19,8
Продукты из овощей, фруктов, орехов	304,35	0,71	-9,6
Изделия из камня, гипса, цемента	293,0	0,68	41,7
Текстильные материалы	250,36	0,58	4,8
Минеральное топливо, нефть/продукты	244,15	0,57	54,5
Керамические изделия	240,89	0,56	51,8
Бумага, картон и изделия из них	230,95	0,54	11,8
Готовые пищевые продукты из мяса	220,89	0,51	5,1

Окончание табл. 18

Наименование	2017 г.		Изменения к 2016 г., %
	Объем импорта, млн долл.	Доля в общем импорте, %	
Стекло и изделия из него	217,77	0,50	10,9
Рыба, ракообразные, моллюски	214,25	0,50	1,8
Трикотажное полотно	174,16	0,41	-6,2
Прочие недрагоценные металлы, металлокерамика	147,88	0,34	90,4
Масличные семена и плоды	26,20	0,06	6,5
Мясо	3,25	0,007	25,5
Зерновые	2,98	0,006	19,8

Удельный вес остальных основных позиций в совокупном импорте России из КНР в сравнении с предыдущими годами также изменился незначительно: химические товары (8,48 % против 8,39 % в 2016 г.), пушнина и меховое сырье (6,67 % против 6,86 %), одежда текстильная (5,73 % против 5,28 %), обувь (4,92 % против 5,09 %), одежда из трикотажа (3,87 % против 4,96 %). Как подчеркивали авторы аналитических обзоров в Минэкономразвития, свой вклад в повышательную динамику российского импорта, прежде всего в части потребительских товаров, вносили быстрые темпы роста электронной торговли. Россия, согласно данным Минкоммерции КНР, по итогам 2016 г. с объемом 4 млрд долл. заняла 4-е место по размерам импорта китайской продукции в формате онлайн⁵⁴.

В целом КНР с начала 2010-х годов продолжала оставаться главным партнером РФ в торговле товарами, причем ее доля в общем объеме российской внешней торговли устойчиво увеличивалась (14,9 % в 2017 г. против 14,1 % в 2016 г. и 12,0 % в 2015 г.)⁵⁵.

В 2016—2017 гг. стороны продолжали уделять внимание непродвинутой сфере *инвестиционного сотрудничества*. По обоюдным оценкам, являясь одним из приоритетов развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, оно пока значительно отстает от объемов двусторонней торговли. При этом инвестиционные вложения Китая в российскую экономику почти в 10 раз превосходят инвестиции России в Китай⁵⁶.

Так, согласно данным российского исследователя Л.В. Новосёловой, на конец 2015 г. объем накопленных прямых российских инвестиций в Китае составил 946,9 млн долл., объем накопленных прямых китайских инвестиций в России — 14 566,7 млн долл.⁵⁷

Статистика, касающаяся взаимных прямых инвестиций между КНР и РФ, зачастую разнится в зависимости от источников и распределения инвестиций по годам. Судя по данным Государственного статистического управления (ГСУ) КНР, приводимым в Аналитической справке Минэкономразвития РФ, к началу 2018 г. картина с общим объемом взаимных накопленных прямых инвестиций продолжала претерпевать определенную динамику. При этом «годовая прибавка» (за 2017 г.) к суммарному объему российских прямых инвестиций в китайскую экономику составила 23,84 млн долл. (против 73,43 млн долл. в 2016 г., падение на 67,5 %, несмотря на то, что число российских инвестиционных проектов в КНР достигло 211 против 150 по итогам 2016 г.)⁵⁸. В то же время годичный приток китайских прямых инвестиций был достаточно заметным. По словам посла РФ в КНР Андрея Ивановича Денисова, сказанным в интервью каналу РБК в июле 2018 г., в 2017 г. китайские прямые инвестиции увеличились на 2 млрд долл., доведя, таким образом, сумму накопленных инвестиций КНР в РФ почти до 13 млрд долл.⁵⁹

За последние годы Китай продвинулся в списке стран — основных источников прямых инвестиций, действующих в РФ, поднявшись на 4-е место⁶⁰. Одновременно Россия не входит в десятку главных получателей китайских инвестиций, отставая даже от Казахстана⁶¹. Такую ситуацию, несмотря на положительную динамику последних лет, для России, повторим, пока трудно назвать удовлетворительной.

Усилия для продвижения сотрудничества стороны, в любом случае, предпринимают. Согласно информации, изложенной Д.А. Медведевым на пресс-конференции по итогам ноябрьской (2017 г.) 22-й регулярной встречи глав правительств России и Китая, в рамках созданной в 2014 г. Совместной комиссии по инвестиционному сотрудничеству (12 апреля 2017 г. в г. Москве состоялось 4-е заседание) ныне утвержден пакет из 73 приоритетных инвестиционных проектов, 17 уже активно реализуются, к ним привлечено порядка 15 млрд долл. инвестиций. Речь, видимо, идет, в том числе, об энергетической сфере, где еще в марте 2016 г. китайский Фонд «Шелковый путь» инвестировал 1,087 млрд евро в проект «Ямал-СПГ», выкупив, дополнительно к прежним 20 %, еще 9,9 % акций у компании «НОВАТЭК», а также предоставил предприятию кредит на 700 млн евро⁶².

1.4.2. Китайско-индийское торгово-экономическое сотрудничество

Торговля товарами между Китаем и Индией (84,5 млрд долл., по китайской статистике, в 2017 г.) еще в начале столетия была весьма незначительной, но в 2010-х годах по своему объему оказалась соизмеримой с торговлей между КНР и РФ, причем в середине десятилетия (как и в 2009 г.) испытала похожие взлеты и падения.

Особенностью двусторонних экономических отношений между Китаем и Индией является их современный старт с чрезвычайно низкого уровня, вызванного практически полным четвертьвековым замораживанием межгосударственных связей после войны 1962 г.

Не случайно поэтому, что, скажем, за период с 1990 г. (когда началось оживление) по 2008 г. двусторонняя торговля увеличилась без малого в 200 раз. Особенно высокая динамика присутствовала в 2000-х годах — на 30—40 % в год (а за период 1995—2005 гг. +32 %) ⁶³. Исключением стал 2009 г. (уменьшение на 16,3 %), что явилось следствием глобального финансово-экономического кризиса, затронувшего, как известно, не только Китай и Индию, но и другие страны.

Если говорить о динамике торговли в первое десятилетие текущего века, то его отражает нижеприведенная табл. 19.

Таблица 19. Динамика китайско-индийской торговли в 2004—2010 гг., млрд долл.

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Всего	13,6	18,7	24,9	38,7	51,8	43,8	61,8
% к предыдущему году	—	+37,5	+33,0	+55,0	+34,0	-16,3	+42,0

Источники: Таможенная статистика КНР ⁶⁴.

С точки зрения системных вопросов, проявившихся в этот период, одним из главных явился торговый дисбаланс. Причем тенденция в пользу превышения китайского экспорта над импортом в 2000-х годах нарастала. Так, в 2006 г. индийский торговый дефицит составил — 41 %. А уже в 2010 г. из 61,8 млрд долл. объема двусторонней торговли без малого 41 млрд пришелся на китайский экспорт и лишь 20,8 млрд — на импорт. Иными словами, активное сальдо в пользу КНР составило практически 100 %.

Похожие тенденции (восходящий, в целом, объем товарооборота, и закрепление экспортно-импортного дисбаланса) сохранились и в последующие годы.

В 2011 г. объем двусторонней торговли достиг 73 млрд (+18 % к 2010 г.); в 2012—2013 гг. он снизился до порядка 66 млрд долл., однако затем (2015 г.) вновь практически вернулся на уровень четырехлетней давности.

Согласно индийской торговой статистике (строится по данным с 1 апреля текущего по 31 марта следующего года), период 2015—2018 гг. включил в себя как небольшое падение индийско-китайского товарооборота (–2,5 % в 2015—2016 гг.), так и очередное повышение, ставшее выходом на новый рекордный показатель — 89,6 млрд долл. (с учетом динамики первого квартала 2018 г. (табл. 20)⁶⁵.

Однако, отражая вторую тенденцию, гораздо большими темпами в эти годы росло активное торговое сальдо в пользу КНР. По данным статистики за 2017/2018 индийский финансовый год, оно со-

Таблица 20. Торговля Индии с Китаем в 2015—2018 гг., млн долл.

	2013/2014	2014/2015	2015/2016	2016/2017	2017/2018
Экспорт Индии в Китай, млн долл.	14 824,36	11 934,25	9 011,36	10 171,89	13 336,78
Рост к предыдущему году, %		–19,50	–24,49	12,88	31,11
Весь экспорт Индии, млн долл.	314 405,30	310 338,48	262 291,09	275 852,43	303 376,22
Рост к предыдущему году, %		–1,29	–15,48	5,17	9,98
Доля Китая во всем экспорте Индии, %	4,72	3,85	3,44	3,69	4,40
Импорт Индии из Китая, %	51 034,62	60 413,17	61 707,95	61 283,03	76 271,72
Рост к предыдущему году, %		18,38	2,14	–0,69	24,46
Весь импорт Индии, млн долл.	450 199,79	448 033,41	381 007,76	384 357,03	465 578,29
Рост к предыдущему году, %		–0,48	–14,96	0,88	21,13
Доля Китая во всем импорте Индии, %	11,34	13,48	16,20	15,94	16,38
Торговый оборот между Индией и Китаем, млн долл.	65 858,98	72 347,42	70 719,31	71 454,93	89 608,51
Рост к предыдущему году, %		9,85	–2,25	1,04	25,41
Весь торговый оборот, млн долл.	764 605,09	758 371,89	643 298,84	660 209,46	768 954,51
Рост к предыдущему году, %		–0,82	–15,17	2,63	16,47
Доля Китая в торговле Индии, %	8,61	9,54	10,99	10,82	11,65

Источник: Официальный сайт Министерства коммерции и промышленности Индии. URL: <http://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp>

ставило свыше +570 %. Причем за год до этого индийский дефицит был еще выше.

Заметим, что данная тенденция имеет место не только по причине роста китайского экспорта, но и вследствие нескольких лет снижения абсолютного стоимостного объема индийского экспорта в КНР (в рекордном по товарообороту 2017/2018 финансовом году он был ниже, чем даже четырем годами ранее). Специалисты относят это обстоятельство, в том числе, за счет снижения цен на железную руду, традиционно составлявшую весомую статью индийских поставок в КНР, — как и в случае с российско-китайской торговлей, где на снижении показателей российского экспорта среди прочего сказались низкие нефтяные цены. Так или иначе, но почти шестикратное превышение китайского экспорта над индийским (еще в начале десятилетия, напомним, оно также было солидным, но лишь двойным) — это предмет серьезного беспокойства индийской стороны и одна из проблем двусторонних экономических отношений.

Тем не менее, еще с 2008 г. Китай является главным торговым партнером Индии. Как видно из табл. 20, эта доля последовательно растет (с 8,6 % в 2013/2014 индийском финансовом году до 11,7 % в 2017/2018).

С точки зрения товарной структуры *китайский импорт* из Индии (относительно небольшой, напомним, по объему), в 2016/2017 индийском бюджетном году традиционно включал главным образом сырьевые товары и продукцию их первичной переработки (табл. 21).

Как следует из табл. 21, в 2016/2017 финансовом году на первую дюжину позиций китайского товарного вывоза из Индии приходилось почти 77 % процентов всего импорта из этой страны. В том числе: руды (железная) и шлаки (16,2 % стоимости всего импорта), хлопок (13,2 %), продукция органической химии (8,7 %), минеральное топливо (7,8 %) и ряд других. На эти четыре позиции, как видно, приходилось в упомянутом бюджетном году почти половина стоимостного объема индийского экспорта в КНР. Скромнее выглядят позиции, касающиеся экспорта индийских машин и оборудования. В статистике 2016/2017 гг. самые значимые из них касались ввоза в КНР изделий по статьям «ядерные реакторы, котлы, машины и оборудование», а также «электрические машины и электронная бытовая техника (суммарно 7,5 % от всего индийского экспорта в КНР).

В 2017/2018 г. картина принципиально не поменялась. Эти же 10—12 позиций остались главными: на них пришлось уже 80 % всего китайского импорта, причем именно они, увеличившись в стоимост-

Таблица 21. Товарная структура экспорта Индии в КНР (импорта КНР из Индии) 2016—2018 гг., млн долл.

Товарная позиция	2016/2017	2017/2018	Прирост, %
Животные и органические масла	294,15	440,57	49,78
Поваренная соль, цемент строительный камень, штукатурные и другие строительные материалы	558,61	675,96	21,01
Руды, шлаки, зола	1648,22	1259,79	-23,57
Минеральное топливо и масла	789,48	1507,21	90,91
Хлопок	1342,20	1003,20	-25,10
Продукты органической химии	882,22	2106,24	138,74
Каучук и изделия из него	702,00	1548,00	120,60
Изделия из пластмассы	294,30	550,94	87,20
Ядерные реакторы, котлы, оборудование и комплектующие к ним	531,72	715,65	34,59
Продукция электромашиностроения, бытовая электроника	395,67	479,54	21,20
Чугун, сталь и изделия из них	344,61	324,42	-6,10
Всего, 12 позиций	7782,00	10 611,00	36,30
Другие товары	2390,00	2726,00	-14,00
Экспорт Индии в КНР	10 172,00	13 337,00	31,11
Весь экспорт Индии	275 852,00	303 376,00	9,98
Доля КНР в экспорте Индии, %	3,69	4,40	19,18

Источник: Официальный сайт Министерства коммерции и промышленности Индии. URL: <http://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp>

ном выражении на 36 %, обеспечили общий прирост индийского экспорта в КНР (на 31,1 %, или на 13,337 млрд долл.). Правда, несколько поменялись соотношения внутри этой товарной группы. Прежде всего, в 2,2 раза вырос индийский экспорт каучука и изделий из него, в 2,4 раза — продукции органической химии, почти вдвое минерального топлива и масел. Последние две позиции суммарно стали по стоимости основными в индийских поставках в КНР, потеснив традиционно занимавшую первую строчку железную руду. Ее стоимостное измерение, так же как в случае поставок в Китай индийского хлопка, уменьшилось на четверть.

Структура *китайского экспорта* в Индию (по статистике в 2017/2018 гг. он оценивался в 76,3 млрд долл. с годовым ростом в 24,46 %)

также строится вокруг ряда главных позиций (табл. 22). Существенное отличие в том, что, аналогичным образом «забирая на себя» бóльшую долю в китайском экспорте (свыше 78 %), все 10 отраженные в таблице позиции (в отличие от китайского импорта из Индии) являются товарными группами, которые объединяют машины, различную техническую продукцию, оборудование, в целом — товары с высокой добавленной стоимостью. В том числе наиболее высока доля товарных групп «электрические машины и оборудование, бытовая электроника», «реакторы, машины и механические приборы», «суда и плавсредства» (57 % стоимости всех поставок). Заметную товарную группу составляют также продукты органической химии и другие химические изделия (доля в экспорте 10,7 %).

Таблица 22. Товарная структура экспорта КНР в Индию (импорта Индии из КНР). Основные товарные группы в 2016—2018 гг., млн долл.

Товарная позиция	2016/2017	2017/2018	Прирост, %
Электрические машины и оборудование и оборудование, бытовая электроника	21 982,63	28 672,44	30,43
Ядерные реакторы, котлы, машины и механические приборы; узлы и комплектующие к ним	11 121,17	13 540,00	21,75
Продукты оргхимии	5 615,88	7 091,53	26,28
Пластмассы и изделия из нее	1 849,15	2 365,52	27,92
Железо и сталь	1 346,69	1 621,03	20,37
Изделия из железа и стали	1 234,16	1 473,96	19,43
Суда, лодки, плавсредства	1 454,44	1 208,98	-16,88
Оптические, фото и кино приборы, измерительные, медицинские или хирургические инструменты, детали и аппаратура	1 320,48	1 663,21	25,96
Транспортные средства, кроме железнодорожных и трамваев, детали и аксессуары	1 111,89	1 454,23	30,79
Различные химические изделия	947,30	1 348,97	42,40
Всего 10 позиций	48 003,43	60 439,08	25,90
Другие товары	13 279,69	15 832,64	19,00
Импорт Индии из КНР	61 283,12	76 271,72	24,46
Весь импорт Индии	384 357,03	465 578,29	21,13
Доля КНР во всем импорте Индии, %	15,94	16,38	2,53

Источник: Официальный сайт Министерства коммерции и промышленности Индии. URL: <http://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp>

В 2017/2018 индийском финансовом году кроме существенного (на 24,46 %) роста экспорта отмечена и определенная динамика товарной структуры. Однако она не отразилась на преобладающей роли все тех же 10 товарных групп, в рамках которых объем китайских поставок вырос почти на 26 %, предопределив, в основном, и общий рост китайского экспорта в Индию. А их общая доля в экспорте в Индию подросла до 79,2 %.

Здесь обращает на себя внимание высокая доля КНР в индийском импорте в целом, которая в 2018 г. возросла до 16,4 %. Имеются свидетельства, что столь высокое китайское присутствие на индийском рынке является предметом озабоченности Нью-Дели, который опасается чьей-либо монополии. Тем более, что эта ситуация далеко не имеет зеркального отражения на китайском рынке. Правда, нельзя не заметить, что доля Китая в российском импорте еще выше — более 18 %, а самая высокая из крупных стран она в импорте США (21,2 % в 2017 г.), и не в этом ли одна из причин открывшихся в 2018 г. «торговых войн».

Развитие китайско-индийской торговли опирается на определенную организационную инфраструктуру. В частности, с 2011 г. действует структура двустороннего Стратегического экономического диалога, еще в 2004 г. была созданная совместная Рабочая группа по вопросам торговли, организуются многочисленные ярмарки, деловые форумы.

К проблемной части двусторонних торговых отношений, кроме темы дисбаланса, относится связанный с ним вопрос антидемпинговых расследований, который регулярно инициирует индийская сторона, указывая партнерам на признаки некорректной ценовой конкуренции и называя курс юаня заниженным. Другая тема споров — отказ Индии официально признать Китай страной с рыночной экономикой.

Инвестиционное сотрудничество КНР и Индии испытывает вызовы, похожие на те, что существуют по линии КНР—РФ. Главный из них также состоит в том, что практическое положение не соответствует имеющемуся объективному потенциалу. Во время встреч на высшем уровне в 2014—2015 гг. стороны декларировали намерение достичь инвестиционного прорыва, речь в частности шла о готовности КНР инвестировать в экономику Индии свыше 20 млрд долл. Однако по истечении трех лет инвестиционное сотрудничество оставалось на прежнем скромном уровне: по данным на апрель 2017 г., суммарные китайские инвестиции в Индию составили 4,7 млрд, индийские инвестиции в КНР — чуть более 700 млн⁶⁶.

Это говорит о том, что масштабные планы, объявленные Пекином и Нью-Дели, пока ждут своего осуществления. Общий потенциал развития сотрудничества, как и в случае торговли товарами, в инвестиционной сфере также имеется.

1.4.3. Российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество

Объем российско-индийских экономических связей относительно невелик и отражает самую скромную линию двухсторонних связей формата РИК. Общая ситуация, сложившаяся в двусторонней торговле товарами за пятилетие 2013—2018, может быть представлена статистикой табл. 23.

Прежде всего, если отталкиваться только от цифр, то они говорят, что для Индии торговля с РФ (и наоборот) не является вопросом приоритетным. В начале 2018 г., по индийской статистике, Россия занимала менее 1 % в экспорте Индии, менее 2 % — в импорте и не добивает даже 1,5 % в ее общем товарообороте. Эти цифры выглядят примерно такими же, если речь идет о доле Индии во внешней торговле РФ — 2,4 % в российском экспорте, 0,9 % в импорте и 1,8 % — российском торговом обороте.

Исходя из этого, можно заметить, что с точки зрения взаимных торговых интересов РФ и Индия друг для друга находятся примерно в том же положении, в каком обе из них присутствуют в торговых приоритетах Китая.

Несмотря на столь скромные показатели в торговле, руководители двух стран, являющихся друг для друга «привилегированными стратегическими партнерами», постоянно говорят о необходимости повышения уровня торгово-экономического сотрудничества, чтобы оно соответствовало высокому уровню двусторонних межгосударственных отношений в целом. Таким образом, на уровне политических деклараций Москва и Нью-Дели, напротив, говорят о приоритетности двусторонней задачи по усилению экономического сотрудничества.

Как следует из табл. 23, в 2017/2018 индийском финансовом году объем двустороннего товарооборота составил 10,7 млрд долл., с четырехкратным превышением российского экспорта над импортом. При этом еще годом ранее абсолютные цифры объема торговли (в силу упоминавшейся выше волатильности на мировых рынках и снижения

Таблица 23. Экспорт и импорт Индии в торговле с РФ. 2013—2018 гг., млн долл.

Год	2013/2014	2014/2015	2015/2016	2016/2017	2017/2018
Экспорт Индии в РФ, млн долл.	2121,26	2097,01	1587,81	1937,06	2135,39
Рост к предыдущему году, %		-1,14	-24,28	22,00	10,24
Весь экспорт Индии, млн долл.	314 405,30	310 338,48	262 291,09	275 852,43	303 376,22
Рост к предыдущему году, %		-1,29	-15,48	5,17	9,98
Доля РФ во всем экспорте Индии, %	0,67	0,68	0,61	0,70	0,70
Импорт Индии из РФ, млн долл.	3894,40	4249,22	4584,98	5552,30	8573,46
Рост к предыдущему году, %		9,11	7,90	21,09	54,41
Весь импорт Индии, млн долл.	450 199,79	448 033,41	381 007,76	384 357,03	465 578,29
Доля РФ во всем импорте Индии, %	0,87	0,95	1,20	1,44	1,84
Товарооборот Индии с РФ, млн долл.	6015,66	6346,23	6172,79	7489,36	10 708,85
Рост к предыдущему году, %		5,50	-2,73	21,32	43,00
Весь торговый оборот Индии, млн долл.	764 605,09	758 371,89	643 298,84	650 209,46	768 954,51
Рост к предыдущему году, %		-0,82	-15,17	2,63	18,26
Доля РФ во всем торговом обороте Индии, %	0,79	0,84	0,96	1,13	1,39

Источник: Официальный сайт Министерства коммерции и промышленности Индии. URL: <http://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp>

поэтому показателей многих стран) были заметно ниже — 7,5 млрд долл. Годовой рост, таким образом, составил 43 %.

Если не иметь в виду ситуацию 2017/2018 гг., то нахождение российско-индийской торговли в рамках, не превышающих 5—8 млрд долл. — это достаточно обычное положение для предыдущего десятилетия. Это не значит, что торговля не росла (ее динамика в 2006—2012 гг., в среднем почти 20 % в год, представлена в табл. 24). Если сравнивать показатели 2006 г. (3,9 млрд долл.) и начала 2018, то товарооборот РФ с Индией возрос в 2,7 раза. Этот рост соизмерим с дина-

Таблица 24. Российско-индийская торговля в 2006—2012 гг., млрд долл.

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Экспорт	2,925	4,011	5,230	5,936	6,393	6,094	8,000
% рост за год		37,1	30,4	13,5	7,8	−4,7	31,3
Импорт	0,967	1,310	1,707	1,525	2,143	2,799	3,000
% рост за год		35,5	30,3	−10,7	40,5	30,6	7,1
Товарооборот	3,892	5,321	6,937	7,461	8,536	8,893	11,000
% рост за год		36,7	30,4	7,6	14,4	4,9	23,6

микой в торговле Индии с КНР и в российско-китайской торговле: торговля РФ с КНР выросла за этот же период в 2,5 раза (с 33,3 до 84,1 млрд долл.), торговля Индии с КНР — в 3,3 раза (с 24,9 до 84,4 млрд долл.). Но отличие в том, что абсолютные измерения российско-индийского товарооборота оставались небольшими и сохраняли весьма скромное положение в структуре внешней торговли обеих стран.

Как бы то ни было, в 2005—2012 гг. наблюдалась в целом односторонняя, хотя и разноскоростная по годам, восходящая динамика товарооборота. Более того, в кризисном 2009 г. Индия оказалась в числе того скромного перечня стран, с которыми Россия не только не сократила, но и (почти на 8 %) увеличила свой торговый оборот. Тем не менее, именно с этого года темпы роста стали не только замедляться, но и приобрели отрицательные значения: напомним, что по статистике за 2016/2017 индийский финансовый год объем торговли товарами составил 7,49 млрд долл. (повторение уровня того же 2009 г.), а последние доступные цифры (за 2017/2018 — 10,7 млрд долл.) не достигают до показателя 2012 г.

Существенный откат (в основном за счет сократившегося с предыдущего года индийского импорта) наступил в 2013 г., когда российско-индийский товарооборот за год потерял едва ли не половину. На этом уровне порядка 6,1—6,3 млрд долл. (а это показатели 2006—2007 гг.) двусторонняя торговля балансировала последующие два—три года, и лишь в 2016 г. вновь начался подъем.

Представление о структуре двусторонней торговли может быть получено на примере сведений за 2016/2017 и 2017/2018 гг., которые дает индийская статистика (табл. 25 и 26).

Стоимость *российского экспорта в Индию* (табл. 25), всегда традиционно превалирует над импортом. Топ-10 позиций в его товарной

Таблица 25. Основные позиции товарной структуры экспорта РФ в Индию, 2016/2017 и 2017/2018 гг., млн долл.

Товарные позиции	2016/2017	2017/2018	Прирост, %
Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	181,20	199,42	10,06
Соль; сера; штукатурные материалы, известь и цемент	116,10	113,36	-2,35
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	895,84	2 103,53	134,81
Продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов	96,50	119,64	23,98
Удобрения	359,91	410,89	14,16
Бумага и картон; изделия из бумажной массы, бумаги или картона	230,96	276,78	19,84
Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты	2475,83	3947,58	59,44
Черные металлы	247,99	206,79	-16,61
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	126,74	98,09	-22,61
Некоторые товары особого использования	92,13	262,45	184,85
Другие товары	728,67	834,93	14,58
Импорт Индии из РФ	5552,30	8573,46	54,41
Весь индийский импорт	384 357,03	465 578,29	21,13
Доля РФ во всем индийском импорте, %	1,44	1,84	27,47

Источник: Официальный сайт Министерства коммерции и промышленности Индии. URL: <http://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp>

структуре по своему удельному весу выстраиваются в следующей последовательности. Во главе списка с восходящей динамикой — товарная группа ювелирных изделий и материалов («Жемчуг, драгоценные камни и металлы»), на которую в 2016/2017 отчетном году индийская статистика относила примерно 45 % всего российского экспорта. Далее следовали минеральное топливо и продукты нефтеперегонки

Таблица 26. Товарная структура индийского экспорта в Россию, 2016/2017—2017/2018 гг., млн долл.

Товарные позиции	2016/2017	2017/2018	Прирост, %
Рыба и ракообразные, моллюски и другие водные беспозвоночные	58,02	80,51	38,76
Съедобные фрукты и орехи; кожура и корки citrusовых или дынь	44,65	49,17	10,12
Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	124,45	139,51	12,10
Разные пищевые продукты	68,63	62,06	-9,56
Табак и промышленные заменители табака	32,51	25,52	-21,52
Органические химические соединения	94,90	143,87	51,61
Фармацевтическая продукция	351,05	408,93	16,49
Прочие химические продукты	36,13	43,27	19,75
Предметы одежды и принадлежности к одежде трикотажные машинного или ручного вязания	37,91	37,34	-1,51
Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	30,76	45,71	48,60
Прочие готовые текстильные изделия; наборы; одежда и текстильные изделия, бывшие в употреблении; тряпье	30,21	33,15	9,71
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	221,13	203,28	-8,07
Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	72,95	60,27	-17,38
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, их части и принадлежности	70,44	122,37	73,71
Летательные аппараты, космические аппараты, их части	111,53	40,35	-63,82
Другие товары	551,79	640,08	16,00
Экспорт Индии в РФ	1937,06	2135,39	10,24
Весь индийский экспорт	275 852,43	303 376,22	9,98
Доля РФ во всем индийском экспорте, %	0,7022	0,7039	0,00

Источник: Официальный сайт Министерства коммерции и промышленности Индии. URL: <http://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp>

(16,1 %), удобрения (6,5 %), черные металлы (4,5 %), бумага и картон (4,2 %), овощи и корнеплоды (3,3 %). Доля машин и оборудования, еще десятилетие назад, бывшая главной (28 % в российском экспорте в Индию в 2006 г.), по всей товарной группе «Машины, оборудование и механизмы» сократилась до 3,5 %, тем самым продолжив начатую в конце 2010-х годов тенденцию. Видимо, переломить ее в ближайшее время вряд ли удастся, и на повышение здесь российских показателей могут влиять лишь разовые «всплески», вроде периодических поставок в рамках сотрудничества по индийскому атомному проекту «Куданкулам».

Изменить картину может также включение в статистику тех поставок, которые РФ осуществляет по линии военно-технического сотрудничества (ВТС), но они, как правило, учитываются отдельно, и эта область двустороннего сотрудничества — тема отдельного рассмотрения.

Структура *российского импорта из Индии* на примере 16 главных позиций 2016/2016—2017/2018 статистических годов представлена в табл. 26.

Целесообразность представления большего, в сравнении с экспортом из РФ, числа топ-позиций связана с достаточно широкой номенклатурой индийских поставок, хотя абсолютные цифры стоимостных объемов невелики, как и вся стоимость российского импорта, составившего в 2016/2017 году 1,94 млрд долл.

С точки зрения удельного веса тех или иных товаров, РФ и Индия поменялись местами: в отличие от картины середины 2000-х годов, теперь уже главной позицией экспорта Индии в торговле с Россией стали машины и оборудование. Всего по данной товарной группе Индия (2016/2017 гг.) ввезла в РФ товаров на 476 млн долл., что составило четверть всего стоимостного объема ее экспорта в РФ (2016/2017 гг.). 18,1 % пришлось на фармацевтические товары, 16,9 — на продовольствие (кофе, чай, рыба, фрукты, табак и т. п.), 6,8 на продукты органической химии и другие товары химического производства, 5,1 % на одежду и текстильные изделия. А в целом в российском импорте из Индии эти позиции заняли свыше 71 %.

В 2017/2018 гг. структура (как и в случае с российским экспортом в Индию) изменилась незначительно. Общий рост объема российского импорта составил 10,2 %. Основная доля пришлась на ту же группу товаров (70 %). Внутри этой группы произошли небольшие изменения: несколько снизилась доля машин и оборудования (до 20 %), почти до 9 % повысилась доля химической продукции, до 19 %

(за счет роста закупок чая, кофе и мясных изделий) — продовольственных товаров.

Наиболее значимыми проектами двустороннего экономического сотрудничества сегодня являются: строительство при содействии России АЭС «Куданкулам», освоение при участии индийской государственной нефтегазовой корпорации ONGC нефтегазового месторождения «Сахалин-1», откуда в декабре 2006 г. в Индию прибыл первый танкер с нефтью.

Говоря об «узких местах», уместно иметь в виду не только бюрократические препоны, которые отмечают эксперты и политики обеих стран, но и обстоятельства объективного порядка. Речь идет о сравнительно низкой пока конкурентоспособности российских товаров с высокой добавленной стоимостью, в то время как развивающаяся Индия, помимо энергоресурсов, нуждается в высокотехнологичных изделиях и инновациях мирового уровня. На этом фоне падение доли машин и оборудования в индийском импорте из РФ — явление не случайное. Не способствует решению многих вопросов и сложившаяся в России ситуация, когда логика внутренних реформ привела к резкому ограничению возможностей государства влиять на корпоративное сообщество, в том числе в части характера и наполнения внешнеэкономических связей. В то же время в Индии (и Китае), сохранивших высокую государственно-плановую составляющую, наблюдается иная ситуация.

Поэтому задачей дня становится для России стратегия использования естественных преимуществ, которая предусматривала бы продвижение на индийский рынок имеющихся действительно передовых российских технологий, диверсификацию военно-технических связей. Перспективы может иметь широкое взаимодействие в энергетике, включая как более решительные взаимовыгодные договоренности по поставкам в Индию углеводородного сырья, так и активизацию сотрудничества в сфере мирного атома.

* * *

Суммируя и вновь акцентируя выводы, которые следуют из вышесказанного, можно заключить следующее.

1. Роль трех стран в мировой экономике. Как уже отмечалось, совокупная доля стран РИК в мировом ВВП в текущем столетии непрерывно возрастает: с 6,9 % в 2002 г. до 20,2 % в 2017 г. с прогнозом до 24,0 % в 2022 г. (те же цифры ВВП по ППС еще выше — 14,5 %,

28,8 % и 31,8 %). Эта доля уже значительно опережает долю ВВП США, причем по обоим вариантам исчисления.

В основе этого роста лежит в целом общая для всех стран РИК опережающая динамика развития экономики, схожесть базовых элементов избранных стратегий развития, нацеленных на модернизацию, достойное место в числе развитых экономик, в том числе с точки зрения жизненных стандартов населения.

Повторимся, основная разница — в размерах экономик: разрыв между КНР и Индией в 2017 г. составлял в расчетах ВВП по ППС 2,4 раза, по номинальному ВВП 4,6 раза, между КНР и Россией — соответственно 5,8 и 7,9 раза. Причем если, согласно прогнозам, в обозримом будущем соотношение между Китаем и Индией будет примерно таким же, то между КНР и РФ разрыв может еще вырасти. Имеются особенности и в моделях модернизации, управленческих традициях, степени вовлеченности в процессы экономической глобализации и внешние торгово-экономические связи. Тем не менее, сходные базовые стратегии развития составляют благоприятную предпосылку для потенциальной кооперации.

2. Роль трех стран в мировой торговле. Схожая ролевая динамика сопровождает долю трех стран в мировой торговле товарами. С 2006 по 2017 г. для КНР, Индии и России она возросла соответственно с 7,2 % до 11,5, с 1,2 до 2,1 и 1,7 до 1,9 %.

С точки зрения общих и сравнительных позиций трех стран в мировой торговле товарами очевидно, что доли в ней КНР, с одной стороны, и РФ и Индии — с другой, заметно разнятся. Одновременно, Китай и Индия (пусть с разной динамикой и разными стоимостными измерениями) устойчиво наращивают долю в мировой товарной торговле. При этом понятно, что все абсолютные показатели у КНР значительно выше, чем у Индии, что отражает гораздо большую (в сравнении с индийской) экспортную ориентированность китайской экономики, которая к тому же и много больше по своему объему.

Доля Россия в мировой торговле товарами, учитывая кризисные этапы в развитии экономики страны (2009, 2014—2016 гг.), находится в относительно статичном положении. Свою роль здесь сыграло, в том числе, падение (на 36 % в 2015 г. и еще на 14 % в 2016 г.) стоимостных измерений мировой торговли нефтью и другими сырьевыми товарами, важными для России⁶⁷. Вместе с тем экспортная ориентация экономики РФ (пусть и во многом за счет сырья) также выше индийской: при меньшем объеме ВВП (по ППС более чем в вдвое), РФ

опережает Индию по доле в мировом товарном экспорте, хотя и уступает по доле в импорте.

Для каждой из трех стран важны связи с ЕС и США, куда в частности идет свыше трети и китайского, и индийского экспорта. ЕС и США занимают 2-е — 3-е места в индийском импорте (суммарно более 16 % всего импорта). ЕС служит основным поставщиком товаров в Китай (13,1 %). Для России ЕС — главный импортер и экспортер, а США (несмотря на антироссийские санкции) в 2017 г., опережая союзную для РФ Беларусь, находились в тройке основных источников российского импорта.

В любом случае, если речь идет о «тройке» РИК, присутствие всех трех стран в «десятке-двадцатке» ведущих стран по доле в мировой торговле дает шансы сотрудничества, в частности координации и выработки определенной совместной повестки на мировых торговых переговорах и в целом — при обсуждении вопросов глобальной и региональной экономики.

3. Двусторонняя торговля товарами. При важности для каждой из стран РИК связей с традиционными развитыми экономиками, для них определенное значение имеют и связи между собой, по трем двусторонним линиям. Об этом свидетельствуют не только факты взаимного присутствия в списках основных торговых партнеров каждой из трех стран (главным образом речь о торговой роли КНР для РФ и Индии), но и представленные выше элементы потенциального взаимодополнения экспортно-импортных потребностей, вытекающие из товарной структуры внешней торговли каждой из стран. Самое очевидное — это высокие позиции РФ в торговле энергоресурсами, необходимость для России диверсифицировать свои рынки сбыта, и, одновременно, неуклонная потребность в ресурсной обеспеченности, которую на путях импорта пытаются решать Китай и Индия.

Для России Китай (2017 г.) (без учета ЕС как союза) является главным импортным (18,1 % всего российского импорта) и экспортным (10,8 %) рынком. С 2011 г. КНР — основной торговый партнер (доля в в общем российском товарообороте 14,2 % в 2017 г.).

Для Индии КНР является главным импортным рынком (16,4 % всего импорта Индии), третьим по значению рынком экспорта (4,2 %). Ряд лет Китай также выступает главным торговым партнером Индии с долей в индийском товарообороте 11,7 % (2018 г.).

Являясь крупным экспортером машин, оборудования и другой продукции промышленности, Китай играет серьезную роль в обеспечении и России, и Индии данной группой товаров (причем ныне уже

достаточно высокого качества), что автоматически дополнительно повышает значимость развития кооперации.

Для Китая Индия и РФ в обоих случаях — это менее 2 % в его товарообороте. Несколько выше (около 3 %) доля Индии в китайском экспорте. Тем не менее, при доле РФ в китайском импорте, измеряемой двумя с небольшим процентами, она уже в 2017 г. стала главным поставщиком в Китай сырой нефти (без малого 60 млн т, порядка 15 % всего нефтяного импорта КНР, причем большей частью по самому безопасному, трубопроводному пути).

Немалые перспективы имеют также индийско-китайское и, с точки зрения больших неиспользованных резервов, российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество.

Все три перечисленные позиции — роль и место в мировой экономике, особенности и характер присутствия на мировых товарных рынках, императивы сотрудничества по взаимным двусторонним линиям — являются хорошими заделами и предпосылками для взаимодействия России, Индии и Китая не только в двустороннем, но и трехстороннем формате. Потенциал и поле для взаимодействия при этом весьма широкие: от вопросов обеспечения эффективности каждой из трех экономик и повышения их конкурентоспособности на мировых рынках до реформы глобального экономического и финансового управления и укрепления позиций трех стран в мировом хозяйстве.

Примечания

¹ Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / отв. ред. Б.Т. Кулик. М., 1996; Кокошин А.А. За активизацию сотрудничества со странами АТР // Независимая газета. 27.03.97. С. 2.

² Песков А. Премьер говорит то, от чего воздерживаются другие // Дипкурьер НГ. 09.11.2000. № 17; Россия—Китай—Индия: проблемы стратегического партнерства / отв. за выпуск В.С. Мясников, П.М. Кожин. М., 2000; Титаренко М.Л. Российско-китайско-индийское сотрудничество перед вызовами глобализации / Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 26—30; Лузянин С.Г. Перспективы «политического» треугольника // Независимая газета. 20.11.2001; Яскина Г.С. Россия—Китай—Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1; Уянаев С.В. Россия—Китай—Индия: на пути трехстороннего взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / сост. Е.И. Сафронова. М., 2004

³ Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления / сост., предисл. С.В. Уянаева. В 2 т. М., 2004. Т. 1, 2.

⁴ *Уянаев С.В.* Россия—Индия—Китай: не блок, а система партнерства в интересах развития и мира // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы / рук. проекта М.Л. Титаренко. М., 2005; *Володин А.* Индия—Россия—Китай в свободной геометрии мировой политики / Журнальный клуб Интелрос Апология. 2006. № 9. URL: http://www.intelros.ru/readroom/apologi/09/401-andrejj_volodin_indija_rossija_kitajj_v_svodnoj_geometrii_mirovoj_politiki.html; Россия—Индия—Китай // Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Салицкий А.И.* Перспективы стратегического треугольника Россия—Индия—Китай, 2008. URL: <http://www.rodon.org/polit-080617105953>; *Портяков В.Я., Уянаев С.В.* Россия, Китай и Индия — роль в мировой экономике и перспективы развития трехстороннего сотрудничества // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009; *Уянаев С.В.* Двусторонние отношения в формате РИК как одна из структурных основ трехстороннего взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. Вып. 15. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 22—39; *Уянаев С.В.* Сотрудничество стран РИК в обеспечении безопасности в АТР // Владивосток-2012: АТЭС и новые возможности России. М., 2011. С. 116—125. *Мареева Ю.А.* Стратегический треугольник «Россия—Индия—Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика) // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5 (26). С. 240—249; *Лунев С.И.* Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znamenie-formatov-rik-brik-i-briks-dlya-indii>; *Лукин А.В.* Россия и Китай в РИК и БРИКС // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. С. 368—372; *Уянаев С.В.* КНР в РИК и БРИКС // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М., 2013. С. 304—310; *Уянаев С.В.* Взаимодействие РФ и КНР в структурах БРИКС и РИК // Стратегический партнерский диалог между Китаем и Россией. Современное состояние, проблемы и предложения. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 82—98; *Белокренницкий В.* Россия—Индия—Китай: сложный любовный треугольник назло США? 09.02.2015. Сайт РСМД. *Сутырин В.* Треугольник «Россия—Индия—Китай»: мифы и реальность. URL: <http://eurasia.expert/treugolnik-ro-ssiya-indiya-kitay/>; *Студнева Е.* О приоритетах Объединения «Россия—Индия—Китай» (РИК). 15.04.2016 // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15093>; *Уянаев С.В.* Партнерский формат «Россия—Индия—Китай»: значение, эволюция и перспективы, российско-китайское взаимодействие // Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. М.: ДеЛи плюс, 2017.

⁵ *Портяков В.Я.* Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае. М.: ИД «ФОРУМ», 2018.

⁶ См.: Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 11—31; 2007. № 1. С. 16—32. № 2. С. 17—41; 2008. № 1. С. 11—16; 2009. № 2. С. 14—24; 2010. № 2. С. 3—10; 2011.

№ 1. С. 4—44; 2012. № 5. С. 32—37; 2013. № 1. С. 19—24; 2014. № 5; 2015. № 5. С. 12—18; 2017. № 3. С. 35—41; 2018. № 4. С. 31—37.

⁷ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006; Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. В 7 т. Т. 7. Китайская рапсодия. М., 2014; Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М., 2014; Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012; Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия—Россия. Стратегия партнерства в 21 веке. М., 2009; Шаумян Т.Л. Индийско-китайская граница: спорные проблемы. Восток // Афро-Азиатские общества: история и современность. 2002. № 3. С. 71; Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М., 2013; Володин А.Г. Индия: будущие выборы и перспективы российско-индийских отношений // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 1(13). URL: <http://www.perspektivy.info/index.php>; Уянаев С.В. Китай и Индия: достижения и проблемы современного этапа отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19. № 19. С. 135—153; Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015; Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990—2015) // Сравнительная политика. 2015; 6(1(18)): 32—53. URL: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-1\(18\)-32-53](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-1(18)-32-53); Уянаев С.В. 30 лет китайско-индийской нормализации: «возврат на перекресток» или верность сотрудничеству и добрососедству? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 135—153.

⁸ См. напр.: Моханти А. Стратегический треугольник — миф или реальность? // Новый порядок на века?; Политическая структура современного мира: состояние, проблемы, перспективы / Науч. труды МНЭПУ. Вып. 3. Сер. Политология / отв. ред. Ю.В. Соколов. М., 2000; Мира Синха Бхаттагарджи К геополитике мира // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. Т. 1. С. 64; Дешпанде Г.П. Глобализм, регионализм и национализм. С. 42. 18; М.К. Bhadrakumar. India plays catch-up with China, Russia. URL: http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/HC28Df04.html; N.D. Kundu. Russia—India—China. Evolution of Geo-Political Strategic Trends. Academic Foundation, 2010. 118 p.; D. Yadav. China, Russia, India Relationa in 21st Century. 2014. 362 p.

⁹ Чэнь Цзунмин. Углубление экономического сотрудничества между Китаем, Индией и Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1; Ма Шуфань. Стратегический ракурс китайско-российских отношений, обращенных в XXI в. // Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях / сост. В.Н. Барышников. М., 2005. С. 14—15; Хэ Вэйгань. Сотрудничество и расхождения в отношениях Китая, США и России в рамках международной системы. Там же. С. 21; Гао Шуцинь. Российско-китайские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 119; Zhao Gan Cheng. China—Russia—India Trilateral Relations.Realities and Prospects. URL: <http://chr.sagepub.com/content/45/2/127.abstract?rss=1>; Ци Чжэе. Чжун

э ин хэцзо цяннин : [Перспективы китайско-российско-индийского сотрудничества] // Ятай чжанлюэ чан : [АТР как стратегическая арена]. Сборник статей. Пекин, 2002. С. 289—291; Чжу Чаниэн. Чжидэ гуньчжудэ, хай ю игэ саньбянь цзичжи, цзяо чжун э ин : [Внимание: есть еще один трехсторонний механизм — РИК]. URL: <http://wemedia.ifeng.com/61774608/wemedia.shtml>; Чэнь Дунсяо, Фэн Шуай. Тиси бэяньгэ бэйцзин сядэ чжун э ин сань бэянь хэцзо гуаньси : [Сотрудничество в формате РИК в контексте его структурной реформы. Шанхайский институт международных исследований. Июнь 2016 г.]. URL: <http://www.sis.org.cn/shgjw201512107417/UploadFiles/file/20161223/201606002%20%E9%99%88%E4%B8%9C%E6%99%93.pdf>;

¹⁰ Чжун э ин; жухэ шисянь 1+1+1 даюу 3 : [Россия—Индия—Китай: как сумма «1+1+1» сделать больше, чем «3»?]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/0420/c1002-28290774.html>; Чжун э ин саньбянь гуанси цуцзинь ши цзе чжэнчжи доцзихуа : [Трехсторонние отношения между Китаем, Россией и Индией способствуют геополитической многополярности]. URL: https://tieba.baidu.com/p/2771285137?red_tag=2553277689; Гуйцю ю цзюнь цзюши вайцзяо «сань бу» чжэнцэ? : [Что означают военные принципы «трех не»?]. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/127734538.html>

¹¹ См. напр.: Lal R. Understanding China and India: Security Implications for the US and the World. Westport, Conn., L., 2006.; By: Sergei Blagov. Moscow-Beijing—New Delhi axis moves in slow motion // Eurasia Daily Monitor Volume: 4 Issue: 34, The Jamestown Foundation February 16, 2007; Rachel Douglas. Yevgeni Primakov, Who Pulled Russia Back from the Brink, Has Died // July 3, 2015 issue of Executive Intelligence Review. July 3, 2015 issue.

¹² Журиновский В.В., Кулешов А.Б. Россия, Индия, Китай. М., 2000.

¹³ Экономический раздел данной главы выполнен в опоре на совместные работы (2007—2012 гг.) с д.э.н. В.Я. Портяковым (см. напр.: Портяков В.Я., Уянаев С.В. Растущий треугольник // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12056) и разработанную соавтором методологию.

¹⁴ См.: World Economic Outlook Database. April 2018. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?sy=2002&ey=2022&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=49&pr1.y=9&c=924%2C922%2C534&s=NGD_P_RPCH%2CNGDPD&grp=0&a=; URL: <http://knoema.ru/atlas>; URL: <http://www.economist.com/countries/China/profile.cfm?folder=Profile-FactSheet>; URL: http://www.economist.com/countries/Russia/PrinterFriendly.cfm?Story_ID=9249588; URL: http://www.economist.com/countries/India/PrinterFriendly.cfm?Story_ID=9211186

¹⁵ URL: <http://www.imf.org/en/News/Articles/2018/07/25/na072618-chinas-economic-outlook-in-six-charts>

¹⁶ URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/7994/>

¹⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0119/c31518-9169085.html>

¹⁸ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2199rank.html>

¹⁹ В Китае говорят о готовности поддержать инициативу и присоединиться более 100 стран и международных организаций. 4–15 мая 2017 г. в Пекине в Первом форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках стратегии «Один пояс, один путь» приняли участие 1500 человек из 130 стран и организаций. URL: <https://ria.ru/spravka/20170911/1502017345.html>

²⁰ URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/rdxw/59914.htm>

²¹ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0508/c95460-9457398.html>

²² URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2016/09/30/AM16-PR16440-IMF-Launches-New-SDR-Basket-Including-Chinese-Renminbi>

²³ Подр. см. например: *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 164–169.

²⁴ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. 11.03.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

²⁵ China's Economic Outlook in Six Charts. July 26, 2018. URL: <http://www.imf.org/en/News/Articles/2018/07/25/na072618-chinas-economic-outlook-in-six-charts>

²⁶ *Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л.* Индия—Россия. Стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009. С. 530.

²⁷ См.: там же. С. 405–410.

²⁸ Данные сайта МВФ. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?sy=2016&ey=2017>

²⁹ Данные сайта МВФ. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?>

³⁰ URL: http://viewswire.eiu.com/index.asp?layout=VWCountryVW3®ion_id=&country_id=1570000157

³¹ Remarks by the Prime Minister at 12th India-ASEAN Summit, Nay Pyi Taw, Myanmar. URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?24236/Remarks+by+the+Prime+Minister+at+12th+IndiaASEAN+Summit+Nay+Pyi+Taw+Myanmar>

³² План Моды выявил миллионы неплательщиков налогов. 17.02.2017. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/undefined>; URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/81494>

³³ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>

³⁴ URL: <https://ria.ru/analytics/20180325/1517181298.html>

³⁵ Выступление посла Индии в РФ Шуклы на конференции в Санкт-Петербурге, декабрь 2011 г. (Материалы автора).

³⁶ India : 2017 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for India. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/CR/>

Issues/2017/02/22/India-2017-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-Executive-44670

³⁷ См.: URL: http://en.wikipedia.ru/wiki/BRIC#cite_note-N11-27

³⁸ В последние годы РФ, как правило занимала 2-е место по нефтедобыче 2016 г. 554 млн тонн, 12,6 % от мировой), уступая Саудовской Аравии и опережая США. URL: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2017_13062017.pdf

³⁹ Данные в таблицах № 6—11 приведены на основе статистики МВФ: World Economic Outlook Database. WEO Data: April 2018 Edition. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>

⁴⁰ URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/weorept.aspx?sy=1998&ey=2023&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=922&s=NGDP_RPCH%2CNGDPD&grp=0&a=&pr.x=17&pr.y=11

⁴¹ По данным Всемирного банка, по размерам номинального ВВП РФ в 2017 г. числилась на 11-м месте, опережая Республику Корея.

⁴² Подсчеты автора по данным базы данных МВФ World Economic Outlook Database. WEO Data: April 2018 Edition. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>

⁴³ URL: <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=CN,DE,RU,US>

⁴⁴ См. также: DE, RU, US, IN; URL: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/wts2018_e/wts2018chapter02_e.pdf

⁴⁵ Там же: Объем мирового экспорта в 2017 г. составил 17 430 млрд долл., в стоимостном выражении он вырос за год на 11 %.

⁴⁶ URL: <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=DE%2cUS%2cRU>

⁴⁷ World Trade Statistical Review 2017. Chapter_04, Merchandise trade. P. 30. URL: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/wts2017_e/WTO_Chapter_04_e.pdf

⁴⁸ Данные таможенной статистики РФ, приведенные в журнале «Китай». 2018. № 7. С. 23.

⁴⁹ Данные статистики КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302276/310690/index.html>

⁵⁰ Портал Торгпредства РФ в КНР. URL: http://new.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/ru_ch_trade_2016.pdf

⁵¹ URL: http://new.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/stat_2017_2.pdf; URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown/

⁵² URL: http://www.chinacustomsstat.com/asp/1/NewData/Record_Class.aspx?id=3386¤cy=usd; URL: <http://www.ved.gov.ru/files/images/2018/02/Analytical>

[%20background%20and%20statistics%20in%20the%20foreign%20trade%20of%20China%20and%20Russia%20for%202017.pdf](#)

⁵³ URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/543a5d0a-ba75-4123-987f-88b2f0b31d03.html>

⁵⁴ URL: <http://www.ved.gov.ru/files/images/2018/02/Analytical%20background%20and%20statistics%20in%20the%20foreign%20trade%20of%20China%20and%20Russia%20for%202017.pdf>

⁵⁵ Внешняя торговля России в 2015—2017 гг. (по данным ФТС России). Распределение по странам. URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown/

⁵⁶ URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>

⁵⁷ Современные российско-китайские отношения. М., 2017. С. 96.

⁵⁸ URL: <http://www.ved.gov.ru/files/images/2018/02/Analytical%20background%20and%20statistics%20in%20the%20foreign%20trade%20of%20China%20and%20Russia%20for%202017.pdf>

⁵⁹ Посол в Пекине заявил об отсутствии радости от торговой войны США и Китая // Канал РБК. 19 июля 2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b507bcc9a7947ac74fb6999>

⁶⁰ URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-china-and-russia-2017-eng/\\$FILE/EY-china-and-russia-2017-eng.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-china-and-russia-2017-eng/$FILE/EY-china-and-russia-2017-eng.pdf)

⁶¹ URL: <http://www.interfax.ru/business/490745>

⁶² URL: <http://tass.ru/info/1956459>

⁶³ Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура. М., 2006.

⁶⁴ См.: Haiguan Tongji, 2006, № 12. С. 3.; Сайт Министерства коммерции КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/statistic/ie/200802/20080205371690.html>; <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/statistic/ie/200802/20080205371690.html>; China India Trade a New Bright spot /<http://english.people.com.cn/90001/90780/91421/6576969.html>; Haiguan Tongji : [Таможенная статистика]. 2009. № 6. С. 3—5; 2009. № 12. С. 31—32; Haiguan Tongji, 2010. № 12. С. 32—33.

⁶⁵ Данные по индийско-китайской, как и по индийско-российской торговле, получены на официальном сайте Министерства промышленности и коммерции Индии: Export Import Data Bank (Annual), GOVERNMENT OF INDIA, Ministry of Commerce & Industry, DEPARTMENT OF COMMERCE. URL: <http://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp> (дата обращения: 31.08.2018).

⁶⁶ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf

⁶⁷ World Trade Statistical Review 2017. Chapter_04, Merchandise trade. P. 30. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/WTO_Chapter_04_e.pdf

Глава 2

СТРАНЫ РИК.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Восходящая динамика экономического развития каждой из стран «тройки» в текущем столетии естественным образом предопределяет повышение их комплексной мощи, рост политического влияния и международного авторитета. С точки зрения роли в мировой политике очевидно, что Россия, Китай и Индия являются ее крупными субъектами, причем с растущим в XXI веке весом как на глобальном, так и региональном уровнях.

Россия как государство — основной правопреемник бывшего СССР, а также Китай — это постоянные члены Совета Безопасности ООН со времени создания этой наиболее авторитетной международной организации. Индия — страна с более чем миллиардным населением и зримо растущей экономической и политической мощью — рассматривается в качестве одного из наиболее вероятных кандидатов на место постоянного члена Совбеза в проектах реформирования ООН. Россия, Китай, а де-факто и Индия, входят в число членов мирового «ядерного клуба».

Каждая из трех стран является активным участником мировых и региональных интеграционных процессов, крупных международных форумов, в том числе «Группы-20», БРИКС, глобальных экономических, климатических и других форумов. Россия до 2014 г. (года принятия Западом произвольных антироссийских санкций) полноправно участвовала в ежегодных саммитах наиболее крупных и развитых государств, ставших на этот период форматом «Большая восьмерка», в дискуссиях на полях которого неоднократно в 2006—2009 гг. участвовали Китай и Индия (G8+5).

Россия, Китай и Индия участвуют в саммитах АТЭС, АРФ, ВАС, являются членами ШОС (где Индия обрела полноформатный статус в 2017 г.), являются официальными партнерами по диалогу со страна-

ми АСЕАН, ведут аналогичный институционализированный диалог с Европейским союзом, активно действуют в целом ряде других региональных организаций, нередко занимая в них лидирующие позиции (СНГ, ШОС, СААРК и т. д.).

Россия, Китай и Индия — активные участники процессов решения крупных вопросов глобальной и региональной безопасности, а также миротворческой деятельности. Каждая из трех стран предпринимает инициативные шаги в поиске солидарных ответов на проблемы глобализации и сопутствующие им новые угрозы и вызовы, является деятельным и авторитетным участником глобальной антитеррористической коалиции.

РФ и КНР являлись членами действовавшей в свое время (и имеющей определенные шансы быть возрожденной) переговорной «шестерки» по обострившейся в 2016—2017 гг. северокорейской ядерной проблеме. Россия входит в число четырех международных посредников в деле ближневосточного урегулирования. Индия в числе наиболее активных стран регулярно присутствует в международных миротворческих операциях, участвуя своими многотысячными воинскими контингентами и советниками в десятке миссий от Западной Сахары до Ливана¹.

Для каждой из трех стран характерно проведение масштабной многовекторной политики, которой присущи не только вовлеченность в основные международные проблемы как глобального, так и регионального измерений, но и развитие самого широкого круга двусторонних отношений с государствами всех континентов. При этом активность Китая, а также Индии особенно заметна в развивающемся мире.

Уместно остановиться на внешнеполитических приоритетах, а также практике их реализации, которую с наступлением нового века демонстрируют на глобальном и региональном уровне каждая из стран Евразийской тройки.

2.1. Дипломатический марш Поднебесной

Наиболее высокой динамикой действий, как и в экономическом измерении, здесь отличается КНР, которая параллельно с уникальным ростом экономики в последние десятилетия демонстрирует несомненное усиление и расширение своих международных позиций.

В качестве официальной базовой цели своей внешней политики Пекин не один год использует такую формулу, как *создание благоприятной внешней обстановки для курса «открытости и реформ», для превращения Китая в современное государство с развитой экономикой, высокими стандартами жизни населения*².

Тесно увязанная с долговременными планами внутреннего строительства, стратегия достижения этой цели имеет структурированный на этапы характер, причем под задачей «превращения в современное государство», как есть основания полагать (и это подтверждают, в частности, документы прошедшего в октябре 2017 г. XIX съезда Компартии Китая), подразумевается выход Китая к середине нынешнего столетия на самые передовые мировые рубежи.

Реализуя стратегию «достижения уровня передовых стран» и неизменно декларируя при этом отсутствие претензий на мировое лидерство и одновременно неприятие гегемонизма с чьей-либо стороны, Китай рассматривает экономический рост в тесной увязке с повышением своей комплексной мощи, включая оборону и политическое влияние. Об этом, наряду с решением собственно экономических задач (удвоение абсолютного и подушевого ВВП с 2010 по 2020 г.), говорят, наряду с прочим, усилия по модернизации армии и обеспечению «океанских возможностей» ВМФ. «Китай активно ищет новые точки роста военно-стратегического потенциала», — отмечал, к примеру, еще летом 2010 г. китайский армейский офицер Цзефанцзюньбао, оговариваясь при этом, что преследуемые при этом цели «будут существенно отличаться от “военного присутствия”, “военного сдерживания” западных военных держав»³.

Главной непосредственной задачей в КНР называют «великое дело объединения Родины» — возврат Тайваня под флаг континентального правительства.

Неослабное внимание постоянно придается собственно практической дипломатической работе во внешнеполитической сфере, что выражается в растущей международной активности (и самооценке) КНР. В акцентированном варианте эта линия началась достаточно давно. К примеру, авторы Годового обзора «Китай на международной арене — 2009», отмечая нарастающий уровень интенсивности дипломатических контактов, уже тогда назвали уходящий год годом серии «дипломатических демаршей», годом «сильного голоса Китая»⁴. Утверждалось также, что «мир нуждается в силе Китая, а на международных форумах все обращают внимание на то, что и как говорит Китай»⁵.

С точки зрения концептуальных приоритетов КНР выступает за формирование нового справедливого политического и экономического миропорядка, основанного на равноправии, многосторонней политике («мультиполярности»), демократизации международных отношений. В выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином концепции «сообщества единой судьбы человечества» (она, как и более ранние идеи и теории — «гармоничного мира» и «совместного развития», является по сути китаизированной версией концепции многополярности) речь идет о мире, где царят «всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность, уважение, равноправные консультации»⁶. Пекин декларирует неприемлемость политики диктата, необходимость сохранения и укрепления центральной роли ООН и ее Совета Безопасности (осторожно подходя к вопросу о реформе этой организации и ее базовых структур), ратует за отказ от политики силы и мирный способ решения международных проблем.

В числе других основных идейных приоритетов важное место занимают принципы суверенитета и самостоятельности на мировой арене.

Не менее актуальна для КНР тематика борьбы против терроризма, находящая отражение в китаизированной версии «борьбы с тремя злами» — «международным терроризмом, уйгурским сепаратизмом, религиозным экстремизмом». В это смысле для Китая весьма важным объектом внимания являются близлежащие регионы, откуда возможны перечисленные вызовы (Афганистан, Центральная Азия).

При этом очевидно, что внешняя политика Китая предельно прагматична (отсюда — китаизация, адаптация «под себя» многих понятий и явлений), отличается гибкостью, стратегическим видением и продуманностью, и неустанное декларирование Пекином универсальных ценностей международного общежития не мешает КНР быть нацеленной, в первую очередь, на обеспечение собственного эффективного развития и защиту своей безопасности.

В подкрепление упомянутых внешнеполитических установок о «мирном развитии», упомянутом курсе на «гармонизацию международных отношений» и создание «сообщества общей судьбы человечества» (эти комплексные доктрины, повторим, последовательно выдвигались Пекином с начала века) большое внимание Китай уделяет широкому продвижению вовне экономических, культурно-гуманитарных, информационных и других инструментов «мягкой силы». К ним относятся и крупные экономические проекты, в том числе по

«оказанию помощи» и продвижению зон свободной торговли, и работа по созданию и продвижению многочисленных институтов Конфуция. Достаточно сказать, что уже к началу 2010 г. география только экономических проектов с участием китайских специалистов, по сведениям китайской правительственной печати, охватывала свыше 190 государств и районов мира⁷.

Это направление деятельности было лишь усилено с приходом к руководству пятого поколения китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином. Под общим лейтмотивом лозунга о китайской «мечте великого возрождения нации», осенью 2013 г. новый китайский руководитель выступил с упомянутыми выше масштабными проектами создания Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути 21 века, которые позже были объединены термином инициатива «Один пояс, один путь». По существу инициатива стала рамочной стратегией как внутреннего развития (речь, прежде всего, о западных, сравнительно отсталых регионах страны), так и дальнейшим продвижением ранее сформулированной концепции «выхода вовне» — стратегии, которая в комплексе нацелена на решение системных вопросов решительного итогового подъема и «возрождения» Китая. А в качестве главного инструмента инициатива предусматривает (в опоре на крупные инвестиционные возможности КНР) самое широкое взаимодействие с многочисленной группой стран «вдоль древнего Шелкового пути», прежде всего в Евразии.

Говоря о внешнеполитических установках, принятых XVII и XVIII съездами КПК (именно на главных партийных форумах определяется узловой стержень внутреннего и внешнего курса страны), следует подчеркнуть их возросший наступательный характер и большую решимость участвовать в вопросах формирования международной повестки дня.

Напомним, что эта тенденция вызревала поэтапно. Если с началом и на первых этапах своего подъема и восхождения Китай в целом старался держаться в тени, предпочитая, согласно установке «отца китайских реформ» Дэн Сяопина, «не высываться», «постепенно накапливать силы»⁸, то затем, начиная с середины 2000-х годов, на фоне явно возросших возможностей стали проявляться новые акценты. Так, экспертные разработки по вопросу о соотношении «сдержанности» и «активности» на международной арене, в том числе с точки зрения расширительного толкования формулы Дэн Сяопина, говорившего не только о тактике «не выпячиваться», но и нужности, по мере необходимости, «бóльших действий»..., проводили ведущие уче-

ные-политологи правительственного аналитического центра — Китайской академии современных международных отношений⁹.

Неслучайно поэтому, что вопросы «активного участия в международных делах» прозвучали на XVII партийном съезде (2007 г.), а, к примеру, в феврале 2010 г. председатель КНР Ху Цзиньтао в выступлении в партийной школе КПК заявил о задаче «осваивать внешнее пространство развития» страны.

В 2012 г., на XVIII партийном съезде готовность «принимать более активное участие в международных делах, играть роль большой и ответственной страны» прозвучала уже совершенно определенно¹⁰. Более того, впервые были оглашены такие важные положения, как намерение решительно «охранять безопасность государства, никогда не подчиняться какому бы то ни было давлению извне»¹¹. Выдвижение данных установок, как и ряд других тезисов, например, о задаче превращения Китая в «мощную морскую державу», вызвало тогда немалый резонанс. Он подогревался и публикациями в центральной китайской печати, в которых необходимость пересмотра «формулы Дэн Сяопина» в сторону «бóльших действий» прямо связывалась с конкретным вопросом национальных интересов — ситуацией в Южно-Китайском море¹².

XIX съезд (2017 г.) усилил эти акценты: было заявлено, что «Китай будет продолжать играть роль ответственной державы, активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу»¹³. Это по сути означало, что Китай считает свою политическую и экономическую «глобальную роль» уже состоявшейся. Не случайно, в Пекине давно говорят о «китайском стиле и размахе» дипломатии страны, а официальное определение, принятое в КНР для характеристики деятельности страны на международной арене, звучит как «дипломатия великой державы с китайской спецификой». Базовую цель такой дипломатии в Китае продолжают, повторим, видеть в задаче создания внешних условий для развития, а, говоря словами документов XIX съезда, в обеспечении благоприятной международной обстановки для осуществления «великой мечты возрождения», превращения Китая «в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу». Создать такие условия КНР намерена через продвижение «международных отношений нового типа» (они должны основываться на мирном, дружественном партнерстве и равноправии) и создание «сообщества единой

судьбы человечества» (современный, идейно более «концентрированный» вариант концепции «гармоничного мира»).

На съезде также подчеркивалось что, «Китай... ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов», не потерпит ни от кого «горьких плодов их ущемления». По сути, достаточно жестко подтвержден тезис предыдущего съезда, не оставляющий сомнений в том, что усиливающийся Китай намерен непреклонно и всемерно отстаивать свое видение мировых и региональных дел. В том числе это может касаться, надо полагать, территориальных споров в ЮКМ, ВКМ и Южной Азии (особенно в контексте попыток внерегионального вмешательства), вопросов, связанных с внешними препятствиями «возвращению Тайваня в лоно Родины» и т. п.

Можно выделить и положения доклада Си Цзиньпина XIX съезду, где лидер КНР акцентировал тезис о том, что укрепляемая Китаем «национальная оборона носит оборонительный характер», «не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства». Это упоминание на фоне все более активных действий Китая в военной области, включая поставленную на съезде задачу выведения НОАК «на передовую мировой уровень», вряд ли случайно. Речь, по-видимому, идет о стремлении рассеять опасения международного сообщества, прежде всего соседних стран, относительно целей военного усиления Китая, убедить их в отсутствии неких вызовов и угроз.

Большое внимание Пекин уделяет развитию отношений на двустороннем уровне, концептуально разделяя партнеров на три группы стран: крупные, сопредельные, развивающиеся страны. В отношении каждой из них КНР стремится проводить дифференцированную политику. Руководители МИД КНР еще несколько лет назад особо подчеркивали тот факт, что Китай уже к началу 2010-х годов поддерживал и развивал отношения со 171 страной, в то время как в начальный после образования КНР период их было всего 18¹⁴.

В случае с «крупными странами» КНР выдвинула концепцию междержавных отношений нового типа, суть которой заключена в тезисе о задаче выстраивания равноправных отношений партнерства и сотрудничества, ухода от конфронтации и «игры с нулевой суммой», напротив, обеспечения «стабильности и взаимного выигрыша». Поскольку под диалогом с крупными странами в Китае чаще всего имеют в виду отношения с США, такое видение отражает общую направленность американской политики КНР, ориентированной на решение объективно сложной задачи минимизации разногласий и

достижения экономических выгод при сохранении собственной независимости и равноправия. Отношения между КНР и США, как «двумя самыми влиятельными в мире странами» (еще один пример нынешней самоидентификации КНР), в Пекине называют «одними из самых важных и динамичных межгосударственных связей в мире».

Исходя из факта состоявшегося в 2017 г. обмена визитами между Д. Трампом и Си Цзиньпином и общего тона их переговоров, в первый год нынешней администрации США сложный китайско-американский симбиоз отношений сотрудничества и порой жесткого соперничества действительно находился на «в целом равномерном» и устраивающем стороны уровне. Однако до реальной «стабильности» (прежде всего по причине системных противоречий, включающих в себя глобальное соперничество, несовместимые модели развития, глубинный тайваньский вопрос) в данном диалоге, похоже, достаточно далеко. Свидетельством тому стали события лета 2018 г., когда серьезно обострились разногласия по поводу дисбаланса в китайско-американской торговле. Объявленные Д. Трампом тарифные ограничения на сумму 200 млрд долл., касающиеся экспорта в США китайских товаров, в мире были названы не иначе как «торговой войной».

В числе двусторонних приоритетов (особенно при расширительном толковании) отдельно, как правило, отмечаются отношения стратегического партнерства с «крупной и соседней» Россией, а также с Индией, которая по приведенной выше градации попадает по сути в каждый из трех разрядов.

Отношения с сопредельными странами выделяются в отдельную категорию с очевидным прицелом обеспечить первичный внешний контур безопасности Китая. Задача это весьма важная, имея в виду наличие в отношениях с соседями ряда нерешенных пограничных (Индия, Вьетнам) и других вопросов. На XIX съезде КПК было не только в очередной раз заявлено о задаче выстраивать отношения с «сопредельными странами» на основе «доброжелательности, партнерства и взаимовыгодности», но и сказано о китайском «стремлении к искренности». Еще ранее, 24–25 октября 2013 г., китайское руководство провело первое в истории КНР Специальное совещание в ЦК КПК по дипломатической работе с сопредельными государствами, и это стало наглядным отражением повысившегося внимания к странам-соседям.

В отношении третьей категории, к которой отнесена обширная группа развивающихся стран, Китай издавна декларирует симпатии и намерение, говоря словами партийных съездовских документов, «на-

веки оставаться их надежным другом и искренним партнером», строить отношения с учетом «душевной близости, правильного понимания справедливости и выгоды». Такой подход также вписан в общие цели и практику внешней политики КНР, которая придает большое значение данной многочисленной категории государств как серьезному внешнему экономическому и политическому ресурсу в решении своих национальных задач. Не забудем, что несмотря на явное экономическое возвышение, автоматический рост политического веса и международных амбиций, Китай официально продолжает причислять себя к развивающемуся миру, который, как очевидно, он не прочь не только всячески поддерживать, но и, будучи, как наиболее крупная развивающаяся страна, «выразителем его интересов», его же и возглавить. Информацию для анализа на этот счет дают, в частности, регулярные крупные мероприятия вроде Форума Китай—Африка, а последние годы и многие форумы по тематике «Один пояс, один путь», где одной из сторон выступает КНР, а другой — целая группа развивающихся стран.

Столь же активно КНР продвигает сотрудничество в многосторонних форматах, включая участие в качестве постоянного члена в работе СБ ООН, деятельность в структурах других наиболее авторитетных организаций и форумов. Особняком стоит активность КНР на международных экономических площадках, в том числе в ВТО, где она позиционирует себя как выразитель интересов развивающихся стран, а также на различных валютно-финансовых форумах последнего времени, где Китай выступает в числе главных инициаторов реформирования мировой финансовой архитектуры и создания новой международной резервной валюты на наднациональной основе.

Не менее насыщена повестка дня регионального сотрудничества с участием КНР. Китай является «хозяином» штаб-квартиры, одним из основателей и наиболее авторитетных членов ШОС, взаимодействует в различных форматах с АСЕАН (АСЕАН+1, АСЕАН+3, АСЕАН+6), в тройке «КНР—Япония—Республика Корея», в рамках форумов ВАС и АТЭС, на межрегиональной диалоговой площадке АСЕМ, а также в БРИКС, ведет самостоятельный партнерский диалог в формате «Китай—ЕС» и на отмеченной площадке «Китай—Африка».

К особенностям реализации Китаем своих международных установок следует также отнести то значение, которое придается так называемой «лидерской дипломатии» — личному, как подчеркивают в Пекине, участию Си Цзиньпина в «конструировании и проведении

дипломатии великой державы с китайской спецификой». В КНР отмечают, что председатель КНР за пять лет посетил 57 стран мира, принял в Китае более 110 глав иностранных государств.

Позиции КНР в мировой экономике, ее растущая активность на мировой политической арене прямо проецируются и на предсказуемый дальнейший рост ее международного влияния. Превалирующим мнением экспертного сообщества является представление о том, что, несмотря на ряд очевидных проблем и трудностей, в том числе актуализировавшуюся в середине 2010-х годов задачу системной перенастройки экономики, вызовы со стороны политики США (торговые войны администрации Д. Трампа и т. п.), Китай сохранит внушительный поступательный алгоритм, и это, по меньшей мере, в обозримой перспективе будет означать повышение совокупной роли Китая в современном мире.

2.2. От неприсоединения к «стратегической автономии»

Не вызывают сомнений и происходящий в последние годы неуклонный рост международного авторитета и укрепление внешнеполитических позиций *Индии*. Будучи второй по численности населения страной мира и находясь в «тройке» — «шестерке» крупнейших экономик, Индия последовательно наращивает внешнеполитические позиции в качестве динамично развивающейся державы, которая имеет глобальные интересы и располагает значительными факторами влияния на мировые процессы. Движение в этом направлении осуществляется настойчиво и неуклонно, в частности, как подчеркивали индийские руководители еще на исходе 2010-х годов, «Индия уверенно рассчитывает на то, чтобы играть в грядущие годы более важную и значимую роль в мире, следуя своим принципам открытости, гармонии, стабильности и мирного сосуществования»¹⁵.

Нью-Дели демонстрирует приверженность принципам неприсоединения, коллективной безопасности, демократического многополярного мироустройства, отстаивает авторитет и жизнеспособность международно-правовых механизмов и институтов при центральной координирующей роли ООН. «Индия никогда не принимала идею однополярного мира» — такова неизменная позиция индийского руководства¹⁶.

Особенностью такого подхода служит сформулированная в 1990-е годы концепция «стратегической автономии», по сути продолжающая прежний идейный концепт «неприсоединения», которому независимая Индия следовала в биполярную эпоху. «Стратегическая автономия», по мысли индийских политиков, означает самостоятельность и, одновременно, равноудаленность от основных центров силы, а тем самым автоматически подразумевает, что таких центров должно быть несколько, а сам миропорядок — исключительно «полицентричным».

При этом одно из главных мест в нынешней повестке дня мирового сообщества, с точки зрения Нью-Дели, должно отводиться задаче реформирования ООН и ее Совета Безопасности с тем, чтобы Индия обрела в нем статус постоянного члена. Это наглядно отвечает на вопрос о том, каким в Нью-Дели видят место Индии в полицентричном мире (вспомним осторожное отношение к реформированию ООН со стороны КНР).

Осуществив ядерные испытания в 1998 г., Индия взяла курс на развитие «национального ракетно-ядерного потенциала сдерживания». Оставаясь сторонником всеобщего и полного ядерного разоружения, она, тем не менее, воздерживается от подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и по-прежнему не является участником Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), хотя де-факто демонстрирует ныне приверженность его основным положениям. Объективное продвижение Индии к признанию искомого ею официального статуса государства, обладающего ядерным оружием, стало возможным в результате заключения и вступления в 2008 г. в силу индийско-американского «Ядерного соглашения»¹⁷. Последующее общее одобрение двусторонней «ядерной сделки» (так окрестили соглашение с США политологи и СМИ) со стороны Группы ядерных поставщиков (ГЯП), сделавшей «исключение для Индии», а также отсутствие видимых протестов со стороны большинства других заинтересованных игроков фактически стали шагами по институциональной либерализации внешнего восприятия индийских ядерных программ.

Иными словами, узловой системной целью на мировой арене Нью-Дели ставит признание за Индией статуса государства, обладающего ядерным оружием с правом на место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Касаясь этой ситуации, известный индийский дипломат, в прошлом заместитель руководителя индийского МИД Шьям Саран в одном из комментариев летом 2015 г. констати-

ровал следующее: «Постоянные члены Совета Безопасности ООН, за исключением Китая, способствовали тому, что Индия добилась законного статуса державы, обладающей ядерным оружием, а также полноценного участия в программах по развитию мирного атома». «Основные державы объединили усилия, чтобы снять ограничения, наложенные на Индию Группой ядерных поставщиков (ГЯП), — продолжил индийский политик. — Аналогичным образом все ведущие державы мира поддержали предложение о предоставлении Индии места постоянного члена Совета Безопасности ООН, даже при том, что для некоторых из этих стран поддержка была скорее риторической, чем реальной»¹⁸.

В региональном плане первостепенное внимание Индия уделяет стабильности в южноазиатском регионе, который Нью-Дели рассматривает зоной своих первоочередных интересов и претендует здесь на то, чтобы это безоговорочно признавалось и странами Южной Азии, и внерегиональными игроками. Похожие подходы Индия демонстрирует и к индо-океанскому бассейну в целом, достаточно ревниво оценивая здесь внерегиональную активность, прежде всего со стороны КНР.

Важное значение в Нью-Дели придают экономической дипломатии с прицелом на укрепление энергетической безопасности и подключение к интеграционным процессам на евроазиатском пространстве.

Особое место занимают вопросы борьбы с международным терроризмом. Индию беспокоят главным образом террористические угрозы, исходящие из «Афгано-пакистанского узла», причем «в генерировании региональной нестабильности в Южной Азии» — приоритетном, повторим, регионе индийской политики, по мнению Индии, «велика роль Пакистана», который «негласно поддерживает антииндийскую террористическую деятельность». При этом следует иметь в виду, что официальный Нью-Дели в отношениях с Исламабадом декларирует политику диалога (который, впрочем, протекает достаточно непросто). В любом случае отношения с Пакистаном — едва ли не главная «болевая точка» индийской политики. Она имеет давние корни (проблема Кашмира) и часто выходит за рамки собственно двусторонних отношений.

Индия придерживается взвешенной позиции по ситуации в Сирии, исходя из необходимости ее решения на основе мирного, инклюзивного диалога всех заинтересованных сторон, включая конституционно избранное правительство президента Б. Асада. Для Индии

регион Ближнего Востока важен и в целом, поскольку здесь трудятся и проживают 6—7 млн индийцев, отсюда поступает значительная часть импортируемой страной нефти, в том числе из Ирана и Саудовской Аравии. Как отмечают в Индии, страна нуждается в четко разработанной политике на Ближнем Востоке, «поскольку сопредельные с ней регионы не начинаются и не заканчиваются в пропускном пункте Вага на границе с Пакистаном; с учетом важности для Индии этого района, индийские границы простираются в этом смысле от Малаккского пролива на востоке до Суэцкого канала на западе». В связи с этим, полагают, например, некоторые представители парламентского корпуса Индии (член верхней палаты, а ранее известный дипломат Х.К. Дуа), Индия должна активнее действовать, чтобы достичь мира в более широком окружении Индии (в том числе между иранскими шиитами и саудитами, исповедующими суннитские ценности), дабы уверенно осуществлять свой политический курс внутри страны и на международной арене¹⁹.

Осуществляя многовекторную дипломатию, Индия рассматривает в качестве одного из своих основных приоритетов развитие отношений с США, с которыми налажен регулярный диалог по взаимодействию в сфере безопасности, ВТС, торгово-экономическому, научно-техническому и инвестиционному сотрудничеству. В связях с Вашингтоном декларируется заинтересованность в двух основных темах — экономике и безопасности. Последняя из них часто трактуется в Индии достаточно открыто, в том числе на политическом уровне — как возможность на путях сотрудничества с США создать приемлемый для Индии баланс сил в треугольнике «КНР—Индия—США», «сбалансировать» влияние усилившегося северного соседа. При этом Нью-Дели весьма определенно решает непростую задачу — поддерживать нужный уровень диалога, уклоняться от перспективы быть втянутым в американские планы «сдерживания» КНР. Важным фактором сотрудничества с США для Индии явились не только упомянутая «ядерная сделка», но и официальная поддержка стремления Нью-Дели войти в число постоянных членов Совбеза ООН, которую президент США Б. Обама четко высказал осенью 2010 г. Контакты на высшем уровне были продолжены в период прихода к власти очередной администрации США во главе с Д. Трампом и нового индийского кабинета, руководимого Нарендрой Модии.

Традиционно высок унаследованный от времен СССР уровень индийско-российских отношений. В статусе отношений «привилегированного партнерства» диалог между двумя странами достаточно эф-

фективно продолжается весь период 2000-х — 2010-х годов. И хотя здесь есть свои вызовы и вопросы для решения, отношения двух стран в целом лишены значимых политических проблем. Показательно, например, что Нью-Дели весьма определенно дистанцировался от любых антироссийских санкций, связанных с украинским кризисом и вопросом о Крыме.

В диалоге с Евросоюзом, который остается ведущим торговым и инвестиционным партнером Индии, превалирует экономическая проблематика. В институциональном плане с Евросоюзом выстроена регулярная переговорная площадка в формате «Индия—ЕС».

С КНР, отношения с которой с 2005 г. имеют для Индии также статус «стратегического партнерства», проводится линия на поддержание политических контактов на высоком уровне, создание благоприятной атмосферы для поэтапного расширения отношений и урегулирования двусторонних проблем. Тенденция преобладания сотрудничества над разногласиями в целом характерна для отношений двух стран в текущем столетии.

Стремясь к диалогу с максимальным числом международных организаций и стран, Индия широко продвигает сотрудничество со странами АТР, включая государства СВА (Япония) и ЮВА. Тем самым не снижается внимание к объявленной еще в начале 1990-х годов политике «Взгляда на Восток», которая с тех пор не только настойчиво реализуется, но и, с приходом к власти Н. Моди, под модернизированным названием «Действовать на Востоке» (Act East Policy), приобрела еще более активные формы.

Выступая в сентябре 2014 г. на сессии ГА ООН новый индийский премьер обратил внимание на задачу «надлежащей работы над отношениями с сопредельными государствами», назвав ее «приоритетной проблемой, которую рассматривает правительство Индии»²⁰. Есть основания полагать, что Индия придает статус, близкий к понятию «сопредельные территории» и Тихоокеанской Азии (по аналогии с Ближним Востоком). Но в отличие от последнего, в отношении Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии уже во многом выстроена системная политика.

Основное внимание в рамках курса «Действовать на Востоке» уделяется отношениям с АСЕАН (здесь преобладает экономическая повестка) и продвижению стратегического диалога с Японией, который Индия рассматривает для себя в первую очередь в контексте вопросов безопасности, как возможность обеспечения приемлемого

«баланса сил в регионе», который часто рассматривается в китайском контексте.

Как и Китай, Индия активно вовлечена в деятельность региональных и межрегиональных объединений и форумов, включая АСЕМ, АСЕАН, ВАС, а также, SAARC, IBSA, BIMSTEC. Высокий уровень активности на африканском континенте, в том числе в рамках энергетической дипломатии (переговорный формат «Индия—Африка»).

С начала 2000-х годов Нью-Дели декларировал свой интерес к Шанхайской организации сотрудничества. Такая позиция была продиктована соображениями защиты от потенциальных террористических угроз, которые могут быть подпитаны экстремистскими силами в Центральной Азии, а также заинтересованностью в развитии связей со странами этого региона как источником энергоносителей, прежде всего углеводородного сырья. В 2005 г. Индия обрела в ШОС статус наблюдателя. Однако ее дальнейшие шаги отличались заметной осторожностью, не выходя за рамки аморфных деклараций о желании стать «ассоциированным членом ШОС». Такая позиция, по-видимому, не в последнюю очередь была связана с нежеланием бросить тень на развивающийся индийско-американский диалог, поскольку в Индии (и за ее пределами) ряд наблюдателей усматривали в деятельности ШОС скрытую антиамериканскую направленность. Но затем подходы изменились, и Нью-Дели официально оформил заявку на полноправное членство в этой организации. Решение вопроса было деликатным, учитывая, что интерес Индии к ШОС официально с самого начала приветствовался Москвой, а Пекин относился к нему «дипломатично сдержанно». В итоге, учитывая, что еще ранее заявку на участие в ШОС подал Пакистан — «всепогодный союзник» КНР, выход был найден на основе де-факто компромисса: с 2015 г. был запущен процесс приема в ШОС одновременно Индии и Пакистана, который официально завершился на саммите 2017 г. в Астане.

С началом мирового финансово-экономического кризиса конца 2010-х годов Индия активно включилась в коллективные международные усилия по преодолению его влияния, деятельно участвовала в мероприятиях по линии «Группы двадцати» и БРИК (БРИКС), а в последующие годы стала рассматривать сотрудничество в этих структурах как один из основных приоритетов своей политики. Например, по свидетельству ряда влиятельных индийских экспертов, Нью-Дели весьма позитивно воспринимает формат «двадцатки», расценивая его площадку как «реальную возможность быть услышанными на самом

высоком уровне и заметно влиять на процесс принятия решений»²¹. Не случайно Индия выступает за более глубокую институционализацию этого формата. Еще в речи на саммите в Торонто (2010 г.) тогдашний премьер-министр Индии М. Сингх отметил намерение Нью-Дели полностью содействовать консолидации действий в данном формате, сделав акцент на задаче защиты развивающихся стран от протекционистских мер развитых экономик и содействия таким образом их росту. И в последующие годы Нью-Дели проводит на площадке «Двадцатки» политику, направленную на реформирование системы управления мировой экономикой и финансами, декларируя ту же цель укрепления интересов развивающихся экономик и стран. Такой же позиции Индия придерживается в ВТО²².

В контексте планов масштабного международного позиционирования Индии интересны и цифры, характеризующие укрепление ее военно-оборонного потенциала в текущем столетии. По данным SIPRI (Yearbook 2010), только за первое его десятилетие оборонный бюджет Индии вырос с 22,6 в 2001 г. до 36,6 млрд долл. в 2009 г. Индия — один из устойчивых лидеров на мировых рынках закупки вооружений. За период 2006—2010 гг. на нее пришлось 9 % всего мирового импорта вооружений, или 18,6 млрд долл. в ценах 2010 г.²³

В контексте общих характеристик индийской внешней политики достойным внимания представляется и следующий сюжет: при несомненной важности правительственных деклараций, с экспертной точки зрения всегда актуальна и их неофициальная интерпретация, своего рода «взгляд изнутри». Так, к примеру, весьма информативными и не утрачивающими актуальность видятся оценки, которые были высказаны в ходе проходившей в канун 2011 г. в Санкт-Петербурге представительной научно-практической конференции, которую организовали Посольство Индии и местный Госуниверситет.

По словам индийских участников (ими были руководители авторитетного Института оборонно-стратегического анализа — IDSA, сотрудники индийских дипмиссий в Москве и «Северной столице» во главе с тогдашним послом в РФ В. Шуклой), политика современной Индии несет зримый отпечаток индийской политической традиции. Речь идет о своего рода «космическом взгляде вовне» с его «синкретическими идеалами мира и гармонии» — взгляде, который был унаследован и родоначальником индийской государственности Дж. Неру.

Этот взгляд, по словам партнеров, отражается «в уникальном по своей толерантности и миролюбию» внешнеполитическом разделе

Конституции Индии; он проявляется в стремлении «внедрить» идеалы гармонии в сегодняшний международный курс страны, обеспечивая его (отмеченную нами выше) многовекторность и диверсифицированность.

Мировую ситуацию первого—второго десятилетия нашего столетия индийские коллеги оценили как «переходную» от «моноцентричного» к тому или иному варианту «полицентричного» мира, в любом случае отстаивая для Индии возможность проводить самостоятельный курс — курс, не приемлющий «политику односторонности». При этом была подтверждена приоритетность отношений с США, в том числе в связи с фактором присутствия в США большой индийской диаспоры — 2,5 млн человек. Среди этих приоритетов и «уникальные» отношения с Россией, и линия на развитие связей с КНР, в том числе на высшем уровне, где одной из главных задач является «создание благоприятной атмосферы для поэтапного урегулирования двусторонних проблем». Предметом перманентного беспокойства был назван вопрос Пакистана — некоего «искусственного и проблемного государства»; похоже, что подобное отношение к Пакистану — это тот редкий случай, когда весьма разноликое индийское политическое и экспертное сообщество практически всегда приходит к безраздельному консенсусу. Хотя повторим, официальная линия Индии — это курс на развитие с Пакистаном отношений мира и добрососедства.

2.3. Возвращение в державный статус

Россия, унаследовавшая в качестве государства — правопреемника СССР представительство на крупнейших мировых форумах, включая СБ ООН, в новом веке неуклонно восстанавливала свои международные позиции, существенно утраченные в результате общего упадка страны в 1990-е годы. Определяющее значение при этом имели укрепление российской государственности, устойчивые (особенно до 2009 г. и в начале 2010-х годов) темпы экономического роста, дальнейшие политические и экономические преобразования, решение социальных проблем.

Впервые за постсоветский период новое качественное состояние российской политики во многом продемонстрировали, в частности, известная речь В.В. Путина в 2007 г. в Мюнхене, но более всего — события на Южном Кавказе в августе 2008 г. Россия, по сути, столк-

нулась здесь с проявлением давно вызревавшего системного вызова, корни которого существенно выходили за пределы этого региона, о чем собственно за год до этого говорил в Германии Президент РФ. Действия руководства России показали тогда намерение Москвы прагматично (и при необходимости жестко), целенаправленно и последовательно отстаивать свои интересы перед лицом любых вызовов, откуда бы они ни исходили, проводить самостоятельную политику в качестве одного из крупных, независимых и ответственных мировых акторов, участвующих в определении мировой повестки дня.

Вслед за этим возросшее измерение нынешней политики РФ нашло отражение и в ряде российских инициатив, важных для судеб международного мира, например, о новом договоре о европейской безопасности, развернутое видение которого было представлено Президентом РФ в октябре 2008 г. на Конференции по мировой политике во французском Эвиане²⁴. Соответствующий российский проект Договора о европейской безопасности был направлен руководителям зарубежных государств и международных организаций, действующим на евроатлантическом пространстве²⁵. Добавим также, что к заметным шагам глобального звучания может быть справедливо отнесено подписание Президентами России и США 8 апреля 2010 г. в Праге российско-американского Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений.

Эта новая роль России нашла тогда отражение и в подписанной летом 2008 г. очередной редакции Концепции внешней политики РФ. Было констатировано, что в конце 2000-х годов «Российская Федерация располагает реальным потенциалом для того, чтобы занять достойное место в мире... Являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участницей «Группы восьми» и целого ряда других влиятельных международных и региональных организаций, ... интенсивно развивая отношения с ведущими государствами и объединениями всех регионов мира, последовательно интегрируясь в мировую экономику и политику, Россия оказывает существенное влияние на формирование новой архитектуры международных отношений»²⁶. В выступлении в июле 2010 г. в МИД РФ бывший тогда президентом страны Д.А. Медведев заявил, что «сегодня речь идет и о придании России новой роли», выразив при этом уверенность в том, что Россия сможет «на равных с другими ведущими государствами мира вносить свой вклад в решение глобальных проблем»²⁷.

Такого рода подходы, оценки и положения были отражены в последующих редакциях Концепции, том числе, в варианте утвержденном президентом В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., где они нашли новые акценты. Было подчеркнуто, что «Российская Федерация, ... обладая значительными ресурсами во всех областях жизнедеятельности, ... способствует формированию позитивной, сбалансированной и объединительной международной повестки дня»; РФ «проводит самостоятельный и независимый внешнеполитический курс, ... всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире»; «внешняя политика РФ является открытой и предсказуемой, характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформированную веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации». В этом контексте были заданы две новые задачи — «упрочение позиций России как одного из влиятельных центров современного мира» и задача противодействовать «попыткам вмешательства во внутренние дела государств в целях осуществления неконституционной смены власти»²⁸.

Внесенные дополнения отразили уже новые риски и угрозы, ставшие реальностью в международной обстановке середины 2010-х, а также те конкретные шаги, которые РФ намерена предпринимать для их отражения. Руководство РФ проявило твердость и решительность в противостоянии ряду обострившихся вызовов, в том числе связанных с очередными попытками внешних сил ограничить пространство жизненных интересов России — на этот раз путем участия в разжигании внутриукраинского кризиса. Действия по защите преобладающего русскоязычного населения Крыма и Донбасса от реальной угрозы украинского националистического радикализма, подпитываемого США и другими странами Запада, стали новым свидетельством прежней решимости РФ отстаивать статус самостоятельной державы и ее возросших ресурсных возможностей.

Еще более отчетливо эта линия проявилась в политике РФ в отношении Сирии. С участием своих воздушно-космических сил, в полном соответствии с международным правом РФ приняла активное участие в борьбе на территории этого государства с международным терроризмом, объединенным в «Исламское государство», под прикрытием которого Запад пытался решить свою главную цель — сместить законное правительство Б. Асада.

Успехи, достигнутые правительственной армией САР с опорой на поддержку России, проявили, среди прочего, самый современный

уровень целого ряда образцов российских вооружений. В целом же ситуация в Сирии показала миру, что РФ (будучи правопреемником СССР) полноценно вернулась на международную арену и, в качестве одного из основных субъектов международной жизни, делает безальтернативным свое участие в решение тех глобальных и региональных вопросов, которые затрагивают российские интересы. Одна из официальных базовых целей политики РФ во второй половине 2010-х годов — «упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира»²⁹.

Как было констатировано в документах МИД РФ в марте 2018 г., «внешнеполитический курс, основанный на принципах самостоятельности, реализма и многовекторности, позволил упрочить российские позиции на многих направлениях, закрепить за нашей страной роль гаранта глобальной стабильности, вопреки усиливавшемуся военно-политическому, санкционному и информационно-психологическому внешнему давлению»³⁰.

Говоря о долговременных концептуальных приоритетах политики РФ на внешней арене, прежде всего следует выделить базовый из них: им официально считается (согласно более поздним редакциям соответствующих документов) «создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России, ее технологического обновления, повышения уровня и качества жизни населения». Не случайно внешнеполитические задачи руководство РФ увязывает с объявленным курсом внутри страны на технологическую и инновационную модернизацию. В соответствии с указами Президента РФ от мая 2018 г., другими выступлениями В.В. Путина, в реализации «прорыва» в развитии страны, включая задачу войти и «прочно закрепиться в пятерке крупнейших экономик мира, существенно повысить ключевые стандарты качества жизни граждан страны, должны быть в полной мере использованы внешнеполитические возможности».

В текущих, как и более ранних, основополагающих внешнеполитических документах РФ не менее важны также констатация мировых перемен в направлении формирования полицентричной международной системы и нацеленность России на установление «справедливого и демократического миропорядка», «справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права». Основа этого права, согласно этим документам — в первую очередь положения Устава Организации Объединенных Наций, кото-

рая должна играть центральную координирующую роль в выстраивании «равноправных и партнерских отношений между всеми государствами» в качестве «основной организации, регулирующей международные отношения»³¹.

Российское руководство выделяет также приоритетность таких задач, как преодоление разбалансированности глобальной системы управления, закрепление в международном праве принципа неделимости безопасности³².

В почти 100-страничном Обзоре внешнеполитической деятельности РФ в 2017 г. значительное место может занять лишь простое перечисление направлений и основных акций российской внешнеполитической службы, которые отражают и ее приоритеты. Сюда относятся мероприятия в рамках многосторонней дипломатии — участие в ООН, «Группе двадцати», БРИКС, международном сотрудничестве по борьбе с новыми вызовами и угрозами, в деятельности по разоружению, контролю над вооружениями и нераспространению. Географические и «страновые» направления действий РФ охватывают практически все регионы — от пространства СНГ до Карибского бассейна. Серьезное внимание уделяется экономической, в частности энергетической, дипломатии, решению консульских вопросов и т. д.³³

Одним из важнейших направлений работы по реализации этих целей для РФ остается деятельность на площадке ООН. Действуя в направлении укрепления этой универсальной организации в качестве главного центра глобального управления и координации мировой политики, Москва в последние годы активно взаимодействует с другими участниками по самому широкому спектру вопросов. Это проблемы Сирии, Корейского полуострова, программы содействия международному развитию (СМР), миротворческие миссии, инициативы реформирования ООН, в отношении которых, в частности Россия (к слову, сходным образом с КНР), продолжает настаивать «на выработке максимально широкого, консенсусного решения без установления искусственных сроков, а также на сохранении прерогатив постоянных членов СБ, включая право вето».

Отражением российских приоритетов является также активное внимание Группе 20, где РФ нацелена на упрочение важной и растущей роли этого форума в координации позиций авторитетных стран-участниц по наиболее актуальным вопросам международной повестки дня. Не меньшее значение придается взаимодействию в объединении БРИКС, где на саммитах в КНР и ЮАР (2017, 2018 г.) РФ и ее партнеры по «пятерке» в очередной раз продемонстрировали

консолидированную (проявляемую в этом качестве и на площадке Группы 20) позицию по базовым политическим и экономическим вопросам. Речь, в том числе, идет о необходимости установления более справедливого и демократичного полицентричного миропорядка и задаче отстаивать открытую, многостороннюю торговую систему при основополагающей роли ВТО.

Большое внимание дипломатия РФ уделяет проблемам обеспечения стратегической безопасности, включая ее военный и иные аспекты. «Угол зрения» при этом ориентирован прежде всего на вопросы Противоракетной обороны (ПРО), по которым Россия (вместе с Китаем) провела в марте 2017 г. на площадке Конференции по разоружению в Женеве брифинг с оценками дестабилизирующего характера развертывания глобальных систем ПРО США. Россия последовательно убеждает США конструктивно реагировать на российские озабоченности в контексте Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), проводит линию на обеспечение устойчивости режима ядерного нераспространения с упором на его ключевую составляющую — Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). По вопросу Договора о запрещении ядерного оружия (был открыт для подписания в октябре 2017 г.) Россия стоит на реалистичных позициях, которые предполагают поэтапность процесса и обязательное подключение к нему всех государств, обладающих военным ядерным потенциалом. Аналогичным образом РФ проявляет активность на других многочисленных направлениях, связанных с обеспечением универсальной стратегической безопасности, ядерным разоружением, запрещением тех или иных видов ОМУ и т. п.

Одним из приоритетов российской внешней политики остается участие в международных усилиях по противодействию новым вызовам и угрозам, включая в первую очередь борьбу с международным терроризмом, в которой за РФ признается роль одного из лидеров. Работу в этой сфере Россия ведет на площадках широкого спектра организаций и форумов, в том числе Глобального контртеррористического форума, Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), Региональной антитеррористической структуры ШОС, а также в рамках соответствующих мероприятий Совета Европы, Восточноазиатских саммитов и т. д.

Насыщенной выглядит повестка дня регионального сотрудничества, включая взаимодействие по линии многосторонних структур (СНГ, ОДКБ, ЕС, ОБСЕ, АТЭС, АСЕАН, ВАС, СВМДА, а также Африканский Союз, МЕРКОСУР, Карибское сообщество и т. д.) и дву-

сторонние отношения с многими десятками отдельных государств. На первом месте в этом списке традиционно находится Содружество Независимых Государств и отношения с его странами-участниками, среди которых выделяются государства-члены официально созданного (1 января 2015 г.) Евразийского экономического союза.

В части региональных и двусторонних приоритетов очевидной тенденцией 2010-х годов является «повышенное внимание к Азии и Тихому океану», обусловленное, говоря словами руководителей российского МИД, «необходимостью обеспечения надежной безопасности восточных рубежей», задачей «максимального использования богатейшего торгового, финансового, инвестиционного, технологического и человеческого потенциала АТР в интересах ускоренной комплексной модернизации, социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока»³⁴. Причем, в числе наиболее приоритетных стран-партнеров в Азии и АТР традиционно выделяются КНР и Индия. Как отметили аналитики, в редакции Концепции внешней политики РФ от 2016 г. значение этих стран для РФ было лишь усилено. Если ранее Китай и Индия достаточно лаконично упоминались как важные партнеры, то теперь были даны развернутые определения. В частности, говорилось о совместном с КНР «противодействии новым вызовам и угрозам, решении острых региональных и глобальных проблем, сотрудничестве в международных организациях и многосторонних объединениях», а также о роли Индии как страны, в отношениях с которой РФ выступает «за дальнейшее углубление особо привилегированного стратегического партнерства, основанного на совпадении внешнеполитических приоритетов, исторической дружбе и глубоком взаимном доверии». Не случайно во всех базовых внешнеполитических документах РФ последних 10—15 лет говорится о важности трехстороннего механизма взаимодействия Россия—Индия—Китай.

Помимо этого, РФ продолжает развивать активный диалог со странами Юго-Восточной (прежде всего, с Вьетнамом) и Южной Азии, поддерживает интенсивные контакты на высшем уровне с Японией, по линии МИД и некоторых министерств ведет диалог с Австралией, Новой Зеландией.

Особое внимание уделялось вопросам раскрытия потенциала Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), возросшего в связи с упоминавшимся присоединением к ней Индии и Пакистана. В период российского председательства в Совете глав правительств ШОС (2017 г.) расширена экономическая повестка дня Организации.

В противовес этим в целом позитивным процессам в отношениях России с ЕС и особенно с США с середины 2010-х годов наблюдается рост напряженности. Резко антироссийские тенденции в политике Вашингтона и его ближайших союзников по НАТО не могли не встретить адекватной оценки со стороны РФ. В связи с этим в российских официальных документах заметно изменились тональность и оценки. Возвращаясь к Концепции внешней политике РФ от 2016 г., нельзя не заметить, что в сравнении с прежними редакциями вынужденно исчезли упоминания о «взаимовыгодном сотрудничестве», «партнерском взаимодействии» с США и «особой ответственности обоих государств за глобальную стратегическую стабильность». Новый документ зафиксировал, что «проводимый США и их союзниками курс на сдерживание России, оказание на нее политического, экономического, информационного и иного давления подрывает региональную и глобальную стабильность»; «Россия не признает экстерриториального осуществления США своей юрисдикции вне рамок международного права» и требует от Штатов «соблюдения норм международного права»³⁵. Не могли не поменяться и формулировки в отношении НАТО, максимально приблизившей свою военную инфраструктуру к границам РФ: появились тезисы о «геополитической экспансии» НАТО и «нежелании приступить к реализации политических заявлений о формировании общеевропейской системы безопасности и сотрудничества», к чему, как указывалось выше, руководство РФ призывало еще в конце 2000-х годов.

Тем не менее Россия, согласно заявлениям своего президента, открыта для развития контактов с Соединенными Штатами на равноправной, взаимовыгодной основе, в том числе для обеспечения глобальной стабильности, за которую обе страны, «как крупнейшие ядерные державы, несут особую ответственность»³⁶. Луч надежды здесь блеснул в результате встречи президентов двух стран в июле 2018 г. в Хельсинки. Объективно сохраняется и общая повестка для России с ЕС, который в качестве объединения остается главным экономическим партнером РФ.

Иными словами, несмотря на ряд обострившихся вызовов, связанных с политикой Запада, трудностей продолжающегося структурного реформирования российской экономики, усугубляющихся антироссийскими санкциями, Россия добивается видимых международных успехов и закрепляется в роли важного актора мировой и региональной политики. Тем самым в известной мере (хотя и далеко не полностью) компенсируется ущерб, нанесенный статусу страны

после распада СССР. Неизменной целью при этом остается обеспечение достойного места России в справедливом и равноправном мироустройстве, основанном на соблюдении универсальных принципов международного права, мирных способах решения проблем.

Но на фоне перечисленных выше деклараций и ряда действительно реальных и крупных внешнеполитических акций РФ следует непременно иметь в виду, что сегодняшние глобальные позиции России в силу объективных причин (утрата существенной доли территориального, демографического, экономического и ресурсного потенциала плюс затяжной спад 1990-х) не могут быть тождественными прежнему сверхдержавному статусу СССР. Достаточно сказать, что, как указывалось выше, в 2017 г. соотношение объемов ВВП РФ и США (даже по предпочтительному для России варианту ППС) измерялось показателем примерно 1/5 (и даже почти 1/6 при сравнении с Китаем), причем при использовании подсчета по номинальному ВВП эти цифры выглядели более удручающе (соответственно 1/12 и 1/8). Поэтому понятно, что успех на пути дальнейшего укрепления международного статуса РФ будет зависеть от целого набора факторов, включая, прежде всего, решение внутренних проблем социально-экономической и инновационной модернизации и обеспечения таким образом устойчивого роста и стабильной внутренней обстановки.

Однако на другой чаше весов находится ряд по-прежнему значимых обстоятельств: огромная территория, уникальные природные ресурсы, культура и наука, все еще мощный, обладающий способностью гарантированного сдерживания, и более того, неуклонно совершенствуемый ракетно-ядерный потенциал, успехи в ряде других производственных сфер, прежде всего в ВПК. Что вкупе с достаточной внутренней стабильностью, исторически доказанной способностью России мобилизовываться перед трудностями, делает шансы на успех достаточно весомыми.

Все это говорит о том, что на пути дальнейшего укрепления своих международных позиций, как и объявленного в стране курса на экономические «прорывы», Россию явно будут еще ждать барьеры и сложности. Это, однако, не перечеркивает богатых потенциальных возможностей роста и развития, в том числе в контексте опоры на инструментарий внешнеполитической деятельности. Среди важных из таких инструментов — активное сотрудничество с разделяющими ценности России зарубежными партнерами, включая союзников из числа стран СНГ, Китай и Индию.

* * *

Итак, на основе изложенного возможны обобщающие выводы.

1. Каждое из государств формата РИК входит сегодня в число крупных и влиятельных государств мира. Россия и Китай — постоянные члены Совета Безопасности ООН со времени создания этой наиболее авторитетной международной организации; Индия рассматривается в числе наиболее вероятных кандидатов на место постоянного члена Совбеза в проектах реформирования ООН. РФ и КНР, а де-факто и Индия, входят в число членов мирового «ядерного клуба»; при общем снижении комплексного потенциала после распада СССР, Россия остается единственной страной, нарушающей монополию США на нанесение так называемого гарантированного ответного удара в гипотетической ситуации ядерного конфликта.

2. Каждая из трех стран РИК является активным участником мировых и региональных интеграционных процессов, крупных международных форумов глобального уровня. Признанием уже состоявшегося статуса каждой из трех стран как крупных и авторитетных государств еще конце 2000-х являлось участие России (в качестве прямого члена), а также Китая и Индии (как участников гостевого формата) в саммитах глав наиболее крупных государств (до 2014 г. «Большая восьмерка»). Изменившийся в середине 2010-х годов формат этих саммитов по сугубо политическим причинам вернувшихся к составу «семерки» стран Запада, отнюдь не отменил характеристики России, Индии и Китая как влиятельных субъектов международной политики.

Помимо площадки ООН, серьезное место каждая из трех стран занимает в работе формата Группы 20, который стал одной из основных диалоговых площадок, нацеленных на обсуждение и поиск решения наиболее злободневных текущих вопросов развития глобальной политической и экономической ситуации.

Решающую роль Россия, Индия и Китай играют на площадке БРИКС — растущего авторитетного объединения, которое несет все больший вклад в реформирование глобального экономического и политического управления, отстаивает продвижение перемен, которые адекватно отражали бы растущий вес новых восходящих стран и экономик.

Три страны деятельно участвуют в трансконтинентальных форумах (АСЕМ), ведут институционализированный диалог с ЕС.

3. Каждая из трех стран проводит самостоятельную, независимую политику, выступает за построение полицентричного демократиче-

ского миропорядка, основанного на соблюдении международного права, на равноправии и коллективном способе ведения мировых дел при центральной координирующей роли ООН в процессе развития отношений между странами на мирных, демократических началах. И Россия, и Индия, и Китай демонстрируют намерение последовательно укреплять свое достойное место в формирующейся системе такого миропорядка, опираются при этом на достижения внутренних стратегий развития.

4. Общее сходство взглядов характерно для трех стран в подходах ко многим общемировым проблемам (нераспространение, разоружение, основанные на принципе неделимости системы универсальной безопасности, климатические проблемы и т. п.). При этом три страны демонстрируют близость базовых взглядов в отношении одной из наиболее важных из этих проблем — борьбы против терроризма. Числа ее среди основных приоритетов, имея особенности и специфику в оценках, Россия, Китай и Индия сходным образом выражают неприятие двойных стандартов в подходе к терроризму и попыток оправдать его мотивами освободительной борьбы, демонстрируют приверженность укреплению международно-правовых основ борьбы с террористической угрозой. Эти факторы способствовали упрочению позиций каждой из трех стран в качестве деятельных и авторитетных участников глобальной антитеррористической коалиции.

5. Каждая из трех стран является активным участником авторитетных региональных форумов (АТЭС, ВАС, ШОС, АСЕАН и др.). В подходах к проблемам региональной политики Россия, Китай и Индия основываются на принципах отказа от конфронтации, исходят из необходимости мирного решения возникающих проблем, обеспечения стабильности и развития. К числу наиболее важных для всех трех стран региональных вопросов относится положение в Центральной Азии и Афганистане — регионе, который непосредственно прилегает к их границам и прямо связан с безопасностью и другими национальными интересами России, Китая и Индии.

6. Каждая из трех стран проводит многовекторную политику, развивая отношения с многочисленной группой стран всех континентов, в том числе стремясь выстроить с США и странами Запада конструктивный партнерский диалог.

7. Особенности международного положения трех стран и в каждом случае их принадлежность к крупным странам с высокой международной ответственностью, демонстрируемое при этом сходство основных подходов к ключевым вопросам мировой и региональной по-

литики — все это создает (так же, как и близость внутренних и международных экономических приоритетов) объективную основу для разностороннего взаимодействия трех стран в целях отстаивания общих или сходных внешнеполитических интересов и эффективного продвижения во многом перекликающихся задач внутреннего строительства.

Примечания

¹ URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/1_summary_of_contributions_3.pdf

² Как в очередной раз подчеркнул, например, в июле 2010 г. официальный представитель МИД КНР, «дипломатическая стратегия Китая крайне ясна, неоднократно было заявлено о проведении независимой и самостоятельной мирной внешней политики с целью создания благоприятных внешних условий для внутреннего развития страны и, в то же время, для содействия делу мира и развития на всей планете» // Жэньминь жибао. 20.07.2010.

³ Армейская газета: вооруженные силы Китая должны совершить важный переход. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7080299.html>

⁴ Годовой обзор: Китай на международной арене в 2009 г. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6850639.html>

⁵ Там же.

⁶ Си Цзиньпин призвал неизменно идти по пути мирного развития, стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества. 18.10.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/18/c_136689233.htm

⁷ Жэньминь жибао. 28.08.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6741755.html>

⁸ По словам одного из наиболее авторитетных китайских политологов, бывшего посла КНР в РФ Ли Фэнлина, Дэн Сяопин употребил в начале 1990-х формулу «не высовываться» в весьма узком смысле — как призыв не выходить на первый план с какими-либо оценками и действиями после распада СССР и КПСС. Вместе с тем более широкое толкование этого призыва — применительно к всему комплексу внешней политики КНР в первые 2—3 десятилетия китайских реформ, похоже, не вызывает у китайских экспертов принципиальных возражений.

⁹ *Yuan Peng*. A Harmonious World and China's New Diplomacy // *From Contemporary International Relations*, May/June. 2007.

¹⁰ URL: <http://ruchina.org/china-russia-article/china/61.html>

¹¹ URL: <http://ruchina.org/china-russia-article/china/61.html>

¹² Дин Ган: В ЮКМ нужно большее внимание к формуле «активные действия» : [Дин Ган: Наньхай сюйяо гэн до «ю со цзовэй»]. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2012-08/3078470.html>

¹³ Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

¹⁴ Жэньминь жибао. 26.08.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6739352.html>

¹⁵ Эксклюзивное интервью министра иностранных дел Индии. URL: <http://rodon.org/polit-090514094617>

¹⁶ Там же.

¹⁷ США и Индия подписали ядерное соглашение // Коммерсантъ. 11.10.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1079538>

¹⁸ Shyam Saran: India and a fragmented glob. URL: https://www.business-standard.com/article/opinion/shyam-saran-india-and-a-fragmented-globe-115031001405_1.html

¹⁹ The Tribune. Индия. 24 марта 2015 г. URL: <https://inosmi.ru/world/20150324/227075076.html>

²⁰ Синьхуа. 29.09.2014.

²¹ Позиция и ожидания Индии на саммите «двадцатки» в Питсбурге. URL: <http://www.rodon.org/polit-090918105802>

²² Remarks by the PM of India at the Toronto G-20 Summit. Toronto, June 27/ 2010. URL: http://www.pmindia.nic.in/visit_canada.htm

²³ 82 % индийского военного импорта — российского происхождения. Китай за указанный период импортировал вооружений и военной техники на 7,7 млрд долл. и сокращает закупки. Пакистан закупил вооружений в 2006—2010 гг. на 5,6 млрд долл., прилагает значительные усилия по укреплению своего ядерного потенциала.

²⁴ Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1659>

²⁵ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2009 году / Обзор МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/5837bbe2727d8c3dc32576e9003ad888?OpenDocument

²⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // Сайт МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument>

²⁷ 12 июля 2010 г. Москва. Выступление Д.А. Медведева на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8326>

²⁸ URL: <http://tass.ru/politika/3835736>

²⁹ Концепция внешней политики РФ 30.11.2016 URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248

³⁰ URL: <http://www.mid.ru/ru/activity/review>

³¹ Концепция внешней политики РФ. 30.11.2018.

³² Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2009 году / Обзор МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/5837bbe2727d8c3dc32576e9003ad888?OpenDocument

³³ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2017 году / Обзор МИД России. 2018. Март. URL: <http://www.mid.ru/ru/activity/review>

³⁴ *Бородавкин А.Н.* Восточное направление российской внешней политики — итоги и перспективы // *Международная жизнь*. 2011. № 1.

³⁵ URL: <http://tass.ru/politika/3835736>

³⁶ Речь Президента РФ В.В. Путина на Совещании послов и постоянных представителей России. 19.07.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58037>

Глава 3

ФОРМАТ РИК КАК СТРУКТУРА НЕФОРМАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассмотренные факты и обстоятельства, связанные с Россией, Индией и Китаем: роль в мировой экономике, торговле и политике, глобальные и региональные внешнеполитические приоритеты, включая, не только сходное неприятие однополярности, но и то заметное место, которое занимают в них связи друг с другом — все это естественным образом предполагает возникновение некой общей для трех стран повестки дня.

Вопрос, поставленный таким образом, появился достаточно давно и имеет определенную предысторию.

Выше уже говорилось о факторе общей для каждой из трех стран исторической традиции, которая охватывает и многовековые связи между собой, и совместную причастность к важным для мира событиям, уходя при этом в глубины прошлого.

Говоря о такой традиции, нередко вспоминают, что делая еще первые шаги в отношениях с Китаем, русская дипломатия использовала уже имевшийся «индийский опыт». Не поддаваясь соблазну конъюнктуры в исторических оценках, нельзя обойти и высказывание В.И. Ленина о решающей роли России, Индии и Китая «в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы»¹, а также слова Мао Цзэдуна, подчеркивавшего особую важность их «сплочения... в борьбе за мир на Дальнем Востоке и во всем мире»². Весьма обоснованной выглядит оценка, согласно которой тройственное взаимодействие реально осуществлялось в середине минувшего столетия. На эти годы приходится разносторонняя помощь, предоставленная СССР социалистическому Китаю и независимой Индии, а также их тесная общность на международной арене, выразившаяся, в частности, в выдвижении Индией и Китаем знаменитых принципов «пан-

ча-шила», активно поддержанных Советским Союзом. Показательно, что нынешние китайские исследователи проблемы, обращаясь к не самому благоприятному для китайско-советских и китайско-индийских отношений периоду полувековой давности, подчеркивают, что в Китае «не забывают о решительной поддержке», которую СССР и Индия, даже в эти сложные годы, оказывали КНР в деле восстановления ее законных прав в ООН (1971 г.)³.

Близость исторических, географических, цивилизационных параметров трех стран, помноженная на сходство или, как минимум, на параллельные характеристики идеологических и внешнеполитических подходов, обусловила внимание экспертов и политиков к трехсторонней теме и в последующие годы. В частности, как было отмечено, ряд исследователей проявили к ней интерес в 1990-е годы, когда мир претерпел крупные геополитические перемены.

Однако современное прочтение темы трехсторонних отношений России, Индии и Китая связано, как с признанной точкой отсчета, с выдвиганием в декабре 1998 г. известной «инициативы Примакова».

3.1. «Треугольник Примакова»: партнерская модель на основе «трех не»

21 декабря 1998 г., находясь с визитом в Дели, возглавлявший тогда правительство России Евгений Максимович Примаков огласил неформальную идею создания «стратегического треугольника Россия—Индия—Китай», отметив, что в «формате партнерства трех стран это могло бы привести большую стабильность в положение дел в мире и регионе»⁴.

Заявление было сделано через день после начавшихся бомбовых атак США и Великобритании на Ирак в обход Совета Безопасности. И не будет большим преувеличением сказать, что это событие стало по-своему знаковым. Причем не только в политической биографии самого Е.М. Примакова, и даже не только в политике России того периода, но и в известном смысле — в политике мировой.

Речь, по сути, шла (и с позиций сегодняшнего дня это очевидно) о де-факто *первом* крупном сигнале в пользу насущной задачи реформирования однополярного мира, который в виде политики США успел утвердиться после распада СССР. Не случайно, именно в таком ключе на сообщения из Дели тогда тут же последовала широкая волна откликов — от Лондона до Токио и Тегерана. «Высказывание

российского премьера, — писала в этот же день японская «Иомиури», — судя по всему, является отражением негативной реакции Москвы, которая рассматривает удары по Ираку как символ “однополярного господства” Соединенных Штатов»⁵.

Председатель правительства РФ изложил инициативу, означавшую параллельные или совместные действия трех стран, стран, которые:

- не скрывали несогласия с однополярностью (в том числе, осудили бомбежки Багдада);
- являлись значимой политической величиной, поскольку суммарно представляли свыше трети мирового населения, пятую часть мировой суши и уже тогда серьезную (около 15 %) часть мирового ВВП⁶.

Повторим, что в академических кругах тема обсуждалась к тому моменту уже несколько лет, но несомненная заслуга премьера Примакова состояла в том, что системная по своей сути инициатива была обнародована на высоком правительственном уровне, в конкретный день и час. Причем сформулирована она была в гибком и дипломатичном ключе: там же, в Дели, Е.М. Примаков уточнил, что речь идет не о «союзе», а именно о «партнерском формате»⁷.

Тем не менее, в контексте американо-британских бомбардировок Ирака основным содержанием комментариев явилась тогда попытка определить «удельный вес» антиамериканской составляющей в озвученной инициативе. И хотя сам Е.М. Примаков, повторим, тогда же разъяснил, что идея заключается не в создании «осей и блоков», а в возможности и необходимости для трех стран действовать вместе, «когда это полезно», именно «блоковая» интерпретация российской инициативы предопределила достаточно сдержанную реакцию Китая и Индии. Напомнив о китайской линии на «невступление в союзы», официальный представитель МИД КНР еще раз заявил тогда, что «Китай проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику». Премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай заметил, что официального предложения о создании союза пока не было; при этом он высоко оценил двусторонние российско-индийские связи и умолчал о проблемах в отношениях с Китаем⁸.

Если реакция официальных Нью-Дели и Пекина оказалась сдержанной, то в научных и политологических кругах, причем не только в трех странах, дискуссии разгорелись с новой силой. Мнения отечественных и зарубежных аналитиков, порой вступавших в жесткую заочную полемику, разошлись, причем чаще всего принимали полярный характер. Одни, в частности российские представители праволибе-

рального политического спектра, называли идею «альянса» нереальной и даже «утопичной». На противоположном (условно патриотическом) фланге другие (как правило, противники разного рода «новомышленческих» и «западнических» доктрин) выстраивали аргументы в пользу необходимости и актуальности активного трехстороннего сближения вплоть до вступления в соответствующие договорные отношения и быстрее «заключения трехстороннего стратегического союза»⁹.

В любом случае, именно в силу отмеченной (как принято говорить, «инновационной») гибкости, несмотря на начальную осторожную внешнюю реакцию, инициатива не ушла в небытие и вскоре стала предметом повышенного внимания и обсуждений не только в экспертных, но и в политических кругах трех стран. Этому явно способствовала подмеченная российским руководителем политическая логика, лейтмотивом которой явился фактор схожести, или сочетаемости, базовых приоритетов трех стран в контексте самого широкого круга новых тенденций глобальной, региональной и внутренней политики; такая логика вовсе не была дипломатическим экспромтом, а, напротив, опиралась на проводимые в течение ряда лет предметные научные разработки, в том числе — в ходе ряда международных семинаров и конференций.

Другой причиной и очевидным катализатором внимания к «треугольной идее Примакова» явилась начавшаяся в конце марта 1999 г. очередная односторонняя военная акция США и НАТО, на этот раз на Балканах, причем первая информация о бомбардировках Югославии привела тогда к знаменитому «развороту над Атлантикой», когда летевший в США с визитом автор идеи «тройки» Е.М. Примаков принял решение вернуться с Москву.

Еще за месяц до этого, в феврале 1999 г. Президент Индии Кочерил Нараянан говорил о том, что «мир должен быть многополярным», для чего необходимо, «в частности, тесное сотрудничество между Россией, Индией и Китаем»¹⁰.

В мае 1999 г. идея запуска трехстороннего сотрудничества затрагивалась на российско-китайских межмидовских консультациях¹¹.

О ней говорили в ходе российских переговоров в рамках визита В.В. Путина в Индию в октябре 2000 г.¹²

Параллельно в этот период прошли несколько экспертных конференций высокого уровня (семинар «Индия, Китай и Россия в XXI веке» в Дели, аналогичные симпозиумы в Пекине на базе Института Евразии при Госсовете КНР)¹³.

Результатом таких широких и авторитетных обсуждений стала договоренность сторон начать неофициальный практический диалог представителей трех стран по так называемой второй дорожке на уровне экспертов- политологов и авторитетных отставных дипломатов трех стран, с возможным последующим выводом этого диалога на уровень официальных лиц и руководителей государств.

Такая встреча в виде 1-й трехсторонней академической конференции прошла в сентябре 2001 г. на базе Института Дальнего Востока РАН, который выступил организатором с российской стороны. Китайскую делегацию сформировал Институт (ныне Академия) международных проблем МИД КНР (КИМП/КАМП), индийскую — Индийский институт китайских исследований (ИИКИ). Среди участников форума находились директор ИДВ М.Л. Титаренко, академик В.С. Мясников, главный научный сотрудник ИДВ, ранее посол РФ в Малайзии Б.Т. Кулик, бывший посол Индии в Китае К.В. Ранганатхан, президент КИМП посол Ян Чэнсюй.

Конференция во многом обобщила опыт экспертных оценок предыдущих лет, которые в целом сводятся к выводу о богатом позитивном потенциале, которым обладает трехстороннее российско-китайско-индийское сотрудничество. Помимо упомянутых выше исторических связей и схожести глобальных приоритетов, в качестве объективных предпосылок такого сотрудничества были выделены:

- детерминированная ответственность трех держав за судьбы демократического мирового развития, обусловленная охватом ими единого географического пространства в половину Евразии, где проживает чуть меньше половины населения Земли;
- сходство задач внутреннего развития — реформирования экономики, социальных и иных сфер с целью достижения современного цивилизационного уровня;
- необходимость для каждой из трех стран противостоять угрозам этносепаратизма и религиозного экстремизма, часто подпитываемым извне;
- взаимопересекающиеся интересы поддержания региональной стабильности, прежде всего в Центральной Азии, в особенности на фоне усиления (в тот период) региональной военно-политической активности США;
- высокий уровень российско-китайских и российско-индийских отношений, серьезный прогресс в китайско-индийских отношениях, что позволяет двусторонним связям стать прочной базой трехстороннего сотрудничества.

Важным политическим заделом сотрудничества было признано также стартовавшее к тому времени функционирование Шанхайской организации сотрудничества в составе РФ, КНР и четырех стран ЦА. Проявленный неофициальный интерес индийской стороны к ШОС, где выдвигались сходные с формируемым трехсторонним форматом задачи, объективно создавал институциональные возможности для взаимодействия трех стран на площадке этой организации.

Однако главным итогом и достижением конференции явился консенсус относительно двух базовых моментов: *трехсторонний формат актуален, его возможно и целесообразно развивать на официальном межгосударственном уровне; модель трехстороннего сотрудничества должна носить гибкий, неформальный характер*, сообразный модели стратегического партнерства, которая, в частности, была зафиксирована к тому времени в российско-индийских и российско-китайских двусторонних документах (Декларация о стратегическом партнерстве между РФ и Республикой Индия от 3 октября 2000 г. и Договор о добрососедстве, дружбе и взаимопомощи между РФ и КНР от 16 июля 2001 г.).

Признанная жизнеспособной на трехстороннем уровне и развивающая тезисы Е.М. Примакова, такая модель была охарактеризована как партнерская диалоговая структура Россия—Индия—Китай (формат РИК), «не означающая ограничение самостоятельности и независимости стран-участниц», «не предполагающая образование союзов, блоков и т. п.», но, однако, ориентированная на долговременное сотрудничество стратегического характера¹⁴.

Были согласованы и базовые *принципы* сотрудничества. Ими, отражая сущность внеблоковой модели, стали принципы «трех не» — не союз, не конфронтация, не направленность против третьих стран¹⁵.

С точки зрения *целей* было решено выделить две группы задач.

Во-первых — это совместное отстаивание сходных внешнеполитических приоритетов (демократизации международных отношений, неприятие односторонней политики и т. п.) и укрепление, таким образом, глобальных и региональных позиций каждой из двух стран.

Во-вторых — прагматичное взаимодействие в торгово-промышленной, научно-технической, культурно-гуманитарной и других областях в интересах наиболее динамичного развития социально-экономических комплексов каждой из стран¹⁶.

Несколько забегаая вперед, важно отметить: отдавая отчет в том, что жизнеспособность трехстороннего сотрудничества может быть обеспечена лишь на путях развития его как внеблоковой модели, не

наносящей ущерба интересам других членов международного сообщества, эксперты трех стран и в начале своего сотрудничества, и позже не раз демонстрировали тот же гибкий диалектический подход. Имея в виду, что развитие событий в мире теоретически способно смещаться к эскалации гегемонизма и политики односторонности, не исключалась возможность солидарных либо параллельных действий по неконфронтационному воздействию на источник такой эскалации. Вновь подчеркнем, что это не меняло взгляда на РИК как на «несоюзную» и неформализованную структуру. На уровне согласия, достигнутом в 2001 г. представителями трех стран, трехстороннее сотрудничество и в канун 2020-х годов продолжает рассматриваться в виде системы универсального гибкого партнерства, призванной объединить усилия (а значит — утроить их кумулятивный потенциал) в решении целого ряда совпадающих либо сходных внутренних и внешних задач, содействовать делу укрепления регионального и глобального мира.

Участники московской конференции обозначили четкое представление и об имеющихся трудностях и проблемах. К их числу были отнесены, прежде всего, нерешенные вопросы в китайско-индийских отношениях (вопрос о границе, «тибетская проблема», расхождения по поводу китайско-пакистанских связей и ряд других). Было обращено внимание на потенциально сдерживающее влияние, которое могли оказать некоторые особенности международного положения трех стран, предполагаемая реакция Запада, а также проблемы, связанные с продвижением практической экономической интеграции.

Принципиальным решением явился также консенсус о необходимости придать трехсторонним академическим встречам регулярный характер. В русле согласованных подходов, достигнутых в Москве, в ноябре 2002 г. в Пекине и ровно через год в Дели прошли вторая и третья трехсторонние конференции «Россия—Китай—Индия». В первом случае коллег принимал Китайский институт международных проблем (КИМП), во втором — Индийский институт китаеведения. На форумах была продолжена экспертная работа, в частности по определению и согласованию перспективных и наиболее важных направлений трехстороннего сотрудничества как в сфере внешней политики и безопасности (сотрудничество в ООН, борьба с терроризмом), так и в практических областях (энергетика, наука и техника, культура и т. п.).

3.2. Институциональное становление и развитие структуры РИК

Неформальный характер трехсторонней структуры не означал, что она абсолютно лишалась элементов институционализации. С этой точки зрения диалоговый академический формат, созданный на экспертном уровне, вполне претендовал на первый шаг в данном направлении, которое включило затем несколько этапов.

Прежде всего, как результат интенсивной совместной работы, проделанной на рубеже веков с участием экспертов-политологов, стал возможным важнейший следующий шаг — старт взаимодействия на уровне государственных ведомств. В сентябре 2002 г. на полях очередной сессии ГА ООН в Нью-Йорке бывший в то время министром иностранных дел РФ И. С. Иванов, его индийский и китайский коллеги Яшвант Синха и Тан Цзясюань провели первую встречу на уровне глав внешнеполитических ведомств трех стран¹⁷. Во время встречи состоялись, в частности, консультации по вопросам реформы ООН, антитеррористической проблеме, по вопросу Ирака. Как отметила недавно индийская «Хинду», три страны впервые предприняли тогда «серьезную попытку совместно обсудить международные дела»¹⁸. А структура межгосударственного взаимодействия «Россия—Индия—Китай» (РИК) де-факто стала политической явью.

Такие встречи проводятся с той поры регулярно, практически ежегодно. Вторая неформальная встреча трех министров прошла в 2003 г. также на полях сессии ГА ООН, третья — еще через год на полях Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Алма-Ате.

Одной из центральных тем данных переговоров глав внешнеполитических ведомств трех стран, судя по сообщениям печати, стали вопросы глобальной и региональной международной обстановки, борьбы с терроризмом. В канун встречи в Казахстане министр иностранных дел РФ в интервью российским и индийским СМИ выразил уверенность, что три государства, между которыми «налажен интенсивный политический диалог», могут внести «большой вклад в укрепление стабильности в АТР, Евразии в целом, а также в Организации Объединенных Наций». Отметив, что трехстороннее взаимодействие «активно развивается», Сергей Викторович Лавров вновь назвал в числе его предпосылок высокий уровень двусторонних отношений и, в частности, динамику развития китайско-индийских связей, «бли-

зость или совпадение позиций по большинству актуальных международных вопросов и общее видение справедливого и демократического многополюсного мироустройства, основанного на коллективных подходах к решению мировых проблем». На нынешнем, сложном этапе развития международных отношений, подчеркнул глава МИД РФ, три страны «сообща могли бы сделать немало для укрепления международного мира»¹⁹.

По сообщению агентства Синьхуа, в Алма-Ате три министра обменялись мнениями по проблемам борьбы с международным терроризмом и ситуации в Центральной Азии, а также по вопросам Афганистана и Ирака. Стороны достигли «полного согласия» по тематике, связанной с укреплением роли ООН, и договорились о «продолжении контактов по международным и региональным вопросам, представляющим взаимный интерес»²⁰. О важности укрепления трехсторонних отношений заявил в ходе своего визита в Дели, проходившего одновременно со встречами в Алма-Ате, член Госсовета КНР Тан Цзясюань.

Аналогичными были оценки, которые третьей встрече министров дала индийская сторона. Как отметили ее столичные СМИ, идея трехстороннего сближения, к которой поначалу «весьма холодно относилось правительство Ваджапай, получила полную поддержку новой администрации, возглавляемой премьер-министром Манмоханом Сингхом». А по словам министра иностранных дел Индии Натвара Сингха, сказанным им по прибытии из Алма-Аты, Индия выступает «за более тесные связи с КНР и РФ», поскольку «такое сотрудничество устраивает всех»²¹.

На встрече в Алма-Ате была достигнута важная и принципиальная договоренность институционального характера — о том, что в отличие от предыдущих встреч, проходивших в кулуарах международных форумов и не имевших фиксированной повестки дня, на свой следующий раунд переговоров министры специально соберутся в России, где обсудят уже заранее согласованные конкретные вопросы²².

Такая встреча (четвертая по счету) состоялась 2 июня 2005 г. (Владивосток, РФ) и, будучи действительно впервые собранной отдельно от полей каких-либо форумов, де-факто означала переход переговоров трех министров не только на новый «географический этап», но в новое качественное (официальное) состояние. Теперь встречи министров было решено проводить последовательно в каждой из стран, планировать их заранее, завершать их принятием совместных коммюнике. Первое из них, принятое здесь же, в столице российского Приморья, зафиксировало ряд важных положений, ка-

сающихся институционального существа, целей и направлений трехстороннего сотрудничества²³.

Логическим продолжением этого *нового институционального этапа*, движением «по восходящей» стала состоявшаяся летом 2006 г. на полях саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге первая встреча высших руководителей трех стран. Президент РФ В.В. Путин, премьер-министр Индии М. Сингх и Председатель КНР Ху Цзиньтао обсудили общие вопросы и перспективы взаимодействия, дали им положительную оценку²⁴.

В последующий период (2006—2017 гг.) три министра иностранных дел, встречаясь в среднем один раз в год, провели еще десять встреч, подписав столько же совместных документов.

Тот или иной вклад в институциональное развитие формата РИК внесли многие из трехсторонних министерских встреч. В частности, знаковой в этом смысле явилась 7-я встреча, проходившая в 2007 г. в китайском г. Харбин, где были приняты решения о запуске нескольких дорожек практического (секторального сотрудничества)²⁵. В соответствии с этими решениями ставшая с 2001 г. также ежегодной академическая РИК дополнялась диалоговыми площадками между ведомствами по сельскому хозяйству, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям. В апреле 2008 г. в Пекине состоялась встреча специалистов-аграриев. В июле 2008 г. в российской Самаре — встреча представителей России, Индии и Китая, посвященная вопросам борьбы с чрезвычайными ситуациями и их последствиями. Специалистов в области здравоохранения в 2008 г. приняла Индия.

Интенсифицировались и контакты по линии внешнеполитических ведомств: встречи министров с 2008 г. стали готовиться в рамках механизма внешнеполитических консультаций на уровне руководителей департаментов МИД трех стран. Кроме того, был запущен диалог представителей деловых кругов — начиная с 2007 г. проведено несколько встреч по линии торгово-промышленных палат стран РИК.

В марте 2008 г. была предпринята попытка (с тех пор, правда, единственная) пополнить трехстороннюю переговорную площадку новым необычным форматом: в индийской столице состоялся первый геостратегический семинар «Россия—Индия—Китай» по формуле «Трек 2 плюс 1», в рамках которого дискуссии прошли с одновременным участием ученых-экспертов и ответственных работников внешнеполитических ведомств трех стран, а также представителей ряда правительственных и деловых структур Индии.

Процесс институционального поиска, направленный в итоге на оптимальное становление механизмов формата РИК, был продолжен и в последующие годы. В 2008—2011 гг. прошел ряд форумов по линии трех названных выше министерств и ведомств, а также по линии торговых палат в 2013 г. В РИК взяла старт новая важная переговорная дорожка — был запущен механизм в виде регулярных консультаций «высоких представителей России, Индии и Китая, курирующих вопросы безопасности»²⁶. Заработала специальная площадка трехсторонних консультаций спецпредставителей по вопросам Афганистана (Пекин, январь 2014 г.)²⁷. В декабре 2016 г. появилась и переговорная дорожка по вопросам обстановки в АТР.

Продолжали свой регулярный диалог ученые-политологи. В мае 2018 г. в Москве прошла 16-я трехсторонняя научная конференция, на которой три делегации, по-прежнему возглавляемые представителями ИДВ РАН, КАМП МИД КНР и ИИКИ (г. Дели), провели обстоятельную дискуссию по вопросам дальнейшего продвижения взаимодействия в системе РИК, в частности, во внешнеполитической и некоторых секторальных сферах.

Параллельно со структурным становлением РИК формировалась (как часть институциональных процессов) и определенная *документальная база*, причем особенно активно это происходило в 2004—2008 гг. Как уже отмечалось на примере встречи во Владивостоке, в совместных документах встреч глав МИД (так же, как и в последовавших после 2004—2005 гг. двусторонних заявлениях и декларациях) были постепенно зафиксированы и уточнены цели и принципы, конкретные направления, а также механизмы сотрудничества²⁸.

Этот процесс (уже на официальном уровне) стал продолжением той работы, которую в 2001 г. начали эксперты политологи трех стран, впервые предложившие институциональную концепцию взаимодействия в формате РИК. В добавление к сказанному по этому поводу выше, показательны несколько цитат из пресс-релиза по итогам первой трехсторонней встречи ученых в Москве. В документе отмечалось, что «трехстороннее сотрудничество не означает образование союзов, блоков и т. п.», оно «направлено на объединение усилий трех стран, но без ущерба для всех других участников международного сообщества, ... призвано сыграть позитивную роль, служить стимулом к продвижению международного сотрудничества в мире в целом»²⁹.

Идея неформализованного трехстороннего сотрудничества, построенная на «трех не» — неконфронтационности, невступлении в

формальный союз, ненаправленности против третьих стран, и в этом смысле созвучная знаменитым принципам «панча шила» — впервые нашла отражение и на официальном уровне. Во время индийско-российского саммита в Дели в декабре 2004 г. основные принципы и цели трехстороннего партнерства впервые декларировал российский президент В. Путин, который подчеркнул, что «важнейший вклад в глобальную стабильность и прогресс может внести внеблоковое взаимодействие в формате Россия—Индия—КНР. А наше деловое сотрудничество способно стать важным фактором социально-экономического развития каждой из стран»³⁰.

Иными словами, были официально обозначены основные рамочные параметры и сферы трехстороннего сотрудничества как модели стратегического партнерства, базовыми целями которого являются два узловых пункта:

А. — Тройственное умножение усилий в отстаивании сходных внешнеполитических приоритетов в интересах международного мира, безопасности и противодействия современным угрозам и вызовам, включая угрозу терроризма; создание таким образом благоприятной для каждой из трех стран внешней обстановки;

Б. — Прагматичное экономическое взаимодействие в целях наиболее динамичного продвижения хозяйственных комплексов каждой из стран.

Здесь же, в Дели, в ходе визита российского президента положение, касающееся формата РИК *впервые* было отражено в официальном межправительственном документе. В Совместной российско-индийской декларации от 3 декабря 2004 г. подчеркивалось следующее: «Стороны с удовлетворением отмечают регулярное проведение трехсторонних встреч министров иностранных дел России, Индии и Китая. Эти встречи полезны для повышения взаимопонимания и поиска сфер возможного сотрудничества в трехстороннем и международном форматах. Трехсторонние встречи также отражают серьезную обеспокоенность терроризмом, в какой форме и где бы он ни проявлялся. Стороны выражают убежденность в пользе поступательного углубления трехстороннего сотрудничества, которое, среди прочего, способствует социально-экономическому развитию трех государств»³¹.

В последующие годы эти положения, а также организационные формы сотрудничества нашли отражение еще в ряде двусторонних и трехсторонних документов.

О том, что трехстороннее сотрудничество не направлено против интересов какой-либо другой страны, а наоборот, призвано «способ-

ствовать международному согласию и взаимопониманию и выработке общих позиций с учетом различных интересов», четко сказано в Делийском (2007 г.) совместном коммюнике руководителей дипломатических служб трех государств³².

Пункт о необходимости расширения рамок межмидовского диалога и «скорейшем создании» комплексного «механизма трехстороннего сотрудничества в формате Россия—Китай—Индия», а также о его целях, состоящих в «более полной реализации их возможностей в экономическом развитии» и укреплении международных усилий по противодействию новым вызовам и угрозам, стал важной составной частью российско-китайской декларации, принятой в марте 2006³³.

В подписанной спустя полгода (ноябрь 2006) китайско-индийской декларации по итогам визита в Индию Председателя КНР, стороны заявили, что они «положительно оценивают трехсторонний механизм диалога... и согласны с необходимостью всестороннего обогащения контактов и сотрудничества в рамках этого механизма»³⁴.

Аналогичные оценки содержатся в документах по итогам российско-индийского и российско-китайского саммитов от января и марта 2007 г. соответственно, в которых была подтверждена важность трехстороннего взаимодействия по вопросам укрепления международного согласия, противодействия терроризму, а также по экономической проблематике³⁵.

Концептуальные основы, базовые цели и направления трехстороннего взаимодействия получили закрепление в ходе трехстороннего саммита (2006 г.) в Санкт-Петербурге: председатель КНР, президент России и премьер-министр Индии были едины в позитивной оценке трехстороннего сотрудничества, которое служит обеспечению мира и стабильности в АТР и на планете в целом, стимулирует экономическое развитие трех стран. В беседе было подчеркнуто, что сторонам удастся координировать усилия на международной арене, указано на важность такой работы и впредь, отмечена необходимость развития механизмов для продвижения делового сотрудничества в ряде экономических сфер, прежде всего энергетике³⁶.

Наконец, качественный шаг в деле институционального оформления и развития механизмов партнерского формата РИК нашел отражение в уже упоминавшемся коммюнике по итогам встречи трех министров иностранных дел в октябре 2007 г. в Харбине. Как отмечено в документе, стороны приняли решение о создании трехсторонних консультационных механизмов на уровне руководителей отделов/департаментов внешнеполитических ведомств, а также аналогичных

механизмов по линиям ряда профильных министерств и ведомств трех стран³⁷.

В контексте структурного становления (диверсификация переговорных дорожек) и накопления документальной базы (фиксация целей, принципов в официальных коммюнике и заявлениях) уместно коснуться и определения главных *задач и направлений сотрудничества*.

Практика показала, что в ходе обсуждений на официальном и экспертном уровнях эти направления группировались вокруг двух основных согласованных задач взаимодействия — координации по международным вопросам и сотрудничества в практических областях. Накапливалась и определенная практика.

Эта практика показала, что во внешнеполитической сфере таким направлением служит, прежде всего, отстаивание приоритетов построения *справедливой и рациональной мировой архитектуры*, которая базировалась бы на принципах многополярности, приверженности международному праву и многосторонним подходам к решению проблем. Совпадение или схожесть соответствующих позиций России, Индии и Китая нашли четкое отражение в текстах совместных коммюнике трех министров иностранных дел. В документе, пописанном в 2005 г. во Владивостоке, в частности подчеркивалось, что три страны «разделяют общий подход к основным вопросам мирового развития в XXI веке и высказались в пользу демократизации международных отношений, нацеленной на построение справедливого международного порядка, в основе которого должны лежать соблюдение норм международного права, равенство и взаимное уважение, сотрудничество и продвижение в сторону многополюсности, ... приверженность многосторонней дипломатии»..., уважение суверенитета и территориальной целостности государств»³⁸. «Укрепление связей между Россией, Индией и Китаем усиливает их воздействие на процесс демократизации международных отношений, формирование многополярного миропорядка, воплощающего культурно-цивилизационное многообразие мира», — подчеркивалось также в коммюнике по итогам встречи (октябрь 2009) трех министров³⁹.

Главным инструментом реализации таких подходов Россия, Китай и Индия считают систему *ООН*, которая, как подчеркнуто сторонами в харбинском коммюнике (2007 г.), является «*самой представительной и авторитетной международной организацией*».

Другое направление — борьба против *международного терроризма*, основанная на совпадении базовых подходов трех стран к данной

проблеме. Близость взглядов характерна для трех стран и в принципиальной оценке характера основных современных угроз, прежде всего угрозы международного терроризма. Решительные коллективные усилия против терроризма, неприятие политики двойных стандартов в его оценке — неперенная черта практически всех трехсторонних коммюнике.

Такое же внимание совместные документы РИК уделяют следующему внешнеполитическому направлению, связанному с региональной политикой, прежде всего *положением в Центральной и Южной Азии и Афганистане* — регионе, который непосредственно прилегает к их границам и прямо связан с безопасностью и другими национальными интересами.

А, скажем, в комментариях к коммюнике 14-й встречи, прошедшей в апреле 2016 г. в Москве, три министра акцентировали вопросы сравнительно нового направления, связанного с *формированием в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой архитектуры безопасности*, а также обратили внимание на традиционную задачу (направление) *«углубления трехсторонней координации в рамках ключевых многосторонних объединений»*. «Очередная, 14-я встреча министров иностранных дел Китая, России и Индии в Москве подтвердила заинтересованность трех стран в усилении сотрудничества», — подчеркивалось в комментарии официального правительственного агентства Синьхуа⁴⁰.

Наконец, важным сформировавшимся направлением в международной теме сотрудничества можно назвать *содействие двусторонним отношениям*. 15-я (декабрь 2017 г.) встреча глав МИД трех стран, прошедшая в Индии, стала примечательной, в частности, именно своим акцентом на значение РИК как фактора укрепления и продвижения двусторонних, прежде всего, китайско-индийских отношений, испытанных в предыдущий период ряд вызовов⁴¹.

Перечисленные направления видятся основными, однако в трехсторонних коммюнике и других документах три страны затрагивают и высказывают согласованную позицию практически по всем вопросам международной повестки. Это иранская и корейская ядерные проблемы, содействие устойчивому и сбалансированному развитию мировой экономики. Это поддержка принципов Рамочной конвенции ООН об изменении климата и обеспечение энергетической безопасности, ситуация на Ближнем, Среднем Востоке и в Северной Африке, в том числе в Сирии. Это украинский кризис и многое другое — список можно продолжить...

Тем самым «большая евразийская тройка» посылает совместные сигналы мировому сообществу, обозначая свою значимую позицию по актуальным пунктам международной повестки дня.

Среди *направлений трехстороннего сотрудничества*, связанных со второй главной задачей (практическое или секторальное взаимодействие) перспективными признаны энергетика, транспорт и транспортная инфраструктура, наука и техника, космос, высокие технологии, включая информационные и биотехнологии и ряд других. Это отразилось и в организации упомянутых выше нескольких переговорных дорожек (здравоохранение, сельское хозяйство, мониторинг чрезвычайных ситуаций, сотрудничество бизнес-сообществ). Работа в рамках данных дорожек была начата, повторим, в конце 2000-х годов. Она заложила определенный фундамент, хотя пока не вылилась в осязаемые конкретные результаты, о чем будет сказано ниже.

Следует заметить, что в середине — конце 2000-х годов на экспертном уровне обсуждалась и тема взаимодействия трех стран по линии министерств обороны. Отправной точкой был формат двусторонних учений, как сухопутных, так и морских, которые проводились российскими и китайскими, российскими и индийскими, а чуть позднее китайскими и индийскими военными. Естественной выглядела попытка объединить эти двусторонние линии в трехсторонний формат.

Такого рода намерения стали озвучиваться и на официальном уровне. Необычным показалось сообщение в январе 2005 г. главкома ВМФ России В. Куроедова. По словам адмирала, в это время «продолжалась наработка планов» по проведению совместных учений российских, китайских и индийских военных моряков. Такие учения планировалось, согласно заявлению, провести в ходе намеченных на 2005 г. российско-индийских маневров «Индра-2005», во время которых несколько российских противолодочных и десантных кораблей из состава Тихоокеанского Флота РФ направлялись в Индийский океан⁴².

Намерение реализовано не было. Однако идею не стоит считать совсем утраченной. Она продолжает существовать по меньшей мере на экспертном уровне. На полях 14-й академической конференции РИК, прошедшей 1—2 июля 2015 г. в Китае⁴³, вопрос о возможности трехсторонних военно-морских учений был поднят индийской стороной. Видный индийский эксперт-политолог, в то время корреспондент влиятельной газеты «Хинду» в Пекине Атул Анеджа в беседе с автором отмечал, что «Индия не возражала бы против участия в таких маневрах, если бы на это дала согласие не только Россия, но и Китай».

* * *

Таким образом, за период 2001—2018 гг. трехстороннее взаимодействие прошло путь от концептуальной идеи (с узловой ролью «инициативы Примакова») до реального создания неформальной трехсторонней структуры — РИК. Этот процесс включил несколько этапов, в том числе начальный этап развития по «второй», экспертной дорожке. После этого стал возможен второй этап — начало и становление сотрудничества по официальной линии, вплоть до трехсторонних саммитов высших руководителей (2006 г.); в 2007—2016 гг. продолжалась диверсификация переговорных дорожек. Тем самым происходило институциональное становление структуры и механизмов РИК как диалогового формата.

Центральное место в формируемых механизмах взаимодействия занял институт регулярных встреч министров иностранных дел трех стран. В его рамках накоплена (также в качестве институционального элемента) определенная официальная документальная база. Она включила определения институциональной сущности (внеблоковая структура трехстороннего стратегического партнерства), принципов («три не»), целей и двух главных задач (укрепление международных позиций в многополярном мире и сотрудничество в практических областях), конкретных направлений сотрудничества (продвижение демократизации МО, центральной роли ООН, борьбы против терроризма; взаимодействие по нескольким практическим дорожкам).

Все эти процессы в комплексе составили реальную практику функционирования формата РИК, которая к концу 2010-х годов насчитывала почти два десятилетия.

3.3. Формат РИК и фактор США

Возникшая в начале столетия структура РИК как форма взаимодействия трех крупных государств, традиционно придерживающихся независимой суверенной политики и находящихся на траектории восхождения к более весомой роли в мировой экономике и международных отношениях, не могла оставаться вне поле зрения самой могущественной державы — США, которые в первое десятилетие после распада СССР утвердились в качестве единственной доминирующей силы, фактически превратив мир в однополярный.

Другим значимым фактором развития трехстороннего формата в «американском» контексте явилось то обстоятельство, что каждое из трех государств (в том числе РФ, бывшая на заре РИК, напомним, членом G8) было и остается заинтересованным (пусть и в разных измерениях) в нормальном партнерском диалоге с США на основе равенства и конструктивности.

Эти два явления с начала существования формата порой делали взгляд на РИК как на своего рода «четырёхугольную» виртуальную конфигурацию, в которой к «тройке», с точки зрения влияния на события в ней, незримо присоединялся и «американский угол».

Данная тема отличается сложностью и достаточной деликатностью.

Действительно, с одной стороны (и это очевидно), если не императивом, то катализатором создания формата РИК явилась, как было описано выше, односторонняя политика США, которые на рубеже столетий сделали своей обычной практикой произвольные силовые действия в отношении суверенных стран в обход Совбеза ООН и международного права

С другой стороны, в РИК, с учетом, в том числе, необходимости и для КНР, и для Индии и для РФ в тех или иных пределах поддерживать конструктивный диалог с США, в качестве базового принципа был принят тезис «ненаправленности против третьих стран». По-видимому, это было единственно возможным вариантом для такого рода неблоковой структуры. Как бы то ни было, формальное противоречие в этой ситуации присутствовало достаточно явно.

Осознавая это, экспертное и политическое сообщество трех стран выработало, в том числе в рамках еще первых трехсторонних экспертных конференций, гибкий диалектический подход. Было согласовано следующее.

1. Базируя свое сотрудничество на принципе «ненаправленности против третьих стран», каждое из трех государств рассматривает двусторонние отношения с США в числе главных приоритетов своей многовекторной внешней политики. РФ, Индия и КНР стремятся к развитию таких отношений на основах долговременного, взаимовыгодного и равноправного партнерства, в частности, в важной сфере противодействия новым глобальным угрозам и вызовам. И Москва, и Пекин, и Нью-Дели исходят из того, что нарушение партнерского алгоритма в отношениях с Вашингтоном на фоне заинтересованности каждой из трех стран в развитии конструктивных связей с США в различных областях, по меньшей мере, контрпродуктивно.

2. Вместе с тем в случаях, когда те или иные силы, в том числе в США, по важным проблемам мировой политики проявляют склонность к односторонним действиям в обход согласованного мнения мирового сообщества (примеры Югославии, Ирака, Ливии и т. п.), Россия, Китай и Индия рассматривают формат трехстороннего сотрудничества как важный канал скоординированного, неконфронтационного убеждения партнеров с целью вернуться в поле соблюдения Устава ООН и других общепризнанных норм международного права.

Такой сбалансированный двухэлементный подход к взаимоотношениям с США можно считать утвердившимся в системе РИК. Он в дальнейшем нашел отражение и в практической деятельности.

Линия каждой из трех стран на поддержание диалога с США сохранялась все годы существования РИК. Так, в 2014—2018 гг. Москва, несмотря на произвольную антироссийскую волну, поднятую Вашингтоном по поводу позиции РФ в украинском кризисе и ряда других не устроивших США международных шагов РФ, продолжала выступать за нормализацию российско-американских отношений. С колебаниями в виде обострения разногласий («торговая война», развязанная Д. Трампом), но внешне последовательно, развивались китайско-американские отношения.

Регулярным, невзирая на смену кабинетов в обеих странах, выглядел в эти годы диалог Вашингтон—Нью-Дели.

Заметим, что по мере развития и диверсификации как внешнеполитических (терроризм), так и практических (секторальных) направлений сотрудничества, у ряда экспертов появились основания считать структуру РИК самодостаточной и без «американского фактора». Трехстороннему формату перестали приписывать критическую от него зависимость (ослабили вульгарные оценки РИК как антизападного блока с задачей «дружить против»). Поэтому значение фактора США в качестве главного «раздражителя» снизилось. «Обоснованно преподнести идею трехстороннего сотрудничества с Китаем и Россией, исходя из геополитики и мультиполярности в глобальном контексте, совсем не трудно. Но сегодня в этом просто нет необходимости», — отмечал в 2007 г. по этому поводу, например, видный индийский дипломат, в прошлом посол Индии в Узбекистане и Турции М.К. Бадракмар⁴⁴.

Но, скорее всего, такой взгляд, по-своему обоснованный, был только частью реальной картины. Вряд ли, утратив общую базовую актуальность, американский фактор действительно перестал быть

«камнем преткновения». Однако произошло это не только за счет расширения повестки дня РИК, ее распространения на целый ряд внутриэкономических и подобных вопросов, но и, в большей степени, по причине как раз найденной экспертами гибкой двухэлементной формулы его восприятия.

«Второй элемент» выразился в том, что одновременно с развитием отношений каждой из стран тройки с США в многочисленных коммюнике РИК, которые отражают согласованную внешнеполитическую линию трех стран, неоднократно говорилось (показано выше) о задаче построения многополярного мира, создания справедливого миропорядка и безальтернативности демократизации международных отношений при центральной роли ООН. Такого рода положения практически всегда соседствуют в коммюнике с неизменным тезисом о «ненаправленности», но это не мешает им служить отчетливым сигналом всему мировому сообществу относительно того, как РИК оценивает случаи и общую политику односторонних действий. И тогда это — не столько «эзопов язык», сколько настрой по возможности прозрачно называть вещи своими именами.

Разумеется, эта сторона деятельности РИК объективно не могла (и на заре РИК, и после) не вызывать беспокойства США. И хотя в различных западных (и отечественных) экспертных и политических кругах долгое время бытовало (не исчезнувшее и концу 2010-х годов) представление о том, что «отношения с США для каждой из трех стран важны как минимум не меньше, чем отношения между собой», американские озабоченности проявлялись достаточно давно.

Очевидным тому свидетельством стал, в частности, тот факт, что уже в 2000 г., когда «инициатива Примакова» еще только обсуждалась на различных уровнях, президент Б. Клинтон, согласно некоторым источникам, созвал специальное экспертное совещание с целью просчитать последствия образования РИК для политики США и «выработать превентивные меры»⁴⁵. Нельзя не сказать и о позиции, озвученной несколько позже одним из наиболее авторитетных идеологов американской политики Г. Киссинджером. Оставляя за скобками трактовку слова «союз», которым применительно к формату РИК воспользовался бывший госсекретарь США, выделим главный смысл: «Американская дипломатия, несмотря ни на какие трудности и не проявляя никакого сострадания, должна пресечь любые попытки формирования такого союза. Такой союз снова закроет перед нами Ближний Восток. А Япония, Индонезия и Пакистан пересмотрят свою политику»⁴⁶. Опасения Вашингтона констатируют и многие западные

эксперты. «Чего Вашингтон опасается больше всего, так это возможности формирования альянса Китая и Индии вместе с Россией — альянса, базирующегося на сходных воззрениях и интересах, связанных с новым международным и экономическим порядком и многополярностью», — такую оценку давали позиции США сотрудники базирующегося в Нью-Йорке научно образовательного центра Global Nomads Group⁴⁷.

Нет весомых причин считать, что подобные оценки, прежде всего из уст авторитетных американских политиков, не служили и не служат внутренними пружинами реальных действий Вашингтона. Решая задачу выработать «превентивные меры» и «не допустить» сближения «тройки», США предпринимают неафишируемые попытки ее развала. Похоже, что при этом была избрана тактика «персональных действий». Например, путем выдвижения в свое время проекта G2 с намерением «привязать» к себе КНР, де-факто — «сдерживать ее», автоматически выдернуть и из трехстороннего формата. На это же направлена спекуляция на проблемах и нерешенных вопросах двусторонних отношений в «тройке».

Но более всего такая «персональная тактика» видна на примере Индии. Интересно, что через несколько лет после первых американских оценок нарождающегося формата РИК многие наблюдатели, рассматривавшие курс США в отношении Нью-Дели, который проводил Б. Обама, усматривали в нем явные корыстные акценты. В частности отмечалось, что одной из основных целей США в отношении Индии является стремление «реанимировать проект “четырёхстороннего альянса”, который включал бы в себя США, Японию, Австралию и Индию, и таким образом воспрепятствовал бы созданию оси Россия—Индия—Китай, которую продвигает Москва»⁴⁸.

О том, что повышенное внимание к Индии было катализировано перспективой российско-китайско-индийского сближения, может свидетельствовать и простая хронология событий.

В 2000 г., опять-таки параллельно начавшемуся обсуждению «инициативы Е. Примакова», прошел первый за два с лишним десятилетия визит в Дели президента США Б. Клинтона, который состоялся, невзирая на действие в тот момент жесткого режима санкций, ранее вызванных крайне негативной реакцией Вашингтона на ядерные испытания в Индии 1998 г. Заметим, что примерно на это же время приходится резкое изменение позиции Вашингтона по кашмирскому вопросу, которая в гораздо большей степени, чем раньше, повернулась в сторону индийских интересов.

Активную индийскую политику унаследовала и пришедшая позже к власти администрация Дж. Буша-младшего. Неслучайно, узловым пунктом индийско-американских переговоров в ходе визитов М. Сингха в США (2005 г.) и Дж. Буша в Индию (2006 г.) стала уже упоминавшаяся так называемая «ядерная сделка». Речь идет о соглашении, которое, повторим, предусматривает активное американское содействие развитию индийской мирной ядерной энергетики, в том числе поставки соответствующего топлива для реакторов, но при этом косвенно способно укрепить позиции Индии с точки зрения признания мировым сообществом ее ядерного статуса. Еще осенью 2006 г. Соглашение было в целом одобрено обеими палатами конгресса США, хотя процесс выработки окончательных решений и их имплементации был продлен затем на продолжительный срок.

Ядерная тема (в числе других значимых для двусторонней повестки вопросов) была важным предметом последующих регулярных официальных встреч на высшем уровне. В частности, она обсуждалась между Б. Обамой и индийскими премьер-министрами М. Сингхом и Н. Модии (визиты президента США в Индию в 2010 и 2015 г.), а также между Д. Трампом и Н. Модии (поездка премьер-министра Индии в США в 2017 г.).

Но в мотивах политики США в отношении Индии имеется и более конкретный структурный элемент. Очевидно (и это подтверждается серьезными фактами, включая положения аналитических докладов Пентагона), что таковым является также выраженная антикитайская составляющая, стремление превратить Индию в «фактического союзника» для «сдерживания» и «окружения» КНР⁴⁹.

Согласно британскому журналу «Экономист», поместившему в свое время данные одного из таких докладов, в качестве аргумента в пользу развития тесных связей с Нью-Дели американские стратеги выдвигают «китайскую угрозу воинским контингентам США в АТР»⁵⁰. Понятно, что через осложнение китайско-индийских отношений, этот курс способен негативно влиять заодно и на РИК, «рас-таскивая» формат трехстороннего сотрудничества.

На этот счет нет недостатка и в ряде других экспертных оценок.

Еще в 2005 г., комментируя приглашение индийскому премьер-министру Индии посетить США, видные индийские эксперты прямо указывали на намерение Вашингтона повлиять на формирование внешней политики Индии, в том числе «в отношении ее соседей и традиционных партнеров»⁵¹.

«США активно работают над тем, чтобы Индия играла важную роль в поддержании баланса сил в данном регионе. Вашингтон хочет переманить Нью-Дели на свою сторону, чтобы не допустить союза с Москвой и Пекином», — отмечали эксперты из Китайского университета Гонконга⁵².

А вот что подчеркивал тот же влиятельный британский журнал «Экономист», анализируя мотивы, которыми руководствовались США, продвигая американо-индийскую ядерную сделку. «Чтобы не попасть в неловкое положение, подъем Китая редко упоминают в качестве фактора, в силу которого США открывают ядерные двери для Индии, — отмечало издание. — Однако, возможно, именно этот фактор является фундаментальным импульсом, стоящим за американским подходом»⁵³.

При этом сегодня вряд ли исключено, что упомянутый «китайский фактор» в определенных рамках служит стимулом к встречному движению в сторону США и для Индии, усматривающей в этой ситуации возможности для политического маневра. По крайней мере, в индийском экспертном сообществе откровенно говорят о задаче «сбалансировать роль Китая в Азии», где у Индии есть свои интересы. Собственно о задаче «обеспечения стабильного баланса сил в АТР» открыто говорит и официальный Нью-Дели, не называя, правда, конкретные страны⁵⁴. В любом случае возможности для этого «баланса» в Индии видят в развитии связей с США, а также Японией, другими странами региона, которые (и это также симптоматично) чаще всего имеют непростые отношения с КНР⁵⁵.

Кроме того, среди индийских политиков имеет хождение и более широкий тезис, согласно которому «только фундаментальные изменения в отношениях с единственной мировой супердержавой помогут Индии добиться своих стратегических целей — укрепления глобальной позиции и усиления влияния в отношениях с другими великими державами»⁵⁶. Такие представления вряд ли являются безраздельно господствующим. Но свое воздействие на выработку Индией своего политического курса они, очевидно, оказывают.

Разумеется, серьезным импульсом к укреплению отношений с США служит для Нью-Дели и заинтересованность в доступе к техническим ресурсам и технологиям, прежде всего в ядерной сфере, имеющей для Индии не только экономическое, но и крайне важное политическое значение.

Новые импульсы получила двусторонняя торговля. Совсем небольшая по объему в начале 2000-х годов, уже в 2006—2007 индий-

ском финансовом году она превысила 30 млрд долл. А уже через десять лет эта цифра более чем утроилась⁵⁷.

Вашингтон и Нью-Дели договариваются о дальнейших шагах в развитии «стратегического партнерства» в широком спектре политических и экономических областей. В их числе не только ядерная, но и другие высокотехнологичные сферы. Формируется инфраструктура взаимодействия в сфере ВТС (США удалось, потеснив РФ, занять определенный сегмент оружейного рынка РФ), в сфере борьбы с терроризмом. Проводятся совместные военно-морские маневры, в том числе в рамках подключения Индии к так называемой сиднейской тройке (Австралия, США, Япония). О попытках «реанимации» этого формата, впервые выдвинутого президентом Дж. Бушем-мл., упоминалось выше.

В целом следует сказать, что Нью-Дели удается достаточно удачно использовать резервы гибкого внешнеполитического маневрирования. Возможности для этого Индия не без оснований усмотрела в своей возросшей геополитической востребованности. Внимание к Индии стали все больше проявлять и Запад во главе в США, и ее евразийские соседи. Появлялись возможности извлечь пользу из де-факто разворачивающейся «борьбы за Индию», когда в сложной геополитической и геоэкономической «игре» за «индийский приз»⁵⁸ ныне порой жестко пересекаются интересы США, России, Китая, Японии ряда других крупных государств.

Однако на фоне попыток Нью-Дели реализовать такие возможности, в том числе за счет индийско-американских связей, важным, тем не менее, остается то обстоятельство, что Индия в конечном счете руководствуется соображениями прагматизма, который диктует очевидные «пределы допустимого» в уступках Вашингтону по принципиальным внешнеполитическим вопросам, в частности — по проблемам, связанным с КНР. Это достаточно наглядно проявлялось в линии находившегося до 2014 г. у власти и возглавлявшегося М. Сингхом правительства Объединенного прогрессивного альянса.

Такого же осторожного курса, похоже, стал придерживаться и пришедший ему на смену правящий кабинет Бхаратия партии во главе с Н. Моди, хотя ряд наблюдателей справедливо отметили повышение активности Нью-Дели на американском направлении⁵⁹.

Программа Н. Моди «Действовать на Востоке» (она ориентирована, напомним, на усиление позиций Индии в Тихоокеанской Азии) не может не учитывать фактора региональной политики США. Линия США в АТР усиливается, поскольку еще в 2011 г. Вашингтон офици-

ально заявил о решительном настрое на «возвращение в Азию» (статья госсекретаря Х. Клинтон в журнале *Foreign Policy*). В связи с этим Нью-Дели будет, похоже, пытаться и дальше гибко маневрировать в треугольнике США—КНР—Индия. Итоги визитов в Индию госсекретаря США Дж. Керри (лето 2014 г.) и президента Б. Обамы (январь 2015 г.), результаты пяти поездок премьер-министра Н. Моди в США, имевшие место только за три года его нахождения у власти, в достаточной степени подтверждали такую тенденцию⁶⁰.

Но, повторим, правительство Бхаратия партии, как и предшествующие индийские руководители, не проявляли пока признаков готовности переходить антикитайские и иные подобные «красные линии» и отказаться от политики традиционной независимости и «стратегической автономии».

Подобная прагматичная позиция Индии объективно затрудняла в 2000-х — 2010-х годах достижение Соединенными Штатами своих целей по вовлечению ее в свою политику на условиях противодействия КНР, а значит и де-факто «ухода» из формата РИК.

Фактически не способствовали этим целям США и действия ее администрации во главе Д. Трампом. Объявление (в новой редакции Стратегии по национальной безопасности США) РФ и Китая стратегическими противниками, декларированная Вашингтоном готовность к одностороннему использованию военной силы для реализации американских интересов⁶¹ объективно подталкивали Пекин и Москву к еще более тесному сотрудничеству.

Индия, не желающая в этих условиях дополнительных осложнений со своим непосредственным и усиливающимся соседом — Китаем, постаралась выровнять баланс сдержек и противовесов в конфигурации КНР—США—Индия—Россия. Параллельно встречам с Д. Трампом Н. Моди провел неформальные, но весьма обстоятельные переговоры с Си Цзиньпином (апрель 2018 г., г. Ухань), а вскоре встретился с В.В. Путиным в Сочи.

Добавим, что Индия недвусмысленно воздержалась от антироссийских санкций, более того, в стране проявились серьезные озабоченности по поводу их косвенного влияния на Индию. По сообщениям СМИ, именно поиски совместного ответа на американские санкции было одной из тем сочинских переговоров руководителей России и Индии⁶².

Такая оценка индийской политики разделяется многими наблюдателями, которые полагают, что Индия «не готова стать противове-

сом Китаю, но она вполне может сыграть важную роль в построении многополярного мира в Азии».

«Дело в том, что Индия, исходя из своего опыта древнейшей цивилизации, проводит реальную политику, не сводя ее к упрощенной схеме, когда существуют только два цвета — черный и белый, — отмечало в своем весьма обстоятельном комментарии летом 2015 г. испанское издание *Publico.es*. — Несомненно, что США — мировая держава, но в то же время для Индии важно поддерживать добрососедские отношения и с Китаем»⁶³.

Есть основания полагать, что с тех пор новых причин для пересмотра таких оценок у наблюдателей за политикой Индии не появилось.

* * *

Иными словами, влияние фактора США на сотрудничество в РИК в виде шагов, объективно способных дестабилизировать структуры двусторонних отношений данного формата, в частности линию Пекин—Дели (а через эти действия — и формат РИК в целом), до середины 2010-х годов носило в целом латентный и управляемый характер. Это сохраняло хорошие надежды на то, что согласованная в свое время в РИК форма восприятия американского фактора будет сохранена. Что страны РИК продолжают линию на выстраивание с США конструктивных партнерских отношений при одновременном неконфронтационном воздействии на Вашингтон по поводу односторонних действий (санкции, вмешательство во внутренние дела), иных шагов в нарушение Устава ООН и признанных норм международного права. Тем самым сохраняются серьезные шансы, что отстаивание многополярного миропорядка и неприятие односторонней политики останутся одним из узловых приоритетов взаимодействия стран РИК, а их консолидированная позиция — важным фактором формирования многополярного мира.

Однако, ошибкой была бы и недооценка негативного влияния американского фактора. В случае гипотетического накопления (в том числе вследствие политики США) в двусторонних структурах РИК проблемно-конфликтного потенциала или критической затяжки в решении старых проблем (индийско-китайский пограничный спор, тибетская проблема, пробуксовка российско-индийских торговых отношений) такое негативное влияние может усилиться.

3.4. Академический формат, или «научное плечо» РИК

Не будет преувеличением сказать, что одной из наиболее активных переговорных площадок в РИК является структура академического диалога. С 2001 г. ученые и отставные дипломаты трех стран ведут регулярные консультации, причем институционализация еще в начале столетия механизма ежегодных трехсторонних академических конференций в качестве «второй дорожки» сыграла особенно важную роль на первых порах становления трехстороннего сотрудничества, способствовала скорому последующему переводу его на официальную, «первую дорожку»⁶⁴.

Как отмечалось выше, в сентябре 2001 г. по инициативе ИДВ РАН в Москве была проведена 1-я трехсторонняя научная конференция экспертов-политологов, включая видных в прошлом работников дипломатических ведомств России, Индии и Китая. Конференция внесла базовый вклад в концептуальное понимание нарождающейся системы сотрудничества как внеблокового гибкого диалогового формата, определила его принципы, цели и главные задачи. Были согласованы позиции по такому важному вопросу, как восприятие фактора США.

Напомним, что через год на полях 57-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке впервые провели встречу министры иностранных дел трех стран, и последовательность этих событий была не случайной и весьма показательной.

В дальнейшем конференции, постоянными со-координаторами которых являются ИДВ РАН, Китайская академия международных проблем МИД КНР и Индийский институт китайских исследований, приняли ежегодный характер. Они проводятся последовательно в каждой из трех стран, в очередности РФ—КНР—Индия. Итоговым результатом этой работы являются подробные обобщения и выводы, которые каждая из делегаций представляет государственным структурам своих стран. Забегая вперед, скажем, что 15-я конференция, которая прошла в январе 2017 г. в Дели, завершила уже пятый раунд их проведения, а 16-я, в шестой раз прошедшая в Москве (май 2018 г.), открыла, соответственно, и шестой раунд.

С точки зрения работы по концептуальному выстраиванию формата РИК наибольшее значение имели конференции первого и второго раундов (2001—2007 гг.). На них, кроме базовых принципов и целей, обсуждались, в частности, направления сотрудничества — как во внешнеполитической сфере, так и в сфере практического сотрудничества в экономике, науке и технике, других подобных областях.

Так, отличительной чертой 2-й конференции (ноябрь 2002 г.) в Пекине стало рассмотрение не только общих подходов, но и переход к рассмотрению совершенно конкретных возможностей и перспектив сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях.

Также были обсуждены вопросы взаимодействия трех стран в рамках ООН. В связи с этим участники конференции обратили особое внимание на упомянутую первую встречу (сентябрь 2002 г.), которую в рамках сессии Генеральной Ассамблеи провели главы внешнеполитических ведомств России, Индии и Китая, расценив ее как фактический старт сотрудничества в трехстороннем формате по официальной межгосударственной дорожке.

Тенденция к углублению поиска конкретных сфер трехстороннего сотрудничества получила развитие на делийской конференции (ноябрь 2003 г.). С особым вниманием здесь обсуждались вопросы взаимодействия в борьбе с терроризмом, перспективы сотрудничества в энергетике и ряде научно-технических областей, например, в космических и информационных технологиях, возможности совершенствования культурных обменов. Было высказано общее пожелание, чтобы на очередной встрече в 2004 г. в Москве к обсуждению такого рода вопросов были привлечены специалисты-эксперты в конкретных областях, с тем чтобы на повестку дня могли быть вынесены конкретные трехсторонние проекты.

Примечательной с точки зрения проектов секторального сотрудничества стала также 6-я конференция (ноябрь 2006 г.) Повышенное внимание участников традиционно вызвали сюжеты дискуссий по проблеме энергетического сотрудничества, включая вопросы транснациональной транспортировки углеводородов и электроэнергии. В ходе обсуждений тем, связанных с возможным сотрудничеством в других практических областях (торговля, сельское хозяйство, экология), докладчики говорили о важности вступления России в ВТО, осветили ситуацию и опыт в своих странах. Было указано на ряд наработок по сотрудничеству в рамках двусторонних отношений, которые могут быть трансформированы в трехсторонний формат.

С точки зрения внешнеполитической тематики в этот период также была продолжена работа с упором на выявление наиболее перспективных направлений, форм и механизмов взаимодействия. Предметно и с привлечением компетентных экспертов анализировались возможности сотрудничества на многосторонних международных площадках, включая не только ООН, но и, в частности, ШОС; вновь

изучались перспективы кооперации в сфере борьбы с терроризмом. Делались предложения по формам институционализации РИК, прежде всего в контексте совершенствования его реальных механизмов. Выявился и алгоритм обсуждения международной проблематики: ученые и эксперты трех стран сосредоточились на мониторинге текущей глобальной ситуации, на развитии региональной обстановки с упором на Центральную и Южную Азию и Афганистан. Велся обмен позициями по таким важным проблемам, как тенденции формирования мировой политической архитектуры, проблемы энергобезопасности и климата. Кроме того, в фокусе традиционного внимания были двусторонние отношения в «тройке».

Работа, проведенная в эти годы научным и экспертным сообществом трех стран, была оценена на уровне политического руководства. В канун своей совмещенной поездки в Пекин и Дели (ноябрь 2007 г.), Президент РФ В.В. Путин в интервью индийским СМИ достаточно четко определил утвердившиеся к тому времени характер, состояние и перспективы трехсторонних отношений, подчеркнув, что развитие отношений с Китаем и Индией «имеет само по себе огромное значение для Российской Федерации..., в развитии отношений в этом треугольнике заинтересованы все три государства..., двигаться вперед в направлении развития отношений между нашими государствами, конечно же, необходимо». Но кроме этого российский президент, суммируя имеющуюся практику в РИК, специально отметил и деятельность ученых трех стран: «Должен сказать, что это практическое сотрудничество имеет и серьезное интеллектуальное сопровождение. Политологи трех стран не только договариваются о встрече — обмениваются идеями и закрепляют их в совместных перспективных разработках с рекомендациями для политического уровня, с рекомендациями того, как могло бы строиться взаимодействие в трехстороннем формате в ближайшей, среднесрочной и в долгосрочной перспективе. Мы удовлетворены тем, как идет работа»⁶⁵.

«Крепким научным плечом», которое с экспертного «угла» сопровождает движение трех стран «навстречу друг другу», назвал в 2007 г. институт трехсторонних академических конференций министр иностранных дел РФ С.В. Лавров⁶⁶.

Третий раунд конференций (2007—2009 г.) включил обсуждение таких вопросов, как глобальный финансовый кризис и возможности совместных действий России, Индии и Китая; на фоне общего положения в Южной и Центральной Азии анализировалась афганская проблема; обсуждались перспективы взаимодействия трех стран в

транспортной сфере, в сельском хозяйстве, здравоохранении, в сфере кооперации бизнес-сообществ трех стран.

Нередким сюжетом конференций, как это, к примеру, имело место в 2009 г. в Дели, где обсуждалось сотрудничество в РИК по вопросам климата и чрезвычайных ситуаций, являются и некоторые специальные вопросы (в приводимом случае — геофизические механизмы природных катастроф). Их обсуждение существенно содействует расширению общего научного кругозора участников.

Конференции четвертого и пятого раундов (2010—2014 и 2015—2017 гг.) уделяли в большей степени внимание внешнеполитической проблематике трехстороннего сотрудничества. Сверялись часы по поводу вызовов текущей международной обстановки, ряда новых явлений, например, становления сравнительно новых крупных международных структур и диалоговых площадок (G-20, БРИК/БРИКС). К традиционной теме взаимодействия трех стран на площадке ШОС добавились вопросы их сотрудничества в рамках этих и других новых форматов и объединений. При этом предметом дискуссий стал вопрос о соотношении формата РИК и объединения БРИКС с точки зрения задачи «ухода» от дублирования этих двух структур.

Вновь была акцентирована тема сотрудничества в борьбе с терроризмом, при этом обращалось внимание на негативную роль США. Как подчеркивалось, к примеру, на 10-й конференции в Москве (2010 г.), «чем больше США борются с терроризмом, тем больше он укрепляется». При этом указывалось на необходимость искоренения системных основ терроризма — бедности, неравенства, на недопустимость двойных стандартов — деления террористов на «хороших и плохих»⁶⁷.

Весьма показательной с точки зрения согласования взглядов на основные глобальные и региональные вызовы была 13-я конференция в российской столице (лето 2014 г.).

Участники подчеркивали важность адекватного реагирования и оценки украинского и ближневосточного кризисов. Делегаты говорили о том, что в основе этих тревожных явлений во многом лежит стремление США и Запада «вразрез с неослабевающей общей тенденцией к миру и развитию» воспрепятствовать происходящим переменам в балансе мировых сил, сохранить одностороннее доминирование. Инструментами такой политики, подчеркивалось в выступлениях, часто служат действия по «сдерживанию России и Китая», а также попытки «разыграть индийскую карту».

Согласно во многом совпадавшему мнению выступавших от каждой из трех делегаций, именно в противодействии такого рода гегемо-

нистским амбициям и «новому интервенционизму» состоит одна из основных задач взаимодействия в РИК. Подчеркивалось, что «отпор гегемонизму — это основа РИК», что «актуальность формата РИК непосредственно определяется актуальностью построения нового справедливого и равноправного мира, альтернативного тому, который в одностороннем порядке ориентирован на интересы США и Запада»⁶⁸.

В ходе четвертого и пятого раундов активно обсуждалась региональная проблематика. В этой части делегациями также давались близкие или совпадающие оценки деструктивной роли США, указывалось на спровоцированную США и Западом выраженную «дугу нестабильности», протянувшуюся от Пакистана до Сирии, на обстановку «управляемого хаоса», которую в своекорыстных целях создает Вашингтон. Участники отмечали, что при этом применяются такие методы, как смещение режимов в Ливии и Сирии, разыгрывание «сунитско-шиитской карты» в Ираке и других странах региона с целью ослабить влияние Ирана, параллельная негласная поддержка консервативных режимов (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар).

Особенно сложной участники дискуссий на этом этапе конференций признали тему перспектив *афганского урегулирования*. Указывая на несомненную актуальность данной проблемы для каждой из стран РИК (географическая близость, вызовы безопасности в связи с возможностью «перелива» террористической активности через их границы после вывода из Афганистана войск международного контингента и т. п.), делегаты отмечали наличие многих неопределенностей, осложняющих эффективное влияние «тройки» на афганскую ситуацию. Речь идет о по-прежнему сильных экстремистских элементах движения Талибан, о пестрой внутривнутриполитической, социальной и этнической картине, о зачастую «непрозрачных» и, порой, откровенно подрывных действиях некоторых внерегиональных сил, прежде всего США, о наркотрафике, крайне противоречивом пакистанском и других негативных факторах. Тем не менее, как отмечалось в дискуссиях, все это лишь актуализирует неизбежную задачу поиска странами РИК согласованных ответов на афганский вызов. По меньшей мере, содействовать умиротворению Афганистана и превращения его в стабильную страну, дружески сотрудничающую с соседями, могут, согласно общей точке зрения, такие скоординированные действия, как помощь всемерному укреплению афганской государственности, управленческих, правоохранительных, оборонных структур, а также становлению прочной экономики как средства повышения уровня жизни.

Участники каждой из делегаций отмечали необходимость более тесной трехсторонней координации по упомянутым и другим региональным проблемам и «горячим точкам», с тем чтобы обеспечивались не только параллельные, но и, по возможности, прямо согласованные действия трех стран. При этом признавалось целесообразным эффективней использовать взаимодействие на площадке Шанхайской организации сотрудничества⁶⁹.

Тема ШОС была одной из главных на завершившей пятый раунд 15-й конференции в Дели⁷⁰. Это не было случайным, поскольку близился к концу процесс вступления в Организацию новых членов — Индии и Пакистана. Делегаты отметили, что это повышает уровень возможностей для взаимодействия РФ, Индии и Китая на площадке ШОС, но создает и ряд новых вызовов. Связанные в частности со сложными двусторонними отношениями двух вновь принятых членов, эти вызовы должны, по мнению выступавших, быть своевременно учтены и купированы. К контексте ситуации в ЦАР, Афганистане и на Ближнем Востоке (вооруженная активность ИГИЛ) вновь поднимался вопрос о военно-оборонительной функции ШОС. С российской стороны был озвучен уже не раз оглашавшийся тезис о задаче непосредственной интеграции в работу Организации проводимых под эгидой ШОС ежегодных антитеррористических маневров («Мирная миссия»).

В Дели, как и в ходе следующей конференции в Москве, обсуждались и перспективы глобальной ситуации при новой американской администрации во главе с Д. Трампом. Ход дискуссий отразил особенности и нюансы в подходах сторон, характерные и для официальной позиции каждой из стран. Так, традиционной явилась более сдержанная тональность индийских оценок, не допускавших откровенной критики США. Напротив, в одном из выступлений индийская сторона вновь указала на «большую важность для Нью-Дели отношений с Вашингтоном». В то же время китайские представители, отметив, что «незаинтересованный в обострении Китай будет наблюдать за действиями новой администрации США», вновь акцентированно говорили о том, что «единственная сверхдержава не желает мириться с вызовами своему лидерству», в связи с чем предпринимает «деструктивные для международной безопасности действия», очевидные на примере «размещения средств ПРО в Республике Корея». Тем не менее, по итогам дискуссий все участники уверенно подчеркнули, что формат РИК остается для каждой из трех стран важной площадкой продвижения совпадающих либо близких международных интересов, является

форматом, укрепляющим внешнеполитические позиции каждой из трех стран; в числе прочих высказывалось предложение о проведении второго саммита РИК, например, на полях саммитов ШОС или G20.

Значение и практическое наполнение трехсторонних научных форумов имеет, на наш взгляд, два главных измерения.

Во-первых, речь идет о том, что принято называть «научным сопровождением» трехстороннего сотрудничества. Действительно, как уже неоднократно отмечалось, конференции внесли, особенно на первых порах, немалый вклад в поиск экспертного консенсуса по концептуальным вопросам, по проблемам, связанным с институциональным характером и становлением формата РИК. Далее осуществлялась экспертная работа по поиску точек соприкосновения, определения потенциала и перспектив, согласованию подходов в части конкретных тем внешнеполитического и практического сотрудничества. Сделанные выводы и предложения, которые суммировались каждой из сторон и передавались политическому руководству, получали потом неоднократную положительную оценку.

Во-вторых, встречи ученых имеют самоценное значение с точки зрения возможностей для плодотворных дискуссий, углубления в предмет исследований, обмена опытом и методологией.

Все эти подходы и оценки были подтверждены на упомянутой 16-й конференции в Москве⁷¹. Ученые намерены продолжить свою работу на 17-й (она пройдет в Пекине в 2019 г.) и последующих встречах.

Примечания

¹ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // ПСС. М., 1964. Т. 45. С. 403—404.

² Цит. по: Рахманин О.Б. К истории отношений России/СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 318.

³ См.: Ци Чжэе. Чжун э ин хэцзо цяннин : [Перспективы китайско-российско-индийского сотрудничества] // «Ятай чжанлюэ чан» : [АТР как стратегическая арена. Сборник статей] // Пекин, 2002. С. 289—291.

⁴ ИНФО-ТАСС; АИСТ-87. 21.12.1998; URL: <http://www.frontline.in/static/html/fl1601/16010520.htm>

⁵ ИНФО-ТАСС; АИСТ-87. 22.12.1998.

⁶ World Economic Outlook Database, October 2016. Исчисления по ППС.

⁷ This is not a formal proposal. It was made in the framework of partnership between the three countries that could bring about greater stability not just in the region but the world. Primakov told reporters later in the evening. URL: <http://www.themoscowtimes.com>

com/sitemap/free/1998/12/article/premier-wants-china-india-in-troika/282008.html; URL: <http://www.themoscowtimes.com/sitemap/free/1998/12/article/premier-wants-china-india-in-troika/282008.html>

⁸ См.: Коммерсантъ. 24.12.1998.

⁹ Там же.

¹⁰ ИНФО-ТАСС; АИСТ-87. 10.02.1999.

¹¹ ИНФО-ТАСС; АИСТ-87. 05.05.1999.

¹² К визиту Владимира Путина в Индию // ИНФО-ТАСС; АИСТ-87. 03.10.2000.

¹³ Семинар «Индия, Китай и Россия в XXI веке». Дели, март 1999 г. // ИНФО-ТАСС; АИСТ-87. 10.03.1999.

¹⁴ Цит. по: Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 16.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Игорь Иванов на сессии Генеральной Ассамблеи ООН провел встречу со своими коллегами из Китая и Индии // ИТАР-ТАСС ИНОТАСС, 14.09.2002 23:47; Foreign Ministers plan 'official meets'. URL: <http://www.thehindu.com/2002/09/16/stories/2002091604171200.htm>

¹⁸ Looking for balance in power /The Hindu, DECEMBER 15, 2017. URL: <http://www.thehindu.com/opinion/lead/looking-for-balance-in-power/article21665570.ece>

¹⁹ ИТАР-ТАСС НОВОСТИ. 21.10.2004.

²⁰ Синьхуа. 21.10.2004.

²¹ Цит. по: ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 05.11.2004; The Pioneer. 22.10.2004.

²² The Hindu. 28.10.2004.

²³ По итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая принято Совместное коммюнике // Российская газета. 03.06.2005.

²⁴ URL: <http://www.russian.xinhuanet.com> (18.07.2006); Вступительное слово на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. 17.07.2006. Санкт-Петербург. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/17/2243_type63377_109020.shtml

²⁵ URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5926/Joint_Communique_of_the_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Peoples_Republic_of_China_the_Republic_of_India_and_the_Russian_Federation

²⁶ URL: http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/88942/pop_up?_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_qrIndex=0

²⁷ Индия, Китай и Россия готовы содействовать безопасности Афганистана. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/7250-indija-kitaj-i-rossija-gotovy-sodejstvovat-at-bezopasnosti-afganistana.html>

²⁸ Сайт «Президент России». Выступления. Выступление на конференции Мемориального фонда Дж. Неру. Нью-Дели, Индия. 03.12.2004. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/03/2344_type63376type63377_80609.shtml; Российско-индийская декларация. URL: <http://www.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80519/161816.shtml>

²⁹ Цит. по: Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 16.

³⁰ Сайт «Президент России». Выступления. Выступление на конференции Мемориального фонда Дж. Неру. Нью-Дели, Индия. 03.12.2004.

³¹ Российско-индийская декларация. URL: <http://www.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80519/161816.shtml>

³² URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5507/Joint_Communicu_on_the_results_of_the_trilateral_meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_India_Russia_and_China; Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Индии, России и Китая (Нью Дели. 14.02.2007); Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/776A927605FE053CC3257282006347C8

³³ URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/03/21/1851_type72067_103421.shtml?type=72067

³⁴ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t281586.htm>

³⁵ Совместное заявление по итогам официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Республику Индия. 25.01.2007. Нью-Дели. URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2007/01/25/1911_type72067_117277.shtml?type=72067;

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 26.03.2007. URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2007/03/26/2014_type72067_120807.shtml?type=72067

³⁶ URL: <http://www.russian.xinhuanet.com> 18.07.2006; Вступительное слово на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. 17.07.2006. Санкт-Петербург. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/17/2243_type63377_109020.shtml

³⁷ URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5926/Joint_Communicu_of_the_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Peoples_Republic_of_China_the_Republic_of_India_and_the_Russian_Federation

³⁸ Цит. по: Российская газета. 03.06.2005.

³⁹ URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/384b96ce1e6dec94c3257662004b9409?OpenDocument; URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/275874

⁴⁰ URL: http://russian.news.cn/2016-04/20/c_135297049.htm

⁴¹ URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2984577

⁴² ИТАР-ТАСС новости. 31.01.2005.

⁴³ URL: http://www.ciis.org.cn/english/2015-06/08/content_7971143.htm

⁴⁴ *Bhadrakumar M.K.* India plays catch-up with China, Russia. URL: [www.atimes.com/atimes/South_Asia](http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/14.04.2006) (14.04.2006).

⁴⁵ См.: Владивосток-2012: АТЭС и новые возможности России. М., 2011. С. 123.

⁴⁶ Цит. по: Союз России и двух гигантов // *Albaath*. Сирия. 21.01.2008. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/239041.html>

⁴⁷ URL: <http://www.gng.org/pulse/spring2009/GNG-Emerging-Superpowers-LP.pdf>

⁴⁸ URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>

⁴⁹ *America and China: The dragon comes calling* // *The Economist*. 01.09.2005. URL: http://www.economist.com/research/articlesBySubject/displaystory.cfm?subjectid=548623&story_id=E1_QPQPPN; см. также: *Лунев С.* Индийский марш. Россия в глобальной политике. Т. 5. 2007. № 4. С. 131—132.

⁵⁰ *America and China: The dragon comes calling* // *The Economist*. 01.09.2005. URL: http://www.economist.com/research/articlesBySubject/displaystory.cfm?subjectid=548623&story_id=E1_QPQPPN

⁵¹ *P.V. Mehta.* An embrace too ardent // *The Indian Express*. 20.07.2005.

⁵² Чжэн Чиянь. Геополитические игры России, США, Китая, Индии и Японии // *Чжунго пинлунь юэкань*. Китай. 27.04.2015. URL: <https://inosmi.ru/world/20150427/227728434.html>

⁵³ *The America-India-China strategic triangle.* *The Economist*/ Aug. 2nd 2007. URL: http://www.economist.com/displayStory.cfm?story_id=9587588

⁵⁴ Подр. см.: *Уянаев С.* Политика Индии в Восточной Азии: мотивы и направления // *Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии*. М., 2014. С. 126—130.

⁵⁵ Подр. см.: там же. С. 178—184.

⁵⁶ *C. Raja Mohan.* India and the Balance of Power. From Foreign Affairs, July/August 2006. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20060701faessay85402/c-raja-mohan/india-and-the-balance-of-power.html>

⁵⁷ Сайт министерства коммерции и промышленности Индии.

⁵⁸ По аналогии с конкуренцией Британской империи и царской России за влияние в Средней Азии возникшую ситуацию сегодня называют порой даже новой «Большой игрой». Примером служит не только ядерная сделка, но и, в частности, череда следовавших в ноябре—декабре 2010 г. визитов в лидеры Франции, США, России, стремившихся, как писали СМИ, опередить конкурентов в борьбе за индийский оборонный заказ размером свыше 100 млрд долл.; напомним также,

что в декабре 2010 г. с официальным визитом в Дели побывал премьер Госсовета КНР, а двумя месяцами ранее премьер-министра Индии «тепло принимали» в Японии в ходе его официального визита.

⁵⁹ URL: <https://ru.journal-neo.org/2016/06/18/amerikanskij-vizit-n-modi-i-ego-posledstviya>

⁶⁰ См. например: документы встреч Н. Моды с госсекретарем США и президентом Б. Обамой. URL: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-info.htm?1/707/Visit+of+US+Secretary+of+State+to+India+July+30++August+1+2014>; URL: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-info.htm?1/747/Visit+of+President+of+United+States+of+America+to+India+January+2527+2015>

⁶¹ Интервью С. Лаврова. URL: <http://tass.ru/politika/1795727>

⁶² URL: <http://expert.ru/2018/05/22/vizit-premer-ministra-indii-narendra-modi/>

⁶³ *Nazanin Armanian*. Obama regresa a la India para reavivar la lucha contra China. URL: <https://blogs.publico.es/puntoyseguido/2439/obama-regresa-a-la-india-para-reavivar-la-lucha-contra-china/>; URL: <http://inosmi.ru/world/20150209/226149901.html>

⁶⁴ Информация и некоторые материалы конференций РИК. Подр. см.: Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 11—31; 2007. № 1. С. 16—32; № 2. С. 17—41; 2008. № 1. С. 11—16; 2009. № 2. С. 14—24; 2010. № 2. С. 3—10; 2011. № 1. С. 4—44; 2012. № 5. С. 32—37; 2013. № 1. С. 19—24; 2014. № 5. С. 42—49; 2015. № 5. С. 12—18; 2017. № 1. С. 35—41.

⁶⁵ URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/11/12/1858_type63377type63380_150937.shtml

⁶⁶ Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 11.

⁶⁷ Подробно см.: *Уянаев С.* Академический форум «Россия—Индия—Китай»: «научное плечо» трехстороннего взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 22—27.

⁶⁸ См.: *Уянаев С.* Взаимодействие России, Индии и Китая в оценках академических кругов // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 42—49

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Уянаев С.* Научный форум Россия—Индия—Китай в Нью-Дели: текущие задачи формата РИК. Некоторые итоги 15-летнего взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5.

⁷¹ *Уянаев С.* Формат РИК в год 20-летия «инициативы Примакова»: к итогам 16-й трехсторонней академической конференции // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 31—37.

Глава 4

ДВУСТОРОННИЙ «КАРКАС» ТРЕХСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Двусторонние отношения, их уровень критически важны для успешного функционирования трехстороннего формата. Собственно говоря, именно высокий уровень российско-китайских и российско-индийских отношений, среди прочего, позволил на рубеже столетий серьезно задуматься о возможности создания трехстороннего формата.

Можно вспомнить синхронизированные визиты, совершенные в ходе одной поездки, когда президент РФ посетил в 2000 г. и Индию, и Китай.

Происходившее после 1988 г. (визит Р. Ганди в Пекин) постепенное накопление позитивного материала в китайско-индийских отношениях вскоре стало еще одним фактором, подтолкнувшим реализацию трехстороннего проекта.

Иными словами, три линии двусторонних отношений образуют несущую конструкцию трехстороннего формата: обеспечивают его прочность либо, напротив, потенциально способны поставить сотрудничество в РИК под сомнение.

Каковы в нынешнем веке главные тенденции в развитии каждой из трех двусторонних линий российско-индийско-китайской конструкции, как они выглядят на текущем этапе и какими могут быть обозримые перспективы?

4.1. РФ—КНР: курсом Большого Договора

Отношения Москвы и Пекина являются, пожалуй, самыми насыщенными в «тройке». Это связано не только с масштабными параметрами обеих стран, но и реально обширным полем взаимодействия, в котором есть место и многопрофильному сотрудничеству, и опреде-

ленным разногласиям. При этом, накопление позитивного сотрудничества объективно является весьма серьезным и заслуживает должного внимания.

Отношения двух стран вошли в XXI век, унаследовав неуклонную тенденцию поступательного развития в предыдущее десятилетие. Хотя было это не совсем просто. Драматичный уход с политической арены СССР, который лишь за два года до своего распада нормализовал находившиеся в четвертьвековом забвении отношения с КНР, естественным образом породил неопределенность в перспективах двусторонних отношениях между Китаем и новой Россией.

К очевидной пользе двух государств, этот период оказался очень недолгим, и, несмотря на видимый прозападный крен в российской внешней политике ее первого десятилетия, отношения с Пекином начиная с 1992—1993 гг. развивались только по нарастающей.

Хорошим тому свидетельством явилась внешне формальная, но весьма показательная сторона. В результате развития заметных и разнообразных контактов на политическом (включая высший) и других уровнях, отношения двух стран весьма быстро перешли от статуса отношений «дружественных государств» к «конструктивному партнерству» (1994 г.), а в 1996 г. обрели статус «стратегического партнерства».

Накопленный позитивный багаж позволил в июле 2001 г. закрепить эти достижения в официальном межгосударственном документе фундаментального характера. Им стал заключенный 16 июля 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который уже при подписании получил высокую оценку обеих сторон, а затем и сохранил ее на многие годы спустя.

Эта высокая оценка Договора — утвердивший его вместе с Президентом РФ В.В. Путиным Председатель КНР Цзян Цзэминь назвал документ «Договором века» — была не случайной.

Российско-китайский документ (его называют еще Большим Договором) действительно стал знаковой вехой в отношениях между двумя странами. Его выработка и принятие ознаменовали новый, принципиально важный этап в дальнейшем развитии отношений между Россией и Китаем. В документе были закреплены их базовые принципы, концептуальные основы, определены главные направления и сферы сотрудничества сторон на длительную перспективу¹. Общее значение Договора заключается в том, что после того как истекло действие не продленного в свое время советско-китайского Договора от 14 февраля 1950 г., вновь был выстроен юридический фундамент двусторонних отношений — отношений между обновляющимся Ки-

таем и во многом уже новой страной — декларировавшей уход «от недостатков советского прошлого» Россией. В этом документе высшей правовой межгосударственной силы были суммированы как базовые наработки предыдущего десятилетия, так и некоторые принципиально новые положения.

Прежде всего, Договор четко зафиксировал определение, которое с той поры применяется для характеристики нынешних двусторонних отношений — «равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие», подчеркнул основные принципы российско-китайских отношений — общепризнанные нормы международного права, включая взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, мирный способ решения проблем. Стороны заявили о взаимной поддержке друг друга в деле защиты государственного единства, в вопросе об «уважении выбора пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанного каждой из сторон». Важнейшим пунктом Договора, тем более для стран с протяженной общей границей и сложной ее историей, стала юридическая фиксация отсутствия «взаимных территориальных претензий», более того, стороны заявили о «решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение».

Кроме того, было сформулировано положение, свидетельствующее о высокой степени взаимного доверия. Стороны договорились, что в случае возникновения ситуации, которая может создать угрозу миру или затронуть интересы их безопасности, а также в случае угрозы агрессии против одной из договаривающихся сторон, они незамедлительно «проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы».

Были структурированы и закреплены другие положения, в частности регламентирующие двустороннее сотрудничество, взаимодействие по международным вопросам, включая согласованные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности и борьбе с терроризмом.

Иными словами, высокая оценка, которую Договору от 16 июля 2001 г. с тех пор давали многие политики и специалисты, была вполне оправданной. Данный документ, отразив внутренние реалии и международный контекст развития двух государств, не только стал четкой и всесторонней правовой базой российско-китайских отношений, но и представил по существу новаторскую модель двусторонних связей — модель «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия». Партнерство, которое не требует вступ-

ления в союз, не направлено против третьих стран, является деидеологизированным, долговременным, равноправным и основанным на общепризнанных принципах международного права — это тот тип отношений, который, как показывает практика, оказался востребованным далеко за рамками собственно российско-китайских отношений. Повторим уже сказанное ранее: эта модель, нашедшая отражение и в характере параллельно развивавшихся российско-индийских связей, по существу была использована и при становлении трехстороннего сотрудничества в РИК.

Последующие за принятием Договора годы (к концу 2010-х это уже почти два десятилетия) стали периодом, когда стороны шаг за шагом, преодолевая непростые, подчас, барьеры и трудности, решали весьма серьезную задачу — как наиболее эффективно наполнить формулу доверительного партнерства и стратегического взаимодействия реальным практическим содержанием.

Поэтому первая декада нового столетия вполне может быть определена как этап становления, постепенного развития и наполнения стратегического партнерства практикой реального сотрудничества и взаимодействия. Крупные двусторонние документы этого периода развивали определенную в июльском Договоре 2001 г. формулу отношений, конкретизировали и дополняли принципы и формы ее реализации.

Так, в Совместной декларации 2002 г. главы России и Китая подтвердили основные задачи и направления практической работы — «укреплять механизмы взаимных визитов и регулярных встреч на высоком уровне, повышать уровень взаимного доверия, вести постоянный обмен мнениями по важнейшим двусторонним и международным вопросам»².

Подписанные двумя годами позднее в ходе визита В.В. Путина в КНР (осень 2004 г.) документы оказались примечательны тем, что свое место среди них занял План действий по реализации положений Договора-2001 на 2005—2008 годы. Тогда же стороны достигли договоренности об объявлении 2006 г. Годом России в Китае, а 2007 г. — Годом Китая в России³.

Важные положения содержала Совместная декларация, подписанная в Пекине в марте 2006 г., где было дано расширительное толкование принципов, которых будут придерживаться стороны, развивая двустороннее партнерство. Ими были названы: «взаимное уважение, равенство, взаимная поддержка и всемерное продвижение политического взаимодоверия; взаимодополняемость, взаимовыгода и взаимное благоприятствование, учет долгосрочной перспективы,

стремление к совместному развитию; взаимный обмен опытом, расширение гуманитарных контактов, укрепление социальной базы двусторонних отношений»⁴.

В последующие 3—4 года стороны подписали новые важные документы, предприняли ряд знаковых шагов. В 2008 г. был согласован План действий по реализации Большого Договора — теперь уже на 2009—2012 гг., запущен российско-китайский энергетический диалог, проведен комплекс мероприятий в рамках Года русского языка в Китае (2009 г.) и Года китайского языка в России (2010 г.)⁵.

Летом и осенью 2009 г. был принят План российско-китайского инвестиционного сотрудничества, одобрена рассчитанная до 2018 г. Программа сотрудничества между российскими регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР⁶.

В Совместном заявлении по ситуации в мире и основным международным вопросам, а также в Совместном заявлении в связи с 10-летием Большого Договора, подписанных в ходе очередного российско-китайского саммита в Москве (июнь 2011 г.), стороны обобщили результаты и опыт 10-летнего развития двусторонних связей, объявили о стремлении к развитию отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства, выходу их на новый этап. Развивая идеи нового этапа — этапа качественных перемен в уровне и охвате сотрудничества, высшие руководители двух стран во время личной встречи в марте 2012 г. (на полях саммита БРИКС в Дели) заявили, что будут прилагать совместные усилия для «вывода китайско-российских всеобъемлющих отношений стратегического взаимодействия и партнерства на новый, более высокий уровень»⁷.

В феврале 2012 г. в то время кандидат в президенты РФ, глава правительства страны Владимир Путин опубликовал предвыборную статью по вопросам внешней политики, уделив большое внимание развитию российско-китайских отношений. В.В. Путин отметил, что «Россия нуждается в развивающемся и стабильном Китае, а КНР нужна сильная и успешная Россия». Было подчеркнуто, что быстрый экономический рост Китая — это «шанс поймать китайский ветер в паруса» российской экономики, поэтому необходимо, «сопрягая технологические и производственные возможности наших стран», задействовать «китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока». В.В. Путин выразил уверенность, что две страны будут продолжать поддерживать друг друга, вместе решать региональные и глобальные вопросы, укреплять взаимодействие в рамках многосторонних механизмов, высоко оценил достигнутый

уровень взаимодверия и созданную перспективную модель «партнерства и сотрудничества на основе прагматизма с учетом взаимных интересов»⁸.

Спустя три с небольшим месяца, уже в качестве Президента РФ, В.В. Путин совершил свою первую серию зарубежных поездок, с официальным визитом посетив Пекин. Вместе с Председателем КНР Ху Цзиньтао 5 июня 2012 г. было подписано Совместное заявление о дальнейшем углублении двусторонних «отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия». Отраженная уже в названии документа обновленная формула отношений, более высокое качественное содержание их нового этапа стали основной на последующие годы.

Отношения России и Китая находятся на беспрецедентном уровне доверия и сотрудничества, заявил 20 декабря 2012 г. Владимир Путин на традиционной большой президентской пресс-конференции, отвечая на вопрос корреспондента агентства Синьхуа. «Уровень нашего взаимодействия на политической арене такой, какого, наверное, никогда раньше не было. Мы координируем свои усилия по основным вопросам международной повестки дня и, безусловно, взаимоотношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой по этому направлению стали важным фактором в мировых делах», — добавил российский президент⁹. Схожую оценку состояния двусторонних отношений дала и китайская сторона. Так, в годовом обзоре агентства Синьхуа подчеркивалось, что «китайско-российские отношения стали классическим примером отношений между двумя великими державами, отношения дружбы и делового сотрудничества которых уже достигли значительных результатов во всех областях взаимодействия... В рамках двустороннего взаимодействия были сделаны значительные сдвиги — как в политической, так и в экономической, гуманитарной сферах, в плане стратегического партнерского взаимодействия, осуществляемого в рамках деятельности международных организаций»¹⁰.

Одним из наиболее значимых событий российско-китайских отношений в 2013 г. стал официальный визит (март) в РФ Председателя КНР Си Цзиньпина, первый после его избрания на высший государственный пост. Прошедшие в Москве переговоры были по-своему знаковыми, поскольку их вели вновь избранные руководители, в том числе Председатель КНР как представитель очередного, пятого поколения китайского руководства; им предстояло определять отношения двух стран как минимум в обозримом будущем.

Визит оправдал высокие ожидания. Стороны, вновь назвавшие друг друга важнейшими партнерами стратегического характера, достигли единства мнений практически по всем обсуждавшимся вопросам. Было подтверждено, что российско-китайские отношения принадлежат к числу важнейших внешнеполитических приоритетов двух государств, отвечают коренным национальным интересам России и Китая, способствуют их развитию и процветанию, укрепляют мир, безопасность и стабильность в региональном и глобальном масштабах¹¹.

По итогам визита были подписаны Совместное заявление КНР и РФ о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ на 2013—2016 гг., а также более 30 документов о сотрудничестве в различных сферах, в том числе важной сфере энергетики.

2014 и 2015 г. российско-китайские отношения прошли под знаком двух основных обстоятельств. **Первое** из них имело внешнеполитическое измерение: резкое изменение международной обстановки в связи с обострившимся украинским кризисом, во многом спровоцированным Западом во главе с США и вызвавшим, с одной стороны, резкую реакцию России по решительной защите собственных интересов, с другой — масштабную западную антироссийскую кампанию. Позиция, занятая по украинскому вопросу Китаем, объективно в целом отвечала интересам РФ. Еще в апреле 2014 г. Китай выступил против антироссийских санкций. Так, во время переговоров с президентом Владимиром Путиным в рамках церемонии начала строительства газопровода «Сила Сибири» зампреьера Госсовета КНР Чжан Гаоли заявил: «Китайская сторона категорически против санкций США и Запада в отношении России, против цветных революций, против попыток сдерживать развитие России»¹².

Вместе с тем китайское руководство воздержалось от открытой поддержки РФ, поскольку полагало, что это могло быть расценено как косвенное поощрение сепаратистских настроений в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где проведение референдумов по типу крымского весной 2014 г. было для Пекина, конечно же, неприемлемо (по этой же причине Китай ранее воздержался от признания независимости Абхазии и Южной Осетии). Однако нельзя не заметить, что даже говоря о формальном признании и поддержке территориальной целостности Украины, Пекин неоднократно выступал с симптоматичной оговоркой относительно «особых» (в том чис-

ле исторических) «причин», предопределивших развитие событий на Украине в 2014 г. И это стало недвусмысленным знаком в пользу как минимум «понимания» российской политики.

В любом случае международное положение России предопределило ее повышенное внимание к сотрудничеству со странами за пределами атлантического блока, в частности, с государствами Азии, прежде всего с Китаем. Некоторые наблюдатели поспешили назвать это разворотом (поворотом) РФ на Восток, хотя на фоне определившейся еще в начале 1990-х годов политики России в отношении КНР было достаточно очевидно, что речь шла о движении в прежнем направлении, но с явным ускорением, за которым, конечно, стоял катализатор украинских событий. Этот повышенный настрой РФ на сотрудничество нашел и встречные заинтересованности китайской стороны.

Как бы то ни было, но в ходе состоявшегося в мае 2014 г. визита В. Путина в КНР стороны подписали рекордное количество документов и соглашений. И пусть значительная часть из них носила характер рамочных меморандумов и протоколов о намерениях, это не могло не свидетельствовать об интенсификации сотрудничества. Главным же стало достижение прорывного соглашения — стороны договорились о поставках природного газа в Китай по восточному маршруту. Рекордный в мировой торговой практике контракт на сумму 400 млрд долл. был заключен на 30 лет. А 7 ноября 2014 г. в Пекине после длительной подготовительной работы стороны подписали Меморандум, который призван сыграть важную роль в реализации проекта поставок российского газа и по западному маршруту — из Западной Сибири (38 млрд куб. м газа в год) через алтайский перевал Канас, после чего ежегодные поставки могут достигнуть 68 млрд куб. м газа. Кроме этого было принято решение о совместном праздновании 70-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне народов России и СССР и окончания Второй мировой войны и Победы китайского народа, изгнавшего со своей земли японских захватчиков.

Вторым важным обстоятельством стала тема выдвинутых осенью 2013 г. китайских инициатив по возрождению древнего Великого Шелкового пути и связанных с этим новых масштабных шансов и вызовов для двустороннего сотрудничества. Рамочный круг вопросов, имеющих отношение к инициативе сухопутного Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и месту, которое в нем могла бы занять Россия, обсуждался на неформальной встрече президента РФ с председателем КНР в феврале 2014 г. в Сочи, куда Си Цзиньпин был приглашен на церемонию открытия Игр Белой олимпиады¹³. А в мае 2015 г.,

после соответствующей подготовительной работы, стороны в ходе официального визита Председателя КНР в Москву подписали специальное Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС официально начал свою работу четырьмя месяцами ранее) и Экономического пояса Шелкового пути. Значение этого документа определяется тем, что сотрудничество в рамках данного направления в обозримом будущем способно стать одним из определяющих в системе двустороннего межгосударственного и международного взаимодействия. Было принципиально важным, что стороны приняли политическое решение о выборе самого вектора восприятия данной темы, который был определен как однозначный настрой на взаимовыгодное сотрудничество¹⁴.

Важно также, что в документах майского саммита в Москве стороны, развивая тезисы документов 2012 г., зафиксировали «новый этап» отношений, которые «стали важным фактором развития двух стран, обеспечения их безопасности и укрепления международных позиций, а также надежной гарантией поддержания мира и стабильности в мире»¹⁵. Этот этап может быть охарактеризован, прежде всего, как **этап возросших позитивных шансов и возможностей**. Речь идет о шансах конвертации беспрецедентно высокого уровня политических отношений и взаимодоверия между руководителями и политическими элитами, а также возросшего позитивного взаимовосприятия широкими общественными массами обеих стран в достижение действительно значимых и ощутимых результатов практического сотрудничества.

Во время пребывания Си Цзиньпина в Москве китайский руководитель принял участие в торжествах по случаю 70-летия Победы над германским фашизмом. В сентябре В.В. Путин побывал с аналогичным визитом в Пекине, где принял участие в торжественных мероприятиях по случаю юбилея окончания Второй мировой войны и разгрома японского милитаризма¹⁶. Так, одной из новых тем двустороннего сотрудничества стало совместное отстаивание правды о Второй мировой войне, борьба против попыток фальсификации ее истории, за которыми стоит стремление определенных сил принизить вклад в Победу России и Китая, пересмотреть ее завоевания, в том числе поставить под сомнение послевоенное мироустройство с центральной ролью ООН и влиятельным местом в ней главных держав-победителей.

Подводя своеобразный итог событиям 2015 г., официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин, отметила, что китайская сторона высоко оценивает позитивные оценки китайско-российских отношений, содержащиеся в новой стратегии национальной безопасно-

сти РФ, утвержденной Президентом РФ Владимиром Путиным 31 декабря 2015 г. Дипломат заявила, что лидеры двух стран достигли важного взаимопонимания по «неизменяемости в трех аспектах» для китайско-российских отношений: договоренность предусматривает, что, несмотря на то, как будет изменяться международная и региональная обстановка, проводимый обеими сторонами курс на упрочение и углубление двусторонних отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства не изменится¹⁷.

В 2016—2017 гг. была продолжена совместная работа по продвижению всеобъемлющего сотрудничества, в том числе в рамках встреч на высшем уровне. За период с апреля 2016 г. (дата 20-летия установления двустороннего стратегического партнерства) по ноябрь 2017 г. президент РФ и председатель КНР провели 10 личных встреч, включая обмен государственными визитами.

В Совместном заявлении РФ и КНР, подписанном во время очередного официального саммита (июнь 2016 г., визит Президента РФ в Пекин), стороны, развивая договоренности о сопряжении строительства ЕАЭС и ЭПШП, согласовали видение и **новой российской евразийской инициативы**, с которой Москва поэтапно выступила в 2015—2016 гг.

КНР и РФ, подчеркивалось в заявлении, «выступают за создание Евразийского всеобъемлющего партнерства, в том числе с возможным подключением стран — членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН»¹⁸. В данном контексте показательным стало принятое в ходе переговоров Совместное заявление Евразийской экономической комиссии и Министерства коммерции КНР об официальном запуске переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем.

До конца 2016 г. В. Путин и Си Цзиньпин встретились еще трижды — на полях саммитов G-20 (сентябрь, Ханчжоу, КНР), БРИКС (октябрь, Гоа, Индия) и АТЭС (ноябрь, Лима, Перу). В ходе бесед было продолжено углубленное обсуждение двустороннего сотрудничества в практических сферах, взаимодействие по международной повестке, включая проблемы Кореи и борьбы с терроризмом.

Традиция насыщенного расписания встреч на высшем уровне продолжилась в 2017 г. Первая из них состоялась в ходе визита В. Путина в Пекин для участия в Форуме «Один пояс, один путь», на который съехались руководители 29 государств¹⁹.

В июле 2017 г. прошел ежегодный официальный двусторонний саммит, когда с очередным государственным визитом в Москву прибыл Председатель КНР Си Цзиньпин. Всего было подписано 28 документов о сотрудничестве, в том числе в торгово-экономической, ин-

вестиционной, энергетической, авиакосмической, регионально-приграничной, сельскохозяйственной, транспортно-коммуникационной (включая транспортные коридоры в Приморье) и других сферах²⁰. МИДы двух стран опубликовали совместное заявление, выражающее единую позицию по ситуации на Корейском полуострове, выдвинули общую инициативу в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова. Позднее руководители двух стран провели очередную личную встречу на полях саммита ШОС (Астана, июнь).

Состоявшиеся в рамках 2017 календарного года четвертая и пятая встречи Си Цзиньпина и Владимира Путина по традиции предыдущих лет прошли на полях саммитов БРИКС (сентябрь, Сямэнь, КНР) и АТЭС (ноябрь, Дананг, Вьетнам).

В Сямэне два руководителя подчеркнули важность реализации договоренностей, достигнутых в ходе июльского визита Си Цзиньпина в Москву, углубленно обменялись мнениями по международным и региональным вопросам. В том числе стороны подтвердили координацию в БРИКС, договорились о прежней приверженности цели денуклеаризации Корейского полуострова, а также о совместном «оптимальном подходе к новой обстановке после нового ядерного испытания КНДР»²¹.

Во Вьетнаме В. Путин и Си Цзиньпин продолжили обсуждение двусторонних и международных вопросов, подчеркнули намерение продолжить работу над совместными проектами, включая практически завершенную совместную работу «по заключению соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и ЕАЭС». Традиционно дружеская атмосфера встречи свидетельствовала, среди прочего, о сохранении в китайской политике, обсужденной на завершившемся незадолго до этого XIX съезде КПК, курса на развитие всеобъемлющего партнерства с РФ²².

В канун 2018 г. В. Путин и Си Цзиньпин обменялись теплыми новогодними посланиями. Прибывший в апреле 2018 г. в Москву в качестве спецпосланника председателя КНР министр Ван И был принят президентом РФ, которому «повторно передал поздравления Си Цзиньпина в связи с переизбранием на очередной президентский срок». Президент РФ передал встречные поздравления Си Цзиньпину, который второй раз был избран председателем КНР. В. Путин выразил надежду, что после выборов в России и важных внутривнутриполитических событий в КНР обе страны продолжат укреплять двусторонние связи²³.

Новый пакет из полутора десятка документов был подписан в ходе июньского (2018 г.) визита в КНР В.В. Путина. Обе стороны

подтвердили приоритетность российско-китайских отношений для политики обеих стран. Как подчеркнул в ходе переговоров Председатель КНР, «среди отношений мировых держав» отношения Китая и России отличаются своим наиболее высоким уровнем, «богатейшим содержанием и важнейшим стратегическим значением»²⁴.

Переходя от хронологии событий к обобщениям, нельзя не видеть, что за 17 лет текущего века, прошедших после подписания Большого Договора, российско-китайские отношения прошли немалый путь, накопили солидный багаж достижений.

За это время стороны, используя межгосударственные, межпартийные, межпарламентские, межведомственные и другие механизмы, активно продвигали комплекс двусторонних связей по нескольким главным направлениям.

Это — всемерное укрепление взаимного доверия, включая развитие стратегического диалога на высшем и высоком уровне. В последнее десятилетие встречи в формате Президент РФ — Председатель КНР проводятся в среднем 4—5 раз в год. С 2001 г. их прошло уже около ста. Только с 2013 г. В. Путин и Си Цзиньпин провели порядка 30 личных встреч. Существенный момент повестки этих встреч — неизменные взаимный учет и поддержка в вопросах взаимных коренных интересов, включая вопросы защиты суверенитета и укрепления международных позиций обеих стран. Фундаментальное значение для становления и укрепления взаимодоверия имело решение пограничного вопроса. «Стороны высоко оценивают благоприятную, дружественную атмосферу в районе российско-китайской границы, ставшей на всем своем протяжении поясом мира и многопланового сотрудничества, что позволяет обеспечивать стабильное, поступательное развитие двусторонних отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия», — отмечалось в Совместном заявлении по итогам саммита — 2018²⁵.

Это — укрепление и совершенствование практического сотрудничества в торгово-экономической, финансовой, научно-технической и других практических областях. РФ и КНР удалось наладить стабильные торгово-экономические связи — с 2001 г. почти в 8 раз увеличен объем товарооборота, причем с хорошей перспективой на 2018 г. Сформирован стратегический энергоальянс. Расширяется кооперация в сфере финансов, а также в области инноваций и высоких технологий. В рамках инвестиционного сотрудничества ныне, как отмечалось выше, утвержден пакет из 73 приоритетных инвестиционных проектов, 17 уже активно реализуются, к ним привлечено порядка 15 млрд долл. инве-

стиций. Стороны полны решимости продолжить активную работу в рамках подписанного в мае 2018 г. в Астане Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Тем самым Россия и Китай намерены всемерно содействовать сопряжению евразийских инициатив обеих стран, включая китайскую инициативу «Один пояс, один путь» и российские концепции ЕАЭС и Большого евразийского партнерства.

Это — развитие сотрудничества по вопросам безопасности, включая противодействие традиционным и новым вызовам. В этом направлении сотрудничают оборонные и силовые ведомства, в том числе в форме проведения консультаций, обмена информацией, проведения антитеррористических и иных маневров. Примерами служат военно-морские учения «Морское взаимодействие» (в частности в 2016—2017 гг.) в акваториях Восточно-Китайского, Балтийского и Охотского морей. Другой пример — антитеррористические учения подразделений Росгвардии и национальной полиции КНР в сентябре 2016 и декабре 2017 г.

Это — укрепление координации по вопросам глобальной и региональной повестки дня. Российско-китайское внешнеполитическое стратегическое взаимодействие стало весомым фактором международной жизни, способствовало продвижению в деле формирования справедливого и рационального многополярного миропорядка и демократизации международных отношений. В документах двустороннего саммита — 2018 поставлена задача «выводить двустороннюю внешнеполитическую координацию и взаимную поддержку на мировой арене на качественно новый уровень». Стороны намерены еще теснее совместно отстаивать центральную роль ООН, участвовать в формировании архитектуры равной и неделимой глобальной и региональной безопасности, принимать меры по устойчивому росту мировой экономики. РФ и КНР будут наращивать координацию в рамках форумов ШОС, БРИКС, РИК, ВАС, Группы двадцати, АТЭС, усиливать практическое взаимодействие в решении актуальных региональных проблем и вопросов урегулирования в «горячих точках», будут крепить взаимодействие в подходах к другим международным проблемам».

Это — развитие культурно-гуманитарных контактов. Многократно возросли масштабы культурных, образовательных, туристических обменов. В 2016 и 2017 г. прошли, например, Годы российских и китайских средств массовой информации.

Тем не менее, ясно, что очевидные имеющиеся достижения и декларации о будущих аналогичных намерениях не исчерпывают всей

повестки российско-китайского взаимодействия. В нем продолжает присутствовать определенная «облачность», которую дипломатично называют также «шероховатостями» и «еще не решенными вопросами». Это совершенно нормально и естественно для двух крупных стран, каждая из которых подчеркивает независимость и самостоятельность своей политики. Но для РФ это не снимает необходимости четко представлять не только возможности, но и вызовы и риски, связанные с российско-китайскими отношениями. Основными из вызовов и рисков могут считаться следующие.

В связи с продвижением Китаем модели нового «типа отношений с крупными странами» растет значение внимательного мониторинга ситуации в виртуальном треугольнике КНР—РФ—США. Объяснимый «упор» КНР на позитивную составляющую в сложном комплексе отношений с США, подтвержденный личными встречами Трамп — Си Цзиньпин, в долговременном плане продолжает сочетаться с высоким компонентом двусторонних разногласий, в том числе на фоне объявленных в 2018 г. президентом США антикитайских действий в торговой сфере. Это актуализирует для РФ задачу точного определения соотношения этих двух тенденций в китайско-американских отношениях. Глубокий кризис в отношениях РФ и США объективно расширяет возможности Китая, востребованность которого растет со стороны двух других углов «треугольника», хотя с усилением напряженности по китайско-американской линии усиливается и встречная заинтересованность Пекина в связях с Москвой.

Интересам России отвечает деликатная, но последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР в рамках формулы всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия и гибкий «уход» от антикитайских проявлений. Вместе с тем в стратегическом плане эту безусловную линию РФ должна проводить при параллельных действиях (пусть трудных и на фоне ужесточения летом 2018 г. антироссийских санкций, не сулящих скорого успеха) в направлении налаживания равноправного диалога с США. Такой подход важен для России не только как фактор позитивного развития связей с обоими партнерами, но и как «страховка» от теоретически возможного для РФ риска оказаться «на обочине» каких-либо китайско-американских проектов вроде потенциально не исключенной реанимации идеи «G-2».

Внимательного изучения продолжают требовать и связанные с КНР внешнеполитические и внешнеэкономические новации, прежде всего, ход реализации идеи сопряжения строительства ЕАЭС и Эко-

номического пояса Шелкового пути. Речь идет о видимых вызовах для РФ в виде объективно возрастающей региональной конкуренции, прежде всего в Центральной Азии, а также в связи с перспективами развития российского Транссиба, значение которого как главного железнодорожного моста Восточная Азия—Европа может снижаться на фоне продвижения Китаем альтернативных маршрутов через Казахстан и другие страны ЦАР и Западной Азии.

Вместе с тем объявленному обеими странами «сопряжению» строительства ЕАЭС и ЭПШП у РФ не просматривается разумная альтернатива. Трезво оценивая и по возможности купируя вызовы, необходимо максимально использовать связанные с ЭПШП шансы. Речь, во-первых, речь идет о потенциально возможном прорыве в давнем вопросе о привлечении китайских инвестиции на российский Дальний Восток (Пекин официально называет региональное сотрудничество на Дальнем Востоке «частью инициативы ЭПШП») и использовании их строительства, важного для общего подъема региона. Во-вторых, далеко не исчерпана возможность продуманного и выгодного для РФ встраивания в транзитные коридоры, которые Китай намерен структурно и технологически развивать для транспортировки железнодорожных и автомобильных грузов в Европу и обратно.

Кроме того, с точки зрения системного ухода от рисков, шагом в правильном направлении безусловно является выдвигание концепции Большой Евразии (Большое евразийское партнерство). Это позволяет поднять «вес» российских евразийских инициатив на один уровень с китайской идеей ЭПШП и вместе продвигать их к интеграции более широкого порядка. Важно, что общее одобрение китайскими партнерами такого подхода, как отмечалось, зафиксировано в российско-китайских официальных документах²⁶.

В отношениях двух стран, насчитывающих 400-летнюю историю, присутствуют и другие вызовы и нерешенные вопросы. В добавление к упомянутой выше «взаимной осторожности» по некоторым вопросам международной политики, элементы неидеального доверия присутствуют на бытовом уровне (тезис о «желтой опасности» в РФ, реликты исторических обид по поводу захвата китайских территорий Царской Россией — в КНР). Есть экономические шероховатости, к которым относятся не только низкий уровень взаимных инвестиций, но и пробуксовка программ приграничного сотрудничества, не оптимальная для РФ структура торговли, имеются и другие нерешенные вопросы.

* * *

Тем не менее, очевидно, что в развитии позитивных связей с по-прежнему самой динамично развивающейся экономикой мира, страной, продолжающей неуклонно набирать политический вес, содержится возможность укрепления международных позиций РФ, тем более в не простое для нее «санкционное» время. Здесь же кроются шансы использования потенциала сотрудничества с Китаем для экономического развития РФ, в том числе — решения стратегически важной задачи подъема сибирских и дальневосточных регионов России. Важно, что такие возможности встречают заинтересованность в сотрудничестве и со стороны КНР. Министр иностранных дел Китая Ван И на специальной пресс-конференции по итогам 1-й сессии ВСНП 13-го созыва в марте 2018 г. выразил «полную уверенность» в перспективах китайско-российских отношений: «Наша уверенность основывается на углублении многопланового практического сотрудничества Китая и России, на решительной взаимной поддержке по вопросам жизненно важных интересов друг друга, на тесном взаимодействии в международных делах, на плотных контактах двух стран во всех сферах. Одним словом, китайско-российское всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие так незыблемы, как горы»²⁷.

В интересах России и КНР продвигать двустороннее стратегическое партнерство, в том числе на площадке РИК: положения о важном значении трехстороннего формата с 2005 г. присутствуют в документах практически всех российско-китайских саммитов.

4.2. РФ—Индия: достижения и вызовы привилегированного партнерства

Отношения России и Индии часто называют уникальными, имея в виду, что исторически им присущ дух взаимной симпатии и уважения между народами двух стран. Безусловно важен и тот факт, что на уровне государств между Россией и Индией никогда не наблюдались какие-либо политические конфликты или даже сколько-нибудь серьезные разногласия. Конечно, бывали и объективно сложные периоды. Например, в 1990-е годы, когда с распадом СССР и уходом в прошлое прежней биполярной системы обе страны стали перед вызовами адаптации к новым условиям формирования своей международной политики, в том числе на двустороннем уровне.

Справедливости ради следует сказать, что сокращение в этот период объема и интенсивности российско-индийских связей стало результатом определенного «прозападного», «проатлантического» курса тогдашней России. Тем не менее, в январе 1993 г. Россия и Индия приняли принципиально важное решение — подтвердили твердое намерение сохранить традиции дружбы и сотрудничества, подписав Договор о дружбе и сотрудничестве, который принял эстафету советско-индийского Договора от 1971 г.²⁸

Но особенно активное реальное наполнение Договора-1993 началось в 2000-х годах. Уже первый срок президентства В.В. Путина был отмечен стремлением обеспечить равную сбалансированность западного и восточного векторов внешней политики РФ, что означало укрепление единственно возможной самоидентификации России как евро-тихоокеанского государства, крупнейшей страны Евроазиатского континента в целом. Символично, что именно в 2000 г. в российско-индийских отношениях произошло знаковое событие — была подписана фундаментальная Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индия²⁹.

Этот документ, как и российско-китайский Договор от 2001 г., по праву названный историческим, с одной стороны, подтвердил вековую преемственность отношений тесной дружбы, с другой — заложил надежную основу стратегических партнерских связей в долговременном будущем.

Забегая вперед, отметим, что в 2010 г. стороны сочли необходимым повысить формальный статус двусторонних отношений, применив формулу «особо привилегированного стратегического партнерства».

Несмотря на отдельные, не всегда однозначные акценты, налаженные переменчивой мировой обстановкой, отношения двух стран и ныне во многом оправдывают традиционную характеристику «уникальности», показывают пример взаимоуважения, взаимной выгоды и сотрудничества.

Несомненным достижением современного этапа отношений является создание многоярусного и многопрофильного механизма двустороннего межгосударственного диалога. Прежде всего, вошел в практику ежегодный саммит в формате президент РФ — премьер-министр Индии, поочередно проводимый в Москве и Дели. Кроме того, высшие руководители двух стран встречаются на полях различных международных форумов (БРИКС, «Группа двадцати», с 2017 г. — ШОС). В диалоге на высшем государственном уровне активно участвуют также президент Индии и председатель правительства России.

Если суммировать только основные структурные механизмы и соответствующие им направления и двустороннего сотрудничества, то помимо активной работающей межмидовской площадки внешнеполитических консультаций, к ним можно отнести следующие.

Прежде всего это — Межправительственная Российско-Индийская комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству (India-Russia Inter-Governmental Commission on Trade, Economic, Scientific, Technological and Cultural Cooperation (IRIGC-TEC)). Нынешние сопредседатели этого органа, который в силу значения курируемых сфер справедливо называют ключевым в системе двустороннего взаимодействия — это глава индийского МИД и вице-премьер Правительства России, они координируют большую текущую работу двух десятков подкомиссий, рабочих групп по конкретным сферам и вопросам сотрудничества. В зоне ответственности этих групп такие профильные площадки и программы сотрудничества, как ежегодный Российско-Индийский форум по торговле и инвестициям (сопредседатели — главы Минэкономразвития России и Минторгпрома Индии). Комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества до 2020 г., Российско-индийский совет руководителей предприятий, фестивали породненных городов, программы проведения перекрестных Национальных годов, фестивали национальных культур, породненных городов, кинофестивали и т. д.

За рамками этой «Большой комиссии» успешно действуют также:

- механизм межпарламентских связей;
- «партийная дорожка» — встречи руководителей основных партий;
- механизм взаимодействия по линии структур безопасности и силовых ведомств — советов безопасности, министерств обороны, внутренних дел (визиты руководителей, совместные учения и т. п.);
- механизм сотрудничества по линии ВТС, где заседает Российско-Индийская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству;
- площадка контактов по линии правоохранительных и контрольных органов, в том числе Верховного суда и Счетной палаты России.

Как и по линии Россия—Китай, большое значения для развития российско-индийских отношений, повторим, имеет механизм встреч на высшем уровне. Только в 2010—2018 гг. состоялось не менее 20 встреч в формате президент РФ — премьер-министр Индии.

Уместно бегло проследить тематику таких встреч в 2010-х годах, чтобы представить общую картину сотрудничества двух стран.

Официальный визит Президента РФ Д.А. Медведева в Индию 20—22 декабря 2010 г. стал примечательным тем, что в числе солидного пакета документов стороны подписали Совместное заявление «Десятилетие декларации и стратегического партнерства между РФ и Республикой Индия», в котором были подведены итоги успешного развития двусторонних связей, намечены новые задачи. В заявлении подчеркивалось, что с учетом достигнутых успехов отношения между двумя странами вышли, как уже отмечалось, на качественно новый уровень — уровень привилегированного стратегического партнерства³⁰.

Были приняты: Комплексная долгосрочная программа сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Правительствами РФ и Индии до 2020 г. и другие документы. Была продолжена и практика встреч высших руководителей на полях международных форумов (встреча Д.А. Медведев — М. Сингх на полях 3-го саммита БРИКС в Санья в апреле 2011 г.).

Ранее (март 2010 г.) в Индии с рабочим визитом находился председатель Правительства РФ В.В. Путин. В ходе встреч с индийским руководством были подписаны Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях и Дорожная карта серийного сооружения в Индии атомных электростанций по российскому проекту.

В рамках столь же разветвленного, как и в российско-китайских отношениях, механизма взаимодействия продолжались контакты по линии широкого круга министерств, ведомств, структур и организаций. В частности, они развивались по традиционно весьма наполненной внешнеполитической линии, где реализовывался межмидовский протокол о консультациях на 2010—2011 гг. В ноябре 2010 г. Индию с официальным визитом посетил министр иностранных дел РФ. Главы внешнеполитических ведомств регулярно проводят встречи в рамках многосторонних форумов (РИК, БРИКС).

В ноябре 2010 г. состоялось очередное заседание Совместной рабочей группы по противодействию международному терроризму. В декабре 2010 г. в Дели состоялся 4-й Российско-Индийский форум по торговле и инвестициям (сопредседатели — главы Минэкономразвития России и Минторгпрома Индии).

В 2011—2012 гг. между двумя странами был продолжен оживленный диалог, в том числе на высшем и высоком межгосударственном

уровне. При этом 2012 г. имел юбилейный оттенок: прошли совместные торжественные мероприятия в ознаменование 65-й годовщины установления дипломатических отношений между Россией и Индией. В ходе пребывания в Москве премьер-министра М. Сингха (15—17 декабря 2011 г.) было принято Совместное заявление о дальнейшем укреплении российско-индийского стратегического партнерства перед лицом вызовов меняющегося мира, подписаны новые важные документы в таких сферах взаимодействия, как военно-техническое сотрудничество, экономика, здравоохранение и социальное развитие, образование и антимонопольное регулирование³¹.

В документах саммита стороны, в частности, особо отметили сотрудничество в энергетике, включая сооружение дополнительных энергоблоков атомной электростанции «Куданкулам» и перспективы строительства ряда других аналогичных станций по российскому проекту на новых индийских площадках. Предусматривалось поступательное развитие взаимодействия в нефтегазовой сфере, в области космоса (спутниковая система ГЛОНАСС), в сфере ВТС (переоборудование авианосца «Викрамадитья», совместная разработка и производство современных транспортного самолета и истребителя, лицензионный выпуск в Индии различных образцов вооружения).

Визит индийского руководителя отразил традиционную масштабность взаимодействия по международным вопросам, в том числе в ООН, где РФ «решительно поддерживает» кандидатуру Индии на место постоянного члена в расширенном Совете Безопасности, в «Группе двадцати», в БРИКС, где Индия в 2012 г. стала хозяйкой очередного саммита, а также в ШОС, на площадке которой РФ «вместе с остальными государствами — членами ШОС» выступала за ускоренное «вступление Индии в эту организацию в качестве полноправного члена».

Были найдены согласованные формулы совместной позиции по иранской ядерной проблеме, по проблемам Афганистана, а также по ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке (арабо-израильский конфликт, Сирия) на основе принципа урегулирования кризисов исключительно мирными средствами, без насилия и без вмешательства извне, средствами широкого национального диалога с учетом законных чаяний народов региона. Стороны подтвердили поддержку построению в АТР транспарентной, всеобъемлющей и неделимой архитектуры безопасности, заявили о готовности тесно взаимодействовать в рамках Восточноазиатских саммитов.

В ноябре 2011 г. и апреле 2012 г. Россию посетил министр иностранных дел Индии С.М. Кришна; в феврале 2012 г. в Дели с участи-

ем заместителя министра А.И. Денисова состоялись политические консультации, обсуждались актуальные вопросы, в том числе подготовка очередного (в конце 2012 г.) визита Президента РФ в Индию³². А в октябре 2012 г. в Индии побывал сопредседатель Межправительственной российско-индийской комиссии с российской стороны, вице-премьер правительства РФ Д.О. Рогозин.

В ходе очередного российско-индийского саммита (24 декабря 2012 г., Дели) прошли обстоятельные переговоры В.В. Путина с премьер-министром Индии М. Сингхом, а также с президентом Индии П. Мукерджи и встречи с председателем партии Индийский национальный конгресс С. Ганди и лидером оппозиции С. Сварадж.

Было принято Совместное заявление по итогам официального визита в Республику Индию Президента Российской Федерации В.В. Путина «Партнерство во имя взаимного процветания и лучшего мироустройства»³³. Среди подписанных документов — Протокол о консультациях между министерствами иностранных дел на 2013—2014 гг., Программа культурных обменов между министерствами культуры на 2013—2015 гг.³⁴

«На полях» саммита были также заключены другие совместные соглашения, в том числе в области фармацевтики.

В 2013—2015 гг. диалог на высшем уровне наполнялся новым содержанием. После ряда встреч на полях международных форумов (март 2013 г., саммит БРИКС в Дурбане и т. п.) состоялся очередной официальный российско-индийский саммит. Во время официального визита в Россию премьер-министра Республики Индии М. Сингха в октябре 2013 г. прошли его встречи с президентом В.В. Путиным и председателем правительства Д.А. Медведевым. Было принято Совместное заявление «Дальнейшее углубление стратегического партнерства в интересах мира и стабильности на планете», а также ряд важных соглашений в различных областях, в том числе Программа сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2014—2017 гг.³⁵

В мае 2014 г. в Индии произошла смена правительственного кабинета, и спустя семь месяцев российского президента в ходе очередного официального саммита в Дели принимал уже новый премьер-министр Нарендра Моди. Помимо подписания очередного пакета документов и сверки часов по международной тематике, стороны подчеркнули преемственность в развитии отношений привилегированного партнерства, которое «не зависит от смены власти в Индии и РФ». Внимание привлекла позиция Нью-Дели по «украинскому кри-

зису», отличавшаяся взвешенностью и сдержанностью. Забегая вперед, заметим, что в одном из выступлений (18 марта 2014 г.) президент РФ отдельно «высоко» оценил «сдержанность и объективность Индии» в связи с событиями на Украине³⁶.

Подписанное через год (декабрь 2015 г.) по итогам официального визита в РФ премьер-министра Индии Н. Моди Совместное российско-индийское заявление «Через доверительные отношения к новым горизонтам сотрудничества» явилось одним из крупных и объемных документов двусторонних отношений 2010-х годов³⁷.

В более чем 70 пунктах были подробно представлены практически все текущие направления взаимодействия, очерчено видение его перспектив. Содержание Заявления способно достаточно полно дать общую картину двустороннего взаимодействия в 2010-х годах.

Руководители двух стран выразили удовлетворение динамикой двусторонних связей, включая визиты на высшем и высоком уровнях, межведомственные обмены и другие контакты, приветствовали итоги 21-го заседания Межправительственной российско-индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству (МПК), одобрили итоги примерно двух десятков взаимных визитов по линии ведущих министерств и ведомств (от внешнеполитических и обороны до юстиции и энергетики), прошедших в 2015 г.

Отражая ситуацию в одной из важных отраслей практического сотрудничества — ядерной, В.В. Путин и Н. Моди дали высокую оценку прогрессу, достигнутому в сооружении АЭС «Куданкулам», договорились интенсифицировать реализацию существующих и будущих проектов на этой индийской площадке, приветствовали прогресс, достигнутый в определении в Индии еще одной, второй площадки под строительство новых шести атомных энергоблоков совместно с Россией. Первый энергоблок АЭС «Куданкулам» был введен в строй в июне 2014 г., в 2015 г. — второй; была достигнута договоренность «в ближайшее время приступить к сооружению третьего и четвертого энергоблоков, продолжить переговоры по по пятому и шестому».

Кроме того, в сфере энергетики стороны приветствовали проведение в Москве 6 ноября 2015 г. первого заседания совместной Рабочей группы по изучению возможностей строительства углеводородной трубопроводной системы, соединяющей Россию и Индию. Отмечая рост динамики экспорта российских углеводородов на индийский рынок, президент РФ привлек внимание к соглашению между «Роснефтью» и группой «Эссар», в рамках которого планируются масштабные

поставки нефти и нефтепродуктов на индийские нефтеперерабатывающие заводы в объеме 10 млн т ежегодно в течение 10 лет. Стороны признали также значимость организации поставок сжиженного природного газа (СПГ) из России в Индию. Была отмечена значимость подписания между предприятиями двух стран договора купли-продажи 15 % акций АО «Ванкорнефть» (на 5,5 млрд долл.), а также достигнута договоренность о возможности увеличения этой доли в будущем.

Как было подчеркнуто, взаимодействие стратегического характера присутствует в алмазно-бриллиантовой отрасли. Россия — крупнейшая в мире алмазодобывающая страна (27 % мировой добычи), а Индия — лидер в области изготовления бриллиантов (65 % производства). Почти половина поставок российского сырья приходится как раз на Индию.

В обширном разделе Заявления, касающемся науки и техники, выделялись положения по сотрудничеству в области космоса, была дана положительная оценка подписанному в июне 2015 г. Меморандуму о взаимопонимании между Роскосмосом и Индийской организацией космических исследований.

Высокая оценка была дана и важной для обеих стран сфере ВТС, одобрены итоги XIV и XV заседаний Российско-Индийской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству, прошедших соответственно в январе 2015 г. в Дели и в ноябре 2015 г. в Москве. Эталонным образцом взаимодействия в ВТС является совместное создание ракетных комплексов «БраМос». Начато уже крупносерийное производство противокорабельных ракет в интересах индийских военно-морских сил. Не менее перспективно обсуждение проектов разработки многофункционального истребителя и многоцелевого транспортного самолета.

Стороны выразили удовлетворение проведением совместных российско-индийских военно-морских учений в декабре 2015 г. в акватории Бенгальского залива, а также совместных учений с участием сухопутных войск «Индра-2015» в ноябре 2015 г. в штате Раджастан (Индия).

В насыщенном разделе по сотрудничеству на международной арене стороны в год 70-летия ООН особо отметили ее ключевую роль в поддержании международного мира и безопасности, российская сторона вновь подчеркнула, что рассматривает Индию как достойного и сильного кандидата, который может привнести дух независимого и ответственного подхода в работу в рамках Совбеза ООН, и подтверждает свою решительную поддержку кандидатуры Индии на место постоянного члена в реформированном СБ ООН.

Была выделена актуальность координации по вопросам борьбы с терроризмом и наркотрафиком, другим проблемам, связанным с обеспечением безопасности. Стороны подчеркнули важность взаимодействия на международных площадках (ВТО, «Двадцатка», БРИКС, ШОС); в том числе было вновь подчеркнуто значение взаимодействия в формате Россия—Индия—Китай (РИК), отмечено, что данный механизм способствует повышению уровня доверия и расширению координации подходов к международным и региональным проблемам, включая вопросы безопасности, ставшие предметом встреч высших представителей стран РИК, курирующих это направление.

Заявление затронуло широкий круг проблем глобальной и региональной повестки дня, по которым Россия и Индия имеют близкие или совпадающие позиции. Стороны твердо высказались в поддержку суверенитета, единства и территориальной целостности Сирии, за содействие процессу национального примирения в Афганистане, за формирование широкой антитеррористической коалиции, действующей на основе международного права и под эгидой Организации Объединенных Наций.

Стороны вновь подтвердили «уникальный в мировой практике характер российско-индийских отношений, которые основаны на проверенных временем глубоком взаимном доверии и дружбе между двумя народами», «отметили неизменную поддержку народами России и Индии курса на дальнейшее укрепление и расширение двусторонних отношений», подчеркнули важность особо привилегированного стратегического партнерства между Россией и Индией как в контексте текущих двусторонних отношений, так и применительно к решению вопросов региональной и международной повестки дня.

Следующий индийско-российский саммит прошел в индийском Гоа 15 октября 2016 г. Совместное посещение премьер-министром Н. Моди и президентом В.В. Путиным торжественного открытия второго энергоблока АЭС в Куданкуламе и начало строительства третьего и четвертого энергоблоков, как отмечали авторитетные наблюдатели, «показали уникальное сотрудничество в области атомной энергетики»³⁸.

Были отмечены три соглашения в сфере оборонного сотрудничества. Одно касается совместного производства вертолетов Ка-226Т в Индии, заключено соглашение о создании совместного предприятия. Впервые решение о намерениях было принято в 2014 г., а соответствующее межправительственное соглашение подписано в 2015 г. Подписанное в Гоа соглашение регулирует также вопрос «об осуществлении прав участников».

Два других оборонных соглашения касались договоров о покупке Индией систем ПВО С-400 и строительстве фрегатов для индийского флота.

Эти соглашения укрепили позицию России как основного партнера Индии в области ВТС. В 2005—2016 гг. на долю России приходилось до 70 % индийского оборонного импорта, США, занимающие 2-е место, поставляли 14 %. Примерно 70 % вооружений и военного оборудования, стоящих на службе в индийской армии — советского или российского происхождения³⁹.

В 2016 г. к завершающей стадии приблизились соглашения по строительству пятого и шестого энергоблоков в Куданкуламе, на подготовительном этапе обсуждений находились вопросы еще шести энергоблоков.

На саммите в Гоа были подписаны очередные документы по развитию прежних договоренностей в углеводородной сфере: «Газпром» заключил с индийскими коллегами Меморандум о взаимопонимании по выполнению совместного исследования маршрута поставок трубопроводного газа в Индию и других возможных направлений сотрудничества. А «Роснефть» подписала соглашение о сотрудничестве в сфере образования и обучения. Кроме того, на саммите было отмечено, что «Газпром» начал реализацию долгосрочного контракта на поставку 2,5 млн т СПГ в год⁴⁰.

Освещая новые документы по сотрудничеству Индии с РФ в данной области, индийские наблюдатели приводили факты недавней истории. «Первой индийской инвестицией стало приобретение 20 % доли в проекте «Сахалин-1» стоимостью 1,7 млрд долл. в 2001 г. Это вложение принесло впечатляющие доходы. В 2009 г. ONGC Videsh Ltd. (OVL) выкупила 100 % акций Imperial Energy за 2,1 млрд долл. Этот шаг оказался крайне невыгодным из-за высокой стоимости и малых объемов добычи. Вместо этого OVL выкупила значительную долю в месторождениях им. А. Титова и Р. Требса на арктическом континентальном шельфе, права на разработку которых принадлежат «Башнефти». В 2015—2016 гг. компания OVL заключила контракты с «Роснефтью» на покупку 26 % доли в проекте «Ванкорнефть», втором по объемам нефтяном месторождении России. А в июне 2016 г. другой индийский консорциум подписал договор купли-продажи с «Роснефтью» о приобретении 23,9 % месторождения Ванкор»⁴¹, доведя общую индийскую долю до 49,9 %.

Была активизирована деятельность в инвестиционной сфере. Российский фонд прямых инвестиций и Национальный инвестици-

онный и инфраструктурный фонд Индии утвердили соглашение о создании совместного инвестфонда. Подписан протокол ОАО РЖД с Министерством железных дорог Индии о сотрудничестве по программе «скоростные железные дороги».

Еще был подписан меморандум о взаимопонимании относительно взаимного размещения наземных станций системы ГЛОНАСС и индийской спутниковой группировки НавИК.

Всего в Гоа стороны подписали 20 документов.

Прочные отношения с Россией — один из определяющих столпов индийской внешней политики, подчеркивали ведущие индийские эксперты, комментируя двусторонние контакты и подчеркивая при этом, что «во время встречи с сопредседателем (в тот момент) Российско-Индийской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству Д.О. Рогозиным 20 августа 2016 г. Н. Моди отзывался о России как о «проверенном временем и надежном друге».

Индийские эксперты продолжали называть чрезвычайно низкими цифры товарооборота, но говорили, что стороны поставили цель достичь товарооборота в 30 млрд к 2025 г., причем появились «лучи надежды». Речь идет о том, что есть «перспективы сотрудничества Индии с ЕАЭС, развития международного транспортного коридора «Север—Юг», отправка грузов по которому в пробном режиме прошла 8 августа 2016 г.; перспективно также строительство и усовершенствование порта Чабахар для улучшения доступа к Афганистану, Центральной Азии и России»⁴².

В следующем 2017 г., году 70-летнего юбилея установления двусторонних дипломатических отношений, во время визита индийского премьер-министра в РФ Наредры Моди стороны подписали «Санкт-Петербургскую декларацию Российской Федерации и Республики Индии: Взгляд в XXI век» (1 июня 2017 г.)⁴³.

Руководители двух стран подчеркнули, что российско-индийское особо привилегированное стратегическое партнерство являет собой уникальный пример доверительных отношений двух великих держав, подтвердили, что дальнейшее всестороннее развитие связей между Россией и Индией — безусловный внешнеполитический приоритет двух государств.

В числе конкретных приоритетов текущего этапа стороны выделили строительство «энергетического моста» между двумя странами, который включал бы расширение сотрудничества по всем направлениям, в том числе атомной, углеводородной и гидроэнергетике, а также возобновляемые источники энергии и повышение энергоэффек-

тивности. Руководители приветствовали заключение Генерального рамочного соглашения и Межправительственного кредитного протокола о сооружении блоков № 5 и № 6 АЭС «Куданкулам».

Стороны высказались за наращивание товарооборота, объема инвестиций и совершенствование структуры торговли, скорейшее начало переговоров по вопросу заключения соглашения о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Республикой Индией, за создание инфраструктуры международного транспортного коридора «Север—Юг», продолжение совместной работы по дальнейшему раскрытию потенциала сотрудничества в алмазно-бриллиантовой отрасли, за продвижение сотрудничества в области инфраструктуры речных перевозок, создание высокоскоростных железных дорог, сотрудничество в сфере совместного авиационного производства за счет создания совместных предприятий в Индии.

Было подчеркнуто стремление продолжить наращивание сотрудничества по линии ВТС и в сфере обороны (межвидовые маневры «Индра 2017»).

Вновь была подтверждена приверженность двух стран становлению полицентричной модели международных отношений, незыблемости центральной роли ООН, в которой Индия в качестве кандидата в постоянные члены реформированного Совета Безопасности может по-прежнему опираться на поддержку РФ. Вновь было подчеркнуто намерение развивать сотрудничество в международных форматах, в том числе в РИК, координировать усилия в борьбе с терроризмом, в обеспечении безопасности использования информационно-коммуникационных технологий.

Россия в очередной раз заявила о поддержке желания Индии войти в качестве полноформатного члена в Группу ядерных поставщиков и участников Вассенаарских договоренностей, стать, таким образом, легитимным субъектом этих экспертно-контрольных режимов.

Были одобрены дальнейшие шаги в развитии сотрудничества по ряду двусторонних линий — в области спорта, туризма, науки, других культурно-гуманитарных областей, а также в сфере упрощения визового режима. Подписанная Программа культурных обменов на 2017—2019 гг. направлена на дальнейшее расширение такого рода контактов.

Руководители двух стран отметили позитивную динамику текущего товарооборота, подчеркнули, что на середину 2017 г. накопленные российские инвестиции в индийскую экономику превысили 4 млрд долл., а индийские в экономику России — 8 млрд долл.; сторо-

нами согласован перечень из 19 проектов, нацеленных на создание совместных предприятий в области транспортной инфраструктуры, в сфере новых технологий, включая фармацевтику, авиа- и автостроение, алмазно-бриллиантовую отрасль и сельское хозяйство.

В мае 2018 г. Нарендра Моди был гостем В.В. Путина в рамках неформальной встречи в Сочи⁴⁴. Этот новый формат (такая же встреча за месяц до этого имела место в китайском Ухане между Н. Моди и Си Цзиньпином) призван, похоже, дополнить встречи в рамках официальных визитов и на полях международных форумов, а также подчеркнуть особо доверительный и важный характер ведущегося двустороннего диалога.

Комментаторы обратили внимание на два международных фактора, явившихся фоном для встречи. Во-первых, это расширение американских санкций против оборонных предприятий России, а Индия — крупнейший в мире покупатель оружия. Нью-Дели, как отмечалось, отмежевался от санкций против РФ и в новых условиях был поставлен в трудное положение, де-факто требующее от него сократить военно-техническое сотрудничество с Москвой в пользу американских корпораций, в том числе в контексте договоренностей с РФ о поставке в Индию пяти комплектов зенитно-ракетной системы С-400.

Во-вторых, Индия, поддерживающая тесные связи с Ираном (импорт нефти, коридор «Север—Юг» и т. п.), испытала похожее давление из-за океана в связи с возобновлением американских санкций против этой страны⁴⁵.

И тот, и другой факторы объективно стали вызовом региональным позициям Индии, и понятно, не могли не задевать напрямую интересов России.

В этой ситуации, как указывали международные эксперты, Нью-Дели занял достаточно твердую позицию, согласно которой «оборонные закупки Индии не будут определяться США».

На встрече в Сочи российский президент отметил высокий уровень стратегического взаимодействия с Индией, обратил внимание на растущий второй год уровень товарооборота. Нарендра Моди указал не только на традиционно высокий уровень отношений двух стран, но и подчеркнул тесный характер личных отношений с В.В. Путиным⁴⁶.

По словам министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, в ходе визита Нарендры Моди обсуждалось «взаимодействие в области космоса, включая сотрудничество по нашей системе ГЛОНАСС, в авиостроении, автомобилестроении, фармацевтике, химической промышленности, во многом другом».

Не могла быть обойденной и тема ВТС. На 2018 г. общая сумма находящихся на той или иной стадии реализации российско-индийских контрактов, среди которых, по сообщениям СМИ, соглашения о поставке С-400 и четырех военных судов, составляла порядка 12 млрд долл.

США, уже достаточно давно взявшие на «прицел» эту линию сотрудничества Москвы и Нью-Дели и исходящие при этом, как очевидно, и из политических, и из экономических соображений, проявили особое беспокойство в связи с новыми контрактами. «Никто не делает военное оборудование так, как делаем мы. Никто даже не приблизился к нам», — утверждал президент Д. Трамп на встрече с Н. Моди в 2017 г.

Согласно источникам в авторитетных СМИ, позже США перешли от слов к угрозам. Согласно подписанному в августе 2017 г. Акту по противодействию врагам Америки через санкции (Countering America's Adversaries through Sanctions Act, или сокращенно CAATSA), Вашингтон готов наказывать любую страну за покупку российского вооружения. «Я надеюсь, что не только Индия, но и все наши партнеры поймут, что мы вынуждены будем оценивать серьезно любую потенциальную крупную покупку вооружений у России. Таково требование нашего закона», — цитирует The Times of India зампомощника государственного секретаря США по военно-политическим вопросам Тину Кайданов⁴⁷.

Однако, похоже, Нью-Дели не намерен уступать, хотя бы потому, что основа современной индийской армии — это вооружения из РФ, и переход на новые типы и стандарты был бы чрезвычайно дорог. Поэтому в Индии говорили и от том, что излишний американский нажим является поводом пересмотреть оборонные связи с США в принципе, вплоть до отказа от серьезных сделок.

США на этом фоне тоже есть что терять. Хотя с 2012 по 2017 г. на Москву (по методике оценки СИПРИ) пришлось 62 % импортированной Индией военной техники и технологий, то за предыдущее пятилетие эта цифра составляла 79 %. Причем разница в значительной степени была перераспределена в пользу США, а это, среди прочего — миллиарды долларов.

В любом случае, как указывали международные эксперты, комментировавшие встречу Путин—Моди в Сочи, Нью-Дели, повторим, занял твердую позицию, заявив, что «...Индия намерена выполнить все соглашения с Россией». А сам Н. Моди на встрече в Сочи не случайно назвал Россию давним другом Индии, с которой ее связывают давние исторические отношения⁴⁸.

Тем не менее, возникшая в 2017 г. ситуация повышенного внимания к сфере российско-индийских ВТС, прямое отношение к которой имели США, напомнила о том, что несмотря на действительную уникальность, отношения РФ и Индии не совсем свободны от сложных вопросов и, порой, расхождений в оценках.

Одним из таких вопросов является как раз американский фактор, влияние которого описывалось выше применительно к структуре РИК в целом. Аналогичное негативное влияние он оказывал (в 2010-х годах в большей части потенциально) и на российско-индийские отношения. Речь идет о том же стремлении Вашингтона вовлечь Индию в орбиту своей политики, которое в Нью-Дели, в свою очередь, связывают с надеждами на поддержку США в реализации планов усиления глобально-региональных позиций Индии (членство в Совбезе ООН с правом «вето», принятие в состав нынешней официальной «пятерки» участников мирового «ядерного клуба» и т. п.). К примеру, еще в опубликованном в январе 2012 г. проекте оборонной стратегии США Индия уже не впервые была названа «жизненно важным партнером», что, понятно, не может не иметь благожелательной реакции Индии⁴⁹. Хотя степень недоверия к США в различных сегментах индийского общества и элиты (здесь, в частности, не забыли, на чьей стороне была Америка в том же индийско-пакистанском противостоянии начала 1970-х годов) достаточно велика, в целом сближение продолжается, в чем свою роль играет и фактор многочисленной индийской диаспоры в США. Более того, предпринимаются (по инициативе Вашингтона) шаги по созданию «мягкого» неформального альянса Индия—США—Япония, причем, комментируя этот процесс, некоторые индийские эксперты говорят о том, что такой тройственный союз способен помочь укреплению безопасности на море в зоне Тихого и Индийского океанов, «создать устойчивый баланс сил в Азии»⁵⁰.

Исходя из традиций индийской внешней политики, включая сегодняшнюю концепцию «стратегической автономности», сложно предположить, чтобы Нью-Дели пожертвовал надежными связями с РФ (и другими важными странами) ради весьма переменчивых и конъюнктурных перспектив отношений с США. Однако диалог с Вашингтоном будет наверняка продолжаться, он требует мониторинга с российской стороны, и в не меньшей степени — прозрачных и открытых обсуждений в высоком российско-индийском формате, как это, например, имело место в Сочи.

Кроме того, в середине 2010-х годов, по мере диверсификации связей РФ со странами Азии, индийская сторона стала высказывать

серьезное беспокойство по поводу российско-пакистанских отношений, в том числе в оборонной сфере. Как отмечал в 2016 г. бывший посол Индии в РФ П.С. Рагаван, Индия не может принять российских объяснений по поводу военных учений с Пакистаном, в которых, утверждается, что такие маневры не наносят ущерба интересам Индии; другой бывший дипломат высшего ранга заявил еще более жестко, настаивая на том, что учения РФ с Пакистаном — «такая же провокация, какой стали бы совместные индийско-украинские учения в районе Крыма, и нужно найти способ предотвращать такие неприятные инциденты в будущем»⁵¹.

Правда, итоговый вывод такого рода высказываний индийской стороны сводится к тезису об уверенности в том, что новая внешнеполитическая динамика «не уменьшает политической и стратегической важности российско-индийских отношений». А «честный и последовательный диалог на высшем уровне, подкрепляемый обратной связью, призван гарантировать, что партнеры остаются внимательными к серьезным заботам друг друга».

Кроме того (об этом говорилось выше, в разделе о двусторонней торговле), давним сдерживающим фактором является затянувшаяся пробуксовка экономического сотрудничества, объясняемая как объективными, так и субъективными факторами.

И все-таки, подводя главный итог, следует сказать, что отношениям России и Индии в обозримом будущем вряд ли грозят потрясения, способные повлиять на традиции общего доверия и дружбы, на сложившийся в текущем столетии алгоритм сотрудничества в формате «особо доверительного стратегического партнерства». А это сохраняет и умножает благоприятные возможности сотрудничества двух стран в РИК, как укрепляет перспективы и самого трехстороннего формата.

4.3. Индия—Китай: дилемма «конкурентного сотрудничества»

Китайско-индийские отношения традиционно признаются сравнительно «слабым звеном» структуры РИК. Для этого есть известные основания, если иметь в виду исторически непростой характер двусторонних отношений, которые, по меньшей мере внешне, выглядят менее стабильными, чем отношения РФ с КНР и Индией. В связи с этим имеет смысл остановиться на китайско-индийских отношениях

несколько более подробно, чем на двух других двусторонних линиях в «тройке».

В 2018 г. для современных отношений КНР и Индии большое значение имела юбилейная дата — 30-летие визита в Китай премьер-министра Индии Раджива Ганди. Этот визит, как показали истекшие десятилетия, оказался для двусторонних связей по-настоящему знаковым.

Прошедшие в декабре 1988 г. в Пекине переговоры на высшем уровне — первые за предыдущие три десятка лет — прервали четвертьвековую полосу вражды и отчуждения. Начатая в 1962 г. кровопролитным вооруженным конфликтом на границе и продолженная долгими годами фактического замораживания отношений, она иллюстрировалась хотя бы тем, что на полтора десятка лет стороны отзывали глав своих посольств, был практически свернут двусторонний товарооборот, который еще в середине 1980-х годов выражался абсолютно символическими цифрами (немногим более 0,2 млрд долл.). В ходе визита тридцатилетней давности стороны договорились возобновить полномасштабный межгосударственный диалог, пришли к согласию, что этому не должны препятствовать остающиеся не решенными пограничный и другие спорные вопросы. Более того, Пекин и Нью-Дели достигли консенсуса относительно того, что атмосфера неуклонного развития связей во взаимовыгодных областях будет в свою очередь эффективно способствовать разрешению остающихся разногласий⁵².

Все это позволило считать визит Р. Ганди некой точкой отсчета, означавшей формальную нормализацию двусторонних отношений. Однако сохранение ряда серьезных двусторонних проблем, прежде всего оставленного историей вопроса погранично-территориального размежевания, вызревание некоторых новых разногласий ставило такую нормализацию в известные рамки, которые, собственно, все три истекших десятилетия определяют сущностное содержание отношений Пекина и Нью-Дели. Речь идет о том, что в них сочетаются две главные (и во многом противоречивые) тенденции — сотрудничества/партнерства и соперничества/конкуренции.

Не будет преувеличением сказать, что поиск позитивного баланса этих тенденций сопровождает практически все тридцатилетие, истекшее со времени пекинского визита Р. Ганди, причем на тех или иных этапах этот процесс происходил в разных условиях.

С одной стороны, в рамках декларированного в середине 2000-х годов «стратегического партнерства» стороны практически неизмен-

но демонстрировали верность курсу на добрососедство и развитие связей в различных областях. Порой создавалось ощущение близких прорывов в решении давних сложных проблем. Однако, с другой — с известной регулярностью давали о себе знать как долговременные проблемы (территориальная), так и сравнительно новые риски (тибетский, пакистанский вопросы). Последние к тому же порой дополнялись и ранее не встречавшимися тревожными акцентами, связанными с текущей обстановкой.

Поэтому, переходя к необходимому в данном контексте беглому обзору событий современной истории китайско-индийских отношений, попытаемся определить соотношение этих двух тенденций — сотрудничества и разногласий, с тем чтобы получить обоснованное представление об их общем знаменателе.

Начнем с тенденции сотрудничества, заранее констатируя, что перечень достижений здесь был достаточно впечатляющим.

Так, 1993—2003 гг., как и несколько последующих лет нового века, были отмечены рядом важных достижений, включая подписание принципиальных документов, которые закладывали основы добрососедского сотрудничества, определяли пути поэтапного решения имеющихся проблем.

Прежде всего, после переговоров Р. Ганди в Пекине взаимные визиты руководителей двух стран стали носить достаточно регулярный характер. Формировался системно важный для всего комплекса отношений механизм встреч на высшем уровне. Именно освещение этого механизма более всего дает представление об уровне и характере отношений двух стран.

Действительно, на таких встречах принимались знаковые решения. В ходе посещения Китая премьер-министром Индии Н. Рао в сентябре 1993 г. и визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Дели в декабре 1996 г. были приняты важные двусторонние документы, на которые с началом текущего века опирались последующие шаги по планомерному развитию отношений. Речь идет о двух Соглашениях — о «поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля» и «о мерах доверия в военной области в районе границы»⁵³. Их последующее выполнение сыграло ключевую роль в существенном ослаблении напряженности в пограничных районах. При этом ныне нечасто вспоминают о том, что в ходе визита Цзян Цзэминя было сделано в известном смысле этапное заявление — стороны выразили намерение «развивать отношения конструктивного сотрудничества, обращенного в XXI век»⁵⁴.

Последовавшие позднее визиты на высшем уровне, которыми обменивались руководители двух стран, внесли немалый вклад в дальнейшее развитие контактов. Все эти обстоятельства в комплексе позволяют считать, что декларированное в 1988 г. взаимное намерение «восстанавливать и развивать» двусторонние отношения поэтапно наполнялось практическим содержанием, а сам процесс китайско-индийской нормализации в первые годы нового столетия в общепринятом смысле подошел к завершению.

Не случайно 2003 год многие аналитики, в частности в Индии, называют началом своего рода нового этапа двусторонних отношений, когда термин «нормализация» по существу уступил место тезису о «многоплановом развитии китайско-индийского сотрудничества», причем связи в самых разных сферах были заметно активизированы. Именно летом того года состоялся визит в Пекин премьер-министра Индии А.Б. Ваджаи, итоги которого были названы в Индии «редкими и значительными». А подписанный основной документ — Декларация о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве⁵⁵ — в КНР получил определение «краеугольного камня» будущего сотрудничества⁵⁶. Стороны подтвердили решительное намерение строить отношения и осуществлять взаимодействие на основе доверия и взаимной выгоды, а также придать качественное ускорение поиску решений территориальной проблемы путем создания переговорного механизма с участием спецпредставителей двух правительств. При этом в контексте сохраняющихся проблем, прежде всего территориальных, принципиально важным стало подтверждение сторонами базового общего подхода, согласно которому «сохраняющиеся разногласия по пограничным вопросам не должны отражаться на общем процессе развития двусторонних отношений». Кроме того, в ходе переговоров был подписан впечатляющий пакет соглашений в практических областях, в том числе об упрощении визового режима для предпринимателей, о сотрудничестве регионов.

Нарастание импульсов к интенсивному продвижению сотрудничества и более того, выход их на новое качественное содержание, отразили договоренности, достигнутые в апреле 2005 г. в ходе визита в Индию премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Важнейшим итогом переговоров стало заявление сторон о решении «вступить в стратегическое партнерство», а также подписание принципиально значимого Соглашения о политических параметрах и руководящих принципах решения пограничного вопроса — своего рода «дорожной карты» в поиске взаимоприемлемых решений. Серьезное значение имело также

принятие Пятилетнего плана всестороннего торгово-экономического сотрудничества и объявление 2006 г. в двух странах Годом китайско-индийской дружбы⁵⁷.

Столь же важными стали итоги визита в Дели председателя КНР Ху Цзиньтао в ноябре 2006 г. и переговоры М. Сингха в Пекине в январе 2008 г. Отличительным результатом этих двух визитов, наряду с закреплением целей и направлений собственно двустороннего сотрудничества, является очевидное стремление сторон «сверить часы» по ряду международных проблем регионального и глобального порядка. Не случайно важнейшими итогами этих встреч явились делийская Совместная декларация, осветившая широкий круг вопросов международного взаимодействия⁵⁸, а также документ под названием «Совместный обзор Китаем и Индией перспектив в XXI веке»⁵⁹.

Подводя итог периоду 2000-х годов, нельзя не заметить, что механизм встреч на высшем уровне, когда премьер-министр Индии встречается либо с председателем КНР, либо с премьером Госсовета Китая, обрел за это время регулярный, устойчивый характер. Он стал стержнем всего заложенного в эти годы многопрофильного и многоуровневого механизма межгосударственного сотрудничества, в рамках которого уже к весне 2014 г. действовало 36 специализированных двусторонних переговорных площадок по взаимодействию в самых разных областях.

Механизм встреч высшего уровня продолжал совершенствоваться и развиваться в 2010-х годах. И пусть это были не 4—5 ежегодных личных встреч между «первыми лицами» двух стран (как это происходит, например, по линии председатель КНР — президент РФ), однако с 2008 г. переговоры главы китайского государства с премьер-министром Индии стали не просто регулярными, но проводились (чего не было раньше) в среднем дважды в год, как в ходе официальных визитов, так и на полях международных форумов. Так, за шесть лет, начиная с январского (2008 г.) визита М. Сингха в Китай, председатель КНР и премьер-министр Индии встречались 11 раз, причем четыре встречи (2010—2013 гг.) проходили на полях саммитов БРИК/БРИКС.

За этот же период не менее 10 отдельных встреч состоялись в формате премьер-министр Индии — премьер Госсовета КНР. Четыре из них пришлось на официальные визиты (в декабре 2010 г. в Дели находился Вэнь Цзябао, а в мае 2013 г. его преемник Ли Кэцян, еще две встречи прошли в ходе визитов М. Сингха в КНР в 2008 и 2013 г.), остальные — на переговоры «на полях» международных форумов. К важным событиям диалога на высшем уровне относятся также пе-

реговоры между китайскими руководителями и Президентом Индии (официальный визит в КНР г-жи Пратибхи Патил в мае 2010 г.).

По обоюдному мнению, важность таких встреч трудно переоценить, поскольку именно они «задают стратегический тон» отношений, снимают многие сложные вопросы, заканчиваются подписанием важных документов.

Показательным в этом смысле стал 2013 год. Как подчеркивали руководители обеих стран, впервые с 1954 г. в течение одного календарного года состоялся обмен визитами между главами правительств двух стран. По итогам проведенных переговоров в мае и октябре 2013 г. (визит Ли Кэцзяна в Дели и визит М. Сингха в Пекин) стороны вновь подтвердили курс на «дальнейшее укрепление отношений стратегического партнерства и сотрудничества во имя мира и процветания на основе пяти принципов мирного сосуществования и взаимного внимательного учета озабоченностей и ожиданий другой стороны»⁶⁰.

В общей сложности в ходе майских и октябрьских встреч было подписано около двух десятков документов по сотрудничеству в сферах экономики, безопасности, в социально-гуманитарной области. В Совместном заявлении (октябрь 2013 г.) стороны особо указали на значимость «Соглашения о сотрудничестве в охране границы» (Border Defence Cooperation Agreement). Соглашение, являющееся продолжением ряда ранее подписанных документов в данной сфере (о мерах доверия, принципах и параметрах урегулирования и т. п.), призвано укрепить стабильность в пограничной зоне. В частности, стороны договорились уведомлять друг друга о направлении патрулей в район линии контроля, которым, что принципиально важно, отныне было запрещено следовать друг за другом, поскольку, как показала практика, это уже не раз приводило к инцидентам. Решено было также наладить горячую линию связи между военным командованием с обеих сторон линии контроля⁶¹.

Актуальным направлением сотрудничества стороны признали также проект формирования экономического коридора «Индия—Бангладеш—Мьянма—Китай», обсуждение которого проходило на фоне активно продвигаемой в последнее время КНР идеи «Экономического пояса Шелкового пути».

В 2013—2014 гг. в обеих странах произошли смены руководящих элит, что, однако, не сказалось на общей формуле отношений: поэтапное развитие отношений во всех областях, при параллельном решении сохраняющихся исторических и иных проблем. Так или иначе, для обменов на высшем уровне 2014—2015 гг. явились весьма урожайными.

Смена правительственного кабинета всегда показательна с точки зрения очередного декларирования внешнеполитических приоритетов страны и следующей на него реакции. Поэтому весьма важно, что в мае 2014 г. новый премьер-министр Индии Н. Моди (буквально на третий день после своей инаугурации) в телефонном разговоре с китайским коллегой назвал отношения с Китаем «одной из важных задач Индии». В свою очередь премьер Госсовета КНР, поздравляя собеседника с назначением и отметив, что две стороны «нашли способ одновременного расширения сотрудничества и урегулирования разногласий», подчеркнул готовность КНР укреплять взаимное доверие с Индией и «рассматривать развитие Индии как шанс для себя»⁶².

Отражением такого взаимного настроения можно считать последовавшие вскоре практические шаги. В июне 2014 г. в Дели в качестве спецпосланника председателя КНР Си Цзиньпина прибыл глава китайского МИД Ван И, который был принят новым индийским премьер-министром, провел переговоры с министром иностранных дел Индии г-жой С. Сварадж. Стороны подчеркнуто говорили о «потенциале еще большего сотрудничества» и преобладании «общих интересов над расхождениями», о приоритетности отношений друг с другом и приверженности «совместному развитию» и укреплению отношений. Как отметил Ван И, Китай намерен «строить с Индией еще более тесные и многосторонние партнерские отношения». Переговоры были особенно важны в том смысле, что де-факто стороны как раз и подтвердили существовавшую при прежнем правительстве Индии рамочную формулу двусторонних отношений. Она (если воспроизводить ее расширительно) традиционно для последних лет в главных своих пунктах состоит в том, что Индия и КНР намерены: продвигать взаимодоверие и продолжать взаимные визиты на высоком уровне; стимулировать практическое сотрудничество, прежде всего в сфере экономики; углублять гуманитарные связи; «надлежащим образом» урегулировать пограничный вопрос, совместно обеспечивая при этом мир и спокойствие на границе, а также гарантируя, что пограничный вопрос (как и другие пока не решенные вопросы) не будет отрицательно влиять на отношения двух стран»⁶³.

Кроме того, была достигнута договоренность о ряде (не менее пяти) встреч в течение 2014 г. между главами и заместителями глав правительств, руководителями внешнеполитических ведомств. Речь шла и о проведении в «ближайшее время» встреч на высшем уровне.

Такая встреча состоялась уже вскоре — на полях саммита БРИКС в бразильском городе Форталеза. Впервые лично приветствовав друг

друга в качестве высших руководителей своих стран, Си Цзиньпин и Н. Моди солидарно подчеркнули среди прочего необходимость дальнейшего развития двусторонних отношений. «Мечты и цели Китая и Индии сходны, две страны считают друг друга партнерами, а не конкурентами», — заявил, в частности председатель КНР⁶⁴.

Что же касается первой полноформатной встречи, то она состоялась 17—19 сентября 2014 г., когда с официальным государственным визитом в Индии находился Председатель КНР Си Цзиньпин. Визит внешне стал образцовым свидетельством в пользу развития позитивной тенденции в отношениях двух стран. В ходе этого события, неординарного даже для нынешнего, достаточно благоприятного периода отношений (предыдущий визит главы КНР в Индию имел место за 8 лет до этого), было подписано 16 различных соглашений⁶⁵. Важным пунктом стала фиксация в итоговом Совместном заявлении обновленной формулы двусторонних отношений, которая стала звучать как «более тесное партнерство во имя развития» (Closer Development Partnership).

Си Цзиньпин и Н. Моди вновь подтвердили готовность всемерно развивать диверсифицированный партнерский диалог, в частности в инвестиционной сфере. Было декларировано, что в ближайшее время КНР намерена вложить в индийскую экономику около 20 млрд долл., которые будут направлены в инфраструктурные и производственные проекты. Лидеры двух стран заявили о готовности сотрудничать по глобальным вопросам, представляющим взаимный интерес, заявили о стремлении содействовать созданию «открытой, транспарентной, равноправной и инклюзивной» системы безопасности и сотрудничества в АТР. Стороны выступили за развитие взаимодействия на многосторонних площадках, включая БРИКС, а также Шанхайскую организацию сотрудничества. При этом КНР заявила о своем приветствии вступления Индии в число полноформатных членов ШОС⁶⁶.

Диалог на высшем уровне был продолжен через 8 месяцев — в мае 2015 г., когда в столице КНР побывал с официальным визитом Н. Моди. Было подписано два совместных заявления, а также 24 кооперационных соглашения по межправительственной линии и 26 документов по линии взаимодействия между субъектами деловых сообществ двух стран. Документы зафиксировали намерения по сотрудничеству в широком спектре областей, включая торгово-экономическую, инфраструктурную (железнодорожное строительство в Индии) сферы, горнодобычу, образование, туризм и ряд других. Об-

шая стоимость предполагаемых проектов была оценена в 32 млрд долл., в том числе 22 млрд — по линии деловых кругов. Стороны договорились об обмене новыми консульствами — в Чэнду и Ченнаи, об учреждении нескольких новых пар побратимских связей между городами и регионами (например, Карнатака и Сычуань, Ченнаи и Чунцин, Хайдарабад и Циндао).

В части общеполитической повестки лидеры двух стран, отметив открытие «новой главы» в отношениях сотрудничества между Китаем и Индией, подчеркнули «определяющую роль» этих отношений в развитии событий в Азии и за ее пределами в XXI веке. В специальном разделе обобщающего Совместного заявления, посвященном «формированию региональной и глобальной повестки дня», было декларировано, что две страны, являясь «крупными державами в системе формирующегося миропорядка», соглашаются сотрудничать по целому ряду вопросов — от ВТО, изменения климата и терроризма до взаимодействия в глобальных и региональных организациях. К последним были отнесены, в частности, ООН, БРИКС, G20, РИК, ШОС, СААРК и другие⁶⁷.

Диалог на высшем уровне не ограничивался лишь переговорами, проводимыми между собой непосредственно «первыми лицами», и дополнялся другими встречами. Так, в июле 2014 г. в Пекине находился вице-президент Индии Х. Ансари, который был принят председателем Си Цзиньпином. В ходе встречи глава китайского государства, в частности, подчеркнул, что «Китай видит в Индии стратегического партнера по сотрудничеству и придает приоритетное значение китайско-индийским отношениям во внешней политике страны»⁶⁸.

Встречи на высшем уровне в 2016—2017 гг. выглядели уже не столь впечатляющими — и по частоте, и по уровню. Хотя в мае 2016 г. с визитом в Китае находился президент Индии (пост, как известно, во многом церемониальный), непосредственно «первые лица» (председатель КНР и премьер-министр Индии) официальными визитами, в отличие от предыдущих двух лет, в эти два года не обменивались. Тем не менее, такие встречи по-прежнему носили неоднократный характер, с той или иной степенью регулярности происходили на полях различных международных форумов, в том числе в Китае и Индии.

В 2016 г. встреч высшего уровня «на полях» было три. Так, в июне 2016 г. лидеры двух стран встретились и имели личную беседу в ходе саммита ШОС в Ташкенте. А осенью они «обменялись» поездками. В сентябре 2016 г. Нарендра Моди был с визитом в Ханчжоу для участия с саммите G-20 и одновременно провел двусторонние перегово-

ры с Си Цзиньпином. Через месяц уже председатель КНР находился в Индии на саммите БРИКС, на полях которого имел беседу в двустороннем формате с индийским премьер-министром.

В ходе переговоров «высшего уровня-2016» обсуждались такие вопросы, как перспективы участия Индии в Группе ядерных поставщиков и позиция, занятая по этому поводу Китаем⁶⁹; международная ответственность двух стран в XXI веке; стороны подчеркивали важность двустороннего партнерства для глобального и регионального развития, включая защиту интересов развивающихся стран и необходимость адекватного реформирования глобального управления; как и ранее, делался упор на задаче взаимного учета чувствительных озабоченностей друг друга, указывалось на важность продолжения и усиления диалога на высшем уровне и продолжения тесной кооперации в международных форматах БРИКС, ШОС, АРФ и т. п.⁷⁰ Индийская сторона особо подчеркивала необходимость поддержания мира и спокойствия на границе, усиления гуманитарных обменов; китайские партнеры отмечали повышенную важность сотрудничества по крупным проектам, в том числе в железнодорожном строительстве и создании индустриальных парков⁷¹.

В 2017 г. китайско-индийские двусторонние встречи высшего уровня на полях саммитов ШОС (Астана, июнь), БРИКС (Сямэнь, сентябрь) и G20 (Гамбург, июль) прошли вновь. Однако проявились показательные особенности. В столице Казахстана Си Цзиньпин поздравил Н. Моди с вступлением Индии в члены ШОС, были обсуждены важные вопросы сотрудничества в этой организации. Но обычно предметное обсуждение созидательной повестки на этот раз оказалось омрачено тенью напряженности, наметившейся в это время в районе соприкосновения границ КНР, Индии и Бутана (район Доклам); стороны выразили обоюдное стремление к тому, чтобы «различия не переросли в споры». На этом фоне не стало случайным, что через месяц, во время июльского саммита G 20 в Гамбурге встреча Си Цзиньпин — Нарендра Моди заранее уже не планировалась, причину чего наблюдатели усмотрели в сохранявшихся неопределенностях на границе. Тем не менее, обмен мнениями (пусть и в сильно усеченном, пятиминутном формате) на полях «двадцатки» все же состоялся⁷².

Сентябрьская китайско-индийская встреча в верхах на полях саммита БРИКС проходила буквально через неделю после переговорного урегулирования ситуации в Докламе, и, видимо, в том числе поэтому вернулась к своей обычной (порядка одного часа) продолжительности.

В ходе беседы Си Цзиньпин призвал продвигать китайско-индийские отношения на «правильный путь». Индийская сторона (Н. Моди сопровождали в Сямэне семь министров) оценила переговоры как «весьма конструктивные и обращенные не назад, а в перспективу». Стороны заявили о готовности и настроены на дальнейшее развитие отношений в самых разных областях. Как подчеркнул заместитель министра иностранных дел Индии, «это будет снижать риски различных обострений». Большое место на встрече заняли вопросы двусторонней координации в рамках БРИКС, была отмечена большая поддержка, оказанная сторонами друг другу в ходе двух последовательных саммитов этого Объединения в Индии и Китае. Особо важное значение встречи в Сямэне состояло в том, что, несмотря на «фоновые» сложности, был сохранен регулярный формат диалога на высшем уровне, тем самым стороны совместно подчеркнули его приоритетную роль⁷³.

Важная неформальная встреча на высшем уровне, организованная в формате рабочего визита (как и пребывание Н. Моди месяцем позднее в Сочи) прошла в апреле 2018 г. в г. Ухань. Переговоры председателя КНР и премьер-министра Индии продолжались несколько часов и завершились принятием важного совместного заявления, которое содержало ряд весьма серьезных позитивных положений, включая подтверждение формулы «более тесного партнерства во имя развития», что позволило говорить позднее даже о «духе Уханя» как показателе настроя на сотрудничество⁷⁴.

Системно важные встречи на высшем уровне, которые стали регулярными в первые десятилетия текущего века не исчерпывали всей картины сложившегося механизма межгосударственных связей, хотя, отметим это еще раз, являлись его несомненным стрежнем. Связи по ряду других направлений, заложенные в основном в 2000-х годах, наглядно проявили себя во втором десятилетии текущего века.

Во-первых, налажен регулярный диалог министров иностранных дел двух стран, в рамках которого, например, только в 2012—2013 гг. прошло не менее шести официальных встреч. В их числе переговоры, состоявшиеся в мае 2013 г. в Пекине в ходе визита главы индийского внешнеполитического ведомства С. Хуршида, а также спустя семь месяцев в Дели, когда в индийской столице побывал его китайский коллега Ван И; в промежутке два министра встретились на полях форума АРФ в Брунее.

В целом по линии внешнеполитических ведомств на разных уровнях проводятся обсуждения и консультации по самому широкому кругу как сугубо двусторонних (например, сотрудничество городов двух

стран), так и международных вопросов — от терроризма и безопасности до проблем «горячих точек и внешнеполитического планирования». Предметом особого внимания при этом является, в частности, координация действий и взаимодействие в ООН, а также в БРИКС.

Действует целый ряд специализированных переговорных дорожек. Так, в августе 2013 г. в Дели и в апреле 2014 г. в Пекине заместители глав МИД провели 5-й и 6-й раунды двустороннего **стратегического диалога**. Состоялся 6-й раунд заседаний **Рабочей группы по вопросам контртерроризма**. Стартовал (апрель 2013 г.) переговорный механизм по афганской проблематике. Летом 2013 г. прошла и первая встреча Рабочей группы по проблемам Центральной Азии.

В этом же ряду стоит созданный сторонами **механизм политических консультаций**, который функционирует на уровне специальных правительственных представителей для обсуждения особо важных двусторонних и международных проблем. В рамках такого механизма, в частности в декабре 2012 г. в Пекине, прошли переговоры члена Госсовета КНР Дай Бинго с советником по национальной безопасности Индии Шивом Шанкаром Меноном.

Обмен важными официальными визитами по линии руководства внешнеполитических ведомств был продолжен в 2014—2017 гг. Как упоминалось, в июне 2014 г. Ван И побывал в Дели, через 7 месяцев ответную поездку в Пекин совершила его коллега Сушма Сварадж⁷⁵. В 2014—2015 гг. министры встречались еще минимум дважды — на полях международных форумов в Нью-Йорке и Катманду⁷⁶. В августе 2016 г. Ван И вновь побывал с официальным визитом в Дели. О встрече двух министров сообщалось также в ходе переговоров глав дипломатических служб стран ШОС, проходивших летом 2017 г. в Нью-Йорке⁷⁷.

Особое внимание было приковано к переговорам Ван И и Сушмы Сварадж в индийской столице на исходе 2017 г., которые проходили на полях министерского форума РИК и были первыми после упомянутого противостояния на плато Доклам. Как и во время встречи «Си—Моди» тремя месяцами ранее в Сямэне, стороны продемонстрировали итоговый примирительный тон, сходным образом заявив, что обе стороны «должны способствовать дальнейшему укреплению взаимодоверия и взаимопонимания»⁷⁸. При этом китайская сторона, фактически отказавшись разделить вину за произошедшее обострение, подчеркнула, что оно явилось серьезным испытанием для двусторонних отношений, которые переживают «критический период»; мирное разрешение говорит об их зрелости, однако должны быть сде-

ланы серьезные выводы для предотвращения инцидентов впредь. Ван И призвал крепить стратегические связи на всех уровнях, развивать практическое сотрудничество в разных сферах, «правильно» подходить к существующим различиям»⁷⁹.

В апреле 2018 г. С. Сварадж была с (нечастым в последнее время) официальным визитом в Пекине. Сторонам удалось закрепить позитивный настрой предыдущей встречи в Дели, вновь продемонстрировать обоюдный курс на позитивное развитие всех сфер двустороннего диалога.

В-вторых, важнейшее место в механизме межгосударственных связей занимает платформа переговоров **специальных правительственных представителей по пограничным проблемам**. К апрелю 2014 г. было проведено уже 17 раундов консультаций, стороны, руководствуясь принятым в 2005 г. Соглашением о политических параметрах и ведущих принципах урегулирования и «стремясь подходить к проблемам со стратегической высоты», ведут кропотливую работу по поиску рациональных и взаимоприемлемых решений, поддерживая «мир и стабильность на совместной границе». Кроме того, продолжает работу созданный в 2012 г. Рабочий консультационно-координационный механизм по пограничным вопросам (The Working Mechanism on Consultation and Coordination on India—China Border Affairs). Не дублируя работу спецпредставителей и ставя целью «вклад в поддержание мира и спокойствия на границе», этот механизм, похоже сыграл свою позитивную роль, например, в апреле—мае 2013 г. для урегулирования достаточно серьезных разногласий, возникших в одном из районов прохождения линии фактического контроля (Depsang Valley) в западном секторе границы.

В ходе пребывания в Дели на 17-м раунде консультаций (февраль 2014 г.) глава китайской делегации член Госсовета КНР Ян Цзечи был принят премьер-министром Индии. Стороны провели обстоятельный диалог как по узловым вопросам пограничной тематики, так и по определяющим вопросам двусторонней повестки в целом, подчеркнув совместное намерение и впредь развивать отношения, выводить их на более высокий уровень.

С марта 2015 г. по декабрь 2017 г. состоялись очередные три (18-й — 20-й) раунда консультаций между спецпредставителями правительств двух стран по вопросу о границе. Член Госсовета КНР Ян Цзечи и советник премьер-министра Индии по национальной безопасности А. Довал отмечали, что стороны продолжают «надлежащим образом контролировать споры в целях совместной защиты мира и

спокойствия в пограничных районах», руководствуясь общей задачей «содействия постоянному развитию китайско-индийских отношений стратегического сотрудничества и партнерства»⁸⁰. Говорилось о неуклонном, тщательном и кропотливом поиске консенсусных решений, однако по-прежнему не сообщалось о степени продвижения в этой работе⁸¹. Это свидетельствовало о том, что здесь по-прежнему вряд ли приходилось ждать скорых и решительных результатов⁸².

Кроме того, на уровне глав департаментов МИД двух стран 22 марта 2018 г прошел 11-й раунд заседаний упомянутого Рабочего механизма консультаций и координации по вопросам китайско-индийской границы.

Также продолжал функционировать второй аналогичный механизм, действующий в рамках заключенного в 2013 г. (также упоминалось выше) Соглашения по сотрудничеству в охране границы (Border Defence Cooperation Agreement). Действия перечисленных диалоговых площадок, повторим, несомненно помогают урегулированию спорных вопросов, подобных тем, что возникли летом 2017 г.

В-третьих, действует механизм сотрудничества и обменов по парламентской, межпартийной, другим аналогичным линиям. К примеру, летом 2013 г. с визитом в Пекине находилась делегация Коммунистической партии Индии (марксистская) во главе с ее генеральным секретарем Пракашем Каратом, которую, в частности, принял член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, член Секретариата ЦК КПК Лю Юньшань. В ноябре 2015 г. в Дели находился заместитель председателя ВК НПКСК, заведующий Отделом международных связей ЦК КПК Ван Цзяжуй. Он был принят премьер-министром Индии. В ходе беседы Н. Моди подчеркнул, в частности, что Бхаратия джаната парти /БДП/ Индии готова интенсифицировать контакты с Компартией Китая, в частности, усилить контакты между местными руководителями и молодежью⁸³.

В-четвертых, свидетельством возросшего доверия служат расширяющиеся контакты военных двух стран. В январе 2013 г. в Пекине и в феврале 2014 г. в Дели прошли 5-й и 6-й раунды консультаций по линии министерств обороны КНР и Индии, где обсуждаются вопросы военного сотрудничества и безопасности. В июле 2013 г с очередным визитом в КНР находился министр обороны Индии А.К. Антони, который провел переговоры с китайским коллегой Чан Ваньцюанем, был принят премьером Ли Кэцяном и членом Госсовета Ян Цзечи. Стороны выразили готовность укреплять связи по оборонной линии, одобрили проведение совместных контртеррористических учений,

уделили большое внимание завершению работы по Соглашению о сотрудничестве в охране границы, которое, как упомянуто выше, три месяца спустя было подписано в ходе визита М. Сингха в Пекин. А в ноябре 2013 г. в КНР были проведены совместные армейские учения Китая и Индии под кодовым названием «Рука об руку — 2013» (на одном из полигонов Чэндуского военного округа две роты сухопутных сил отработывали взаимодействие по борьбе с актами терроризма).

Отражая растущий уровень доверия между странами, связи военных продолжились в последующие три—четыре года. В апреле 2014 г. с визитом в Дели находился заместитель начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Ци Цзяньго. Он провел переговоры с председателем Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил (КНШВС) Индии, начальником штаба сухопутных войск Бикрамом Сингхом⁸⁴. Через два с небольшим месяца уже Бикрам Сингх побывал в Пекине, где, среди прочего, был принят заместителем председателя Центрального военного совета КНР Фань Чанлуном и заместителем председателя КНР Ли Юаньчао⁸⁵. Стороны обсуждали, в частности, вопросы установления «горячей линии связи» между руководящими армейскими органами двух стран. Также было уделено внимание реализации упомянутого выше Соглашения по сотрудничеству в охране границы⁸⁶.

Контакты высокопоставленных военных были продолжены в 2015 г., когда, например, в Китае в рамках 7-го раунда китайско-индийских консультаций по вопросам обороны и безопасности побывал секретарь по делам обороны Индии Р.К. Матур. Индийский гость провел переговоры с членом Госсовета, министром обороны КНР Чан Ваньцюанем⁸⁷. Важным для армейских контактов явился 2016 г.: в апреле с официальным визитом в КНР находился индийский министр обороны М. Паникар, который провел переговоры с китайским коллегой, был принят премьер-министром Ли Кэцзянем. Китайский премьер выразил в беседе надежду, что «оборонные ведомства и армии двух стран будут усиливать обмен, диалог и контакты, совместными усилиями защищать мир и спокойствие на китайско-индийской границе, создавать благоприятную атмосферу и условия для развития». Индийский гость, имевший также беседу с заместителем председателя Центрального военного совета Фань Чанлуном, отметил после поездки, что одним из пунктов пребывания в Пекине были «заверения» в адрес китайского руководства, что «Индия всегда будет проводить самостоятельную внешнюю политику и никогда не позволит США «создать проблемы» в Азии». Это разъяснение было не слу-

чайным, поскольку ранее СМИ распространили тревожную для Китая информацию о готовящемся американо-индийском соглашении, которое «позволило бы сторонам использовать военные базы друг друга в ходе совместных учений, гуманитарных миссий и борьбы с пиратством».

Повестка межармейских переговоров отразила общий лейтмотив контактов последних лет по военной линии, составной частью которых стали консультации по обороне и безопасности, дружественные обмены между соседними военными округами и пограничными подразделениями. Согласно мнению сторон, в немалой степени именно «благодаря этому на китайско-индийской границе сохранялся мир и спокойствие». Показательной точкой уровня связей военных являются совместные учения, начатые еще в 2007 г. В 2015—2016 гг. они прошли последовательно в китайской провинции Юньнань и районе г. Пьюн на западе Индии⁸⁸. Нельзя не заметить, что в 2017 г. совместные антитеррористические учения не проводились (годовые перерывы, впрочем, имели место и ранее), а военные обмены носили менее насыщенный характер.

К диалогу по линии министерств обороны тесно примыкают регулярные контакты на уровне правоохранительных и других силовых ведомств.

В-пятых, сформировалась дорожка переговоров в культурно-гуманитарной области. Значимым событием стало, в частности, посещение Китая (весна 2015 г.) многочисленной (100 человек) делегацией китайской молодежи⁸⁹. Согласно Совместному заявлению по итогам майского (2015 г.) визита Н. Моди в КНР, такие обмены решено не только продолжить и поставить их на взаимную основу, но и вдвое увеличить состав делегаций⁹⁰. В мае 2017 г. в Пекине и Нанкине состоялся крупный фестиваль индийской культуры «Цвета Индии», в рамках которого прошли масштабные кинопоказы, фотовыставки, концерты индийского традиционного искусства. В ноябре 2016 г. в Шэньчжэне проходила крупная конференция индологов. Стороны развивали контакты в сфере образования, молодежных обменов, туризма.

Шестым (последним «по списку, но не по значению») пунктом в этом перечне, несмотря на освещение в специальном разделе выше, хотя бы кратко выделим прогресс в торгово-экономическом сотрудничестве. Опираясь на ряд созданных механизмов (запущенный в сентябре 2011 г. китайско-индийский стратегический экономический диалог, созданная еще в 1988 г. Совместная экономическая группа по торговле, науке и технологиям и т. п.), сторонам удалось

существенно продвинуть сотрудничество в этой сфере. Товарооборот вырос с 3,6 млрд долл. в 2001 г. до 84,47 млрд долл. в 2017 г. Миллиардами долларов измеряется инвестиционное сотрудничество, пусть и не достигшее пока уровня имеющихся потенциальных возможностей.

* * *

Подробное изложение событийной стороны, приведенное выше, показывает, что в середине 2010-х годов правительства Си Цзиньпина и Н. Моди, развивая линию своих предшественников, продолжали поддерживать разветвленный межгосударственный диалог, отражавший, как и прежде, позитивную повестку дня двусторонних отношений. Насыщенность такого диалога, казалось бы, должна свидетельствовать о вполне благоприятной картине.

Однако, как уже указывалось, в отношениях двух стран есть немало проблем, они периодически обостряются, что, например, заставило ряд серьезных наблюдателей на исходе 2017 г. обратить на них повышенное внимание (на то же противостояние на плато Доклам), поставив под сомнение сам узловой вектор будущего китайско-индийских отношений⁹¹.

В попытках, повторим, поиска ответа на вопрос о соотношении тенденций сотрудничества и разногласий обратимся к конкретному существу имеющихся проблем, их состоянию на нынешнем этапе, в основном имея в виду показательную ситуацию середины 2010-х годов.

Прежде всего, уместно отметить обострение одной из наиболее болезненных сфер двусторонних противоречий — **территориально-пограничной проблемы**.

Говоря о событиях последних лет, еще раз выделим, например, инцидент апреля—мая 2013 г. в долине Депсан на востоке Кашмира, когда в Индии посчитали, что три десятка китайских пограничников, разбив двухнедельный лагерь, вторглись на 19 км на индийскую территорию. Эксперты признали инцидент наиболее значительным со времени серьезного пограничного противостояния в 1986—1987 гг. в восточном секторе прохождения линии фактического контроля (ЛФК). Лагерь в Депсане вскоре был снят, но проявившееся ощущение латентной напряженности в целом оставалось. Китайская сторона считает все обвинения в свой адрес беспочвенными, указывая в ответ на факты, которые, по ее мнению, напротив, говорят об «излишней

военной приграничной активности Индии». В 2014 г. пограничная напряженность возникла вновь (в Ладакхе). Но особенно тревожной была названа ситуация лета 2017 г. — упоминавшееся противостояние на плато Доклам.

Несмотря на несколько переговорных дорожек высокого уровня, прорывов в системном решении пограничных разногласий не видно. Непосредственным поводом для конфликта в Докламе в очередной раз стали разночтения в прохождении линии фактического контроля, разделяющей стороны в условиях отсутствия юридически признанной ими границы. Причиной явился конкретный участок на стыке границ Китая, Индии и Бутана, формально относящийся к границе между КНР и Бутаном, интересы которого традиционно защищает Нью-Дели. Обвинения друг друга в «нарушении границы», снос китайской стороной индийских блиндажных построек, давление индийских пограничников на китайских дорожных рабочих, занятых прокладкой шоссе на плато Доклам, на практике привели к противостоянию вооруженных подразделений двух стран, которые 72 дня разделяла лишь узкая дорожная полоса. К счастью, традиция, по которой на границе вот уже несколько десятилетий не звучит ни единого выстрела, не прервалась и на этот раз; дипломатическими усилиями, в том числе в рамках упомянутых выше механизмов, ситуация была разрешена⁹².

Однако она вновь указала на серьезность и потенциальную взрывоопасность затяжного территориального спора, в который, как известно, вовлечены 135 тыс. кв. км в западном, центральном и восточном секторах китайско-индийской границы. Стороны не прекращают взаимных претензий: Индия не слишком маскирует регулярные обвинения «в нарушении китайскими военными ЛФК», насчитывая их до 400 случаев в год. Китай, в свою очередь, указывает на «усиленное дорожное строительство», которое «развернуто Индией вблизи спорных районов», хотя с аналогичными претензиями давно выступает и Нью-Дели. Более того, события вокруг Доклама, как отмечалось выше, впервые за много лет стали поводом для особенно резкой двусторонней полемики⁹³, а также для, как уже говорилось, внешних тревожных оценок со стороны политиков и экспертов, согласно которым отношения двух стран «оказались в критической точке» и могут быть отброшены на давно «пройденный перекресток».

К территориальной проблеме прямо относятся осложнения, выраженные в форме официальных правительственных демаршей Пекина, связанных с поездками индийских руководителей в штат Ару-

начал-Прадеш, который Китай считает своей территорией, именуя его «Южный Тибет». В 2016—2018 гг. Пекин протестовал по этому поводу несколько раз, в частности в связи с поездками президента Индии (ноябрь 2017 г.) и премьер-министра (февраль 2018 г.).

Но наибольший резонанс в данном вопросе был вызван приглашением в Аруначал-Прадеш далай-ламы (январь 2017 г.). Сам факт многолетнего пребывания далай-ламы на индийской территории давно вызывает откровенное недовольство Пекина. В данном же случае, когда далай-лама был еще и приглашен в район, который с точки зрения Китая является спорным, по сути дела свел в одной точке не только территориальную, но и так называемую **тибетскую проблему** двусторонних отношений. В рамках этого спора Китай обвиняет Индию в «потворстве тибетскому сепаратизму», связанному с якобы антикитайской деятельностью беженцев, во главе с далай-ламой перебравшихся в Индию после тибетского восстания 1959 г. При этом в «тибетской проблеме» явно проступают элементы геополитики, которые выводят вопрос за пределы просто сюжета о «деятельности тибетских беженцев» и уходят корнями в «разное прочтение» в КНР и Индии истории Тибета. В частности, в выступлениях ряда индийских экспертов и политиков не исчезли напоминания о том, что «до недавнего времени» независимый Тибет исторически «служил буфером между Индией и Китаем, а «признание его частью КНР» является, согласно этим выступлениям, «актом самоуничтожения со стороны Нью-Дели»⁹⁴.

Давали о себе знать и другие двусторонние проблемы. Дели нервно реагирует на нежелание Пекина открыть Индии дорогу в Группу ядерных поставщиков (ГЯП). Позиция КНР заключается в том, что прием Индии должен быть обусловлен процедурами, которые объективно имеют сложный бюрократический характер. Очередное заседание группы, проходившее летом 2016 г., в том числе в данной связи, закончилось для Индии ничем.

Равным образом Нью-Дели испытал разочарование, когда его попытки включить в число официально признаваемых ООН террористических групп группировку «Джаиш-и-Мухаммед» (базируется в пакистанской части Кашмира) также были заблокированы Пекином. В Нью-Дели настойчиво указывают и на «инертность Пекина», который воздерживается от давления на своего пакистанского союзника, в то время как Исламабад «не проявляет желания» конструктивно сотрудничать в деле афганского урегулирования, и, как минимум, «не ведет эффективной борьбы с талибскими формированиями, окопавшимися на территории Пакистана».

В данном сюжете нашла отражение еще одна застарелая проблема двусторонних отношений — вопрос **китайско-пакистанского сотрудничества в военно-политической сфере**, которое, по убеждению Нью-Дели имеет антииндийскую направленность. Такого рода элементы во «всепогодной дружбе» КНР и Пакистана Нью-Дели видит и в теме порта Гвадар, который отдан в аренду КНР, а потому рассматривается индийскими политиками и экспертами как узловое звено в сети региональных опорных точек Китая (теория китайского «жемчужного ожерелья» (String of Pearls) с целью «окружения Индии»,

Нью-Дели выражает неослабевающее беспокойство в связи с активностью Китая не только в Пакистане, но и других соседних с Индией странах, прежде всего в Шри-Ланке, на Мальдивах, в Непале, усматривая в этом сужение собственного влияния и интересов⁹⁵.

«Территориальный», «пакистанский» и «южноазиатский» акценты в списке двусторонних противоречий в последнее время усилились в контексте растущей индийской настороженности по поводу китайской трансевразийской инициативы «Один пояс, один путь». Заняв весьма сдержанную позицию с момента выдвижения и начального этапа ее концептуального и практического оформления, Нью-Дели лишь умножил свои подозрения относительно геополитических целей китайского проекта после того, как Китай официально объявил его составной частью экономического коридора Китай—Пакистан, более того, приступил к практическому строительству. Поскольку коридор проходит, в том числе, по территории Кашмира, который Индия считает полностью своим, Нью-Дели выступает резко против, в частности, демонстративно бойкотировал проведенный в мае 2017 г. в Пекине Форум по сотрудничеству в рамках «Одного пояса, одного пути», на который прибыли руководители государств и правительств 29 стран.

В свою очередь Пекин, отрицая все индийские обвинения, сам выступает с целым рядом обеспокоенностей политикой Нью-Дели. В их числе недовольство Пекина «произвольными антидемпинговыми расследованиями», которые, по его мнению, «необоснованно вводит Индия», но главный предмет китайских озабоченностей, судя по риторике Пекина, — это «антикитайские акценты», которые он видит в расширении и углублении индийско-американского диалога (уже упоминавшиеся визит Б. Обамы в Дели в январе 2015 г., визит Н. Моди в США в апреле 2016 г. и летом 2017 г., его встреча с Д. Трампом в ноябре 2017 г. в Маниле).

В рамках отношений с США Нью-Дели, повторим еще раз, не скрывает цели «создать приемлемый для Индии баланс региональных

сил», которая в индийско-американских (и индийско-японских) совместных документах последнего времени облекается в формулу «поддержания мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе», «растущего сходства интересов» в этом районе⁹⁶. По более откровенной версии индийского экспертного сообщества, поддержание такого «баланса» касается в первую очередь «отношений с Китаем». Иными словами, прямо ставится задача «создавать собственные альянсы», чтобы «сдерживать растущего и мало предсказуемого северного соседа»⁹⁷. Понятно, что ситуацию разжигает преследующий свои цели Вашингтон, стремящийся в собственных антикитайских интересах еще глубже вбить клин в отношения Пекина и Нью-Дели⁹⁸.

Другими точками расхождений, как и прежде, остаются **торговые трения**, в частности, упомянутое серьезное отрицательное сальдо Индии в двустороннем торговом обороте (превышение китайского экспорта над импортом в 4,2 раза в 2017 г.).

Продолжает звучать и **проблема пользования водами пограничной реки Брахмапутра/Ялунцангпо**. Индия обеспокоена потенциальными паводковыми и иными рисками в протянувшемся по ее территории речном низовье, которые связаны с планами строительства китайских ГЭС выше по течению. Китайская сторона называет опасения беспочвенными⁹⁹.

Такой достаточно широкий спектр исторически не решенных вопросов и современных разногласий увенчан системной проблемой **дефицита стратегического взаимодоверия**. Эта проблема (ее часто обе стороны признают главной), с одной стороны, мешает решить старые, исторически унаследованные, иные спорные вопросы, с другой — лишь усиливается с каждым рецидивом хотя бы одного из них.

Однако сам дефицит доверия, в свою очередь, уходит корнями в объективную геоэкономическую и геополитическую конкуренцию и соперничество; он во многом объясняется параллельным стремлением двух стран к расширению своего международного влияния, что служит и внутренними импульсами к взаимному сдерживанию.

Те или иные формы конкуренции находят проявление в целой веренице сфер — от доступа к мировым энергоресурсам и влияния в международных организациях до размеров оборонных бюджетов и уровня регионального присутствия (в АТР, Африке, зоне Индийского океана и т. п.). Эта же конкуренция дает о себе знать в большинстве перечисленных выше проблем, начиная, повторим, с той же «тибетской».

При этом основной ареной «расхождения интересов» зачастую является Азия. Причиной (помимо очевидного географического фактора), как считают некоторые политологи, в том числе в Индии, служит «китайское желание видеть азиатское пространство «синоцентричным», когда Китай «стремится к многополярному миру, но однополярной Азии»¹⁰⁰. Отчасти поводом к таким оценкам могут служить некоторые экспертные публикации в КНР, согласно геополитическим прогнозам которых в регионе «грядет пятиэлементная международная структура», где «Россия, США, Япония, Индия и АСЕАН займут по одному углу, Китай же разместится по центру»¹⁰¹. При этом, разумеется, необходимо иметь в виду официальную позицию Пекина, который на самом высоком уровне партийного съезда вновь подчеркнул недавно неприятие «всех видов гегемонизма» и отсутствие гегемонистских намерений у самого Китая.

Что же на фоне перечисленных достижений и проблем сулит отношениям Пекина и Нью-Дели обозримая перспектива? Поиски ответа на этот вопрос могут лежать лишь в одной разумной плоскости — попытках соизмерить позитивный и негативный потенциалы, сопоставить между собой суммы центростремительных и центробежных факторов в отношениях двух стран.

Несомненно, комплекс факторов негативного характера, который, в том числе, достаточно остро дал о себе знать в 2016—2017 гг., выглядел достаточно тревожно. К обострению ряда двусторонних проблем можно добавить и некоторое снижение (особенно в 2017 г.) интенсивности политических, военных и других традиционных для последнего времени контактов. Попытки проецировать подобное развитие событий на ближайшее время не сулят особого оптимизма.

Однако не следует недооценивать роли факторов позитивных, значения импульсов к развитию сотрудничества.

Прежде всего, речь идет о накоплениях большой созидательной работы, проделанной сторонами за последние три десятилетия для создания многопрофильной сети механизмов взаимодействия. Напомним, что таких «дорожек сотрудничества», обеспечивающих как площадку для переговоров, так и инструменты для практических шагов, между КНР и Индией действует сегодня свыше 35. Важное место среди них занимает механизм встреч на высшем уровне, который действовал и в последнее время. Все это позволяет если не предотвращать, то, по крайней мере, обеспечивать мирное, диалоговое, взаимоприемлемое купирование тех или иных обостряющихся проблем.

Будем также иметь в виду, что наиболее острый сюжет, связанный в 2017 г. с такими обострениями, как военное противостояние на плато Доклам, не содержал для двусторонних отношений чего-то принципиально нового. Схожий, продолжавшийся месяц инцидент имел место, например, в 2014 г. на западном участке совместной границы (Ладакх, район Чумар), когда в противостоянии с обеих сторон участвовало еще большее число военнослужащих. Однако затем ситуация была урегулирована с помощью имеющихся переговорных механизмов, а вслед за этим прошел успешный визит председателя КНР в Индию. Есть надежда, что коль скоро такого рода ситуации в ближайшее время вряд ли удастся полностью исключить, мирный подход к их разрешению будет действовать и впредь.

Поводом для осторожного оптимизма является и наметившийся подъем в двусторонней торговле, которая, повторим, невзирая на не лучшую общую обстановку достигла рекордного уровня, похоже, впервые превзойдя и уровень российско-китайской торговли.

Наконец, несмотря на всю условность языка официальных деклараций, нельзя не принимать во внимание векторную тональность заявлений Пекина и Нью-Дели, затрагивающих перспективы развития китайско-индийских отношений. Выступая 8 марта 2018 г. на пресс-конференции в ходе сессии китайского парламента глава МИД КНР, Ван И ратовал за развитие двусторонних отношений, указав на главную совместную задачу — «справиться с вопросом установления взаимодоверия». «Диалог поможет управлять разногласиями, а сотрудничество откроет дорогу в будущее», — подчеркнул министр¹⁰². Можно вспомнить и заявление Н. Моди, сделанное в канун 2018 г. в ходе приема, оказанного находившемуся в Дели члену Госсовета КНР Ян Цзечи: «Сильные и здоровые отношения Индии и Китая важны не только для интересов народов обеих стран, но также для региона и всего мира, Индия готова вместе с Китаем и далее укреплять взаимовыгодное двустороннее сотрудничество»¹⁰³. Приоритетность отношений с Китаем еще четче была отмечена премьер-министром Индии в письме Си Цзиньпину в связи с его переизбранием в марте 2018 г. на пост Председателя КНР, в котором указано на намерение усилиями двух лидеров «поднять отношения двух стран к новым высотам»¹⁰⁴. И, конечно, особое значение для поддержания позитивного настроения имела неформальная встреча руководителей двух стран в апреле 2018 г. в г. Ухань, где обе стороны твердо декларировали стремление к дальнейшему развитию взаимовыгодного добрососедского сотрудничества.

Такой подход с обеих сторон служит еще одним аргументом в пользу надежд на позитивное будущее. А вся сумма факторов сотрудничества в китайско-индийской повестке позволяет судить, что она как минимум не уступает факторам разногласий, споров и расхождений. От отношений между Пекином и Нью-Дели в обозримом будущем вряд ли стоит ждать каких-то прорывов и разрешения долговременных спорных вопросов. Но и переход за некие «красные линии», прочерченные каждой из сторон, маловероятен.

Стабильные и добрососедские отношения Китая и Индии отвечают интересам РФ. Для России обе страны являются важными стратегическими партнерами и в региональном, и в глобальном контексте. Формат «Россия—Индия—Китай» (РИК), созданный по инициативе российской стороны полтора десятилетия назад в целях продвижения совпадающих или сходных международных и внутренних интересов, вносит свой вклад в развитие двусторонних отношений между участниками «тройки». В том числе РИК (это было описано выше) способствует диалогу Пекина и Нью-Дели, как минимум ежегодно создавая дополнительную площадку для благожелательного диалога. Хорошим примером была упоминавшаяся встреча министров иностранных дел РИК в апреле 2016 г. в Москве, где китайская и индийская стороны предметно обсудили и двустороннюю повестку¹⁰⁵.

* * *

Подводя итог теме двусторонних отношений в «тройке» РИК, отметим следующее.

1. Каждая из трех двусторонних линий в текущем столетии отличается общей тенденцией поступательного развития — в большей степени выраженной по линии российско-китайских и российско-индийских отношений, в меньшей (в силу числа и характера проблем и нерешенных вопросов) — по линии отношений между КНР и Индией; в любом случае большой прогресс, достигнутый в XXI в. в диалоге между Пекином и Нью-Дели, способствовал усилению ранее откровенно слабой китайско-индийской линии, а значит, и значительному выравниванию всей трехсторонней конструкции РИК.

2. Достаточно высокий уровень отношений по всем трем линиям отражается в формуле и статусе каждой из них. Во всех случаях речь идет об отношениях стратегического партнерства, причем с выраженными усиливающими акцентами («всеобъемлющее», «привилегированное», «направленное на процветание»).

3. Каждая из стран тройки рассматривает отношения с двумя другими партнерами в числе своих главных внешнеполитических приоритетов, причем такой настрой декларируется ими по меньшей мере на обозримое будущее.

4. Сходство базовых внешних и внутренних приоритетов (справедливый миропорядок, развитие и т. п.) обеспечивают насыщенную двустороннюю повестку как по вопросам международной жизни, так и в практическом сотрудничестве в экономике и других областях. Особенности и разногласия в подходах не носят критического характера; будучи достаточно серьезными в ряде случаев по линии Пекин—Дели, они и здесь не являются непреодолимым препятствием для позитивного сотрудничества.

5. Высокий уровень двусторонних отношений между РФ, Индией и КНР, явившись в свое время одной из важных предпосылок формирования трехстороннего взаимодействия, имеет весомые основания быть сохраненным. Это является фактором в пользу дальнейшего развития трехстороннего взаимодействия.

Примечания

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 143—151.

² URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2002/12/39948/151812.shtml>

³ URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/10/77866/161384.shtml>

⁴ URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2006/03/103278/154587.shtml>

⁵ Совместное Российско-Китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве» 17 июня 2009 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/06/218010.shtml>

⁶ Там же, а также см.: Российско-китайские отношения неизменно носят характер стратегического партнерства. 23.09.2009. Нью-Йорк. URL: <http://kremlin.ru/news/5545>.

⁷ Председатель КНР Ху Цзиньтао и президент России Дмитрий Медведев встретились в Нью-Дели. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7772805.html>

⁸ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 28.02.2012.

⁹ Синьхуа. 21.12.2012.

¹⁰ Синьхуа. 25.12.2012.

¹¹ Сайт президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/17725>

- ¹² URL: <http://ria.ru/economy/20140901/1022298306.html>.
- ¹³ URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/20173>
- ¹⁴ URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>
- ¹⁵ URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969>
- ¹⁶ URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/50244>
- ¹⁷ Китай высоко оценивает утверждения о китайско-российских отношениях, содержащиеся в новой стратегии национальной безопасности РФ. URL: http://rus.sian.news.cn/2016-01/04/c_134976905.htm
- ¹⁸ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100>
- ¹⁹ URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/54491>
- ²⁰ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5217>
- ²¹ URL: russian.china.org.cn. 04.09.2017.
- ²² URL: russian.china.org.cn. 04.09.2017.
- ²³ URL: http://russian.news.cn/2018-04/06/c_137090872.htm
- ²⁴ URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699>; URL: <http://kremlin.ru/supplement/5313>; URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/57722>
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 4 июля 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>
- ²⁷ Вопросы и ответы министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям. 8 марта 2018 г. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1540959.shtml>
- ²⁸ URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-363/48462
- ²⁹ URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcymvb/content/id/598800
- ³⁰ URL: <http://rusembindia.com/rus/ofitsialnye-dokumenty/2114-sovmestnoe-zayavlenie-desyatiletie-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-rossijskoj-federatsiej-i-respublikoj-indiej-i-perspektivy-ego-razvitiya>
- ³¹ URL: <http://rusembindia.com/rus/rossiya-i-indiya-dialog/ofitsialnye-dokumenty/130-2014-01-02-22-01-50/3836-sovmestnoe-zayavlenie-o-dalnejshem-ukreplenii-rossijsko-indijskogo-strategicheskogo-partnorstva-pered-litsom-vyzovov-menyayushchegosya-a-mira-16-dekabrya-2011-goda>
- ³² URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586442579ad00481d8f?OpenDocument>

³³ URL: <http://rusembindia.com/rus/rossiya-i-indiya-dialog/ofitsialnye-dokumenty/130-2014-01-02-22-01-50/5544-sovmestnoe-zayavlenie-po-itogam-ofitsialnogo-vizita-v-respubliku-indiyu-prezidenta-rossijskoj-federatsii-v-v-putina-partnerstvo-vo-imya-vzaimnogo-protsvetaniya-i-luchshego-miroustrojstva-24-dekabrya-2012-goda>

³⁴ URL: <http://rusembindia.com/rus/rossiya-i-indiya-dialog/ofitsialnye-dokumenty/130-2014-01-02-22-01-50/5546-dokumenty-podpisannye-v-khode-ofitsialnogo-vizita-vladimira-putina-v-respubliku-indiyu-24-dekabrya-2012-goda>

³⁵ URL: <http://kremlin.ru/supplement/1543>; URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19447>

³⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20603>

³⁷ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5050>

³⁸ URL: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/Reinventing-old-links/article16074918.ece>

³⁹ Там же.

⁴⁰ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5136>

⁴¹ *Ашук Садджанхар*. Индия и Россия: особое партнерство продолжается. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160826/237644905.html>

⁴² Там же.

⁴³ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5199>

⁴⁴ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57506>

⁴⁵ URL: <http://expert.ru/2018/05/22/vizit-premer-ministra-indii-narendra-modi/>

⁴⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57506>

⁴⁷ См.: URL: <http://expert.ru/2018/05/22/vizit-premer-ministra-indii-narendra-modi/>

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Независимая газета. 06.06.2012.

⁵⁰ CHELLANEY: Asia's new 'Triple Entente. Together, U.S., India and Japan can check China. By Brahma Chellaney. The Washington Times. Tuesday, January 24, 2012. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2012/jan/24/asias-new-triple-entente/>

⁵¹ P.S. Raghavan. Reinventing old links. The Hindu. October 19, 2016. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/Reinventing-old-links/article16074918.ece>

⁵² Sino-Indian Joint Press Communique. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbj/zjzg/yzs/gjlb/2711/2712/t15913.htm>

⁵³ Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of India on the Maintenance of Peace and Tranquility along the Line of Actual Control in the China-India Border Areas. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbj/zjzg/yzs/gjlb/2711/2712/t15915.htm>; Agreement Between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of India on Confidence Building Measures in the Military Field Along the Line of Actual Control in

the China-India Border Areas. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2712/t15914.htm>

⁵⁴ Синьхуа. 26.04.2003.

⁵⁵ Declaration on Principles for Relations and Comprehensive Cooperation Between the People's Republic of China and the Republic of India. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2712/t22852.htm>

⁵⁶ ИТАР-ТАСС. 25.06.2003.

⁵⁷ Premier Wen Jiabao Visit to India. Prospects and Reports./ Institute of Chinese Studies, Occasional Studies, № 7. December 2005. С. 75—83.

⁵⁸ Совместная декларация» Китая и Индии. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zzjg/yzs/gjlb/1328/1330/t281586.htm>

⁵⁹ A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>

⁶⁰ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?22383/Prime+Ministers+speech+at+the+Central+Party+School+in+BeijingIndia+and+China+in+the+New+Era+October+24+2013>

⁶¹ Joint Statement — A vision for future development of India-China strategic and cooperative partnership, October 23, 2013. URL: <http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22379/Joint+Statement+A+vision+for+future+development+of+IndiaChina+strategic+and+cooperative+partnership>

⁶² URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0530/c31521-8735023.html>

⁶³ URL: http://russian.news.cn/china/2014-06/09/c_133392300.htm

⁶⁴ URL: http://russian.news.cn/china/2014-07/15/c_133484931.htm

⁶⁵ List of Documents signed during the State Visit of Chinese President Xi Jinping to India.- (URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24012/List+of+Documents+signed+during+the+State+Visit+of+Chinese+President+Xi+Jinping+to+India>)

⁶⁶ URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24022/Joint+Statement+between+the+Republic+of+India+and+the+Peoples+Republic+of+China+on+Buidling+a+Closer+Developmental+Partnership>

⁶⁷ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?25240/Joint+Statement+between+the+India+and+China+ during+Prime+Ministers+visit+to+China>

⁶⁸ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0701/c31521-8748918.html>

⁶⁹ URL: <http://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/26947/Transcript+of+Media+Briefing+by+Official+Spokesperson+in+Tashkent+on+Prime+Ministers+ongoing+visit+to+Uzbekistan+June+23+2016>

⁷⁰ URL: <http://mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?27366/Transcript+of+Media+Briefing+by+Official+Spokesperson+in+Hangzhou+on+Prime+Ministers+visit+to+China+September+04+2016>

⁷¹ URL: http://www.xinhuanet.com/english/2016-10/16/c_135756971.htm

⁷² URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2101742/chinas-xi-jinping-and-indias-narendra-modi-meet-g20>; URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/pm-modi-chinese-president-xi-jinping-discuss-range-of-issues-on-the-sidelines-of-g20-summit/story-Mc0hfELhMuhXxh6LRLvxiI.html>

⁷³ URL: <http://mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?28925/Transcript+of+Media+Briefing+by+Foreign+Secretary+in+Xiamen+on+Prime+Ministers+Bilateral+Meeting+with+Xi+Jinping+President+of+China+on+the+sidelines+of+BRICS2017+September+05+2017>

⁷⁴ India-China Informal Summit at Wuhan. April 28, 2018. URL: <http://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?29853/IndiaChina+Informal+Summit+at+WuhanAtulAneja.The+Wuhan+breakthrough/The+Hindu+JULY+19,+2018>. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/the-wuhan-breakthrough/article24454138.ece>

⁷⁵ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_Jan_2016.pdf

⁷⁶ URL: http://russian.news.cn/china/2015-06/26/c_134356701.htm

⁷⁷ URL: <http://www.indialivetoday.com/sushma-swaraj-meets-chinese-foreign-minister-wang-yi-on-sidelines-of-sco-meeting/201493.html>

⁷⁸ URL: <https://www.firstpost.com/india/doka-la-standoff-put-severe-strain-on-bilateral-ties-chinese-foreign-minister-wang-yi-tells-sushma-swaraj-4255339.html>

⁷⁹ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1519385.shtml

⁸⁰ URL: http://russian.news.cn/china/2015-03/24/c_134092882.htm

⁸¹ URL: <http://www.firstpost.com/firstcricket/sports-news/ajit-doval-beijings-state-councillor-hold-20th-round-of-border-discussions-in-new-delhi-4271293.html>

⁸² В марте 2018 г. китайские СМИ сообщили, что впредь обязанности спецполанника на пограничных переговорах с Индией возлагаются на министра иностранных дел Ван И.

⁸³ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0215/c31520-8850837.html>

⁸⁴ URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2014-04/23/content_32184775.htm

⁸⁵ URL: http://russian.news.cn/china/2014-07/03/c_133458075.htm; URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0704/c31521-8750907.html>

⁸⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0801/c31521-8763780.htm>

⁸⁷ URL: http://russian.news.cn/china/2015-04/10/c_134140980.htm

⁸⁸ URL: <https://thediplomat.com/2016/11/china-india-hold-joint-military-drill/>; URL: <https://thediplomat.com/2015/10/china-and-india-hold-joint-military-exercise>

⁸⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1125/c31520-8813486.html>

⁹⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1125/c31520-8813486.html>

⁹¹ 2017: A Tough Year for China-India Relations. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations>

⁹² URL: <https://thediplomat.com/2017/08/what-china-learned-about-india-at-doklam/>; URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2017_China%E2%80%93India_border_standoff

⁹³ См. напр.: URL: http://english.chinamil.com.cn/view/2017-08/02/content_7700993.htm

⁹⁴ *Брахма Челлани*. Тень Китая над Азией и политика США. 20.12.2010. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ten-Kitaya-nad-Aziei-i-politika-SShA-15066>.

⁹⁵ *Мохан Р.* У нас нет проблем с русскими, но есть проблемы с китайцами. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161115/238205851.html>

⁹⁶ URL: <http://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?28560/Joint+Statement++United+States+and+India+Prosperity+Through+Partnership>; URL: <http://mea.gov.in/outgoing-visit-etail.htm?25868/Inaugural+USIndiaJapan+Trilateral+Ministerial+Dialogue+in+New+York>

⁹⁷ *Мохан Р.* У нас нет проблем с русскими, но есть проблемы с китайцами. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161115/238205851.html>

⁹⁸ Подр. см. напр.: *Микрюков В.* Провокаторы наготове. В раздувании конфликта между Китаем и Индией заинтересованы прежде всего США // Независимая газета. 13.10.2017.

⁹⁹ URL: http://russian.news.cn/china/2014-11/25/c_133811288.htm

¹⁰⁰ URL: <http://asiareport.ru/index.php/analytics/1146-ten-kitaya-nad-aziej-i-politika-ssha-chetyre-scenariya-aziatskogo-budushhego.html>; URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ten-Kitaya-nad-Aziei-i-politika-SShA-15066>

¹⁰¹ В Восточной Азии образуется «пятизвездочная структура» // Жэньминь жибао он-лайн. 18.11.2010. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7204726.html>

¹⁰² URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2018-03/08/content_50684087.htm

¹⁰³ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/2713_663430/t1522078.shtml

¹⁰⁴ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/2713_663430/t1544883.shtml

¹⁰⁵ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1357011.shtml

Глава 5

РИК: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФОРМАТА

5.1. РИК и БРИКС:

взаимодополнение вместо дублирования

В начале 2000-х годов мировой политической лексикон пополнился новым термином: им стал акроним БРИК, который в 2001 г. выдвинули (а через два года развили) эксперты американского банка «Голдман сакс», виртуально объединив с его помощью группу четырех достаточно крупных стран (Бразилия, РФ, Индия и Китай), демонстрировавших опережающую динамику экономического развития. Причем особое внимание в мире обратили на сделанный в 2003 г. прогноз банковских экспертов, что к 2032 г. «четверка» БРИК (тогда еще без ЮАР) по суммарному объему ВВП превзойдет аналогичный показатель сегодняшней «G7»¹. А через три года «виртуальная четверка» уже самостоятельно, без всякого влияния кабинетных финансовых аналитиков, стала искать пути не виртуальной, а реальной координации, превратившись вскоре в объединение БРИК (с декабря 2010 г., после расширения за счет ЮАР — БРИКС). Появление «пятерки» не могло не поставить перед экспертами и практическими политиками вопрос о соотношении, корреляции форматов РИК и БРИКС, поскольку речь шла о форматах с пересекающимся составом участников.

При этом, как очевидно, важны два обстоятельства.

Во-первых, кажется не лишней ясность в вопросе, *что* следует считать «корнями» происхождения объединения БРИК/БРИКС, имея в виду, что авторство в появлении этого акронима принадлежит, как сказано, экспертам банка «Голдман сакс».

Во-вторых, оправдано ли одновременное функционирование двух похожих форматов; не является ли естественным «поглощение» РИК более широким форматом БРИК/БРИКС? Сторонники такого взгляда в конце 2000-х годов стали ставить подобного рода внешне вполне логичные вопросы, указывая, в частности, что возможное «вхождение», инкорпорация РИК в БРИК автоматически исключила бы запрашиваемые элементы дублирования, а также теоретически уменьшила бы противодействие Запада, где пока не отмечено сколько-нибудь выраженного противодействия «пятерке».

Отвечая на первый из вопросов (об «авторстве»), трудно пройти мимо временного фактора и хотя бы кратко не представить историю становления и эволюции БРИКС.

После появления акронима БРИК в течение двух-трех лет достаточно быстро происходила своего рода трансформация сугубо виртуальных оценок «четверки» в направлении формирования условий и стимулов для той или иной формы реального взаимодействия, причем, заметим, что с концептуальной точки зрения, отправным моментом этого процесса стала схожесть интересов, основанная в свою очередь на близости позиций по основным вопросам мирового развития.

Начиная уже с 2004—2005 гг. представители «четверки» стали зондировать практические возможности для диалога. В 2006—2008 гг. прошло несколько встреч четырех министров иностранных дел. На этой основе переговоры были выведены на высший уровень — на полях «Большой восьмерки» в Японии (2008 г.) впервые неформальную встречу провели первые лица четырех государств. После этой встречи высших руководителей стали носить отдельный, специально подготовленный характер, вне связи с какими-то иными форумами. По их итогам публикуются совместные документы, в которых, в частности, определяются цели, направления, пути взаимодействия. Старт таким полноформатным саммитам был дан в мае 2009 г. в Екатеринбурге (РФ). С тех пор они стали ежегодными, проводятся последовательно в каждой из стран, десятый юбилейный саммит БРИКС прошел 25—27 июля 2018 г. в Йоханнесбурге (ЮАР).

В эти же годы были предприняты активные дополнительные шаги по институционализации сотрудничества. К примеру, в 2009 г. взяли старт встречи министров финансов и глав центробанков. Продолжились встречи министров иностранных дел. Кроме того, было обращено внимание на области практического хозяйственно-экономического и иного сотрудничества непосредственно между странами-участницами. В результате к лету 2012 г. в формате БРИК/БРИКС

были образованы либо готовились к старту секторальные диалоговые площадки примерно в двух десятках отраслей (сельское хозяйство, здравоохранение, банковская, антимонопольная, судебная, научно-техническая, культурная, спортивная и другие сферы). На саммитах принимаются не только насыщенные Совместные заявления, но и Планы действий, где прописываются направления и конкретные мероприятия сотрудничества на очередной срок. Важнейшим институциональным достижением стало создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС. Обе структуры начали работу в июле—сентябре 2015 г. и стали реальной финансовой опорой экономических и финансовых проектов в странах БРИКС².

В канун 10-го саммита БРИКС превратился в механизм многопрофильного стратегического партнерства, где ежегодно проходят два саммита лидеров стран объединения — основной и заседание «на полях» встречи «Группы двадцати», около 100 официальных мероприятий, из них примерно 20 министерского уровня. Страны БРИКС занимают 29 % мировой площади суши, совокупное население составляет 42 % населения мира. В 2016 г. страны БРИКС обеспечили более 50 % всего экономического роста в мире и 23 % мирового ВВП. На их долю также пришлось 16 % мировой торговли и 12 % исходящих инвестиций³.

Если оценивать базовые цели и направления сотрудничества в БРИКС, то можно выделить три основные линии. Во-первых, речь идет о проблемах справедливого и рационального реформирования устаревших экономических и валютно-финансовых институтов с учетом растущей роли стран с развивающимися рынками, прежде всего в странах «пятерки». Во-вторых, все большее значение в БРИКС уделяется мировой политической повестке дня — вопросам продвижения к новому полицентричному миропорядку, сохранения центральной роли ООН, необходимости строгого соблюдения норм международного права и мирных, диалоговых принципов решения спорных проблем. Наконец, в-третьих, в БРИКС предпринимаются шаги по налаживанию сотрудничества «внутри пятерки», развитию многочисленных направлений практической кооперации в экономической, социальной, культурной и прочих областях. Преследуемая при этом цель — использовать потенциальные взаимодополняющие возможности в интересах внутреннего развития каждой из стран, прежде всего в сферах модернизации и инноваций.

Важным принципом взаимодействия в БРИКС признается сугубо неконфронтационный характер данной диалоговой структуры, со-

трудничество в которой «не направлено против какой-либо третьей стороны».

Недолгая история сотрудничества в БРИКС уже выразилась в том, что Объединение сыграло важную роль в принятии решения (правда, с затянувшейся реализацией) о перераспределении 5 % голосов в МВФ и 3 % во Всемирном банке в пользу новых и развивающихся экономик.

Такова эволюция объединения БРИКС, основной организационный этап которой пришелся, как было показано, на 2006—2009 гг. Но, возвращаясь к вопросу о «корнях и авторстве» БРИК/БРИКС, нельзя не заметить, что когда в 2001—2003 гг. в недрах «Голдман сакс» рождалась известная на первых порах лишь узкому кругу специалистов сугубо виртуальная аббревиатура БРИК, означавшая, повторим, не более чем экспертное сведение в одну понятийную группу стран со сходными экономическими параметрами, в мире уже несколько лет широко обсуждалась «формула Примакова», которая предусматривала не виртуальную схему, а структуру реального сотрудничества трех из четырех стран БРИК. Причем, как было показано, в 2002 г. структура РИК уже обрела реальные практические очертания, когда на полях ГА ООН прошла первая министерская встреча трех глав внешнеполитических ведомств.

Иными словами, в 2001—2002 гг. диалог в РИК был уже запущен как по экспертной, так и официальной межгосударственным дорожкам, а уже в 2005 г. данная тема практически нашла рамочное концептуальное отражение в документах двустороннего и трехстороннего уровня⁴.

Поэтому объединение БРИК/БРИКС как институциональную структуру, рождением которой принято считать встречу глав МИД в 2008 г. в Екатеринбурге (было опубликовано первое Совместное коммюнике)⁵, можно с серьезными основаниями рассматривать по формуле «РИК плюс Бразилия и Южная Африка», тем более, что до конца 2010 г. существовала лишь «четверка» БРИК, и лишь потом к объединению подключилась ЮАР.

Этот взгляд (расставляющий «по местам» реальную практику и сугубо специальное экспертное участие «Голдман сакс») будет тем более оправданным, если конкретизировать, что к моменту первых шагов к формированию взаимодействия в БРИК (2005—2006 гг.) формат РИК имел уже целый ряд концептуальных и организационных наработок. И естественно, что с участием России — инициатора сотрудничества в обоих форматах — целый ряд из них был инкорпорирован в

практику БРИК/БРИКС. Это упомянутые выше принципы «трех не», это цели продвижения к новому миропорядку и экономическому сотрудничеству на основе взаимодополняемости экономик, это поэтапный характер создания механизмов вначале в виде переговорных площадок по линии МИД с выходом затем на высший уровень, а также на сеть профильных дорожек сотрудничества.

Все это говорит о том, что именно РИК стал предвестником «четверки/пятерки», набравшей в последние годы внушительный международный политический вес. Деятельность объединения БРИКС, акцентирующего внимание на эволюционных реформах мировой экономической, валютно-финансовой системы и продвижении к полицентричному миропорядку — это де-факто развитие во многом изначальных целей РИК с использованием более широкого геополитического ресурса. Собственно говоря, такой взгляд на временную и институциональную взаимосвязь двух структур стал практически аксиомой, о чем напомнил в декабре 2017 г. С.В. Лавров, отметив в интервью по окончании 15-й трехсторонней встречи министров иностранных дел РИК в Дели, что именно образованная в конце 1990-х годов структура РИК «положила начало БРИКС»⁶.

Второй из поставленных вопросов (сомнения в «нужности» РИК при появлении БРИК/БРИКС) решается самой практикой международной жизни последних лет, когда в 2006—2018 гг. параллельно существовали и действовали оба формата. Прошедшие в Пекине, Москве и Дели последние по счету встречи трех глав внешнеполитических ведомств (2014—2017 гг.), как и все предыдущие, лишь подтвердили намерение сторон развивать сотрудничество в данном формате⁷. Не случайно и С.В. Лавров, и Сушма Сварадж, и Ван И были практически едины в оценках: РИК — это самоценный формат, поддерживаемый каждой из трех стран, которые будут и дальше идти по пути взаимодействия⁸. Вновь подчеркивалась важная роль, «придаваемая всеми тремя сторонами формату РИК как платформе продвижения тесного диалога и сотрудничества» (встреча министров в декабре 2017 г. в Дели)⁹.

Самое течение событий определенно свидетельствует в пользу того, что одновременное существование обеих структур и возможно, и оправданно. В обоснование реальными видятся сразу несколько тезисов.

Во-первых, (возможно, это наиболее важно), формат РИК имеет по сути свою, во многом оригинальную повестку. Речь идет о том, что РИК представляет практическую площадку для обсуждения ряда жи-

вотрешущих региональных проблем, которые актуальны прежде всего для «тройки» — таких, как положение в ЦА и Афганистане. Ясно, что для БРИКС с его латиноамериканскими и африканскими участниками эти темы, пусть и обозначаемые в совместных документах, все же видятся, мягко говоря, менее злободневными. Напротив, согласно коммюнике министерских встреч РИК (возьмем для примера те же три заседания 2015—2017 гг.), именно для РИК региональная повестка является значимой и всегда злободневной. В документах всех трех упомянутых встреч глав внешнеполитических ведомств, как и ранее, повышенное внимание уделено таким вопросам, как построение системы мер доверия в АТР, развитие Шанхайской организации сотрудничества, афганская проблематика и другие темы, связанные с обеспечением безопасности в Азии и АТР. Об этом же свидетельствует и реальная практика РИК: например, налаженный трехсторонний диалог специальных представителей по проблемам Афганистана¹⁰.

Во-вторых, в БРИКС, где порой возникает необходимость весьма деликатного согласования позиций, в том числе с африканскими и латиноамериканскими партнерами, оказывается весьма востребованной консолидирующая роль РИК, его роль в качестве своего рода «опорного звена». Недаром важность трехстороннего взаимодействия в БРИКС (так же, как в ООН, Группе-20, в ШОС) традиционно подчеркивается в совместных коммюнике трех министров иностранных дел¹¹.

На полях этого тезиса заметим, что с точки зрения оптимального для РФ (и Китая) развития диалога в «пятерке» важно, что как раз на площадке РИК у РФ и Китая есть возможность «активизировать» фактор Индии, которая, будучи членом и РИК, и БРИКС, и диалоговой структуры IBSA (Индия—Бразилия—ЮАР)¹², объективно может претендовать на значимую позицию балансира.

В-третьих, актуальным остается взаимодействие внутри «тройки» по ряду экономических, гуманитарных и других направлений. Как напомнило 5 февраля 2015 г. агентство Синьхуа, «взаимодополняемость прагматического сотрудничества между тремя странами очевидна, поскольку Россия является крупным экспортером энергоносителей, Китай и Индия — главными потребителями энергии; в Индии развиты индустрия программного обеспечения и финансовая отрасль, а Китай имеет преимущество в инфраструктурном строительстве и инвестиционной сфере». Потенциал этот с точки зрения трехстороннего формата пока использован очень мало. Правда, имен-

но в части секторального сотрудничества возможно и актуально «разграничение полномочий» между РИК и БРИКС, поскольку в обоих случаях разворачиваются схожие переговорные площадки (сельское хозяйство, здравоохранение) и есть вероятность проявления элементов дублирования. Вместе с тем такие секторальные сферы, как сотрудничество ученых, ведомств по чрезвычайным ситуациям, сохраняют в РИК свою обоснованную актуальность. Не сказала своего «последнего слова» и сфера энергетики.

В-четвертых, появление БРИКС не означало исчезновения других форматов сотрудничества с пересекающимся составом участников, в частности того же формата «Индия—Бразилия—ЮАР»¹³.

Добавим к этому, что положения о необходимости одновременного развития взаимодействия и в БРИКС, и в РИК содержатся также в документах по итогам двусторонних российско-китайских и российско-индийских саммитов. Так, 8 мая 2015 г. руководители РФ и КНР, продолжая традицию тесного взаимодействия в двустороннем формате, в Совместном заявлении подчеркнули, что обе страны «поддерживают непрерывное поступательное развитие механизма сотрудничества между государствами — участниками БРИКС», и «придают исключительно важное значение продолжению взаимодействия в формате Россия—Индия—Китай»¹⁴. В документах июньских (2018 г.) переговоров В.В. Путина и Си Цзиньпина отмечалась задача «наращивать двустороннее взаимодействие и координацию в рамках» одновременно БРИКС, РИК, (а также ШОС, АТЭС, ВАС)¹⁵.

О намерении «продолжить укрепление координации и взаимодействия в РИК, БРИКС и G20» говорилось в майском (2015 г.) совместном китайско-индийском заявлении по итогам визита в КНР премьер-министра Н. Моди¹⁶. А глава МИД РФ С.В. Лавров, выступая в Дипломатической академии в Москве, подчеркивал: «Наряду с БРИКС востребован формат, который положил начало деятельности этой пятерки и который был инициирован нашим великим учителем Е.М. Примаковым: я имею в виду Россию, Индию, Китай (РИК). Даже когда создалась «пятерка» из Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, РИК продолжает функционировать»¹⁷.

Все это свидетельствует в пользу высокой степени вероятности параллельного развития БРИКС и РИК, что отвечает базовым национальным интересам РФ, Индии и КНР.

Иными словами, сценарий прекращения или существенного спада сотрудничества в трехстороннем формате по причине существования БРИКС в обозримой перспективе не просматривается.

5.2. РИК и ШОС: новые возможности?

Картина тенденций, характеризующая процессы трехстороннего партнерского формата, была бы неполной без упоминания сюжетов, связанных не только с БРИКС, но и с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС).

В экспертном сообществе еще на первых порах становления трехсторонней структуры неоднократно и небезосновательно высказывалось мнение, что ШОС, где традиционно важна роль России и Китая, могла бы стать неким резервом, расширяющим возможности взаимодействия РФ, КНР и Индии. При этом имелось в виду следующее.

Во-первых, цели, сформулированные в принятых в 2001—2002 гг. уставных документах ШОС, во многом перекликались тогда с формируемым в эти же годы концептуальным видением аналогичных задач в структуре РИК. Речь шла о вопросах миропорядка, безопасности в регионе Центральной Азии, включая обострившиеся проблемы Афганистана, об экономическом сотрудничестве государств региона.

Во-вторых, учитывался интерес, который к деятельности ШОС достаточно скоро стала проявлять Индия. По широко распространенным высказываниям экспертов, подключение Индии к работе Организации способствовало бы развитию и формата РИК. Этот взгляд еще более усилился после включения Индии в число участников ШОС в статусе наблюдателя в 2005 г., когда октябре Индия впервые приняла участие в очередном заседании Совета глав правительств ШОС в Москве. Позднее Нью-Дели заявил о желании получить статус «ассоциированного члена» ШОС. По словам премьер-министра М. Сингха, сказанным в тот период, Индия проявляет особый интерес к деятельности ШОС, направленной «на развитие сотрудничества в сфере экономики, энергетики, образования и культуры, равно как и к деятельности, направленной против терроризма и контрабанды наркотиков»¹⁸. При этом некоторые наблюдатели говорили, что обретение Индией полноформатного статуса способно обеспечить некое «институциональное замыкание круга» и в этом смысле завершение организационного формирования РИК.

В любом случае, оба данных обстоятельства рассматривались как задел и благоприятная предпосылка для становления и развития российско-индийско-китайского взаимодействия.

Как показало последующее развитие событий, в целом такое видение было верным.

Особенно это касалось параллельных действий и РИК, и ШОС в продвижении своих базовых целевых установок, в том числе применительно к региональной ситуации в Центральной и Южной Азии.

Однако и второй фактор, который связан с постепенным усилением в ШОС индийского участия, завершившегося (пусть и после непростых дискуссий) обретением Нью-Дели (вместе с Пакистаном) полноформатного статуса, также сыграл для РИК свою положительную роль. По меньшей мере, это расширило естественную диалоговую площадку для трехстороннего сотрудничества, а возможности более частых контактов представителей трех стран делают его, по крайней мере, потенциально, и более результативным.

Вместе с тем, как представляется, такие возможности не стоит переоценивать, а тем более нет нужды в контексте ШОС говорить об институциональном оформлении РИК.

ШОС в любом случае является полноценной формализованной организацией, обладающей Уставом, наднациональными постоянно действующими органами. А об институциональной сущности РИК как гибкой неформализованной диалоговой структуре взаимодействия по совпадающим интересам (такого рода форматы, пусть и с элементами институционализации, как в случае РИК, принято называть еще и элементами сетевой дипломатии) уже достаточно говорилось выше. Данная статусная разница вряд ли предполагает какое-то формализованное обособление «тройки» в рамках ШОС. Тем более (и об этом также говорилось в экспертных дискуссиях), что даже в варианте регулярного форума «на полях» оно могло бы быть неверно истолковано другими членами ШОС — как гипотетическое намерение «тройки» изолированно решать те или иные вопросы.

Кроме того, имеются различия и в повестках дня обеих структур, что продиктовано и их институциональными особенностями.

Сказанное, однако, вовсе не означает, что площадка ШОС в плане содействия российско-индийско-китайскому взаимодействию должна игнорироваться. Повторим, что дополнительные контакты в рамках организации, в том числе по вопросам безопасности и экономических проектов в Центральной Азии, являются полезными и непосредственно для трехстороннего формата, где проблемы данного региона неизменно включаются в повестку дня. Не случайно, в целом ряде трехсторонних и двусторонних документов, которые приняты участниками «тройки» РИК, не раз говорилось о важности трехстороннего взаимодействия применительно к площадке ШОС (как и в случае представленной выше линии РИК—БРИКС). «Россия, Индия

и Китай придают особое значение совместной работе в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и рассматривают ее в качестве одного из ключевых инструментов продвижения многостороннего взаимодействия в регионе в вопросах политики, безопасности, экономики и контактов между людьми», — говорилось, например, в Совместном коммюнике встречи глав МИД стран РИК в апреле 2014 г. в Москве¹⁹.

Такая «совместная работа» и взаимодействие могут быть вполне эффективными, например, на путях предварительного обсуждения в формате РИК тех или иных важных для обеих структур вопросов (региональный терроризм, наркотрафик и оргпреступность, энергетическое и другие виды экономического сотрудничества) и вынесения их затем на площадку ШОС.

Но к теме сотрудничества трех стран в ШОС можно подойти с другой стороны, со стороны самой Организации. Заметим, что в повестке дня ШОС уже давно присутствует взаимодействие между собой международных структур, которое рассматривается как потенциальный мультипликатор, катализатор усилий по достижению совместных целей. Между ШОС и рядом структур (ООН, СНГ, СВМДА, ОДКБ, АСЕАН) заключен около десятка Меморандумов о сотрудничестве и взаимопонимании. Другое дело — как от деклараций переходить к практическим шагам. Пока примеров серьезной реальной работы здесь немного (за исключением, может быть, некоторых отдельных событий по линии ШОС—ООН)²⁰.

Обратим внимание, что среди международных структур, с кем ШОС подписала Меморандумы о сотрудничестве, практически все (за исключением Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) — это такие же, как ШОС, полноформатные, полностью институционализированные организации. Но зададимся вопросом, может быть именно неформальный статус одной из потенциальных структур-партнеров содержит потенциальные резервы, которые могут быть использованы в рамках упомянутой гибкой сетевой дипломатии?

Попробуем под этим углом, не забывая о разнице в институциональном статусе, взглянуть на возможные дополнительные (к отмеченным выше) точки соприкосновения между ШОС и РИК.

Для ответа вначале попытаемся не просто произвольно упомянуть, но и систематизировать как черты сходства, дающие возможности сотрудничества двух структур, так и очевидные (дополнительные к институциональной разности) различия, которые такие возможности лимитируют.

Сходство касается четырех моментов.

Первое — это, прежде всего, пересекающийся состав участников: все три страны РИК являются членами и ШОС и РИК. Причем Индия обрела в ШОС полноформатный статус в том числе в результате многолетних обсуждений на экспертной и иных площадках РИК. Только к ШОС и РИК имеет отношение одно наблюдение — это единственные международные структуры, страны-участницы которых составляют единое, сомкнутое географическое пространство — от границ России на западе и севере до китайского побережья Евразии на востоке и индийского — на юге.

Второе — это сходство целей и подходов, связанных с глобальной повесткой дня. В своих официальных документах и ШОС, и РИК в той или иной форме выступают за многополярный мир, центральную роль ООН, демократизацию международных отношений. Если говорить о ШОС, то эти положения были зафиксированы еще в первых официальных документах — Декларации о создании ШОС (Шанхай, 2001 г.), Декларации глав государств от 2002 г. (Санкт-Петербург), где говорилось, в частности, о задаче усилий по «построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»²¹. Подобные же положения можно найти в каждом из 10 ежегодных коммюнике, которые с 2005 г. принимают министры иностранных дел РИК, включая, например, подписанное в декабре 2017 г. в Дели²².

Третье — это близость региональных задач ШОС и РИК в борьбе с терроризмом, за обеспечение региональной безопасности, урегулирование в «горячих точках» — от Афганистана и Ближнего Востока до Центральной Азии и Кореи.

Наконец, **четвертое** — это декларируемое в ШОС и РИК внешне сходное стремление наладить практическое взаимодействие в экономической, культурно-гуманитарной и других сферах «внутри» каждого из форматов. И в ШОС, и в РИК предпринимаются попытки выработать и претворить в жизнь те или иные совместные многосторонние проекты.

Близость перечисленных подходов, прежде всего к глобальной и региональной повестке дня, делает потенциально возможной достаточно высокую степень взаимодействия. Речь идет, по меньшей мере, о параллельных, усиливающих друг друга действиях в продвижении многополярности, региональной безопасности и других перечисленных выше сходных приоритетах.

Причем концептуально присутствующий в РИК и ШОС принцип «ненаправленности против третьих стран» не мешает использованию в Декларациях ШОС и Коммюнике РИК ряда знаковых положений.

Это тезисы о «справедливом миропорядке», лишенном «претензий на монополию в международных делах»²³; это положение о том, что «введение односторонних санкций помимо тех, которые были согласованы в рамках Совета Безопасности ООН, противоречит принципам международного права и прерогативам Совета Безопасности ООН, затрагивает государства, на которых они накладываются, оказывает негативное влияние на третьи государства»²⁴. Ясно, кому такие сигналы адресованы.

Собственно говоря, судя по неформальной информации, в частности из российского МИД, такое взаимодействие (по меньшей мере косвенное) уже имеет место, когда при принятии совместных документов в РИК используются формулировки, уже «апробированные» в ШОС, и наоборот.

Кроме того, очевидно, что «Большая евразийская тройка» — это объективное политическое и экономическое ядро ШОС, причем это обстоятельство имеет два измерения. С одной стороны, в формате РИК «ШОСовские тяжеловесы» могут, повторим, согласовывать важные, порой деликатные моменты, и их согласованный голос имеет повышенный шанс быть услышанным другими членами Организации. С другой — с полноформатным принятием Индии, отметим это еще раз, сама площадка ШОС дает трехстороннему формату дополнительные (неформализованные) возможности для координации и взаимодействия.

Есть потенциал сотрудничества и в продвижении тематики евразийской интеграции, в том числе в русле российской инициативы о Большом евразийском партнерстве («Большая Евразия»).

Не секрет, что в части подходов к евразийской интеграции у России, Индии и Китая есть особенности. Россия и Китай достигли общего понимания, что ведущееся сопряжение проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути является важной частью, первым этапом в продвижении к Большой Евразии²⁵. Индия, имеющая свои обоснованные резоны, относится к инициативе «Один пояс, один путь» пока с осторожностью.

В этом контексте площадки РИК и ШОС, причем в варианте параллельного взаимодействия, могли бы послужить сближению позиций. Такие признаки уже есть: в Коммюнике министерской встречи

РИК в Москве в апреле 2016 г. все три страны подчеркнули «необходимость изучить все подходы к вопросу региональной взаимосвязанности с целью обеспечить *большую* интеграцию в общем для всех трех сторон в регионе».

Но конечно, возможности взаимодействия имеют и очевидные пределы.

О первом (институциональном) различии уже говорилось; его лимитирующая роль, по меньшей мере, в том, что оно препятствует заключению формального в общепринятом смысле соглашения по типу ШОС—ООН, ШОС—АСЕАН и т. п.

Второе — это наличие в каждой из структур пусть и схожего, но, тем не менее, собственного узлового приоритета и фокуса повестки дня. Для ШОС эта повестка сфокусирована, во-первых, на региональной стабильности и безопасности в центре Евразии, включая борьбу против «трех зол», во-вторых, рост и развитие стран-участниц за счет экономического и других направлений сотрудничества.

Для РИК характерны задачи более общего характера — согласование принципиальных подходов РФ, КНР и Индии к важным глобальным и региональным международным вопросам.

Хотя в региональной повестке больших различий между РИК и ШОС нет. Просто в ШОС вопросы носят более конкретный, точечный, ориентированный на проблемы прежде всего Центральной Азии характер. А для РИК региональная повестка несколько шире и распространяется на весь регион АТР.

Иными словами, взаимодействие РИК и ШОС — это вряд ли сфера для повышенных ожиданий. Но потенциал координации здесь есть, он может и должен быть использован.

5.3. Уроки секторального диалога

Как известно, одной из целей сотрудничества в РИК является взаимодействие с целью содействия развитию хозяйственных и социально-культурных комплексов в каждой из стран, «более полная реализация их возможностей в экономическом развитии»²⁶. Об этом не раз говорилось в коммюнике министров иностранных дел «тройки», в двусторонних документах последних лет, принимавшихся между РФ, КНР и Индией.

На рубеже 2007—2008 гг. идея налаживания трехсторонних связей в различных областях хозяйственной жизни получила начальный

практический импульс. Были организованы диалоговые площадки, на которых стартовали трехсторонние обсуждения возможностей взаимовыгодной кооперации в сельском хозяйстве, в сфере противодействия чрезвычайным ситуациям и борьбы с последствиями катастроф, а также в области здравоохранения и медицины. Были проведены форумы деловых кругов трех стран. Конференции ученых-политологов, проводимые с 2001 г. — пример ведущегося академического диалога. Судя по встречам министров иностранных дел на рубеже первого—второго десятилетия текущего века в орбиту практического диалога могли быть вовлечены энергетика и другие сферы.

Поначалу наличие такого уже вполне солидного списка можно было считать признаком хорошего продвижения вперед.

Действительно, в 2008—2011 гг. движение по четырем, по крайней мере, дорожкам разворачивалось внешне достаточно последовательно.

Наиболее часто встречались представители ведомств по чрезвычайным ситуациям.

Первая встреча состоялась в июле 2008 г. в российской Самаре, вторая прошла через год в Китае, третья — в ноябре 2010 г. в Дели, четвертая — в сентябре 2011 г. в Санкт-Петербурге. После пятой встречи в китайском Чэнду (ноябрь 2012 г.) наступила пауза. В Коммюнике министерских встреч РИК, принятом в 2013 г., по данной линии отмечалось лишь намерение «и дальше продолжить трехстороннее сотрудничество в сфере обмена информацией, обмена технологиями, обучения персонала».

Три встречи в период с декабря 2007 г. до сентября 2011 г. в Дели, Чанчуне и Ростове-на-Дону провели представители Торгово-промышленных палат трех стран. Обсуждались перспективы сотрудничества бизнес-сообществ в таких сферах, как фармацевтика, информационные технологии, инфраструктура.

Состоялись встречи по линии министерств здравоохранения (сентябрь 2008 г., Индия) и министерств сельского хозяйства (апрель 2008 г., Пекин). После первых форумов были намечены следующие встречи, они откладывались на 2009—2011 гг., но, похоже, не состоялись²⁷.

Возможно, что свою роль в приостановке диалога по перечисленным секторальным дорожкам сыграло описанное быстрое параллельное развитие БРИК/БРИКС, которое как раз в секторальной части предусматривало создание целого ряда переговорных форматов (в том числе по сельскому хозяйству, здравоохранению и т. п.); в от-

личие от сферы внешней политики, это могло создать элементы дублирования.

13-я встреча министров иностранных дел, прошедшая в феврале 2015 г., в части практического (секторального) сотрудничества зафиксировала лишь то, что следует укреплять свое сотрудничество в научно-исследовательской работе. В коммюнике по ее итогам говорилось:

«Министры выразили общее мнение, что России, Индии и Китаю необходимо сотрудничать в сфере бизнеса, сельского хозяйства, смягчения и ликвидации последствий стихийных бедствий, медицинского обслуживания и здравоохранения. Министры изучили потенциал сотрудничества в области добычи и транспортировки нефти и природного газа, а также в других областях энергетики, высоких технологий, охраны окружающей среды и использования средств связи. Они договорились содействовать обменам между парламентариями, представителями средств массовой информации, а также культурным и молодежным обменам, включая поездки молодых дипломатов»²⁸.

В двух следующих министерских коммюнике (апрель 2016 г., Москва; декабрь 2017 г., Дели) упоминания о секторальном сотрудничестве вновь практически не содержали конкретики, более того, выглядели весьма лаконично. В Москве «министры согласились, что Россия, Индия и Китай должны расширить сотрудничество на уровне исследовательских центров, содействовать обменам между парламентариями, представителями средств массовой информации, а также культурным обменам, обменам в сфере кино и телевидения и молодежным обменам, включая взаимные визиты молодых дипломатов». А через полтора года в Дели они лишь констатировали факт проведения первой встречи молодых дипломатов трех стран в январе 2017 г. в Китае и заявили о намерении провести вторую такую встречу в первой половине 2018 г. в Индии²⁹.

При этом более полная информация, касающаяся каких-либо реальных трехсторонних проектов в указанных областях, практически отсутствовала, и это уже в начале 2010-х годов служило поводом для скептицизма, что подтверждалось и рядом авторитетных оценок в СМИ³⁰. Для того чтобы попробовать осмыслить реальную степень эффективности секторальных форматов сотрудничества в РИК, уместно, на наш взгляд, обратиться к практике аналогичных форматов. В частности, для сравнения показательна информация, касающаяся функционирования в 2003—2013 гг.³¹ аналогичного с РИК диалогового формата Индия—Бразилия—ЮАР (IBSA).

IBSA, так же как и РИК, является неформализованной структурой партнерства в целях продвижения сходных для стран-участниц целей и интересов. Кроме того, данный формат практически «ровесник» РИК, возникший лишь годом позже «евразийской тройки».

За первые семь—восемь лет существования (2003—2011 гг.) в структуре IBSA (как и в РИК и БРИК/БРИКС) были сформированы институты встреч министров иностранных дел³², не менее 5 раз (в том числе летом 2011 г. в Бразилии) встречались высшие руководители трех стран. При этом показательно, что вслед за первыми встречами глав МИД практически сразу начались шаги по формированию секторального диалога. К началу 2010-х годов он велся в 16 областях — сельского хозяйства, охраны окружающей среды и изменения климата, культуры, обороны, образования, энергетики, здравоохранения, городского хозяйства, информационного обеспечения, государственного управления, налогового администрирования, науки и технологии, социальных вопросов, туризма, торговли и инвестиций, а также транспорта. В каждой из сфер действовали совместные рабочие группы. Их деятельность привела к подписанию и принятию меморандумов о взаимопонимании в 10 областях. Еще в нескольких сферах такие документы также были подписаны и находились на тот момент в стадии ратификации³³.

По меньшей мере, на первый взгляд в IBSA в сравнении с РИК было достигнуто более существенное продвижение. Имея в виду число и частоту проводимых мероприятий (семинары, встречи, выставки), не говоря уже о спектре вовлеченных сфер, это, похоже, действительно так. И при определении дальнейших шагов по взаимодействию в РИК опыт IBSA может, как кажется, быть весьма полезен.

В частности заслуживает внимания созданный в рамках МИД каждой из стран IBSA института ответственных лиц — своего рода национальных координаторов сотрудничества. Похоже, что именно в эти структуры стекается вся, в том числе секторальная, информация, осуществляется мониторинг, определяется стратегия и тактика дальнейших действий, координируется работа вовлеченных национальных министерств и ведомств.

Помимо этого в IBSA налажен диалог по линии других влиятельных государственных институтов — встречаются парламентарии, работники судебных органов и т. д.

Справедливости ради отметим, что в документах IBSA (повторим, что речь идет об оценках на начало 2010-х годов), так же как в РИК,

не было упоминания о реализации неких броских конкретных проектов вроде совместных производств, компаний, разработок и т. д.

Тем не менее, принятие меморандумов о намерениях выглядело важным практическим шагом в этом направлении. К тому же ряд акций уже осуществлен. К примеру, в культурной сфере организовывались фестивали фильмов трех стран, а в сфере обороны проводились (факт сам по себе весьма показательный) маневры флотов трех стран. Кроме того, действовал финансовый фонд, цель которого — помощь беднейшим странам. Ежегодно отчисляя в Фонд по 1 млн долл., страны IBSA уже тогда провели ряд благотворительных акций — на Гаити, в Гвинее-Бисау и Кабо-Верде³⁴.

Иными словами, повторим, опыт продвижения сотрудничества в IBSA может быть полезен и востребован в РИК, причем и на пороге 2020-х годов. В числе прочего речь идет о целенаправленном анализе и накоплении стимулов взаимовыгодной кооперации, о естественной (а не искусственной) конвергенции интересов сторон, наконец, об управленческих и других технологических наработках. Показательно, что в формате академических конференций РИК тема секторального сотрудничества продолжает обсуждаться. Так, эксперты — участники 16-й академической конференции в Москве (май 2018 г.) обращали внимание на сохранение стимулов взаимодействия в ряде сфер, включая энергетику. Импульсом послужила, в частности, работа, ведущаяся российской и индийской сторонами по изучению (и последующей реализации) возможностей трубопроводных поставок российских углеводородов в Индию, о чем говорилось в российско-индийских документах по итогам официальных саммитов 2016—2017 гг.³⁵

Информация на эту тему стала весьма показательной на фоне некоторых прошлых проектов сооружения трубопроводной системы из РФ в Индию через территорию китайского Синьцзяна, которые обсуждались на академических конференциях еще в конце 2000-х годов.

Сохранение внимания к энергетической сфере не случайно. Здесь имеет место очевидная взаимодополняемость энергетических комплексов трех стран. Россия проводит политику диверсификации, в рамках которой разрабатывает восточные маршруты своего газового и нефтяного экспорта, а Китай и Индия, испытывающие возрастающий дефицит собственного углеводородного сырья, заинтересованы в оптимизации источников импорта, причем в серьезной степени — за счет российского направления. По линии РФ—КНР такие возможности уже во многом реализованы, хотя резервы далеко не исчерпаны. Еще более широкими такие резервы потенциально продолжают оста-

ваться по российско-индийской линии, что теоретически по-прежнему не исключает и трехсторонних проектов. Напомним, что положение относительно благоприятных перспектив сотрудничества в трехстороннем формате по теме углеводородов присутствовало еще в Совместном коммюнике 9-й встречи министров иностранных дел РИК (октябрь 2009 г.)³⁶. Имеется также поле для двухстороннего и трехстороннего взаимодействия в сфере переброски электроэнергии, развития атомной энергетики, совместной разведки и разработки новых месторождений углеводородных ресурсов, в том числе в третьих странах.

5.4. РИК: безопасность в АТР и проблемы Афганистана

Говоря о внешнеполитических задачах и направлениях взаимодействия в РИК, нельзя не констатировать, что они с начала столетия реализовывались достаточно последовательно. О сотрудничестве по глобальной повестке (многополярность и мировой порядок, центральная роль ООН и соблюдение международного права, мирный способ решения споров, проблемы нераспространения и др.) выше говорилось немало — в сюжетах об организационном становлении РИК, приоритетах участников «тройки», вариантах взаимодействия РИК с БРИКС и ШОС. Вместе с тем с момента создания РИК накоплена практика внешнеполитической координации и по ряду региональных проблем, одна из узловых среди которых — положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Провозглашаемая в РИК глобальная цель построения справедливого и равноправного миропорядка, упор на инструменты урегулирования проблем естественным образом проецируются на региональный уровень. АТР является здесь естественным фокусом, хотя бы просто по причине географической принадлежности стран РИК к данному региону.

Здесь уместно одно уточнение. Хотя по формально-географическим признакам Индия не является государством АТР, ее участие в делах региона весьма ощутимо. В дополнение к уже сказанному об Индии, напомним, что, являясь крупной, динамично развивающейся и авторитетной страной, это государство принимает заметное участие в делах АТР, осуществляет, в частности, тесное партнерство со странами АСЕАН и другими государствами Восточной Азии в форматах АСЕАН+1, АСЕАН+8 (или Восточноазиатский саммит), АРФ (Асеа-

новский региональный форум). Высока степень активности в двусторонних отношениях, в частности с Японией. Решается вопрос о приеме Индии в АТЭС, в чем ее поддерживают, в том числе, Россия и Китай. С точки зрения политической практики все это способствует восприятию Индии как полноценного игрока на политико-экономической карте АТР. В свою очередь данное обстоятельство в широком геостратегическом смысле придает и формату РИК в целом полноценное право восприниматься как структура, способная оказывать влияние на ситуацию в АТР.

Такое влияние вряд ли стоит преувеличивать: в регионе действуют еще многие серьезные игроки и интегрированные структуры. Однако потенциал определенного воздействия на обстановку в тех или иных районах Восточной Азии у формата РИК, безусловно, имеется. Не случайно положение в АТР не раз находило отражение в совместных коммюнике по итогам переговоров министров иностранных дел России, Индии и Китая.

Как представляется, реальное, а еще в большей мере потенциальное участие РИК в делах АТР заключается в следующем.

1. Трехстороннее сотрудничество в широком смысле способно позитивно влиять на обстановку в АТР и на формирование здесь структур эффективной безопасности через продвижение в регионе идей многосторонней дипломатии, противодействие попыткам диктата, отказ от военных способов решения спорных дел. В этом смысле показательна позиция, декларированная сторонами по итогам встречи трех министров в 2005 г., которая, к слову, символично прошла во Владивостоке — городе, где через семь лет на саммит АТЭС собрались ведущие страны АТР. Страны РИК «выступают за создание справедливого международного порядка на основе *строгого соблюдения норм международного права, равенства и взаимного уважения и сотрудничества*, ... убеждены, что развитие взаимовыгодного практического сотрудничества трех стран внесет конструктивный вклад в укрепление мира и стабильности в Азии и мире в целом», подчеркивалось в подписанном тремя министрами Владивостокском коммюнике³⁷.

Аналогичные идеи звучали на встречах трех министров в 2007 г. в Дели и Харбине. Однако еще более конкретный характер имели трехсторонние договоренности, отраженные в документе по результатам переговоров трех глав внешнеполитических ведомств в мае 2008 г. в Екатеринбурге. Рассмотрев ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), министры указали на необходимость создания системы региональной безопасности, высказались за расширение экономиче-

ской интеграции в АТР. Принципиально важно при этом, что министры выделили такие идеи для региона, как мир и устойчивое развитие, многосторонность и равная безопасность, взаимное доверие, взаимный учет интересов других сторон, равенство, открытый регионализм, сотрудничества на взаимовыгодной и не дискриминационной основе. Думается, что институциональное закрепление этих концептуальных идей в рамках того или иного общерегионального форума могло бы послужить основой для постепенного организационного продвижения к системе коллективной безопасности в Восточной Азии и АТР³⁸.

Пункты, имеющие непосредственное отношение к вопросу создания системы коллективной безопасности в АТР, занимали важное место практически во всех последующих коммюнике трех министров. В документе, принятом в декабре 2017 г. в Дели, в частности подчеркивалось, что три страны «согласны с тем, что поддержание региональной безопасности и экономической архитектуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которое является открытым, всеобъемлющим и основанным на многосторонности и общепризнанных принципах международного права, является обязательным условием для обеспечения прочного мира и стабильности в регионе». Три министра вновь заявили о своей «приверженности дальнейшему развитию диалога по вопросам архитектуры региональной безопасности, в том числе в рамках структуры Восточноазиатских саммитов. Кроме того, было еще раз заявлено, что «Россия и Китай приветствуют участие Индии в АТЭС»³⁹. Эту линию можно считать утвердившейся. Коммюнике, принятое годом раньше — в 2016 в Москве, сходным образом предусматривало, что координация трех стран «по поддержанию прочного мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «обеспечению общей, всеобъемлющей, коллективной и устойчивой безопасности», «созданию в регионе инклюзивной, неделимой и транспарентной архитектуры безопасности и сотрудничества» будет осуществляться с упором «на обсуждения в рамках Восточноазиатского саммита посредством семинара по архитектуре региональной безопасности и других каналов»⁴⁰.

2. С учетом авторитета трех стран их голос способен позитивно влиять на конкретные серьезные проблемы региона, такие, как ядерная проблема Корейского полуострова. В 2008 г. в Екатеринбурге, как и осенью 2009 г. в индийском Бангалоре, три министра иностранных дел призывали все заинтересованные стороны продолжать активные усилия для продвижения шестисторонних переговоров по урегулиро-

ванию ядерной проблемы Корейского полуострова в целях мирной и полной денуклеаризации полуострова, для достижения мира и стабильности в регионе⁴¹.

На фоне обострения ядерной проблемы Корейского полуострова, в том числе в связи ракетно-ядерными испытаниями КНДР во второй половине 2010-х годов, страны РИК предприняли ряд новых согласованных шагов, в том числе в рамках ООН, по смягчению ситуации. «Мы выражаем глубокую озабоченность по поводу текущей напряженности на Корейском полуострове, которая является следствием ядерных и баллистических ракетных программ КНДР», — говорилось в Коммюнике министров иностранных дел РИК по итогам встречи в декабре 2017 г.⁴²

Смысл сходной позиции трех стран изначально заключался в том, чтобы на Корейском полуострове (как и в случае с иранской ядерной программой) строго соблюдался режим ядерного нераспространения. При этом все вопросы между вовлеченными сторонами должны решаться в рамках мирного диалога, исходя из того, что наиболее действенным путем является не метод санкций и изоляции, а напротив, эффективное вовлечения так называемых проблемных стран в процессы равноправной и взаимовыгодной интеграции. Должно соблюдаться право государств на использование мирного атома в гражданских целях при условии, однако, строгого международного контроля.

3. Речь, наконец, идет о проблемах самого формата РИК, которые непосредственно связаны с развитием обстановки в АТР, активностью в этом регионе других крупных игроков.

Выше уже говорилось, что еще на заре становления РИК в некоторых западных кругах, прежде всего в США, в сотрудничестве трех стран усмотрели угрозу своим безраздельным интересам, в связи с чем в отношении данного формата взаимодействия было проявлено заметное беспокойство. Напомним, что, по ряду источников, президент Б. Клинтон созвал в 2000 г. специальное экспертное совещание с целью просчитать последствия образования РИК для политики США и выработать превентивные меры⁴³. Узловым звеном, на которое были направлены усилия обеспокоенных политиков США, судя по всему, оказалась Индия; были предприняты шаги по вовлечению Индии в новые военно-политические структуры в Азии и АТР с целью в итоге вовлечь страну в орбиту западной, американской политики.

Понятно, что объективно все это — действия, направленные на расшатывание трехстороннего формата. Такой сценарий не отвечает интересам ни России, ни Китая. Весьма сомнителен (это признают и

многие индийские аналитики) он и для Индии. В этом смысле РИК — актуальная площадка противодействия таким западным планам, создающим напряженность в регионе, и в частности — мешающим развитию китайско-индийских отношений.

Поэтому в контексте индийского аспекта перед Россией и КНР стоит дополнительная задача активизировать свою политику в АТР, в том числе через формат РИК. В свою очередь для Индии, которая при правительстве Н. Моди, как отмечалось, концептуально и практически усилила свою политику в Восточной Азии, РИК — это дополнительные ворота в этот важный для нее регион. Следует еще добавить, что в интересах России (и это очевидно) — дальнейшее развитие партнерских отношений между КНР и Индией. Вновь повторим, что укрепление связей с обоими «азиатскими гигантами» — приоритет, закрепленный в Концепции внешней политики РФ⁴⁴.

Наглядным примером повышенного внимания формата РИК к АТР стало учреждение специальной переговорной площадки по делам региона. Не случайно на еще 13-й встрече трех министров иностранных дел в Пекине (февраль 2015 г.) стороны договорились «как можно скорее сформировать механизм консультаций между Китаем, Россией и Индией по Азиатско-Тихоокеанскому региону» (АТР)⁴⁵. Эти договоренности были подтверждены через год на 14-й встрече (Москва, 18 апреля 2016 г.). В развитие этого процесса 1 декабря 2016 г. в Пекине состоялся первый раунд консультаций представителей внешнеполитических ведомств трех стран по тематике АТР.

Как говорилось в официальном сообщении российского МИД, «состоялся углубленный обмен мнениями по ситуации в АТР, в том числе по вопросам осуществления внешней политики на азиатском направлении, строительства архитектуры безопасности в регионе, сотрудничества на многосторонних площадках, противодействия терроризму и другим актуальным региональным проблемам»⁴⁶.

По итогам данной встречи была достигнута договоренность о проведении следующего раунда консультаций. Все это позволило С.В. Лаврову в выступлении на 15-й конференции трех министров в Дели (декабрь 2017 г.) констатировать, что «формат РИК становится одним из “локомотивов” общерегиональных усилий по совершенствованию архитектуры межгосударственных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая должна опираться на принципы всеобъемлющей, равной и неделимой безопасности». «С этой целью, — добавил министр, — наши страны углубляют диалог с другими партнерами в регионе, прежде всего со странами АСЕАН»⁴⁷.

Такой сценарий будет укреплять сотрудничество в РИК. Он благоприятно для каждой из трех стран скажется на обстановке в мире.

Нельзя не сказать и еще об одном направлении регионального взаимодействия в РИК, которое входит в общий контекст вопросов обеспечения стабильности и безопасности в Азии и АТР. Речь идет об **Афганистане**.

Важность этой темы для РИК находит отражение в том, что в совместных коммюнике министров иностранных дел РИК Афганистану порой уделяется сразу два—три пункта, больше чем каким-либо другим вопросам. Проблемам безопасности в этой стране был посвящен отдельный переговорный формат, когда в январе 2014 г. в Пекине, как говорилось выше, собрались ответственные представители трех стран высокого уровня, обсудившие развитие ситуации в Афганистане.

Говоря о подходах каждой из стран, отметим, что позиция Москвы заключается в том, чтобы урегулирование в Афганистане осуществлялось за счет оптимального переговорного процесса, в рамках которого к формату «шесть плюс один» (страны, граничащие с Афганистаном, а также РФ, США, ООН) были подключены и другие страны ЦАР. РФ созвала встречу в таком формате и назвала его «Московским процессом». США не приняли приглашение. Что касается участников такого процесса с афганской стороны, то Россия, полагая, что урегулирование не может быть навязано извне и в конечном счете должно решаться афганским народом, считает необходимым участие в переговорах всех сторон — правительства, движения талибов и всех, кто мог бы повлиять на ситуацию. При этом Россия всегда подчеркивала, что талибы могут присоединиться к переговорному процессу только при условии соблюдения критериев, установленных Советом Безопасности ООН. Они должны отказаться от террористической деятельности, насилия, разорвать отношения с другими террористическими организациями и действовать в рамках Конституции Исламской Республики Афганистан.

Москва исходит также из того, что объявленная новая стратегия США по Афганистану, в которой делается акцент на использовании силы против тех, кто не идет на сотрудничество, вряд ли сработает. На протяжении периода с 2001 г. присутствие огромной армии НАТО не позволило ни победить экстремизм и терроризм, ни решить проблему незаконного оборота наркотиков, который достиг в этом году беспрецедентных объемов: производство опия и героина в Афганистане после 11 сентября 2001 г. выросло в 4 раза, и это подпитывает террористическую деятельность. Со вступлением в Шанхайскую ор-

ганизацию сотрудничества Индии и Пакистана возобновлены встречи контактной группы «ШОС—Афганистан». Такая встреча, которая получила одобрение многих стран, в том числе Китая и Индии, состоялась в октябре 2017 г. в Москве. Также проблемой в разное время занимались США, а также большая группа стран в рамках «Кабульского процесса». Видимых результатов достигнуто пока не было⁴⁸.

«Тройка» РИК, каждая из стран которой, исходя из задачи не допустить перелива экстремистских и других деструктивных сил через афганские границы на свою территорию, остро заинтересована в афганском урегулировании и ищет свою нишу в таких процессах. Работа эта весьма важна, поскольку между КНР и Индией есть заметная разница в подходах; не всегда стыкуется с партнерами и российская позиция. РИК позволяет если не полностью свести такие подходы к общему знаменателю, то выделить в них общее и на этой основе двигаться к компромиссу.

Узловая особенность подхода **Индии** заключается в неприятии движения «Талибан» в принципе, а потому Нью-Дели отказывает ему в участии в переговорах. Кроме того, в контексте системных споров с Пакистаном, Индия резко обвиняет Пакистан в закулисной поддержке талибов и провоцировании антииндийской деятельности. Естественным продолжением такого подхода со стороны Нью-Дели являются частые случаи его недовольства позицией Пекина, который отказывается признавать неправоту Исламабада.

Китай издавна и неизменно придерживается той точки зрения, что урегулировать проблему Афганистана необходимо «комплексными средствами»⁴⁹. При этом в Пекине полагают, что без участия Пакистана афганское урегулирование невозможно. Кроме того, Пекин в традиционном для себя русле лучшим вариантом развития ситуации считает сведение всех процессов урегулирования по эгиду ООН.

Общее в позициях трех стран заключается в том, что КНР и Индия, как и Россия, указывают на необходимость оказания помощи и содействия правительству Афганистана, поддерживают и принимают активное участие в восстановлении этой страны.

К примеру, КНР еще в период 2002—2010 гг. осуществляла программу помощи Афганистану в размере порядка 170 млн долл.⁵⁰ Значительна материальная и экономическая помощь, оказываемая Афганистану Индией.

Аналогично действует Россия, которая, в частности, оказывает содействие Афганистану в развитии высшего образования, в том числе в восстановлении и оборудовании Кабульского политехнического

университета. РФ списала свыше 10 млрд долл. государственного долга Афганистана, предоставила этой стране гуманитарную помощь на сумму свыше 40 млн долл. При содействии российских специалистов восстанавливается ГЭС «Наглу», которая в перспективе будет обеспечивать до 50 % потребностей Кабула в электроэнергии⁵¹. Как на двусторонней, так и на многосторонней основе в 2017 г. реализовывались проекты по обучению и повышению квалификации сотрудников силовых структур ИРА⁵².

Сходные взгляды касаются не только оказания помощи, но также таких позиций, как необходимость комплексных (не только военных) мер урегулирования, поддержка поиска внутриафганского консенсуса, готовность к участию в широком экономическом сотрудничестве в целях возрождения и создания в итоге процветающего нейтрального Афганистана.

Особенности подходов при непростом, порой, их характере не перекрывает возможностей сотрудничества и лишь стимулируют поиск оптимальных решений. Это создает хорошую основу для взаимодействия трех стран, причем их согласованные и целенаправленные действия (на площадке ШОС, других региональных форматов) способны стать серьезным вкладом в коллективные усилия мирового сообщества по афганскому урегулированию.

Коммюнике встреч министров иностранных дел РИК в 2016—2017 гг. делали упор на четыре основных момента, что, кроме прочего, указывало на согласование позиций трех стран и возможность координации действий.

Во-первых, министры неизменно заявляли о поддержке усилий афганского правительства по достижению национального примирения под руководством афганцев и самими афганцами; во-вторых, подчеркивалось, что главным условием стабилизации Афганистана должны являться дееспособные и эффективные Афганские национальные силы безопасности (АНСБ), в связи с чем указывалось на необходимость ответственного подхода стран региона и всего международного сообщества, включая возглавляемую НАТО миссию «Решительная поддержка», которая «играет ключевую роль в наращивании возможностей АНСБ»; в-третьих, министры указывали на важность «многостороннего внутрирегионального сотрудничества по афганским вопросам, «прежде всего в рамках организаций, членами которых являются соседние с Афганистаном страны и другие государства региона, такие, как Шанхайская организация сотрудничества, включая контактную группу ШОС—Афганистан, Организация дого-

вора коллективной безопасности, «Московский процесс», продвигаемый Индией формат «Сердце Азии»; в-четвертых, выступали за необходимость активизации «ориентированных на результат международных усилий, направленных на противодействие афганской угрозе наркотиков»⁵³. Неизменными оставались также готовность и впредь искать пути координации трехсторонних усилий по афганской тематике на площадках всех перечисленных организаций и форматов.

5.5. Интересы РФ, ее роль и образ в трехстороннем формате

Выделяя отдельно тему интересов России в РИК, еще раз отметим, что им отвечает последовательное развитие отношений с растущими азиатскими гигантами. Причем трехсторонний формат взаимосвязей выглядит естественным развитием процесса неуклонного продвижения двустороннего сотрудничества Москвы с Пекином и Нью-Дели.

Положение о необходимости приоритетного развития отношений с Китаем и Индией (как с главными азиатскими и важными внешнеполитическими партнерами в целом) неизменно присутствуют в обновляемых редакциях Концепции внешней политики РФ⁵⁴.

Очевидно, что наряду с укреплением взаимного доверия, расширением и углублением экономического сотрудничества по отдельным линиям «треугольника», трехстороннее партнерство, опирающееся на сходство приоритетов, является серьезным резервом внешнеполитического позиционирования РФ, и, таким образом, наиболее эффективного обеспечения ее национальных интересов. Такой резерв особенно востребован в условиях нагнетания антироссийских настроений в международном курсе США, которые умножились в середине 2010-х годов.

Понятно, что реализация таких резервов сопряжена с тем, **как и насколько** российские интересы сочетаются с подходами индийских и китайских партнеров. А это, в свою очередь, прямо связано с проблемой восприятия ими политики России, с целями и задачами Пекина и Нью-Дели как на внешней арене в целом, так и на российском направлении в частности. В связи с этим целесообразно акцентировать внимание на ряде обстоятельств, о которых, так или иначе, говорилось выше.

Так, стремление к полицентричной системе мироустройства и сохранению универсальных норм международного права, неприятие

политики односторонности, проявляемые и Китаем, и Индией, не только создают объективную основу для трехстороннего внешнеполитического взаимодействия, но и служат отражением позитивной оценки со стороны обеих стран той роли, которую РФ способна играть в формировании международной архитектуры. Не случайно и в Пекине, и в Нью-Дели, подтверждая намерение содействовать развитию трехстороннего формата и имея в виду глобальное и региональное (Восточная и Центральная Азия) влияние РФ, не раз положительно отмечали инициативное место России в создании РИК (отметим, что и в возникновении БРИКС тоже).

Далее, традиционно серьезное значение российский фактор имеет для китайско-индийских отношений.

Перелистывая страницы сравнительно недавней истории, вспомним, что тесные связи между СССР и Индией периода советско-китайского противостояния имели противовес в виде выраженного крена в политике КНР в пользу извечного регионального конкурента Индии — Пакистана. Это осложняло и без того непростые отношения между Китаем и Индией, сложившиеся после вооруженных конфликтов 1960-х.

Поэтому вряд ли является совпадением, что параллельно с советско-китайской нормализацией были отмечены первые после долгого перерыва позитивные сдвиги в отношениях между Нью-Дели и Пекином (визит Р. Ганди в столицу КНР в 1988 г.). В последующие годы российский фактор находил (и находит) отражение в том, что в обеих азиатских столицах весьма внимательно следят за «соизмеримостью» отношений друг друга с Москвой, прежде всего в вопросах военно-технических связей, а в последнее время и в энергетике.

Возвращаясь же непосредственно к трехстороннему формату, и в Китае, и в Индии высоко оценивают его роль в сегодняшнем существенном прогрессе китайско-индийских отношений. Как отметил еще летом 2005 г. на встрече с участниками трехсторонней конференции ученых в то время заместитель министра иностранных дел КНР Ли Хуэй (возглавивший затем Посольство КНР в РФ), «положительное значение трехсторонних отношений для развития связей между Китаем и Индией трудно переоценить».

Причем эта роль оценивается, прежде всего, через призму позитивного восприятия политики России в целом, что служит дополнительным благоприятным фактором в контексте трехстороннего формата.

Судя по декларациям руководителей и правительственных СМИ, в Китае и Индии дают положительную оценку тем очевидным успехам, которых достигла Россия в своем развитии в новом столетии. При этом отмечается укрепление внутренней стабильности РФ, восстановление ее международных позиций (особенно на фоне участия в борьбе против сил международного терроризма в Сирии и на Ближнем Востоке в целом). Конечно, партнеры учитывают (разумеется, с приоритетом собственных внутренних интересов) и роль РФ как крупного игрока на мировом рынке энергоресурсов. Отражением позитивных оценок стали, в том числе, поздравления, которые получал В.В. Путин на саммите БРИКС, состоявшемся сразу после окончания чемпионата мира по футболу в РФ. Лидеры стран-участниц, в том числе Китая и Индии, отмечали успешное проведение этого крупнейшего мероприятия, привлекшего пристальное внимание президентов и королей, сотен миллионов людей со всего мира.

Понятно, что в целом благожелательная картина оценок России неоднозначна и перемежается порой критическим, негативным восприятием. В КНР дают о себе знать реликты подозрительности периода советско-китайской напряженности; постепенно уходит поколение, помнящее времена тесного сотрудничества 1950-х; напротив, во времена «открытости» выросло молодое поколение, все более ориентирующееся на западные ценности; встречаются и взгляды, отражающие сугубо потребительские подходы к РФ как к источнику недостающих ресурсов.

Особенности современного прагматичного курса Индии сказываются на восприятии России и в этой исторически дружеской стране. С одной стороны, здесь по-прежнему прочны заделы ничем не омраченных в прошлом симпатий, с другой — ощутимы новые веяния, связанные с западным стандартом глобализации и развитием отношений с теми же США. Симптоматично, например, что, несмотря на проведение в 2008 г. Года России в Индии, информация о жизни РФ (российские ученые — участники очередной трехсторонней конференции находились тогда в Дели) была нечастым гостем на страницах индийских газет, это признавали и сами местные эксперты. Индийские политики и крупные эксперты нового времени достаточно болезненно воспринимают некоторые современные сюжеты отношений Индии с Россией, усматривая в них некие претензии РФ на роль «старшего брата»⁵⁵.

В основе этих негативных моментов лежат обстоятельства как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего, форми-

рование благоприятного образа России не могло не пострадать в результате тех утрат, которые страна понесла в 1990-е годы. За последние годы в направлении возрождения сделано немало. Однако внимание к восточному вектору российской внешней политики (несомненно усилившееся в середине 2010-х годов на фоне политики Запада) все еще нуждается в существенном подкреплении, о чем, в частности, наглядно свидетельствуют уже приводившиеся примеры permanently низкого пока объема российско-индийского товарооборота. Невелика активность на местных рынках российского корпоративного сектора. А дефицит зримого и эффективного делового присутствия, не говоря уже о еще встречающихся проволочках российских компаний с выполнением партнерских контрактов и о других бюрократических барьерах, неизбежно сказывается и на общем имидже страны.

Разумеется, вопрос взаимного восприятия — не «улица с односторонним движением». Многое зависит и от особенностей партнера. Тем не менее, России, ее руководящим органам, в том числе ответственным за информационное обеспечение за рубежом, предстоит немалая работа, чтобы, позиционируя свой образ в Китае и Индии, не только не утратить благоприятное наследие прошлого, но и обогатить его новым содержанием. К слову, масштабная информационно-пропагандистская работа, ведущаяся китайскими партнерами за рубежом в обоснование ряда имиджевых тезисов (вначале о «мирном подъеме», затем о «гармоничном мире», а ныне — о «китайской мечте великого возрождения нации» и «общности исторических судеб Китая и человечества») являет достойный пример для повышенного внимания⁵⁶.

Формат РИК, особенно если иметь в виду его внеблоковый, диалоговый статус, не стоит переоценивать с позиций завышенных ожиданий. Но у него есть свое, совершенно определенное и востребованное место.

И дело даже не в том, что упоминание о важности РИК в официальных документах каждой из трех стран, в том числе в РФ, не может быть просто пустым звуком⁵⁷. Внешне несколько скромное и не слишком афишируемое место РИК в системе многостороннего международного сотрудничества (согласимся, не столь заметное, как у того же БРИКС) является весьма важным.

Между тремя «гигантами Евразии», с их серьезной долей в мировом ВВП и ощутимым глобальным и региональным влиянием, так или иначе сложилась *структура многостороннего взаимодействия*.

Она «прошла обкатку» и с адекватной реальным потребностям «скоростью» уже не один год *реально действует*. Примечательное значение РИК состоит, как представляется, в том, что эта «скорость» может быть быстро увеличена сообразно обстановке. Ведь для этого за истекшие годы в РИК (даже в его неформализованном варианте) выработаны достаточные институциональные алгоритмы, в том числе по линии проведения трехсторонних саммитов и продвижения других политических дорожек.

В любом случае, сегодня и для России, и для ее партнеров по РИК данный формат видится нужной и востребованной структурой, прежде всего на направлении взаимодействия по вопросам глобальной (справедливый миропорядок, отпор «односторонности») и региональной (безопасность в АТР, ЦАР) политики. Но значение РИК (в случае международных перемен и внутренней необходимости) потенциально может оказаться и бóльшим.

Примечания

¹ URL: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/BRIC-Full.pdf>

² URL: <http://brics2015.ru/news/20150721/466170.html>; URL: <http://brics2015.ru/news/20150905/508704.html>

³ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/spravka/20180725/1525138531.html>

⁴ Документом, где общая концепция РИК получила достаточно определенное оформление, можно считать первое официальное Совместное коммюнике министров иностранных дел трех стран, подписанное по итогам их встречи в июне 2005 г. во Владивостоке. См.: О Совместном коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/436746

⁵ Совместное коммюнике встречи министра иностранных дел Бразилии С. Амори́ма, министра иностранных дел России С.В. Лаврова, министра иностранных дел Республики Индия П. Мукерджи и министра иностранных дел Китайской Народной Республики Ян Цзечи. 16.05.08. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/337964

⁶ Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Международном фонде им. Свами Вивекананды. Нью-Дели. 11 декабря 2017 г. URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/2984577

⁷ Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел РИК (России, Индии и Китая). Пекин. 2 февраля 2015 г. URL: <http://ruchina.org/>

china-article/china/620.html; URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2984088

⁸ См.: URL: http://russian.news.cn/china/2015-02/03/c_133965678.htm

⁹ Joint Communique of the 15th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China, New Delhi, December 11, 2017.

¹⁰ Примером, в частности, служат проведенные в январе 2014 г. в Пекине переговоры специальных представителей стран РИК (заместитель главы МИД КНР Лю Чжэньмин, заместитель секретаря Совета Безопасности РФ Е. Лукьянов и заместитель советника по национальной безопасности Индии Нехчал Сандху), на которых обсуждались проблемы афганского урегулирования // Синьхуа. 16.01.2014.

¹¹ См. напр.: The 12th Meeting of Foreign Ministers of Russia-India-China. Joint Communiqué. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcb3/8de139d33cf5b3d744257c200022fb51!OpenDocument

¹² URL: <http://www.ibsa-trilateral.org/>; URL: https://en.wikipedia.org/wiki/IBSA_Dialogue_Forum#IBSA_summits

¹³ Диалоговый формат IBSA, аналогичный структуре РИК, существует с 2003 г., саммиты лидеров собираются с 2006 г., в том числе в 2017 г. в ЮАР; работают секторальные дорожки. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/IBSA_Dialogue_Forum#IBSA_summits

¹⁴ URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969>

¹⁵ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312>

¹⁶ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?25240/Joint+Statement+between+the+India+and+China+during+Prime+Ministers+visit+to+Chin>

¹⁷ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с коллективом Дипломатической академии МИД России. Москва. 25 марта 2016 г. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2189906

¹⁸ URL: http://www.interfax.ru/r/B/0/0.html?id_issue=11665298

¹⁹ URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368

²⁰ Внешние связи ШОС. URL: <http://rus.sectsco.org/cooperation/#6>

²¹ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectsco.org/documents>

²² См., напр.: О Совместном коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/436746

²³ Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Астана, 5 июля 2005 г.). URL: http://rus.sectesco.org/documents/саммит_ШОС-2005

²⁴ Совместное коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики. 18.04.2016. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368

²⁵ «Стороны приветствуют подписание Совместного заявления о завершении совместного технико-экономического обоснования Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве», отмечено в Совместном заявлении РФ и КНР от 8 июня 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312>

²⁶ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Принята Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21.03.2006 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/b9df4e3d3944dd02c325765e0039ce29?OpenDocument&url=http://interdocs/2006/03/21/1851_type72067_103421.shtml?type=72067

²⁷ Совместные коммюнике 8-й — 12-й встреч министров иностранных дел РИК. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t455695.htm>; URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/228650; URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/4948/Joint_Communicu_of_the_Ninth_Meeting_of_Foreign_Ministers_of_India_Russia_amp_China; URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22469/Joint_Communicu_of_the_12th_Meeting_of_Foreign_Ministers_of_RussiaIndiaChina_held_in_New_Delhi

²⁸ URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/947309

²⁹ URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2984088; URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368

³⁰ Вопросы по поводу секторального сотрудничества задавались министру иностранных дел РФ. См.: Интервью С.В. Лаврова российским СМИ в Багалоре. Октябрь 2009 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/b9df4e3d3944dd02c325765e0039ce29?OpenDocument

³¹ Информация по более поздним годам на сайте ИБСА автором не обнаружена.

³² URL: http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24037/Joint_Communicu_e_on_IBSA_Dialogue_Forum

³³ URL: http://www.ibsa-trilateral.org/index.php?option=com_content&view=article&id=30&Itemid=71

³⁴ URL: http://www.ibsa-trilateral.org/index.php?option=com_content&view=article&id=29&Itemid=79

³⁵ См., напр.: Санкт-Петербургская совместная декларация РФ и Индии. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5199>

³⁶ URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/4948/Joint_Communique_of_the_Ninth_Meeting_of_Foreign_Ministers_of_India_Russia_amp_China

³⁷ О Совместном коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. Владивосток. 2 июня 2005 г. URL: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/82c50ee1fb402b09c325712c0039bc84?OpenDocument>

³⁸ Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. Екатеринбург. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/1455695.htm>

³⁹ URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29171/Joint_Communique_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

⁴⁰ URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368

⁴¹ Совместное коммюнике 9-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, Бангалор. 27 октября 2009 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fe282eb6df40e643256999005e6e8c/384b96ce1e6dec94c3257662004b9409?OpenDocument

⁴² URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29171/Joint_Communique_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

⁴³ См.: Союз России и двух гигантов // Albaath. Сирия. 21.01.2008. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/239041.html>

⁴⁴ Концепция внешней политики РФ URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/>; URL: <http://www.un.int/russia/new/MainRootrus/docs/interview/pos65.htm> 204108.shtml

⁴⁵ URL: http://russian.news.cn/china/2015-02/03/c_133965678.htm

⁴⁶ URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/2544034

⁴⁷ URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/2983906

⁴⁸ Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Международном фонде им. Свами Вивекананды. Нью-Дели. 11.12.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/2984577

⁴⁹ Речь Председателя КНР Ху Цзиньтао на 9-м заседании Совета глав государств — членов ШОС. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/t568242.htm>

⁵⁰ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6676057.html>

⁵¹ Брифинг официального представителя МИД РФ. 08.10.2009. URL: http://www.mid.ru/Bpr_4.nsf/arh/1D8245069B6FD34EC32576490059CA89?OpenDocument

⁵² URL: <http://www.mid.ru/ru/activity/review>

⁵³ URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368; URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29171/Joint_Communicu_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

⁵⁴ Концепция внешней политики РФ. 30.11.2016. Пункты 84—85. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/2>

⁵⁵ Мохан Р. У нас нет проблем с русскими, но есть проблемы с китайцами. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161115/238205851.html>

⁵⁶ По вопросу пропаганды и реализации Пекином тезиса «мирного подъема», других подобных тезисов как проявление «мягкой силы». См., напр.: The uses and limits of 'soft power' (Charm Offensive by Joshua Kurlantzick). URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/1E12Ad02.html>

⁵⁷ «Россия считает необходимым продолжить дальнейшее развитие механизма эффективного и взаимовыгодного внешнеполитического и практического сотрудничества в формате РИК», — говорится в специальном пункте Концепции внешней политики РФ от 30.11.2016, причем еще одно упоминание важности РИК присутствует в начальном разделе, перечисляющем глобальные приоритеты РФ. См.: Концепция внешней политики РФ. 30.11.2016. Пункты 25, 86; URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/2>

Заключение

17-летний (если иметь точкой отсчета 1-ю трехстороннюю конференцию политологов и отставных дипломатов в сентябре 2001 г. в Москве) опыт функционирования системы РИК, предшествующие этому инициативы, концепции и предпосылки, попытка обобщения которых предпринята в настоящей работе, дают основания сформулировать некоторые выводы, вынести определенные уроки.

Суммируя результаты анализа, последовательно приведенного в представленных выше разделах, можно заключить следующее.

1. Экономика стран РИК имеют общее и различия. Сходство — в совпадении реализуемых в каждой из них общих стратегий модернизации, нацеленных на передовые мировые рубежи и обеспечение сопоставимого с развитыми странами уровня жизни населения. Основная разница — в размерах экономики, что, однако, не является препятствием для кооперации.

С точки зрения роли в мировой торговле, позиции КНР — одного из лидеров мировой торговли товарами, с одной стороны, РФ и Индии — с другой, также заметно разнятся. Тем не менее, присутствие всех трех стран в «десятке-двадцатке» ведущих стран по доле в мировой торговле дает шансы на обсуждение определенной совместной повестки на мировых торговых переговорах и в целом при обсуждении вопросов глобальной и региональной экономики.

При важности для каждой из стран РИК связей с традиционными развитыми экономиками несомненное значение для них представляют и связи между собой, по трем двусторонним линиям. Об этом свидетельствуют не только факты взаимного присутствия в списках основных торговых партнеров каждой из трех стран (главным образом речь о торговой роли КНР для РФ и Индии), но и элементы потенциального взаимодополнения экспортно-импортных потребностей, вытекающие из товарной структуры внешней торговли каждой из трех стран.

Все три перечисленные позиции — роль и место в мировой экономике, особенности и характер присутствия на мировых товарных рынках, императивы сотрудничества по взаимным двусторонним линиям — являются хорошими заделами и предпосылками для взаимодействия России, Индии и Китая не только в двустороннем, но и трехстороннем формате. Целью является укрепление позиций на международной экономической и торговой арене и содействие развитию социально-экономических комплексов каждой из стран.

2. Каждое из государств формата РИК входит сегодня в число крупных и влиятельных государств мира: Россия и Китай — постоянные члены Совета Безопасности ООН со времени создания этой наиболее авторитетной международной организации; Индия рассматривается в числе наиболее вероятных кандидатов на место постоянного члена Совбеза в проектах реформирования ООН; РФ и КНР, а де-факто и Индия, входят в число членов мирового «ядерного клуба».

3. Каждая из трех стран является активным участником мировых и региональных интеграционных процессов, международных форумов глобального, трансконтинентального и крупного регионального уровня (ООН, Группа 20, БРИКС, АСЕМ, АТЭС, ШОС, различные форматы АСЕАН и двусторонних переговоров с ЕС и т. д.)

Каждая из трех стран проводит самостоятельную, независимую политику, выступает за построение полицентричного демократического миропорядка, основанного на соблюдении международного права, на равноправии и коллективном способе ведения мировых дел при центральной координирующей роли ООН, на диалоговом принципе решения возникающих споров и проблем; общее сходство взглядов характерно для трех стран в подходах ко многим общемировым проблемам (терроризм, нераспространение, разоружение, основанные на принципе неделимости системы универсальной безопасности, климатические проблемы и др.).

Каждая из трех стран проводит многовекторную политику, развивая отношения с многочисленной группой стран всех континентов, в том числе стремясь выстроить с США и странами Запада конструктивный партнерский диалог.

Особенности международного положения трех стран и, в каждом случае, их принадлежность к крупным странам с высокой международной ответственностью, демонстрируемое при этом сходство основных подходов к ключевым вопросам мировой и региональной политики — все это создает самостоятельную объективную основу для

разностороннего взаимодействия трех стран в целях отстаивания общих или сходных внешнеполитических интересов. Акценты и различия в подходах к ряду вопросов (украинский кризис, ситуация в ЮКМ и т. п.) не являются здесь критическими ограничителями.

4. За период 2001—2018 гг. трехстороннее взаимодействие прошло путь от концептуальной идеи до реального создания неформальной диалоговой трехсторонней структуры — формата РИК. Этот процесс включил несколько этапов, в том числе этап продвижения «второй», экспертной дорожки, после чего стал возможен второй этап — начало и становление сотрудничества по официальной линии, вплоть до трехсторонних саммитов высших руководителей (2006 г.); в 2007—2016 гг. продолжалась диверсификация переговорных дорожек. Тем самым происходило институциональное становление структуры и механизмов РИК как диалогового формата.

Центральное место в формируемых механизмах взаимодействия занял институт регулярных встреч министров иностранных дел трех стран. В его рамках накоплена определенная официальная документальная база. Она включила определения институциональной сущности (внеблоковая структура трехстороннего стратегического партнерства), принципов («три не»), целей (укрепление международных позиций в многополярном мире и сотрудничество в практических областях) и конкретных направлений сотрудничества (продвижение демократизация МО, центральной роли ООН, борьбы против терроризма; взаимодействие по нескольким практическим дорожкам).

Все эти процессы в комплексе составили реальную практику почти двадцатилетнего функционирования формата РИК.

5. Значимым для формата РИК является фактор США, который проявляется в двух измерениях. Первое — заинтересованность каждой из трех стран в развитии диалога с США, объективное неприятие Вашингтоном трехстороннего формата. Согласно достигнутому общему консенсусу, три страны осуществляют линию на выстраивание с США конструктивных партнерских отношений, но одновременно, в случае необходимости, связанной с их односторонними действиями (санкции, вмешательство во внутренние дела, другие шаги в нарушение Устава ООН), предпринимают согласованные либо параллельные шаги по неконфронтационному воздействию на Вашингтон с целью вернуть его в русло международного права. Пока влияние фактора США на РИК в целом носило управляемый, латентный характер. Однако недооценка негативного потенциала такого влияния, в частности через воздействие на Индию, была бы упу-

щением. В случае гипотетического накопления в двусторонних структурах РИК проблемно-конфликтного потенциала или критической затяжки в решении старых проблем такое негативное влияние может окрепнуть.

6. Серьезное значение для функционирования формата РИК имеет регулярная переговорная дорожка по линии академических сообществ трех стран. Академический диалог, положивший начало переговорам на официальном уровне, развивается и имеет два целевых измерения. Во-первых, речь идет о том, что принято называть «научным сопровождением» трехстороннего сотрудничества. Сделанные выводы и предложения, которые суммируются каждой из сторон и передаются политическому руководству, получают потом неоднократную положительную оценку. Во-вторых, встречи ученых имеют самоценное значение с точки зрения возможностей для плодотворных дискуссий, углубления в предмет исследований, обмена опытом и методологией.

7. Три линии двусторонних отношений образуют несущую конструкцию трехстороннего формата: обеспечивают его прочность либо, напротив, потенциально способны поставить РИК под сомнение. Каждая из трех двусторонних линий в текущем столетии отличается общей тенденцией поступательного развития — в большей степени выраженной по линии российско-китайских и российско-индийских отношений, в меньшей — по линии отношений между КНР и Индией; в любом случае большой прогресс, достигнутый в XXI веке в диалоге между Пекином и Нью-Дели, способствовал усилению ранее откровенно слабой китайско-индийской линии, а значит, и значительному выравниванию всей трехсторонней конструкции РИК.

Во всех случаях речь сегодня идет об отношениях стратегического партнерства, причем с выраженными усиливающими акцентами («всеобъемлющее», «привилегированное», «направленное на тесное сотрудничество»). Каждая из стран тройки рассматривает отношения с двумя другими партнерами в числе своих главных внешнеполитических приоритетов.

Сходство базовых внешних и внутренних приоритетов (справедливый миропорядок, развитие и т. п.) обеспечивают насыщенную двустороннюю повестку. Особенности и разногласия не носят критического характера; будучи достаточно серьезными в ряде случаев по линии Пекин—Дели, они и здесь не являются непреодолимым препятствием для позитивного сотрудничества.

Высокий уровень двусторонних отношений между РФ, Индией и КНР, явившись в свое время одной из важных предпосылок форми-

рования трехстороннего взаимодействия, имеет весомые основания быть сохраненным. Это является фактором в пользу дальнейшего развития трехстороннего взаимодействия.

8. Появление на международной арене важного и растущего объединения БРИКС не стало драматическим ограничителем для РИК, который объективно заложил концептуальные и организационные основы «пятерки». Они способны дополнять друг друга, БРИКС рассматривается как важная площадка трехстороннего взаимодействия. Это не исключает необходимости избегать элементов дублирования, что, очевидно, уже происходит, если иметь в виду «перераспределение функций» между двумя структурами в части секторальных переговорных дорожек. Самостоятельные в целом повестки дня, десятилетняя практика одновременного функционирования обеих структур свидетельствуют в пользу высокой степени вероятности параллельного развития БРИКС и РИК, что отвечает базовым национальным интересам РФ, Индии и КНР. Подобно взаимодействию в «пятерке», сценарий прекращения или существенного спада сотрудничества в трехстороннем формате в обозримой перспективе также не просматривается.

9. Россия, Индия и Китай придают особое значение совместной работе в рамках ШОС и рассматривают ее в качестве одного из ключевых инструментов продвижения многостороннего взаимодействия в регионе. Такое взаимодействие может быть вполне эффективным, например, на путях предварительного обсуждения в формате РИК тех или иных важных для обеих структур вопросов (региональный терроризм, наркотрафик и оргпреступность, энергетическое и другие виды экономического сотрудничества) и вынесения их затем на площадку ШОС. Близость подходов ШОС и РИК, прежде всего к глобальной и региональной повестке дня, делает возможности кооперации достаточно высокими. Речь идет, по меньшей мере, о параллельных, усиливающих друг друга действиях в продвижении многополярности, региональной безопасности и других сходных приоритетов. Вместе с тем у каждой из структур имеются институциональные и целевые особенности. В любом случае, участие всех трех стран в полноформатном статусе в ШОС не может рассматриваться в контексте повышения институционального уровня РИК, который остается неформализованной внеблоковой структурой. В данной связи взаимодействие РИК и ШОС — это вряд ли тема для повышенных ожиданий. Но потенциал координации здесь несомненен, он может и должен быть использован.

10. Практика развития секторального диалога (по линии экономических и других практических ведомств) оказалась в РИК неодно-

значной. Будучи запущенной в конце 2000-х годов, она затем практически была остановлена. Одним из реально работающих объяснений является параллельное развитие аналогичного диалога в БРИКС, что, вероятно, делает дублирование излишним. Однако, помимо объективных причин, на ситуацию, видимо, влияют и обстоятельства субъективного характера, зависящие от конкретных решений. В этом смысле видится полезным опыт развития секторального диалога в рамках аналогичного диалогового формата IBSA (Индия—Бразилия—Китай), который был эффективно продемонстрирован этой структурой в 2003—2011 гг.; он может быть востребован в сегодняшней работе РИК, поскольку секторальное сотрудничество, по меньшей мере в нескольких областях, не утратило для РИК своей актуальности.

11. Одним из важных и результативных направлений внешнеполитического сотрудничества в РИК является продвижение в АТР системы региональной безопасности, координация в деле расширения региональной экономической интеграции в АТР. Кроме того, три страны в опоре на сходство базовых оценок стремятся позитивно влиять на конкретные серьезные проблемы региона, такие, как ядерная проблема Корейского полуострова. Внимание к региону АТР, которое РИК традиционно демонстрирует в принимаемых документах и других скоординированных шагах, является актуальным и на фоне высокой региональной активности США, объявивших о возвращении в Азию, и предпринимающих шаги по «размыванию» РИК путем отрыва от него Индии. Поэтому в контексте индийского аспекта перед Россией и КНР стоит дополнительная задача активизировать свою политику в АТР, в том числе через формат РИК.

Кроме перечисленного, практика развития РИК позволяет также вести обобщенный разговор о нынешнем значении, определенных уроках, перспективах данной структуры.

Итак, формат РИК продемонстрировал жизнеспособность и сохраняет целый ряд стимулов для дальнейшего развития, прежде всего во внешнеполитической сфере.

Во-первых, он сложился в качестве важного фактора формирования нового миропорядка, чьи многополярные контуры сегодня стали политической реальностью, и отстаивание которого является одним из приоритетов трехстороннего партнерства; во-вторых, РИК несет функцию трехсторонней координации на площадке ООН, Группы 20, БРИКС и других крупных глобальных и региональных форумов; в-третьих, РИК имеет актуальную (причем самостоятельную, явно не являющуюся дублированием с тем же БРИКС) региональную повест-

ку — обеспечение безопасности в Центральной и Южной Азии (включая Афганистан) и в АТР в целом; в-четвертых, вносит вклад в продвижение двусторонних отношений в тройке, прежде всего в развитие связей между КНР и Индией. Кроме этого, РИК не утратил своего значения как перспективная потенциальная площадка практического сотрудничества в экономической и других областях.

Относительная имиджевая скромность трехстороннего формата, порой незаметного сегодня на фоне других, более звучных структур международного взаимодействия, не умаляет его нынешнего, а еще более — потенциального значения: в зависимости от международных перемен и с учетом наработанных концептуальных и организационных алгоритмов он имеет шансы быть эффективно активированным.

При этом, однако, очевидно, что дальнейший прогресс сотрудничества в РИК — отнюдь не улица с односторонним движением. На этом пути существуют внутренние и внешние риски: нынешние и потенциальные нерешенные вопросы двусторонних отношений (прежде всего, по линии Пекин—Нью-Дели), не раз упоминавшиеся проседание секторального диалога и подспудная западная политика «сдерживания». Все это требует постоянного экспертного мониторинга, принятия соответствующих практических шагов на государственном уровне с целью обеспечить не декларативную, а реальную поддержку трехстороннему процессу.

Речь идет, в том числе, о совершенствовании механизмов трехстороннего сотрудничества, имея в виду не некое углубление/повышение институционализации, а создание инструментов реальной координации и содействия конкретным субъектам трехстороннего взаимодействия. Такая практика уже есть, она реализована в объединении БРИКС, где действует институт национальных координаторов. Попытки придать новый импульс секторальному диалогу также вряд ли будут до конца успешными при отсутствии профильных трехсторонних рабочих групп, в том числе с использованием опыта и структурно-кадровых наработок по линиям двусторонних отношений. Эффективным представляется тот или иной вариант функционирования делового совета по предпринимательству, совета по энергетике. Далеко не лишней для российских экспертов-политологов, ведущих многолетний академический диалог с китайскими и индийскими партнерами, была бы поддержка российских государственных структур, причем не только моральная.

В числе очевидных уроков развития РИК — необходимость соизмерять реальность и возможности, избегать излишних ожиданий. По-

нятно, что в конечном итоге единственным действенным залогом успешного развития трехстороннего формата (а это определяет и политическая воля) является реальная конвергенция интересов стран «тройки». В первую очередь это касается секторальных диалоговых дорожек. А настойчивый поиск консенсуса на основе компромисса (например, во внешнеполитической сфере) — наглядный пример оптимального подхода. И, по меньшей мере в данной сфере, это содержит хорошие перспективы. Второй саммит РИК 1 декабря 2018 г. в Аргентине и предложение В.В. Путина сделать его регулярным, позитивно встреченное председателем КНР и премьер-министром Индии, — весомое тому свидетельство.

СОВМЕСТНЫЕ КОММЮНИКЕ ВСТРЕЧ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РИК (2005—2017 гг.)

О Совместном коммюнике по итогам неформальной трехсторонней встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики

1272-02-06-2005

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Ниже приводится текст Совместного коммюнике:

«2 июня 2005 г. во Владивостоке состоялась четвертая неформальная трехсторонняя встреча министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики.

Министры подтвердили, что Россия, Индия и Китай разделяют общий подход к основным вопросам мирового развития в XXI веке и высказались в пользу демократизации международных отношений, нацеленной на построение справедливого международного порядка, в основе которого должны лежать соблюдение норм международного права, равенство и взаимное уважение, сотрудничество и продвижение в сторону многополюсности. Министры также подчеркнули, что ООН, как наиболее универсальная международная организация, должна играть центральную роль в достижении этой цели. Они согласились с тем, что существует объективная потребность во всеобъемлющей реформе ООН, включая Совет Безопасности, с тем, чтобы Организация более полно отражала реалии современного мира и эффективнее выполняла свои функции.

Министры заявили о намерении России, Индии и Китая сотрудничать в трехстороннем формате в борьбе с новыми угрозами и вызовами. Они подчеркнули, что терроризм во всех формах и проявлениях и независимо от его истоков и мотивов представляет собой одну из самых серьезных угроз международному миру и безопасности. Они согласились в том, что борьба с ним должна вестись на долгосрочной и последовательной основе, без применения двойных стандартов. Стороны отметили необходимость скоординированных действий правоохранительных органов трех стран в борьбе с наркотрафиком и другими проявлениями трансграничной преступности.

Министры обсудили перспективы экономического взаимодействия в трехстороннем формате. Они констатировали наличие значительного потен-

циала взаимовыгодного сотрудничества России, Индии и Китая в таких областях, как транспорт, сельское хозяйство, энергетика и высокие технологии. Стороны согласились с тем, что их соответствующие эксперты и официальные лица могут проводить встречи для изучения возможностей сотрудничества в указанных и иных сферах для подготовки конкретных предложений. Подчеркнув важную роль прямых контактов между представителями деловых кругов, министры поддержали предложение о проведении в Индии до конца марта 2006 г. встречи бизнесменов трех стран.

Министры упомянули о значительных усилиях трех стран по оказанию помощи жертвам недавнего цунами. Они отметили в этой связи необходимость координации трехсторонних усилий по совместной борьбе со стихийными бедствиями и их последствиями в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Министры выразили удовлетворение динамичным развитием двусторонних отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем, Индией и Китаем. Это открывает возможности для выхода трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая на качественно новый уровень.

Министры выразили общую уверенность в том, что их встреча во Владивостоке придаст новый импульс трехстороннему диалогу во всех сферах, представляющих взаимный интерес. Они подтвердили, что укрепление партнерства в трехстороннем формате отвечает долгосрочным национальным интересам России, Индии и Китая. Министры убеждены, что развитие взаимовыгодного практического сотрудничества трех стран вносит существенный вклад в дело укрепления мира и стабильности в Азии и во всем мире».

2 июня 2005 г.

Источник: Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/436746

Joint Communiqué on the results of the trilateral meeting of the Foreign Ministers of India, Russia and China

February 14, 2007

A trilateral meeting of the Foreign Ministers of the Republic of India, the Russian Federation, and the People's Republic of China was held in New Delhi on February 14, 2007.

The Ministers noted that the mechanism of trilateral meetings is a manifestation of enhanced mutual understanding and trust among the three countries and positively assessed the outcome of their meetings. They agreed that the Summit level trilateral meeting held in St. Petersburg on July 17, 2006 on the sidelines of the G-8 Summit demonstrated the willingness of the three sides to carry forward consultations on issues of shared interest, at the highest political level, with the aim of promoting the development objectives of the three countries as well as peace, security

and stability in the region and the world. They reaffirmed that trilateral cooperation was not directed against the interests of any other country and was, on the contrary, intended to promote international harmony and understanding and find common ground amidst divergent interests. They also emphasized the strong commitment of India, Russia and China to multilateral diplomacy.

The Ministers discussed the political, security and economic aspects of the current global situation, besides exchanging views on how international relations are being presently conducted. They noted that globalization opens up opportunities for a more even distribution of development resources and influence in the world thus creating a foundation for a more stable and balanced international system. They also emphasized the need to preserve the cultural and civilizational diversity of the contemporary world and to promote the existing initiatives for dialogue among civilizations and religions. They expressed their conviction that democratization of international relations is the key to building an increasingly multi-polar world order that would be based on principles of equality of nations — big or small, respect for sovereignty and territorial integrity of countries, international law and mutual respect. The Ministers acknowledged that the UN is an appropriate instrument for promoting and attaining such a world order. The Sides stressed the importance of reforms at the UN, including the UN Security Council, in order to deal with the myriad challenges of today's world more effectively. They shared the view that member states should aim to make the UN more transparent, efficient and reflective of contemporary realities. The Sides agreed to take steps in this direction. In this context, the Foreign Ministers of Russia and China reiterated that their countries attach great importance to the status of India in international affairs, and understand and support India's aspirations to play a greater role in the United Nations.

The Ministers noted that international terrorism continued to pose a grave threat to all nations and expressed concern about the new and evolving forms of the menace. They agreed that under central and coordinating role of the UN and within the framework of its Global Counter-Terrorism Strategy collective action must be strengthened further by taking into account the mutating character of terrorism and its networks. They agreed that an early entry into force of International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism and the earliest possible adoption in the UN of the India-sponsored draft Comprehensive Convention on International Terrorism would lead to further consolidation of the international legal basis for combating terrorism. The Sides underlined the substantial potential of their counter-terrorism cooperation in regional organizations. They agreed that there can be no justification for any act of terrorism, irrespective of motivations, wherever and by whosoever committed. They stressed that selective approaches in counter-terrorism cannot yield sustainable results and it should be combated in a consistent, sustained and comprehensive manner without any double standards. The Sides also agreed to coordinate action against all factors that feed international terrorism, including its financing, illegal drug trafficking and trans-national organized crime.

The Ministers agreed that India, Russia and China, as countries with growing international influence, can make substantive positive contribution to global peace, security and stability. In this context, the Ministers exchanged views on various regional and international issues of concern. They agreed that cooperation rather than confrontation should govern approaches to regional and global affairs. While welcoming India's joining the Shanghai Cooperation Organization (SCO) as an observer country, the Foreign Ministers of Russia and China stated that they would actively facilitate early realization of mutually beneficial contribution of India to the SCO.

The Ministers paid specific attention to the high potential of trilateral cooperation and synergy in the economic field. The Ministers reiterated the considerable potential for mutually beneficial economic interaction among the three countries in areas such as energy, transport infrastructure, health, high technologies, including IT and biotechnology. Recognizing the important role of the business and industrial circles of the three consistently growing and large economies, the Ministers agreed to advise their respective apex business bodies to organize a trilateral business forum taking into account the capabilities and potential of the three countries. The Ministers agreed to monitor this process with a view to facilitating the agreed business meeting which would take place during 2007. The Ministers expressed satisfaction at the results of the trilateral meeting in New Delhi and agreed to hold their next meeting in China.

New Delhi February 14, 2007

Источник: Сайт МИД Индии. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5507/Joint_Communicu_on_the_results_of_the_trilateral_meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_India_Russia_and_China

Joint Communique of the Meeting of the Foreign Ministers of the People's Republic of China, the Republic of India and the Russian Federation

October 24, 2007

1. The Foreign Ministers of the People's Republic of China, Republic of India and the Russian Federation met in Harbin, China on 24 October 2007.

2. The three Foreign Ministers positively assessed the important role played by the Foreign Ministers' meeting mechanism in enhancing mutual trust and understanding and increasing trilateral exchanges and cooperation. They believe that trilateral cooperation has excellent prospects for development. They reaffirmed that trilateral cooperation is not targeted against any other country or organization and is intended to promote international harmony and mutual understanding and seeks to broaden common ground amidst divergent interests.

3. The three Foreign Ministers exchanged views on the international situation and reaffirmed that they would abide by the principles and purposes of the UN Charter and other accepted principles of international law. They further emphasized that they would continue to promote democratization of international relations and evolution of a more just and rational international order.

4. The three Foreign Ministers believe that the development of China, India and Russia is a major contribution to peace and development of the region and world and is beneficial to the process of global multipolarity. The three countries have chosen their respective development paths in accordance with their domestic situation and past experience and have contributed to the diversity of world civilization and world development patterns. With their continuous development and growing role in international affairs, China, India and Russia will further contribute to world peace, security, stability and prosperity.

5. The three Foreign Ministers believe that in order to safeguard the diversity of world civilization and increase mutual understanding, further steps to enhance multilateral cooperation in conducting dialogue among civilizations would be useful.

6. The three Foreign Ministers emphasized that globalization has brought about closer interrelation and interdependence among all nations, and that multilateralism and collective action should be promoted in addressing urgent issues and meeting new challenges and threats. Drawing lines on the ground of ideologies and values is inconsistent with the trends of the times and does not help solve various global issues facing the international community.

7. The three Foreign Ministers underlined that the United Nations is the most representative and authoritative international organization. In order to deal with various problems and challenges facing the international community more effectively, it is important to strengthen the role of the United Nations, improve its efficiency and conduct a comprehensive reform of the United Nations. The Foreign Ministers of China and Russia reiterated that their countries attach importance to the status of India in international affairs, and understand and support India's aspirations to play a greater role in the United Nations.

8. The three Foreign Ministers said that the three countries attach great importance to the issue of climate change and reiterated the principles and provisions of the UN Framework Convention on Climate Change and its Kyoto Protocol, including the principle of «Common but Differentiated Responsibilities». They stated their adherence to the Convention and its Kyoto Protocol as the major framework for tackling climate change, and agreed that the three countries will actively participate in the Conference of the Parties to the Convention and the Protocol to be held in Bali, Indonesia in December 2007. The three Foreign Ministers said that the three sides will enhance technical cooperation in implementing the Convention and its Kyoto Protocol, including adapting to climate change, increasing energy efficiency and developing renewable energy resources.

9. The three Foreign Ministers reiterated their strong condemnation of terrorism in all its forms and manifestations. No act of terrorism can be compartmental-

ized, and there can be no justification for terrorism on any grounds. It is imperative for the international community to come together to combat terrorism in a long-term, sustained and comprehensive manner. Collection action within the framework of the UN Global Counter Terrorism Strategy and under the central and coordinating role of the United Nations and its Security Council should be strengthened. Double standards should not be adopted. It is imperative to finalize the draft UN Comprehensive Convention on International Terrorism urgently. The three sides agreed to further coordinate their action against all factors that feed international terrorism, including its financing, drug trafficking and trans-national organized crime.

10. The three Foreign Ministers had in-depth discussions on the Asian regional situation. They believe that peace, development and cooperation are the mainstream in the evolution of the Asian situation. Asia is one of the most vibrant regions enjoying the fastest economic growth in today's world. At the same time, Asia is also faced with pressing issues of imbalanced development and non-traditional security threats. The three Foreign Ministers stated that the three countries will enhance cooperation in all areas including coordination within the framework of regional organizations and dialogue mechanisms to the benefit of the people of Asia.

11. The three Foreign Ministers decided that there is the necessity to set up a consultation mechanism at the level of Director-General / Division Head between the three Foreign Ministries to strengthen trilateral coordination and cooperation on regional and international issues and to implement the agreements reached at the three Foreign Ministers' meetings.

12. The three Foreign Ministers discussed the process for launching cooperation in economic and cultural interactions. They felt that pragmatic cooperation in these areas has enormous potential and complementarity.

13. The three Foreign Ministers decided that working-level mechanisms of Division Head/Director-General should be established between Ministries of the three Governments looking after agriculture, disaster management, medicine and health to explore concrete ways and methods of cooperation for the development of agricultural resources, processing of agriculture produce, research and development, capacity-building and application of technology in disaster risk mitigation, exchange of information on the prevention and control of contagious diseases and in traditional medicine, etc.

14. The three Foreign Ministers stated that the three countries will encourage and promote entrepreneurs and regions to enhance contacts and launch cooperation among them and facilitate this process. They expressed appreciation that the trilateral business forum will be held in New Delhi on 15 December 2007.

15. The three Foreign Ministers positively assessed the role of meetings among their scholars in promoting mutual understanding and cooperation among the three sides and expressed support for scholars of the three countries to further expand exchanges and cooperation in all forms. They noted India's offer to host a trilateral

seminar on the evolution of geopolitical strategic trends with the participation of officials as well as scholars and agreed to hold it in 2008.

16. The three Foreign Ministers expressed satisfaction at the results of this round of meeting and decided to hold the next meeting in Russia.

Harbin, China October 24, 2007

Источник: Сайт МИД Индии. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/4948/Joint_Communicu_of_the_Ninth_Meeting_of_Foreign_Ministers_of_India_Russia_amp_China

Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел Китая, России и Индии

15 мая 2008 г. министры иностранных дел Китая, России и Индии провели в российском городе Екатеринбург встречу и по итогам встречи обнародовали Совестное коммюнике Китайской Народной Республики, Российской Федерации и Республики Индия. Ниже следует полный текст статьи:

15 мая 2008 г. в Екатеринбурге /Россия/ состоялась восьмая встреча министров иностранных дел Китайской Народной Республики, Российской Федерации и Республики Индия.

Министры с удовлетворением отметили растущее взаимодействие между Китаем, Россией и Индией как быстро развивающимися, многонациональными государствами с богатой историей и культурой. Было подчеркнуто, что трехстороннее взаимодействие способствует формированию многополярного, стабильного и гармоничного мира, демократизации международных отношений и становлению более справедливого и рационального международного порядка.

Министры позитивно оценили усилия, предпринимаемые тремя сторонами для укрепления потенциала сотрудничества в соответствии с договоренностями, достигнутыми на встрече в Харбине 24 октября 2007 г.

Высокая оценка дана состоявшимся в феврале 2008 г. в Москве первым консультациям директоров территориальных департаментов МИД Китая, России и Индии. На этом уровне положено начало регулярному обмену мнениями по вопросам реализации договоренностей министров иностранных дел Китая, России и Индии и подготовки их очередных встреч. Состоявшийся 28 апреля 2008 г. в Пекине трехсторонний форум по сотрудничеству в области сельского хозяйства стал важным шагом в продвижении взаимодействия в данной сфере. Запущена предметная работа по налаживанию сотрудничества между экспертами трех стран в области здравоохранения и медицины, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий. Согласовано, что в 2008 г. состоятся первые трехсторонние встречи по этим вопросам.

Министры указали на важное значение активизации связей между бизнес-сообществами Китая, России и Индии и в этой связи дали позитивную оценку результатам первого трехстороннего делового форума, который состоялся в декабре 2007 г. в Нью-Дели. Осенью 2008 г. в Москве пройдет первая встреча представителей Китайского комитета содействия международной торговле и торгово-промышленных палат России и Индии. Второй трехсторонний деловой форум намечено провести в Китае в 2009 г. Министры приветствовали проведение форума по геостратегическим тенденциям с участием официальных лиц и экспертов трех стран в Нью-Дели в марте с.г., который придал дополнительный импульс развитию многопрофильного диалога между официальными и академическими кругами трех стран.

Министры подтвердили намерение активно углублять диалог и взаимодействие между тремя странами. Особое внимание было обращено на широкие возможности сотрудничества в гуманитарной области. В этой связи Китай, Россия и Индия заявили о большом значении, которое они придают международному сотрудничеству в области защиты прав человека и основных свобод. Имея в виду, что проведение разделительных линий по идеологическим, ценностным или географическим критериям не способствует мирному и гармоничному сосуществованию, Министры полагают, что такое сотрудничество должно в надлежащей мере учитывать особенности культурного и исторического развития каждой из стран при уважении традиционных ценностей цивилизаций. Министры подчеркнули, что международное гуманитарное содействие должно быть направлено на такие задачи, как преодоление последствий стихийных бедствий и восстановление, и не преследовать цель вмешательства во внутренние дела.

Министры обстоятельно обсудили обстановку в мире и основные международные и региональные проблемы, подтвердив широкое созвучие подходов к ним трех стран.

Министры еще раз подчеркнули, что современное мироустройство должно основываться на верховенстве международного права и укреплении многосторонних начал при центральной роли ООН. Они подтвердили необходимость всеобъемлющего реформирования Организации с целью повышения ее эффективности с тем, чтобы она могла более результативно реагировать на современные глобальные вызовы. Министры Китая и России вновь отметили, что их страны придают важное значение статусу Индии в международных делах, понимают и поддерживают стремление Индии играть еще более видную роль в ООН.

Министры подтвердили обязательства своих стран по Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотскому протоколу, указав на необходимость расширения взаимодействия в рамках международного сотрудничества по борьбе с глобальным изменением климата. Они заявили о намерении трех стран предпринимать все необходимые меры, направленные на реализацию Балийского плана действий.

Министры согласились с тем, что особое значение в рамках ООН имеет выработка единой позиции в сфере противодействия новым вызовам и угрозам. Они выразили уверенность в том, что антитеррористическое сотрудничество трех стран должно активно утверждаться как в системе ООН, так и в региональных организациях. Они также призвали все государства — члены ООН соблюдать соответствующие международные конвенции и протоколы, а также Резолюции Совета Безопасности ООН по вопросам борьбы с терроризмом. Поддерживая реализацию Глобальной контртеррористической стратегии ООН, Министры подчеркнули, что все государства-члены должны предпринимать согласованные усилия для скорейшего завершения выработки в ООН Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму. Они подтвердили обязательство по дальнейшему укреплению сотрудничества своих стран в сфере борьбы с терроризмом.

Рассматривая ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе /АТР/, Министры констатировали, что она определяется стремлением стран региона к миру и устойчивому экономическому развитию. Руководствуясь принципами многосторонности и равной безопасности, они указали на необходимость создания системы региональной безопасности на основе взаимного доверия, взаимного учета интересов других сторон, равенства и сотрудничества. Они высказались за расширение экономической интеграции в АТР на взаимовыгодной и недискриминационной основе в соответствии с принципами открытого регионализма.

Министры подтвердили общее стремление своих стран к расширению многопрофильного сотрудничества с государствами Центральной Азии, в том числе в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и трансграничной преступностью. Министры высказались в пользу поиска различных форм трехстороннего взаимодействия в целях содействия дальнейшему развитию региона. Министры России и Китая приветствуют стремление Индии играть более значимую роль в рамках ШОС в качестве государства-наблюдателя.

Министры высоко оценили прогресс Афганистана на пути к его восстановлению, выразив при этом озабоченность продолжающимся там ухудшением обстановки в сфере безопасности в результате непрекращающихся атак и возрождения движения «Талибан» и «Аль-Каиды». Они подчеркнули важность оказания содействия афганскому правительству в решении стоящих перед ним задач в области безопасности, улучшении деятельности институтов государственной власти и в социально-экономическом развитии страны. Обозначена необходимость неукоснительного соблюдения санкционного режима в отношении главарей афганских экстремистских сил и других лиц и организаций, входящих в списки Комитета СБ ООН 1267, жесткого отпора террористическим и экстремистским силам на афганской территории, а также дальнейшего наращивания усилий по обузданию наркотической угрозы, исходящей из Афганистана. Стороны указали на важность международного и регионального сотрудничества в создании комплексной системы поясов ан-

тинаркотической безопасности по периметру афганских границ при центральной координирующей роли ООН и участии соседних стран.

Министры отметили необходимость продолжения усилий по скорейшему политико-дипломатическому урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы путем переговоров. Цель этих переговоров — нахождение долгосрочного всеобъемлющего решения, позволяющего восстановить доверие международного сообщества к исключительно мирному характеру программы, с тем чтобы обеспечить реализацию права Ирана на мирное использование атомной энергии и открыть путь к широкому международному сотрудничеству с Ираном.

Министры призывают все заинтересованные стороны продолжать активные усилия для продвижения шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова в целях мирной и полной денуклеаризации полуострова в соответствии со всеми ранее достигнутыми в Пекине договоренностями на этот счет.

Министры отметили важность урегулирования проблемы статуса Косово в соответствии с нормами международного права при ведущей роли ООН и на основе договоренности сторон. Одностороннее провозглашение независимости Косово противоречит Резолюции 1244 Совета Безопасности ООН, которая впредь до новых решений этой Организации должна оставаться правовой основой для урегулирования косовской проблемы. Министры призывают Белград и Приштину действовать в рамках международного права для поиска надлежащего разрешения проблемы посредством переговоров. Министры России и Индии подтвердили поддержку своими странами Олимпийских игр в Пекине и усилий по обеспечению их успешного проведения.

Министры выразили удовлетворение результатами встречи и приняли решение провести следующую трехстороннюю встречу в Индии.

Екатеринбург, 15 мая 2008 г.

Источник: официальный сайт Посольства КНР в Москве. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t455695.htm> (21.08.2018).

Joint Communique of the Ninth Meeting of Foreign Ministers of India, Russia & China

October 27, 2009

1. The Ninth Meeting of the Foreign Ministers of Republic of India, the Russian Federation and the People's Republic of China was held on 27 October 2009 in Bengaluru.

2. The Ministers noted the ongoing trilateral cooperation between India, Russia and China and explored new avenues for deepening and strengthening this interaction on various issues for the benefit of the people of the three countries and peace and stability in the region.

3. Despite the impact of the international financial crisis, the pace of development of the three countries has improved contributing to faster growth among them. Enhanced engagement among them strengthens their influence on the process of democratisation of international relations and development of multipolar world order reflecting the diversity of world cultures and civilizations.

4. While reviewing the implementation of the Trilateral initiatives, the Ministers noted with satisfaction the holding of the trilateral meeting of experts of India, Russia & China in the area of Disaster Mitigation and Relief held in Samara, Russia on 28 July 2008. The prospective areas of cooperation in this important area were identified as — interaction between research institutes; exchange of experts/specialists; exchange of experience in practical response to major disasters; exchange of information between the National Disaster Management Authorities on major emergencies; training of instructors/specialists; and holding joint conferences and seminars. The next meeting of this group of experts is due to be held in China in 2009.

5. The Ministers welcomed the holding of the next meeting of the India-Russia-China trilateral expert group on agricultural cooperation, scheduled to be held in November/December 2009 in New Delhi.

6. The Ministers noted that according to the understanding arrived at in the first meeting of trilateral group of experts on Health and Medicine held in India in September 2008, the next meeting of the trilateral group of experts on Health and Medicine would be held in 2010 in Russia.

7. The Ministers reviewed the trilateral interaction among the business communities of the three countries and discussed the 2nd Trilateral Business Conference held on 17—19 September 2009 in Changchun, China. They noted that interaction among business communities was increasing and areas like pharmaceuticals, infrastructure, IT and energy have been the focus areas. The Ministers discussed ways in which the meetings of this forum could be more meaningful to the business communities in the time ahead so that new opportunities may be grasped to expand trade and investment. They looked forward to the next meeting in Russia.

8. The Ministers discussed ways of enhancing interaction in the trilateral format. India, Russia and China, which together stretch over 20 % of the total global landmass and represent 39 % of the global population, are important members of the international community playing a significant role in world affairs. The Ministers agreed that trilateral dialogue in areas such as global economic governance architecture, climate change, trade policy and development cooperation would contribute greatly to global peace and prosperity and that concerted trilateral action against international terrorism, trans-national crime and drug-trafficking would promote stability and all-round development in today's inter-dependent world.

9. The international situation was reviewed by the Ministers and the major global developments were discussed. The Ministers welcomed the decision made at the Pittsburgh Summit to designate G20 as the premier forum for international economic cooperation. They stressed that the future global economic governance should

feature in balanced representation, equality and result-orientedness, and ensure the voice and representation of emerging market and developing countries. The three countries advocated that future G20 summits should be held in developed countries and emerging market and developing countries by rotation based on the principle of transparency and equity. The Ministers emphasized that one of the ultimate goals of governance structure reform for international financial institutions is equitable distribution of voting power between developed countries and developing ones. The Ministers called for early implementation of the quantified targets on the governance structure reform of the international financial institutions endorsed by the G20 Pittsburgh Summit, speedy shift in IMF quota share of at least 5 % to emerging market and developing countries and a significant increase of at least 3 % of voting power in the World Bank for developing and transition countries, while avoiding erosion in voting shares of developing countries.

10. The three countries reiterated that they take the issue of climate change very seriously and that they are ready to strengthen international cooperation and make active effort to jointly tackle climate change. The three countries stressed that the UN Climate Change Conference in Copenhagen presents an important opportunity for strengthening international cooperation in addressing climate change in accordance with the principles and provisions of the UNFCCC and the Bali Action Plan, taking into account the principle of common but differentiated responsibilities and respective capabilities. The Ministers reiterated the willingness of the three countries to contribute to the success of the Conference.

11. The Ministers reiterated that there was a need for a comprehensive reform of the United Nations with a view to make it more efficient so that it can deal with the current global challenges more effectively. The Ministers of India, Russia and China reiterated that their countries attach importance to the status of India in international affairs, and understand and support India's aspirations to play a greater role in the United Nations.

12. The Ministers strongly condemned terrorism in all its forms and manifestations and reiterated that there can be no justification for any act of terrorism anywhere. They underlined that the fight against terrorism needs strong international cooperation, particularly within the framework of the United Nations. The Ministers stressed that all concerned must implement relevant resolutions of the UN General Assembly and the UN Security Council, particularly UNSC Resolution 1267, 1373 and 1540 and international conventions and protocols against terrorism as well as contribute to implementation of the UN Global Counter-Terrorism Strategy. In the context of strengthening international cooperation against terrorism, the Ministers urged all UN member states to urgently conclude and adopt the Comprehensive Convention on International Terrorism.

13. The Ministers agreed that there exists a natural complementarity between India, China and Russia in the energy sector. Russia is a dominant supplier of oil and gas; India and China are energy deficit, but significant suppliers of manufactured products and services. Trilateral relations can be further reinforced by establishing

mutually advantageous relations in the energy sector. India, China and Russia welcome the growing trend of discussing energy security issues in multilateral fora. Energy matters are best addressed in a framework that reconciles the long-term interests of both energy-consuming and energy-producing nations. India, Russia and China look to intensifying international cooperation in the energy sector on a new basis to promote openness, transparency and competition in the energy market and reflect in a balanced manner the interest of all parties concerned.

14. The Ministers noted that the Afghan presidential and provincial council elections were held on August 20, 2009, and a second round of the presidential elections is due to be held on November 7, 2009. The Ministers expressed the hope that the election process will be conducted peacefully and with the active participation of the Afghan people. The Ministers emphasised the necessity of the international community maintaining its commitment to render assistance to the government and people of Afghanistan in ensuring security and development, and restoring peace and stability and building a democratic, pluralistic and prosperous Afghanistan. The Ministers agreed that terrorism must be combated firmly by the international community and expressed concern at the continuing deterioration of the security situation there due to continued terrorist attacks. The Ministers condemned the terrorist attack on the Indian Embassy in Kabul on October 8, 2009. The Ministers highlighted the need to bring the perpetrators of all terrorist attacks to justice and the need for strict observance of the sanctions regime against persons and entities listed by the UNSC Committee 1267.

15. The Ministers stressed the need for sustained international efforts to effectively combat production and trafficking of narcotics in the region. In this regard, they called for close cooperation between the International Security Assistance Force and the coalition forces and the Government of Afghanistan in fighting this threat to regional stability and security.

16. The Ministers welcomed the recent talks between Iran and representatives of the P5+1 and the EU in Geneva and emphasised the need to continue efforts to achieve a political and diplomatic settlement of the Iran nuclear issue. They shared the view that Iran is entitled to the right to use nuclear energy for peaceful purposes and at the same time should fulfill its due international obligations. The Ministers emphasized that all possible efforts should be made to address the Iran nuclear issue by peaceful means through dialogue and negotiation and that the IAEA should play an important role in resolving outstanding issues.

17. The Ministers noted that the Shanghai Cooperation Organization (SCO) is steadily becoming an important factor of emerging architecture of security, economy, culture, people-to-people contacts and cooperation in Asia. They spoke in favour of further enhancement of interaction of the SCO Member-States with Observer-States and dialogue partners and other states and international organizations concerned for the benefit of strengthening security and stability in the region.

18. The Foreign Ministers of China and Russia expressed satisfaction that the Indian delegation to the SCO Summit was led by the Prime Minister for the first

time and at Indian participation at appropriate levels in other SCO meetings held in 2009. The External Affairs Minister of India reiterated India's interest in participating in SCO activities particularly economic activities (SCO Business Forum, SCO Energy Club and Inter Banking Consortium), counter-terrorism (Regional Counter Terrorism Structure) and SCO Contact Group on Afghanistan. The Foreign Ministers of China and Russia welcomed India's constructive engagement in SCO activities.

19. The Foreign Ministers of India and China expressed support to Russia's efforts to maintain peace and stability in the Caucasus region.

20. The Foreign Ministers of India and China welcomed the decision that Russia would officially join the mechanism of Asia-Europe Meetings (ASEM) at the 8th ASEM Summit in Brussels.

21. The Ministers reiterated their support for the Six Party talks to achieve the objective of full denuclearization of the Korean peninsula and called upon all parties concerned to work towards bringing about peace and stability in the region.

22. The Ministers expressed satisfaction with the outcome of the meeting and decided to hold the next trilateral meeting in China.

Bengaluru October 27, 2009

Источник: URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/4948/Joint_Communicu_of_the_Ninth_Meeting_of_Foreign_Ministers_of_India_Russia_amp_China

Совместное коммюнике 10-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики

18-11-2010

1. 10-я встреча министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики состоялась 15 ноября 2010 г. в Ухане, Китай.

2. Министры выразили уверенность в том, что трехсторонний механизм встреч позволил углубить координацию и сотрудничество между тремя странами по международным и региональным проблемам и содействовал продвижению многосторонности и демократии в международных отношениях. Министры иностранных дел подтвердили, что сотрудничество между Россией, Индией и Китаем не направлено против какой бы то ни было другой страны.

3. Министры выразили удовлетворение усилиями трех стран по реализации решений, принятых в ходе встречи в Бангалоре 27 октября 2009 г. Министры дали оценку прогрессу, достигнутому в различных областях трехстороннего сотрудничества, и сослались во мнении, что взаимодействие между ана-

литическими центрами и деловыми кругами, а также в сфере сельского хозяйства, чрезвычайного реагирования и здравоохранения способствовало развитию трехсторонних отношений. Они вновь подчеркнули свою твердую приверженность развитию существующего взаимодействия, изучению потенциала сотрудничества и наращиванию кооперации в таких сферах, как энергетика, высокие технологии, инновации, космос, гуманитарные и культурные обмены.

4. Министры отметили, что в результате стихийных бедствий в нынешнем году их страны понесли людские и материальные потери. Они высоко оценили результаты трехсторонней российско-индийско-китайской встречи экспертов по вопросам чрезвычайного реагирования, которая состоялась 12—13 ноября 2010 г. в Нью-Дели, и рассчитывают на проведение следующей встречи, запланированной в России во второй половине 2011 г.

5. Министры отметили наличие большого потенциала взаимовыгодного сотрудничества в области здравоохранения и медицины. Они ожидают доклада по итогам очередной встречи экспертов в области здравоохранения и медицины, которая должна состояться в России в первой половине 2011 г. Они отметили, что дальнейшее взаимодействие будет охватывать вопросы формирования эффективных механизмов борьбы с инфекционными заболеваниями и обеспечения безопасности продуктов питания.

6. Министры подчеркнули важность обмена опытом в аграрной сфере и ожидают рекомендаций экспертов по итогам трехсторонней встречи по сотрудничеству в области сельского хозяйства, которая должна состояться в 2011 г. в Нью-Дели.

7. Министры с удовлетворением отметили рост объемов торговли и взаимных инвестиций между тремя странами. Они выразили надежду на то, что представители торгово-промышленных палат трех стран на предстоящей 30 ноября 2010 г. в Нью-Дели встрече по подготовке трехстороннего Делового форума РИК в 2011 г. в России смогут выработать инновационные механизмы подлинных, содержательных деловых альянсов в согласованных приоритетных секторах.

8. Министры дали высокую оценку существенному вкладу трехсторонних встреч представителей академических кругов в стимулирование научного диалога по политическим и стратегическим вопросам, имеющим важное значение для трех стран. Они приветствовали результаты 10-й встречи ученых России, Индии и Китая в сентябре 2010 г. в Москве и надеются на успешное проведение 11-й конференции в 2011 г. в Китае.

9. Министры приветствовали предложения российской стороны по развитию секторального сотрудничества в области энергетики и в инновационной сфере и договорились о проведении встреч экспертов в этих областях.

10. Министры обменялись мнениями по современной международной ситуации и единодушно констатировали близость или единство подходов к различным международным и региональным проблемам, а также наличие прочной основы для взаимного сотрудничества. Министры разделяют мнение

о том, что мир переживает крупные и стремительные изменения. Они выразили поддержку многополярному, справедливому и демократическому миропо-
рядку, основанному на принципах международного права, взаимного уваже-
ния, сотрудничества, на согласованных действиях и коллективном принятии
решений всеми государствами. Министры выразили твердую приверженность
использованию многосторонних инструментов для поиска совместных реше-
ний глобальных и региональных проблем.

11. Министры отметили, что в этом году исполняется 65 лет со дня окон-
чания Второй мировой войны, и почтили память всех тех, кто боролся против
фашизма и за свободу. Министры подтвердили, что три страны будут и впредь
работать со всеми миролюбивыми государствами и народами во имя построения
справедливого международного порядка, предотвращения войн и кон-
фликтов.

12. Министры отметили, что процесс восстановления мировой экономи-
ки остается неровным, хрупким и несбалансированным. Они согласились в
том, что ведущие экономики мира должны работать вместе и наращивать ко-
ординацию макроэкономической политики. Они призвали к сопряжению
усилий на глобальном уровне в интересах содействия уверенному, устойчиво-
му и сбалансированному глобальному росту.

13. Министры подтвердили поддержку «Группы двадцати» как главного
форума международного экономического сотрудничества и приветствовали
решения саммита «Группы двадцати» в Сеуле, включая решения по реформе
системы распределения квот в МВФ. Они подчеркнули, что целью реформы
международных финансовых институтов является последовательное достиже-
ние справедливого распределения голосов между развитыми и развивающи-
мися странами.

14. Министры призвали все страны предпринять конкретные шаги по
противодействию любым формам протекционизма и действовать в интересах
достижения всеобъемлющих и сбалансированных результатов Дохийского ра-
унда ВТО, соответствующих ее мандату и основанных на уже достигнутом
прогрессе, в том числе в отношении модальностей переговоров. Министры
подчеркнули, что трения в мировой торговле должны урегулироваться в духе
равноправия, консультаций, взаимной выгоды и в рамках ВТО. Министры
иностраннх дел Китая и Индии поддержали вступление России в ВТО в
2011 г.

15. Министры призвали к последовательному соблюдению международ-
ной приверженности принципам Рамочной конвенции ООН об изменении и
Киотского протокола к ней, включая принцип общей, но дифференцирован-
ной ответственности. Министры иностраннх дел России и Индии высоко
оценили усилия Китая, выступившего в качестве стороны, принимавшей у
себя в октябре 2010 г. 12-ю сессию Специальной рабочей группы по долго-
срочным мерам сотрудничества согласно Рамочной конвенции ООН об изме-
нении климата и 14-ю сессию Специальной рабочей группы по дальнейшим
обязательствам сторон, включенных в Приложение I, согласно Киотскому

протоколу. Министры вновь подтвердили приверженность наращиванию взаимного сотрудничества с целью содействия достижению позитивных итогов Канкунской климатической конференции.

16. Министры подчеркнули важное значение глобальной энергетической безопасности для восстановления и развития мировой экономики и выразили мнение, что такая безопасность может быть обеспечена посредством расширения диалога и сотрудничества между странами-производителями и странами-потребителями энергоресурсов. Члены международного сообщества должны работать вместе в интересах обеспечения стабильности поставок энергоресурсов, безопасности международных маршрутов транспортировки энергоносителей и стабильности цен на энергоресурсы с тем, чтобы удовлетворять спрос всех стран, особенно развивающихся, на энергоносители. Необходимо предпринимать усилия для создания открытого и транспарентного энергорынка и системы проведения НИОКР и распространения передовых энергетических технологий в целях активизации их передачи, а также предоставления финансовой помощи развивающимся странам в соответствии с имеющимися международными обязательствами в сфере нераспространения и соответствующей политикой государств. Министры условились активизировать взаимодействие в сфере энергетической безопасности, в том числе с учетом инициативы Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о разработке международно-правовых рамок сотрудничества в этой области.

17. Министры подтвердили важность Декларации Тысячелетия ООН и реализации Целей развития Тысячелетия, приветствовали результаты состоявшейся в сентябре 2010 г. в штаб-квартире ООН Встречи высокого уровня по выполнению Целей развития Тысячелетия и призвали членов Комитета по содействию развитию ОЭСР выполнить свои обязательства по скорейшему выделению 0,7 % их валового национального дохода для оказания официальной помощи развитию.

18. Министры дали высокую оценку незаменимой роли ООН в международных делах. Они подтвердили необходимость проведения всеобъемлющей реформы ООН с тем, чтобы она стала более демократичной, представительной и результативной и могла более эффективно реагировать на современные глобальные вызовы. Министры иностранных дел Китая и России дали высокую оценку роли Индии в международных делах, приветствовали избрание Индии в Совет Безопасности ООН на период 2011—2012 гг., а также выразили готовность к углублению сотрудничества с Индией в рамках СБ ООН.

19. Министры подчеркнули, что распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также его связь с международным терроризмом представляет серьезную угрозу международному миру и безопасности и является причиной для глубокой озабоченности. Министры исходят из того, что диалог по проблемам предотвращения рисков и угроз глобальному режиму нераспространения должен выстраиваться на основе международных обязательств государств. Будущее режима нераспространения в значительной мере зависит от обеспечения безопасности всех государств, а

также от способности государств сформировать эффективную систему экспортного контроля и обеспечить безопасное хранение чувствительных материалов.

20. Министры вновь решительно осудили терроризм во всех его формах и проявлениях и подчеркнули, что не может быть оправдания никаким террористическим актам, где бы они ни совершались. Они подчеркнули необходимость широкого международного сотрудничества в деле противодействия терроризму, прежде всего в рамках ООН, для предотвращения террористических атак и наказания террористов и их пособников. В этом контексте Министры призвали все государства — члены ООН незамедлительно доработать и принять Всеобъемлющую конвенцию против международного терроризма. Министры призвали государства — члены ООН выполнять соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, особенно резолюции СБ ООН 1267, 1373, 1540 и 1624, международные конвенции и протоколы против терроризма, а также способствовать выполнению Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Министры подчеркнули важность совместных усилий по противодействию использованию информационных и коммуникационных технологий в террористических и преступных целях. Они также подчеркнули важность совместных усилий в борьбе с финансированием терроризма.

21. Министры подчеркнули необходимость выполнения международным сообществом обязательств по оказанию помощи правительству и народу Афганистана в обеспечении безопасности и развития, а также согласованных усилий по восстановлению мира и стабильности в Афганистане. Они выразили озабоченность ухудшением обстановки в сфере безопасности и подчеркнули необходимость соответствующего укрепления афганских сил безопасности с тем, чтобы Афганистан мог защитить свой суверенитет и независимость. Министры вновь подтвердили свою неизменную приверженность мирному, стабильному и процветающему Афганистану. Они выразили поддержку передаче афганским властям большей ответственности за национальную безопасность, а также правительственной Программе мира и реинтеграции. Министры подчеркнули важность сотрудничества между тремя странами по проблеме Афганистана в рамках существующих механизмов. Они рассматривают ШОС как важную площадку для регионального сотрудничества по данному вопросу. Подчеркнута необходимость укрепления скоординированной борьбы международного сообщества против незаконного оборота афганских наркотиков.

22. Министры подчеркнули, что Иран обладает правом использования ядерной энергии в мирных целях и в то же время должен восстановить доверие международного сообщества к исключительно мирному характеру его ядерной деятельности. Министры подчеркнули, что активизации усилий по урегулированию иранской ядерной проблемы мирными средствами путем диалога и переговоров нет альтернативы.

23. Министры подтвердили важность поддержания мира и стабильности на Корейском полуострове и в регионе путем диалога, а также призвали заинтересованные стороны как можно скорее возобновить шестисторонние переговоры и обеспечить полное выполнение Совместного заявления от 19 сентября 2005 г.

24. Министры иностранных дел Китая и Индии выразили поддержку политике России по защите ее коренных интересов и содействию региональному миру и стабильности в кавказском регионе.

25. Министры подчеркнули необходимость создания открытой, транспарентной, всеобъемлющей и сбалансированной архитектуры безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая основывалась бы на общепризнанных принципах международного права и учете законных интересов всех государств. Министры договорились, что эксперты трех стран изучат данный вопрос.

26. Министры выразили решимость укреплять сотрудничество в рамках БРИК, которое приобретает все большее значение в современном мире. Министры иностранных дел России и Индии подтвердили готовность координировать действия с Китаем в процессе подготовки Третьего саммита БРИК и других связанных с ним мероприятий в 2011 г.

27. Министры иностранных дел Китая и Индии приветствовали присоединение России к механизму Восточноазиатских саммитов и выразили надежду, что Россия будет вносить позитивный вклад в процесс формирования региональной экономической архитектуры и архитектуры безопасности.

28. Министры иностранных дел Китая и Индии приветствовали вступление России в форум «Азия—Европа» (АСЕМ).

29. Министры иностранных дел Китая и России приветствуют конструктивное участие Индии в деятельности Шанхайской организации сотрудничества в качестве государства-наблюдателя и придают важное значение намерению Индии играть более весомую роль в ШОС.

30. Министры выразили благодарность правительству и жителям провинции Хубэй за гостеприимство и организацию 10-й встречи министров иностранных дел.

31. Министры поручили руководителям профильных департаментов министерств иностранных дел России, Индии и Китая вести тесные консультации по вопросам трехстороннего сотрудничества.

32. Министры приняли решение провести очередную министерскую встречу в России в 2011 г.

Ухань, 15 ноября 2010 г.

Источник: Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdYjVvdPAwg/content/id/228650

Совместное коммюнике 11-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики

16.04.12

1. 11-я встреча министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики состоялась 13 апреля 2012 г. в Москве.

2. Министры вновь подтвердили важность, придаваемую Россией, Индией и Китаем конструктивному сотрудничеству в трехстороннем формате. Они подчеркнули, что это сотрудничество не направлено против какого-либо государства и призвано способствовать поддержанию мира, безопасности и стабильности в регионе, и служить на благо народов.

3. Министры рассмотрели ход реализации решений, принятых ими на 10-й встрече в г.Ухань, Китай, 14—15 ноября 2010 г.

Министры подчеркнули важность сотрудничества в области ликвидации чрезвычайных ситуаций и дали высокую оценку итогам реализации трехсторонней программы по обмену информацией и опытом в сфере использования геопространственных технологий в целях мониторинга и прогнозирования наводнений и засух, организованной в Хайдерабаде, Индия, 24—26 мая 2011 г. Они также приветствовали результаты четвертой российско-индийско-китайской трехсторонней экспертной встречи по вопросам ликвидации чрезвычайных ситуаций в Санкт-Петербурге, Россия, 6—9 сентября 2011 г. и определили приоритеты для дальнейшего развития взаимодействия в трехстороннем формате.

Министры приветствовали развитие торговых и инвестиционных отношений между тремя странами и отметили третий трехсторонний бизнес-форум, состоявшейся в России в Ростове-на-Дону 21—22 сентября 2011 г.

Министры выразили удовлетворение результатами состоявшегося 15—16 ноября 2011 г. в Пекине 11-го трехстороннего совещания академических кругов.

Министры выразили поддержку дальнейшему развитию практического сотрудничества в трехстороннем формате в таких сферах, как чрезвычайное реагирование, здравоохранение, сельское хозяйство, бизнес, энергетика, инновации и высокие технологии путем тесной координации усилий по этим направлениям в рамках различных многосторонних форумов.

4. Министры констатировали, что современный мир переживает глубокие изменения, и глобальная тенденция к многополярности является необратимой. В то же время глобальные вызовы становятся все более серьезными и сложными. В этой связи они подчеркнули необходимость поиска коллективных решений по таким глобальным проблемам, как региональные конфликты, распространение ОМУ, терроризм, транснациональная организованная преступность, незаконный наркотрафик, природные и техногенные катастрофы.

фы, финансовая и экономическая дестабилизация, дефицит продовольствия и изменение климата. Они отметили, что события на Ближнем Востоке и в Северной Африке продемонстрировали, что не существует альтернативы переговорам и мирному разрешению конфликтов совместными усилиями международного сообщества. Министры подтвердили, что Россия, Индия и Китай намерены тесно сотрудничать в борьбе с этими вызовами, в том числе посредством проведения трехсторонних консультаций в рамках ООН и иных соответствующих многосторонних форматов.

5. Министры подчеркнули важность формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе открытой, прозрачной архитектуры безопасности и сотрудничества, учитывающей законные интересы каждого из государств в этом регионе, базирующейся на общепринятых нормах и принципах международного права, признании неделимости безопасности, взаимном уважении и доверии.

6. Министры отметили, что Восточноазиатские саммиты являются многообещающим форматом для диалога по широкому кругу стратегических, политических и экономических вопросов, представляющих общий интерес и озабоченность в целях содействия миру, безопасности, стабильности и экономическому процветанию в Восточной Азии. Россия, Индия и Китай выступают за налаживание в духе сетевой дипломатии партнерских связей между различными региональными объединениями, форумами и диалоговыми структурами — АСЕАН, ШОС, АРФ, СААРК, СВМДА, «СМОА плюс» и другими.

7. Министры выразили серьезную озабоченность в связи развитием ситуации в Афганистане и подчеркнули важность участия мирового сообщества в нормализации ситуации в этой стране. Они призвали мировое сообщество решительно противодействовать террористическим группам с тем, чтобы избежать риска превращения Афганистана в комфортное прибежище для террористов и экстремистов, угрожающих региону и за его пределами. Министры вновь подтвердили, что Россия, Индия и Китай остаются привержены мирному, стабильному, независимому и процветающему Афганистану.

8. Министры подчеркнули центральную координирующую роль ООН в продвижении мира и стабильности в Афганистане. Они вновь подтвердили готовность к тесному взаимодействию по Афганистану в рамках ООН и других международных форумов и региональных инициатив, в том числе таких, как Конференция регионального экономического сотрудничества по Афганистану, «Стамбульский процесс» и ШОС. В этой связи они приветствовали стремление Афганистана расширить свое участие в деятельности этих организаций.

Министры заявили, что вывод Международных сил содействия безопасности (МССБ) из Афганистана должен происходить с учетом складывающейся ситуации в сфере безопасности и способности афганских национальных сил безопасности взять на себя ответственность за ее обеспечение в своей стране. Министры отметили, что МССБ должны выполнить свою задачу в соответствии с мандатом резолюций Совета Безопасности ООН.

9. Министры исходят из того, что процесс национального примирения в Афганистане должен осуществляться исключительно под афганским руководством и в соответствии с его правами, как это зафиксировано в Коммюнике Кабульской конференции 20 июля 2010 г. и дополнено решениями Боннской конференции от 5 декабря 2011 г., которые были поддержаны правительством Афганистана и мировым сообществом.

10. Министры особо отметили острую необходимость для всего мирового сообщества противодействовать незаконному производству и транспортировке наркотиков из Афганистана в соответствии с решениями Парижского Пакта и Антинаркотической стратегией ШОС.

11. Министры полностью поддержали центральную и координирующую роль ООН в обеспечении международного мира и безопасности, содействии совместному развитию и международному сотрудничеству. Они вновь подтвердили необходимость всеобъемлющей реформы ООН, включая Совет Безопасности, имея в виду придание ей большей эффективности, действенности и представительности. Россия и Китай вновь подчеркнули значимость Индии в международных отношениях и выразили поддержку стремлению этой страны играть более важную роль в ООН.

12. Министры подчеркнули, что, будучи ответственными странами, обладающими передовыми ядерными технологиями, Россия, Индия и Китай видят своей общей целью противодействие распространению ядерного оружия, а также активное содействие укреплению режима нераспространения. Они приветствуют успешное проведение саммита по ядерной безопасности в Сеуле в марте 2012 г. и выражают поддержку реализации решений, зафиксированных в его итоговом Коммюнике.

13. Министры отметили, что нельзя допустить, чтобы ситуация вокруг иранской ядерной программы переросла в конфликтную фазу, катастрофические последствия которой не отвечают ничьим интересам. Иран играет важную роль в мирном развитии и процветании региона, имеющего важное политическое и экономическое значение, и должен вносить в это свой законный вклад как ответственный член мирового сообщества. Министры выразили обеспокоенность ситуацией, складывающейся вокруг иранской ядерной программы. Они признают право Ирана на мирное использование ядерной энергии в соответствии со своими международными обязательствами и высказываются за урегулирование проблемы политико-дипломатическими средствами, путем налаживания диалога, прежде всего между МАГАТЭ и Ираном, и призывают Иран к выполнению положений соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и всестороннему сотрудничеству с МАГАТЭ. Министры выразили надежду, что предстоящая 14 апреля 2012 г. встреча «шестерки» международных посредников даст положительные результаты.

14. Министры выразили глубокую озабоченность в связи с запуском КНДР ракеты-носителя и призвали к максимальной сдержанности в отношении любых действий, которые могут привести к эскалации напряженности на Корейском полуострове.

Министры подчеркнули важность надлежащего решения ядерной проблемы Корейского полуострова политико-дипломатическими методами и призвали все заинтересованные стороны продолжить усилия, направленные на скорейшее возобновление шестисторонних переговоров для достижения целей, утвержденных в Совместном заявлении КНР, КНДР, России, Республики Корея, США и Японии от 19 сентября 2005 г.

15. Министры вновь выступили с решительным осуждением терроризма во всех его формах и проявлениях, а также подчеркнули, что терроризму нет и не может быть оправдания. Признавая, что терроризм является общим вызовом, требующим максимальных коллективных усилий мирового сообщества, они вновь подтверждают, что действия должны предприниматься не только против исполнителей террористических актов, но и тех, кто поддерживает и спонсирует террористов.

16. Министры подчеркнули необходимость способствовать повышению другими государствами — членами ООН эффективности реализации положений Глобальной контртеррористической стратегии ООН (ГКС), расширению круга участников антитеррористических конвенций ООН, содействовать выполнению резолюций Совета Безопасности, прежде всего 1373 (2001) и 1624 (2005). Они придают особое значение поддержке деятельности Контртеррористического комитета (КТК) СБ ООН, усилению потенциала Контртеррористического Исполнительного Директората (КТИД) по важнейшим направлениям противодействия угрозе терроризма.

17. Министры выразили озабоченность расширением использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в целях, угрожающих безопасности государств, а также международной стабильности и безопасности. В этой связи министры отметили необходимость выработки международным сообществом соответствующих норм и правил.

18. В контексте событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке министры подтвердили приверженность поиску путей урегулирования кризисов в странах региона в правовом поле исключительно мирными средствами, без вмешательства извне, противоречащего целям и принципам Устава ООН.

19. Министры подчеркнули твердую приверженность своих государств принципам суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности Сирии и решительно призвали к мирному урегулированию кризиса в этой стране путем отказа всех сторон от насилия и направляемого сирийцами всестороннего политического процесса.

Министры выразили поддержку усилиям, предпринимаемым Кофи Аннаном в качестве Совместного специального представителя ООН/ЛАГ, в том числе его предложению направить в ближайшее время в Сирию миссию наблюдателей ООН.

20. Министры вновь заявили о твердой приверженности достижению всеобъемлющего, справедливого и прочного урегулирования арабо-израильского конфликта на основе общепризнанной международно-правовой базы,

включающей соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН, Мадридские принципы и Арабскую мирную инициативу.

21. Министры констатировали, что процесс восстановления после мирового финансово-экономического кризиса идет неравномерно. Рынки и государства с развивающейся экономикой становятся движущей силой мирового экономического роста. Министры согласились, что крупные экономические державы должны своевременно и четко координировать усилия, направленные на содействие стабильному, устойчивому и сбалансированному мировому росту. Министры выразили отдельную озабоченность в отношении сохраняющегося разрыва в развитии между Севером и Югом и подчеркнули, что меры по сокращению этого разрыва могли бы стимулировать мировой экономический рост.

22. Министры Индии и Китая приветствовали вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО), что придаст этой Организации большую привлекательность и укрепит основанную на правилах систему многосторонней торговли.

Министры отметили необходимость для всех стран предпринять конкретные шаги по противодействию любым формам протекционизма и стремиться действовать в интересах достижения всеобъемлющих и успешных результатов Дохийского раунда ВТО и в соответствии с Повесткой дня развития.

23. Министры вновь отметили роль «Группы двадцати» в качестве главного форума международного экономического сотрудничества. Они подчеркнули, что целью реформы международных финансовых институтов является достижение в том числе справедливого распределения права голоса между развитыми и развивающимися странами. Индия и Китай выразили решительную поддержку председательству России в «Группе двадцати» в 2013 г.

24. Министры приветствовали итоги 17-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (СОР17/СМР7), состоявшейся в Дурбане, Южная Африка, в декабре 2011 г.

Министры выразили уверенность, что Конференция ООН по устойчивому развитию («Рио+20») в Рио-де-Жанейро, Бразилия, в июне 2012 г. предоставит мировому сообществу хорошую возможность стимулировать международное сотрудничество, направленное на содействие устойчивому развитию.

25. Министры приветствовали итоги Четвертой встречи глав государств БРИКС, состоявшейся 29 марта 2012 г. в г. Нью-Дели, Индия, и продемонстрировавшей рост авторитета и значимость данного объединения.

26. Министры положительно оценили состоявшиеся 12 июля 2011 г. в Москве консультации директоров профильных департаментов МИД России, Индии и Китая и договорились об их проведении на регулярной основе.

27. Министры иностранных дел России и Китая приветствовали конструктивное участие Индии в деятельности Шанхайской организации сотрудничества и ее намерение играть более весомую роль в ШОС.

28. Министры Индии и Китая выразили благодарность министру иностранных дел России за теплый прием и прекрасную подготовку 11-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики.

29. Министры приняли решение провести следующую министерскую встречу в Индии.

Источник: Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdYjVvdPAwg/content/id/160790

Joint Communique of the 12th Meeting of Foreign Ministers of Russia-India-China held in New Delhi

November 10, 2013

The Foreign Ministers of the Republic of India, the Russian Federation and the People's Republic of China met in New Delhi on 10 November 2013 for their 12th Meeting. The meeting was held in an atmosphere marked with cordiality and warmth.

1. The Ministers reiterated the importance attached to the Russia-India-China Trilateral format as a platform to foster closer dialogue and practical cooperation in identified areas among the three countries. They stressed that this cooperation was not directed against any other country. They expressed their resolve to strengthen the trilateral dialogue for consultation and coordination on regional and global issues of mutual interest in the spirit of openness, solidarity, mutual understanding and trust.

2. The Meeting took place in the backdrop of evolving political scenario in the Middle East and North Africa, upcoming 9th WTO Ministerial Conference in Bali, numerous challenges in putting the world economy back on growth track, concerns relating to terrorism, transnational organized crime, illicit drug trafficking, natural and man-made disasters, food security and climate change. The Ministers agreed to continue to consult and coordinate with each other to contribute to addressing these regional and global challenges in a responsible and constructive manner.

3. The Ministers expressed their condolences and sympathy to the people and the Government of the Republic of Philippines at the loss of lives following the typhoon that struck the country recently.

4. The Foreign Ministers of the Russian Federation and the People's Republic of China recalled successful outcomes of the recent bilateral visits of India's Prime Minister Dr. Manmohan Singh to Russia and China.

5. The Ministers agreed that the world had entered a new era of establishing a multipolar international system in line with the realities and needs of the 21st century. The Ministers reiterated commitment to work together for a more stable,

secure and fair system of international relations based on the rule of international law, equal partnerships between states and respect for the purposes and principles of the UN Charter. They agreed to remain engaged with each other with a view to strengthening the central role of the UN in maintaining international peace and security and ensuring steady social and economic development.

6. The Ministers welcomed the 12th Trilateral Academic Conference held in New Delhi on 20–22 November 2012. This marked the conclusion of the 4th round of trilateral exchanges commenced in 2001 amongst scholars from the Institute of Chinese Studies (ICS), Delhi; the Institute of Far Eastern Studies (IFES) Russian Academy of Sciences and China Institute of International Studies (CIIS).

7. The Ministers noted with satisfaction that the 5th Trilateral RIC experts meeting on Disaster Relief was held in Chengdu, China on 13–14 November 2012. The meeting agreed to further enhance the trilateral cooperation on information sharing, technology exchanges and personnel training in this area.

8. The Ministers reiterated that terrorism is a threat to international peace and security and a grave violation of human rights and a crime against humanity. They condemned terrorism in all its forms and manifestations, committed by whomever, wherever, and for whatever purposes. The Ministers affirmed the need for all States to join efforts in combating terrorism under the auspices of the United Nations, based on the UN Charter, the relevant UN Security Council (UNSC) resolutions, the Global Counter-Terrorism Strategy and relevant principles and norms of international law. They condemned in the strongest terms the terrorist attack in Beijing on 28 October 2013.

9. The Ministers agreed that there cannot be ideological, religious, political, racial, ethnic, or any other justification for acts of terrorism. They underlined the need to bring to justice perpetrators, organizers, financiers and sponsors of terrorist acts.

10. The Ministers expressed deep concern about the deterioration of the security and humanitarian situation in Syria and condemned the increasing violations of human rights and of international humanitarian law as a result of continued violence. The Ministers welcomed the adoption of UNSC resolution which endorsed the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW) Executive Council decision calling on Syria to comply with all aspects of the OPCW decision. They further welcomed the framework agreement reached between Russia and the US on the time-bound safeguarding and destruction of Syria's chemical weapons stockpiles and also the recent steps taken by Syria to accede to the Chemical Weapons Convention. The Ministers urged for early convening of International Conference on Syria (Geneva-II), to take forward the Geneva-I Communique adopted on 30 June 2012, which will bring all Syrian parties to the conflict to the negotiating table. Any settlement of the crisis should meet the legitimate aspirations of all sections of Syrian society and respect for Syrian independence, territorial integrity and sovereignty. The Ministers reiterated that there is no military solution to the conflict.

11. The Ministers reaffirmed that the Israeli-Palestinian conflict remains an urgent and key issue for the international community, the resolution of which is a pre-

requisite for building a sustainable and lasting peace in the Middle East region. The Ministers expressed support to the resumed Palestinian-Israeli negotiations and called on the international community to assist both Israel and Palestine to work towards a two-state solution resulting in a sovereign, democratic, independent, united and viable Palestinian state, with East Jerusalem as its capital, existing side by side in peace with Israel, within secure borders, on the basis of relevant UNSC resolutions, the Madrid Principles and the Arab Peace Initiative.

12. The Ministers discussed the evolving situation in Egypt. They viewed Egypt as a stabilising factor in the Middle East region and wished Egypt to promote national reconciliation as soon as possible to continue to play that role, contributing to peace and prosperity in the region.

13. The Ministers expressed deep concern over the continuing situation in Afghanistan and acknowledged that the main threat to Afghanistan's security, stability and prosperity is terrorism, radicalism and violent extremism. They stressed upon the need for joint and concerted efforts to combat terrorism in all its forms and manifestations, including elimination of terrorist bases and safe havens and cutting off all financial and tactical support to terrorism.

14. The Ministers stressed the importance of the international community remaining engaged in Afghanistan and fulfilling its commitments on civilian and security assistance during the period of transition and through the decade of transformation in Afghanistan. In this context, they called upon developing the capability of Afghan National Security Forces so as to enable it to shoulder the responsibility for security of Afghanistan. The Ministers reaffirmed the imperative need for the international community to continue to actively support Afghanistan's peaceful reconstruction and help Afghanistan to achieve peace, stability and prosperity. They emphasized the importance of Afghanistan's regional integration through expanding its trade and transit networks as well as its regional connectivity.

15. The Ministers stressed the core coordinating role of the UN in promoting peace and stability in Afghanistan. They reaffirmed readiness to closely interact on Afghanistan in the framework of the UN and within other international fora and regional initiatives, including the Istanbul Process, the Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC). Russia and India welcomed and expressed full support to China for hosting the Fourth Ministerial Meeting of the Istanbul Process in 2014.

16. The Ministers held the view that the evolving situation in Afghanistan is closely linked with security of the region. They believed that achieving broad and inclusive reconciliation is the key to enduring peace and stability of Afghanistan. The Ministers reiterated that the national reconciliation in Afghanistan should be Afghan-led, Afghan-owned and Afghan-driven, as laid out in the 20 July 2010 Kabul Conference Communique and further elaborated in the 5 December 2011 Bonn

Conference Conclusions supported by the Government of Afghanistan and the international community.

17. The Ministers expressed concern about the scale of illicit drug production and trafficking in Afghanistan. They underlined that revenue from drug trafficking is one of the main sources of financing terrorist organizations. The Ministers emphasized the urgent need for the international community to counteract illicit production and trafficking of drugs of Afghan origin in line with the provisions of the Paris Pact and the SCO Anti-Drug Strategy.¹⁹ The Ministers reaffirmed that being responsible States that possess advanced nuclear technologies, Russia, India and China considered it as their common task to prevent proliferation of nuclear weapons and contribute actively to strengthening the nuclear non-proliferation regime. They welcomed progress on nuclear security and underlined the importance of upholding and implementing the consensus understandings reached at the 2010 Washington and 2012 Seoul Nuclear Security Summits.

18. The Ministers called for the early resolution of the Iranian nuclear issue through political and diplomatic means on the basis of a step-by-step approach and reciprocity to restore international confidence in the peaceful nature of Iran's nuclear programme. They recognized Iran's right to peaceful uses of nuclear energy, including for uranium enrichment under strict IAEA safeguards and consistent with its international obligations. The Ministers supported the intensification of the negotiation process to resolve this issue.

19. The Ministers expressed concern at the growing threat of the use of information and communication technologies for criminal and terrorist purposes, as well as for purposes that are inconsistent with the UN Charter. They reiterated that it is important to contribute to and participate in a peaceful, secure, and open cyberspace and emphasized that security in the use of Information and Communication Technologies (ICTs) through universally accepted norms, standards and practices is of paramount importance.

20. The Ministers considered the UN to be the foremost multilateral forum entrusted with bringing about hope, peace and sustainable development to the world. They expressed strong commitment to multilateral diplomacy with the United Nations playing the leading role in dealing with global challenges and threats. In this context, they reaffirmed the need for a comprehensive reform of the UN, including its Security Council, with a view to making it more effective, efficient and representative, so that it can deal with today's global challenges more successfully.

21. The Ministers reiterated the importance attached by their countries to cooperation within BRICS. In this context, they reaffirmed their determination to work together to further strengthen BRICS as a mechanism for consultation, coordination and cooperation on global and regional political and economic issues of mutual interests.

22. The Foreign Ministers of China and Russia supported India's active engagement with and positive contributions to the Shanghai Cooperation Organization.

23. The Ministers stressed the need to develop an open, inclusive and transparent security architecture in the Asia Pacific region based upon universally agreed principles of international law. They underscored the importance of the East Asia Summit as a forum for dialogue and cooperation on broad strategic, political and economic issues of common interest with the aim of promoting peace, stability and economic prosperity in East Asia. They underlined the necessity to further strengthen coordination and cooperation in various regional fora such as the ASEAN Regional Forum (ARF), ASEAN Defense Ministers Plus (ADMM-Plus), Asia-Europe Meeting (ASEM), Shanghai Cooperation Organization (SCO), Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA) and Asia Cooperation Dialogue (ACD). India and Russia expressed their support to China for hosting the CICA Summit in 2014.

24. The Ministers noted the rising role of the Asia-Pacific region in international affairs and supported regional integration and cooperation. The Ministers recognized the important role played by Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) towards creating conducive environment for promoting trade and investment as well as regional integration in the Asia-Pacific region. Foreign Ministers of China and Russia noted India's growing economic profile and its important role in the global economic growth and its significant economic and trade linkages with APEC members and supported the openness of APEC.

25. The Ministers recognized that the world economic growth was facing vulnerabilities and numerous challenges. They underlined the need to boost multilateral cooperation in order to tackle these challenges. The Ministers welcomed the outcomes of the G20 Saint Petersburg Summit held under the Russian Presidency. They stressed that the continuous implementation of its recommendations with respect to the decisions aimed at accelerating world economic growth, midterm fiscal consolidation, higher employment, building an open world economy and promoting development will facilitate the resolution of the key global economic issues.

26. The Ministers stressed the need for the G20 to remain focused on the core issues of addressing coordination of macro-economic policies to deal with the evolving global economic and financial issues as well as the reform of institutions of global economic governance including the IMF quota and governance reforms.

27. The Ministers noted the significance and relevance of Millennium Development Goals [MDGs] and the contribution to the social and economic development of countries across the globe. Emphasizing the need to accelerate the implementation of MDGs, the Ministers reiterated their commitment to the overarching goal of poverty alleviation and, in that context, expressed hope that the post-2015 Development Agenda will be focused on poverty eradication, economic growth, job creation, social inclusion and sustainable development. They emphasized that it should be applicable to both developed and developing countries and at the same time preserve the national policy space and priorities of developing countries. They recalled all the principles of Rio Declaration on Environment and Development, including the principle of common but differentiated responsibilities. The Ministers

underscored that provision of additional financial resources, technology development and transfer as well as capacity building assistance from developed to developing countries are key components of any international compact for development cooperation.

28. The Ministers reiterated the need for Members to work with an open mind and show flexibility to achieve successful outcomes at the forthcoming WTO Ministerial Conference (MC9) in Bali, in December 2013 which would be a stepping stone to future progress in the Doha Development Agenda negotiations, in accordance with its development mandate.

29. The Foreign Ministers of Russia and China appreciated India's active role and contribution to further the goals and objectives of Asia-Europe Meeting (ASEM) and to provide a renewed relevance to ASEM by re-orienting its discussions towards tangible cooperation among ASEM partners in key areas of mutual interest. In this context, they congratulated and extended their full support to the External Affairs Minister of India for hosting the 11th ASEM Foreign Ministers' Meeting (ASEM FMM11) in New Delhi on 11—12 November 2013.

30. The Foreign Ministers of the Russian Federation and the People's Republic of China extended their warm appreciation and sincere gratitude to the External Affairs Minister of the Republic of India for hosting and making excellent arrangements for the meeting in New Delhi.

31. The Foreign Ministers of the Russian Federation and the External Affairs Minister of the Republic of India thanked the Foreign Minister of the People's Republic of China for his offer to host the next Trilateral meeting in 2014 and pledged their full support.

New Delhi November 10, 2013

Источник: Сайт МИД Индии. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22469/Joint_Communicu_of_the_12th_Meeting_of_Foreign_Ministers_of_RussiaIndiaChina_held_in_New_Delhi

Совместное коммюнике 13-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики

02-02-2015

1. Министры иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики провели свою 13-ю встречу в Пекине, Китай, 2 февраля 2015 г.

2. Министры согласились в том, что России, Индии и Китаю (РИК) как странам, обладающим значительным влиянием на международном и региональном уровнях, и странам с формирующейся рыночной экономикой необ-

ходимо и впредь укреплять координацию в решении глобальных вопросов и практическое сотрудничество в духе открытости, солидарности, взаимопонимания и доверия. Они подчеркнули, что сотрудничество между их странами благоприятствует поддержанию международного и регионального мира и стабильности и содействует глобальному экономическому росту и процветанию.

3. Министры проанализировали прогресс, достигнутый в области практического сотрудничества со времени встречи, состоявшейся в Нью-Дели 10 ноября 2013 г. Они выразили общее мнение, что России, Индии и Китаю следует укреплять свое сотрудничество в научно-исследовательской работе, в сфере бизнеса, сельского хозяйства, смягчения и ликвидации последствий стихийных бедствий, медицинского обслуживания и здравоохранения. Министры изучили потенциал сотрудничества в области добычи и транспортировки нефти и природного газа, а также в других областях энергетики, высоких технологий, охраны окружающей среды и использования средств связи. Они договорились содействовать обменам между парламентариями, представителями средств массовой информации, а также культурным и молодежным обменам, включая поездки молодых дипломатов. Они выразили удовлетворение итогами 13-й трехсторонней научной конференции, прошедшей в Москве в июле 2014 г., и приветствовали проведение 14-й трехсторонней научной конференции, которая пройдет в Китае в мае 2015 г.

4. Министры отметили происходящие в мире значительные и стремительные изменения и подчеркнули, что международное сообщество должно сохранять свою приверженность демократизации международных отношений и многополярности. Они подчеркнули важность формирования нового типа международных отношений, опирающихся на взаимовыгодное сотрудничество. Россия, Индия и Китай преисполнены решимости строить более справедливый, честный и стабильный международный политический и экономический порядок в соответствии с целями и принципами Устава ООН, пятью принципами мирного сосуществования и другими базовыми нормами международного права. Министры подчеркнули необходимость уважения разнообразия цивилизаций и независимого выбора пути развития и общественной системы народами всех стран, поддержки мирного урегулирования споров политическими и дипломатическими средствами. Они поддержали идею принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Они выступили против смены режима насильственным путем извне в любой стране или навязывания санкций на основе внутренних законов.

5. Министры подчеркнули, что в 2015 г. исполняется 70 лет со дня создания Организации Объединенных Наций и победы во Второй мировой войне и воздали должное всем тем, кто боролся с фашизмом и за свободу. Россия, Индия и Китай подтвердили необходимость торжественно отметить эти исторические события огромной важности в истории человечества и свою приверженность сохранению справедливого и равноправного международного по-

рядка на основе целей и принципов Устава ООН, недопущению войн и конфликтов и содействию прогрессу и развитию человечества. Министры приветствовали включение в повестку дня шестьдесят девятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН пункта, озаглавленного «Семидесятая годовщина окончания Второй мировой войны», и призвали Организацию Объединенных Наций и государства-члены инициировать и организовать памятные мероприятия.

6. Министры подчеркнули свою глубокую приверженность Организации Объединенных Наций как универсальной многосторонней организации, призванной помогать мировому сообществу в поддержании международного мира и безопасности, содействии общему развитию и укреплению и защите прав человека. Организация Объединенных Наций является универсальной по своему членскому составу и играет центральную роль в глобальном управлении и обеспечении многосторонности. Министры напомнили об Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. Они вновь подтвердили необходимость всеобъемлющей реформы Организации Объединенных Наций, включая ее Совет Безопасности, с целью сделать его более представительным и действенным, чтобы он мог более эффективно реагировать на глобальные вызовы. Министры иностранных дел Китая и России вновь подтвердили значение, которое они придают статусу Индии в международных делах, и поддержали ее стремление играть более весомую роль в Организации Объединенных Наций.

7. Министры подчеркнули свою приверженность укреплению координации и сотрудничества в совместных усилиях по поддержанию прочного мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, приветствовали четвертый саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и принятую на саммите Шанхайскую декларацию. Министры обязались вести совместную работу по обеспечению общей, всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве и устойчивой безопасности. Они призвали к разработке системы открытой, инклюзивной, неделимой и транспарентной безопасности и сотрудничества в регионе на основе общепризнанных принципов международного права. В этой связи они приветствовали продолжающееся в рамках Восточноазиатского саммита обсуждение вопросов формирования архитектуры региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

8. Министры подчеркнули необходимость дальнейшего укрепления координации и сотрудничества в рамках различных региональных форумов и организаций, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами («СМОА плюс»), форум «Азия—Европа» (АСЕМ) и Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), в целях содействия поддержанию регионального мира и стабильности и поощрения развития и процветания региона. В этой связи министры договорились учредить трехсторонний механизм консультаций Россия—Индия—Китай по делам Азиатско-Тихоокеанского региона, первое совещание в рамках которого состоится в ближайшее возможное время.

9. Россия, Индия и Китай придают особое значение своему сотрудничеству в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), рассматривая ее в качестве одного из ключевых инструментов продвижения многостороннего взаимодействия в регионе в вопросах политики, безопасности, экономики и в гуманитарной сфере. Китай и Индия поддерживают планы российского председательства в ШОС в 2014—2015 гг., будут оказывать содействие и всесторонне участвовать в подготовке саммита ШОС в Уфе в июле 2015 г. Китай и Россия приветствовали заявку Индии на полноправное членство в ШОС и поддержали ее намерение присоединиться к ШОС после завершения всех необходимых переговоров и правовых процедур.

10. Министры подтвердили, что терроризм во всех его формах и проявлениях, независимо от того, кем, где и в каких целях совершаются его акты, является угрозой международному миру и безопасности, вопиющим нарушением прав человека и преступлением против человечности. Министры подтвердили необходимость объединить усилия всех стран в борьбе с терроризмом под эгидой Организации Объединенных Наций в соответствии с Уставом ООН и принципами и нормами международного права и в целях решительного осуществления соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Они призвали к скорейшему завершению переговоров по Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Министры вновь заявили о том, что акты международного терроризма не могут иметь никаких идеологических, религиозных, политических, расовых, этнических или любых иных оснований. Они подчеркнули необходимость предания суду лиц, исполняющих, организующих, финансирующих и поощряющих теракты. Министры выразили серьезную тревогу в связи с новыми тенденциями в действиях международного терроризма и отметили необходимость активизации работы по сбору и распространению информации, предотвращению использования Интернета и других информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для вербовки и подстрекательства к совершению террористических актов, а также для финансирования, планирования и подготовки их деятельности, блокирования каналов террористических движений и финансирования терроризма, а также по противодействию радикализации при условии соблюдения норм международного права.

11. Министры выразили мнение, что международное сообщество через международные обмены и сотрудничество, основанные на уважении, равенстве и взаимной выгоде, должно предпринимать совместные усилия по противодействию угрозе использования информационно-коммуникационных технологий для военных, политических, преступных и террористических целей, создавая мирное, безопасное, открытое и основанное на сотрудничестве информационное пространство. Они подчеркнули, что необходимо уважать суверенитет государств в Интернете и осуществление государствами связанных с ИКТ видов деятельности. Министры высказались в поддержку разработки общепринятых международных правил ответственного поведения государств в информационном пространстве в рамках ООН и продвижения реформы меж-

дународного механизма управления сетью Интернет, как предусмотрено в Тунисской повестке дня. В этой связи министры вновь заявили об общности позиций и подходов, изложенных в Форталезской декларации 6-го саммита БРИКС (15 июля 2014 г.).

12. Министры подчеркнули, что предотвращение гонки вооружений в космосе служит интересам поддержания международного мира и безопасности, поощрения и расширения международного сотрудничества, а также исследования и использования космического пространства в мирных целях, отметив в качестве одного из основных элементов этой деятельности меры по предотвращению размещения какого бы то ни было оружия в космосе. Министры также отметили важность налаживания и развития более предметного диалога и более тесного сотрудничества между представителями России, Индии и Китая, с тем чтобы способствовать работе Научно-технического подкомитета Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (COPUOS).

13. Министры поддержали политические преобразования в Афганистане, произошедшие по итогам президентских выборов, и передачу ответственности по обеспечению безопасности от Международных сил содействия безопасности (МССБ) к Афганским национальным силам безопасности (АНСБ). Передача ответственности по обеспечению безопасности должна сопровождаться адекватными мерами по наращиванию возможностей АНСБ, чтобы АНСБ могли обеспечить безопасность на всей территории страны и для всего населения Афганистана. Министры вновь заявили о своей поддержке широкого и инклюзивного процесса установления мира и примирения в Афганистане, осуществляемого под руководством афганцев и самими афганцами, а также выразили готовность оказать поддержку интеграции Афганистана в регион благодаря наличию у него расширенных торгово-транспортных сетей и региональной взаимосвязанности. Министры подчеркнули, что для международного сообщества важно оставаться вовлеченным в Афганистане и выполнять свои долгосрочные обязательства по оказанию содействия гражданскому населению и силам безопасности. Они поддержали ключевую координирующую роль Организации Объединенных Наций в содействии миру и стабильности в Афганистане. Министры высоко оценили положительные результаты Четвертой министерской конференции «Стамбульского процесса», состоявшейся в Пекине, которая способствовала укреплению регионального сотрудничества и содействовала мирному урегулированию, реабилитации и восстановлению экономики в Афганистане. Россия, Индия и Китай подчеркнули свою приверженность осуществлению Пекинской декларации в целях обеспечения безопасности и процветания в Афганистане и регионе в целом.

14. Министры вновь заявили о поддержке усилий по поиску всеобъемлющего и долгосрочного решения иранской ядерной проблемы политическими и дипломатическими средствами. Они приветствовали продление переговоров между «шестеркой» международных посредников и Ираном и выразили надежду, что обе стороны приложат больше дипломатических усилий для дос-

тижения всеобъемлющего соглашения в кратчайшие сроки. Министры призвали Иран и МАГАТЭ усилить сотрудничество с целью урегулирования всех нерешенных вопросов. Министры подчеркнули, что после того, как МАГАТЭ признает исключительно мирный характер иранской ядерной программы путем введения строгого контроля и решения всех прошлых и текущих спорных вопросов, Иран будет в полной мере обладать всеми правами на использование ядерной энергии в мирных целях, включая обогащение урана, при соблюдении строгих гарантий перед МАГАТЭ и выполнении своих международных обязательств.

15. Министры обсудили развитие палестино-израильского конфликта. Они подчеркнули, что дальнейшее ухудшение обстановки может негативно сказаться и на перспективах мирного процесса и на ситуации на Ближнем Востоке в целом. Они настоятельно призвали Израиль и Палестину проявлять сдержанность и предпринимать эффективные меры во избежание дальнейшей эскалации напряженности. Министры поддержали урегулирование палестино-израильского конфликта на основании соответствующих резолюций Организации Объединенных Наций, принципа «земля в обмен на мир» и арабской мирной инициативы с целью создания суверенного, независимого, жизнеспособного и объединенного Государства Палестины со столицей в Восточном Иерусалиме, существующего в пределах защищенных и признанных границ, по соседству и в мире с Израилем. Они призвали международное сообщество, в частности, «квартет» международных посредников по Ближнему Востоку, продолжать предпринимать усилия по достижению данной цели. Министры выразили поддержку Совету Безопасности ООН, играющему должную роль в урегулировании палестино-израильского конфликта. Министры призвали международное сообщество непрерывно предоставлять помощь и поддержку с целью смягчения гуманитарной обстановки в Палестине.

16. Министры обсудили недавние события в Сирии. Они вновь заявили о том, что не существует военного решения кризиса в Сирии и настоятельно призвали все стороны отказаться от насилия и возобновить мирные переговоры на основании Женевского коммюнике (июнь 2012 г.). Министры призвали сирийское правительство и оппозиционные группы в ближайшее время возобновить женевский процесс, придерживаться принципов политического урегулирования и использовать полезный опыт других, чтобы найти «золотую середину», которая будет соответствовать национальной специфике Сирии и будет отвечать интересам всех сторон, и в кратчайшие сроки начать процесс национального примирения. Министры поддержали посреднические усилия Генерального Секретаря ООН и его специального представителя, направленные на защиту «локальных зон замораживания конфликта» и на предоставление гуманитарной помощи мирным жителям. Они высоко оценили усилия России по проведению первой встречи в рамках межсирийских консультаций между представителями сирийского правительства и оппозиционных групп в январе 2015 г. Министры приветствовали важный процесс в ликвидации химического оружия Сирии и выразили благодарность Организации по запре-

щению химического оружия (ОЗХО) за усилия по ликвидации и уничтожению химического оружия Сирии. Они заявили о поддержке усилий сирийского правительства по борьбе с терроризмом. Они призвали все стороны в Сирии к выполнению соответствующих резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и полномасштабному сотрудничеству с Организацией Объединенных Наций и соответствующими международными организациями в их гуманитарных миссиях. Они призвали международное сообщество следовать руководящим принципам Организации Объединенных Наций, касающихся гуманитарной помощи.

17. Министры выразили чрезвычайную обеспокоенность в связи с волнениями в Ираке и их последствиями, уделив особое внимание уважению независимости, суверенитета и территориальной целостности Ирака, и отметили, что поддерживают усилия иракского правительства по поддержанию стабильности в стране и борьбе с терроризмом. Они выразили надежду на то, что все стороны в Ираке будут способствовать укреплению единства и примирению в целях скорейшего восстановления национальной стабильности и общественного порядка. Министры призвали все заинтересованные стороны воздержаться от вмешательства, которое может еще больше осложнить ситуацию. Они призвали все стороны поддерживать правительство и народ Ирака в их усилиях по строительству стабильного, инклюзивного и единого государства с учетом интересов всех слоев иракского общества. Министры призвали международное сообщество продолжать оказывать помощь, в том числе гуманитарную, иракским беженцам и внутренне перемещенным лицам.

18. Министры выразили чрезвычайную обеспокоенность в связи с кризисом на Украине и призвали все стороны внутреннего украинского конфликта к сдержанности, полному выполнению положений Минского протокола и участию во всеобъемлющем диалоге в целях мирного разрешения кризиса путем политических переговоров. Министры отметили необходимость проведения независимого, объективного, честного и транспарентного международного расследования крушения рейса МН17 авиакомпании Malaysia Airlines и сотрудничества заинтересованных сторон в соответствии с резолюцией 2166 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

19. Министры поддержали улучшение глобального экономического управления в целях обеспечения ощутимого и стабильного роста мировой экономики. Они призвали к немедленному реформированию глобальной финансовой системы в целях увеличения представленности формирующихся рынков и развивающихся стран в соответствии с реформой квот и системы управления МВФ 2010 г. до конца текущего года. Они отметили необходимость увеличения помощи в целях развития, предоставляемой международными финансовыми институтами. Министры подтвердили свою готовность расширять сотрудничество в рамках «Группы двадцати» и призвали всех ее участников к координации макроэкономической политики, отказу от протекционизма, а также любых односторонних мер экономического давления, принятых без соответствующего решения Совета Безопасности Организации

Объединенных Наций, защите системы многосторонней торговли, центральной роль в которой отводится ВТО, созданию открытой мировой экономики и активному участию в глобальном экономическом управлении. Россия и Индия приветствовали усилия Китая по организации саммита «Группы двадцати» в 2016 г. Министры подтвердили готовность внести свой вклад в его успешное проведение.

20. Министры подтвердили центральную роль Всемирной торговой организации (ВТО) как основного международного форума по торговле, деятельность которого включает проведение переговоров, применение на практике правил торговли, урегулирование торговых споров и поддержку развития посредством интеграции развивающихся стран в глобальную торговую систему. В этой связи они вновь выразили готовность следовать Дохийской повестке дня в области развития и участвовать в основной деятельности ВТО. Министры поддержали проведение Десятой министерской конференции ВТО в Найроби, Кения, в декабре 2015 г. Они подчеркнули важность достижения осязаемого прогресса в ходе Конференции в целях успешного завершения Дохийского раунда переговоров.

21. Министры отметили, что новые страны с рыночной экономикой являются важной движущей силой роста мировой экономики и сыграли значительную роль в восстановлении мировой экономики. Министры в полной мере признали значение Саммита ООН для принятия Повестки дня в области развития на период после 2015 г., который пройдет в сентябре 2015 г. Они призвали международное сообщество к приложению больших усилий, направленных на достижение ЦРТ и к определению Повестки дня в области развития на период после 2015 г. в соответствии с принципами равенства, демократии, прозрачности, целеустремленности государств-участников и консенсуса. Повестка дня в области развития на период после 2015 г., нацеленная на ликвидацию нищеты и продвижение совместного развития, должна придавать большое значение борьбе с неравенством и дисбалансом между севером и югом и способствовать созданию обновленного партнерства глобального развития, основанного на взаимовыгодном сотрудничестве. Министры обязались усилить координацию и сотрудничество в ходе межправительственного переговорного процесса.

22. Министры призвали международное сообщество к активному выполнению последующей процедуры Конференции ООН по устойчивому развитию 2012 г. в соответствии с принципом «общей, но дифференцированной ответственности». Они приветствовали принятие Генеральной Ассамблеей ООН предложения Открытой рабочей группы по целям устойчивого развития как основание для включения ЦРТ в Повестку дня в области развития на период после 2015 г. Они придерживались мнения, что при продвижении устойчивого развития международное сообщество должно в полной мере соблюдать условия и пути развития разных стран и сосредоточиться на оказании помощи развивающимся странам в решении проблем финансирования, наращивания технологий и мощностей и достижения общего развития.

23. Министры вновь подчеркнули значение, придаваемое тремя странами вопросам изменения климата, и выразили готовность к совместной работе для дальнейшего укрепления международного сотрудничества в области борьбы с изменением климата и его негативными последствиями. Министры приветствовали принятие 20-й Конференцией Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) «Лимский призыв к действиям в области климата». Они выразили уверенность в том, что на 21-й сессии РКИК, которая пройдет в 2015 г., будет возможность принять протокол, другой правовой инструмент или согласованный результат, имеющий юридическую силу, в рамках Конвенции, применимый ко всем сторонам в соответствии с принципами равенства, общей, но дифференцированной ответственности и соответствующими возможностями.

24. Министры отметили, что экономики БРИКС совместно укрепили свои позиции как основные источники поддержания мировой экономики, восстанавливающейся после недавнего глобального экономического и финансового кризиса. Новые страны с рыночной экономикой и развивающиеся страны продолжают вносить значительный вклад в глобальный рост и будут это делать в ближайшие годы.

25. Министры приветствовали успешное завершение шестого саммита БРИКС и особенно подписание Соглашения о создании Нового банка развития (НБР) и Договора о создании Пула условных валютных резервов БРИКС. Они договорились об установлении более тесного экономического партнерства в соответствии с духом открытости БРИКС, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества для упрощения создания связей между рынками, финансовой интеграции, взаимосвязей в области инфраструктуры, а также контактов между людьми, обменов между странами БРИКС в области культуры и образования. Министры приветствовали принятое на саммите в Форталезе решение о начале переговоров по «Проекту стратегии многостороннего экономического сотрудничества» и «Общим принципам углубления экономического партнерства стран БРИКС». Индия и Китай выразили полную поддержку России в проведении успешного седьмого саммита лидеров стран БРИКС в июле 2015 г.

26. Министры дали высокую оценку успешным итогам 22-й встречи лидеров экономик АТЭС, в том числе началу процесса создания зоны свободной торговли в АТР, содействию развитию в области инноваций, экономическим реформам и экономическому росту и укреплению взаимосвязей в АТР. Они высоко оценили роль Китая в успешном проведении встречи и отметили, что она имеет огромное значение в достижении долгосрочного развития и общего процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Признавая важную роль Индии в стимулировании глобального экономического роста и поддерживая принцип открытости АТЭС, Китай и Россия были бы рады приветствовать ее участие в АТЭС.

27. Министры подчеркнули важность региональных взаимосвязанностей, которые дадут мощный толчок усилению взаимного доверия в полити-

ческой сфере и экономическом сотрудничестве, а также продвижению культурных и международных обменов. В этой связи они обсудили различные инициативы, в том числе предложенные Китаем инициативы об «Экономическом поясе Шелкового пути» и «Морском Шелковом пути XXI века». Они приветствовали совместную деятельность по разработке различных инициатив для улучшения региональной взаимосвязанности в Азии. Они подчеркнули необходимость изучения всех вариантов взаимосвязанности для углубления экономической интеграции в общем для их стран регионе и сделали акцент на том, что три страны будут тесно сотрудничать и работать вместе для обеспечения эффективности различных инициатив и их пользы для всех стран и народов в регионе.

28. Министры выразили глубокую озабоченность распространением вируса Эбола в некоторых странах Африки и ущербом, который он нанес здоровью и безопасности местных жителей. Они приняли решение о продолжении совместной работы по содействию странам Африки в области сдерживания и предотвращения распространения Эболы. Они выразили поддержку ведущей и координирующей роли ООН и Всемирной организации здравоохранения в борьбе с этой болезнью. Министры призвали международное сообщество оказывать помощь странам Африки по укреплению их системы здравоохранения и потенциала в долгосрочной перспективе.

29. Министры иностранных дел Российской Федерации и Республики Индия выразили искреннюю признательность и благодарность министру иностранных дел Китайской Народной Республики за проведение и прекрасную организацию их встречи в Пекине.

30. Министры приняли решение о проведении следующей трехсторонней встречи в России во второй половине 2015 г.

Источник: Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/briks/-/asset_publisher/RdYjVvdPAwg/content/id/947309

Совместное коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики

18-04-2016

1. Министры иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики провели свою 14-ю встречу в Москве, Российская Федерация, 18 апреля 2016 г.

2. Министры согласились в том, что России, Индии и Китаю (РИК) как странам, обладающим значительным влиянием на международном и региональном уровнях, и странам с формирующейся рыночной экономикой необходимо и впредь укреплять практическую координацию в решении глобаль-

ных и региональных вопросов в духе открытости, солидарности, взаимопонимания и доверия. Они подчеркнули, что сотрудничество между их странами благоприятствует поддержанию международного и регионального мира и стабильности и содействует глобальному экономическому росту и процветанию.

3. Министры подтвердили совместное видение происходящих в мире глубинных изменений, таких как переход к более справедливой и демократической многополярной международной системе, основанной на центральной роли ООН и международного права. Министры подчеркнули важность усиления координации усилий по глобальным вопросам и практическому сотрудничеству в духе солидарности, взаимопонимания и доверия. Они вновь заявили о необходимости уважения цивилизационного разнообразия и независимого выбора пути развития и общественной системы народами всех стран. Они по-прежнему уверены в том, что не существует альтернативы коллективным методам решения международных проблем и мирному урегулированию споров политическими и дипломатическими средствами. Они решительно выступают против насильственной смены режима извне в любой стране или попыток экстерриториального применения национальных законов в нарушение норм международного права.

4. Министры подтвердили свою глубокую приверженность Организации Объединенных Наций как универсальной многосторонней организации, обладающей мандатом оказывать мировому сообществу помощь в поддержании международного мира и безопасности, содействии общему развитию, продвижению и защите прав человека. Организация Объединенных Наций является универсальной по своему членскому составу и играет центральную роль в глобальном управлении и обеспечении многосторонности. Министры напомнили об Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. Они вновь подтвердили необходимость всеобъемлющей реформы Организации Объединенных Наций, включая ее Совет Безопасности, с целью сделать его более эффективным и повысить представленность развивающихся стран, чтобы он мог более эффективно реагировать на глобальные вызовы. Министры иностранных дел Китая и России вновь подтвердили значение, которое они придают статусу Индии в международных делах, и поддержали ее стремление играть более весомую роль в Организации Объединенных Наций.

5. Министры подчеркнули важность установления справедливого и равноправного международного порядка на основе международного права. В этой связи они отметили необходимость выработки скоординированных подходов к укреплению правовой основы международных отношений и строгому соблюдению всеми государствами своих международных правовых обязательств. Министры особо отметили значение таких основополагающих принципов международного права, как отказ от угрозы силой или ее применения, мирное урегулирование споров, уважение государственного суверенитета и невмешательство во внутренние дела других государств.

6. Министры согласились в том, что введение односторонних санкций помимо тех, которые были согласованы в рамках Совета Безопасности ООН,

противоречит принципам международного права и прерогативам Совета Безопасности ООН в соответствии с Уставом ООН, снижает эффективность режимов санкций, несоразмерно затрагивает государства, на которых они накладываются, а также при экстерриториальном применении, оказывает негативное влияние на третьи государства, международную торговлю и экономические отношения в целом. Добросовестное соблюдение принципов суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела государств и сотрудничества исключает принятие односторонних принудительных мер в нарушение международного права.

7. Министры вновь заявили о своей приверженности укреплению координации и сотрудничества в совместных усилиях по поддержанию прочного мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Министры обязались вести совместную работу по обеспечению общей, всеобъемлющей, коллективной и устойчивой безопасности. Они призвали к созданию в регионе открытой, инклюзивной, неделимой и транспарентной архитектуры безопасности и сотрудничества на основе общепризнанных принципов международного права. В этой связи они подтвердили свою приверженность продолжению обсуждения в рамках Восточноазиатского саммита вопросов, связанных с архитектурой региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, посредством семинара по архитектуре региональной безопасности и других каналов, а также договорились о проведении в Китае до конца 2016 г. первых трехсторонних консультаций по проблематике Азиатско-Тихоокеанского региона в формате Россия—Индия—Китай.

Министры признали, что АТЭС имеет огромное значение в обеспечении долгосрочного развития и общего процветания Азиатско-Тихоокеанского региона. Признавая важную роль Индии в стимулировании глобального экономического роста, а также поддерживая принцип открытости АТЭС, Россия и Китай вновь заявили о том, что они будут приветствовать участие Индии в АТЭС.

8. Министры приветствовали успешное проведение седьмого саммита БРИКС в Уфе 9 июля 2015 г., в том числе принятие Стратегии экономического партнерства БРИКС. Они подчеркнули важность дальнейшего укрепления и расширения стратегического партнерства стран БРИКС, основанного на принципах открытости, солидарности, равенства, взаимопонимания, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества. Министры отметили возросшую роль стран БРИКС в международных делах и их согласованные действия на основе консенсуса всех стран БРИКС в деле реагирования на возникающие вызовы, обеспечения мира и безопасности, сотрудничества в решении финансовых и экономических вопросов, содействия устойчивому развитию, решения проблем, связанных с искоренением нищеты, неравенства и безработицы, на благо народов стран БРИКС и всего международного сообщества в целом. Министры признали, что страны БРИКС сталкиваются с новыми вызовами в сфере экономического развития, но перед ними остаются широкие перспективы в связи с высокими темпами роста, и они будут продолжать

играть роль главной движущей силы глобального экономического роста. Министры приветствовали создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов, которые будут способствовать обеспечению стабильности международной финансовой системы и развитию развивающихся рынков и стран.

Они ожидают практического применения мандата НБР посредством вкладов стран БРИКС и других развивающихся стран в области инфраструктуры и развития. Министры также выразили полную поддержку дальнейшему развитию сети институтов БРИКС в рамках новаторских инициатив. Россия и Китай выразили полную поддержку председательству Индии в БРИКС и успешному проведению восьмого саммита БРИКС в Гоа 15–16 октября 2016 г.

9. Россия, Индия и Китай придают особое значение совместной работе в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и рассматривают ее в качестве одного из ключевых инструментов продвижения многостороннего взаимодействия в регионе в вопросах политики, безопасности, экономики и контактов между людьми. Китай и Индия дали высокую оценку итогам российского председательства в ШОС в 2014—2015 гг. Министры иностранных дел России и Китая вновь заявили о приверженности их стран полному и скорейшему выполнению решений, принятых на саммите ШОС в Уфе 10 июля 2015 г., а также активному продвижению процесса присоединения Индии к ШОС. Индия выражает готовность как можно скорее стать полноценным членом ШОС, чтобы внести больший вклад в развитие организации. Достигнута договоренность работать для подписания Меморандума об обязательствах Индии в целях получения статуса государства — члена Шанхайской организации сотрудничества в ходе саммита ШОС в Ташкенте в июне 2016 г.

10. Министры подчеркнули необходимость дальнейшего укрепления координации и сотрудничества в рамках различных региональных форумов и организаций, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами («СМОА плюс»), форум «Азия—Европа» (АСЕМ), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), в целях содействия поддержке регионального мира и стабильности и поощрения развития и процветания региона.

11. Министры вновь решительно осудили терроризм во всех его формах и проявлениях и подчеркнули, что никаким террористическим актам не может быть никакого оправдания, независимо от того, вызваны ли они идеологическими, религиозными, политическими, расовыми, этническими или любыми другими причинами. Министры преисполнены решимости последовательно укреплять сотрудничество между Индией, Китаем и Россией в сфере предотвращения международного терроризма и борьбы с ним как в двустороннем, так и в трехстороннем форматах. Они подчеркнули, что центральная роль в координации многостороннего взаимодействия по борьбе с терроризмом принадлежит ООН, и что такое взаимодействие должно осуществляться в соответствии с международным правом, в том числе Уставом ООН, а также ме-

ждународными правовыми нормами в гуманитарной сфере, в области защиты прав человека и прав беженцев. Они вновь подчеркнули необходимость предания суду лиц, исполняющих, организующих, финансирующих и поощряющих теракты. Они призвали к скорейшему завершению переговоров по Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

Министры особо отметили, что при полном выполнении государствами своих обязательств и обязанностей, проистекающих из соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и Глобальной контртеррористической стратегии, террористические угрозы могут быть эффективно устранены. Они призвали все государства к объединению усилий по борьбе с терроризмом. В этой связи Министры поддержали создание широкого контртеррористического фронта при центральной роли ООН в соответствии с инициативой, выдвинутой Президентом Российской Федерации в ходе общих прений на 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Россия, Индия и Китай глубоко обеспокоены угрозой попадания ОМУ в руки террористических групп, в том числе использования химических веществ и биологических агентов в террористических целях. Министры подчеркивают необходимость устранения угрозы химического и биологического терроризма путем активизации продуктивной работы на международных форумах. В этом контексте они выражают твердую решимость активно изучать модальности запуска переговоров в целях разработки международной конвенции о борьбе с актами химического и биологического терроризма на Конференции по разоружению, работа которой уже внесла неоценимый вклад в сокращение угрозы применения химического оружия путем успешной разработки конвенций о биологическом и химическом оружии.

Министры отметили невозможность эффективной борьбы с терроризмом без пресечения финансирования терроризма. Они призвали все государства в полной мере выполнять резолюцию 2199 Совета Безопасности ООН, запрещающую торговлю нефтью и другими природными ресурсами с так называемым Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ). В этой связи Министры поприветствовали принятие резолюции 2253 Совета Безопасности ООН, направленной на пресечение финансовой и прочей экономической поддержки ИГИЛ и связанных с ней террористических организаций. Министры также акцентировали необходимость укрепления практического сотрудничества между Советом Безопасности ООН и Группой разработки финансовых мер (ФАТФ) по вопросу пресечения финансирования терроризма. Они призвали ФАТФ выявлять государства, а также юридических и физических лиц, имеющих финансовые и экономические связи с террористическими организациями.

Министры выразили глубокую озабоченность в связи с мировой проблемой наркотиков, в первую очередь в связи с незаконным производством опиатов, кокаина и синтетических наркотиков, включая новые психотропные вещества, а также торговлю ими, поскольку эти явления по-прежнему представляют угрозу безопасности и стабильности, подрывают устойчивое эконо-

мическое развитие и негативно сказываются на здоровье и благополучии общества. Министры планируют решать мировую проблему наркотиков путем применения комплексного и сбалансированного подхода к стратегиям сокращения спроса и предложения на рынке наркотиков в соответствии с конвенциями ООН 1961, 1971 и 1988 годов и другими применимыми нормами и принципами международного права. Россия, Индия и Китай, принимая во внимание беспрецедентный глобальный рост производства наркотических веществ и спроса на них, подтверждают свою приверженность выполнению Политической декларации и Плана действий по налаживанию международного сотрудничества в целях выработки комплексной и сбалансированной стратегии борьбы с мировой проблемой наркотиков, принятых на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 2009 г., а также Совместного министерского заявления, принятого по итогам проведенного в 2014 г. Комиссией по наркотическим средствам обзора на высоком уровне по мировой проблеме наркотиков. Эти документы представляют собой прочную основу для проведения в духе открытости и инклюзивности Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по мировой проблеме наркотиков, запланированной на 19—21 апреля 2016 г.

12. Министры подчеркнули необходимость укрепления сотрудничества для противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая Интернет, в нарушение Устава ООН, а также в террористических и других преступных целях. В этой связи они подтвердили общее видение, которое нашло отражение в декларациях, принятых по итогам саммитов БРИКС в Форталезе (15 июля 2014 г.) и Уфе (9 июля 2015 г.).

Министры подтвердили ключевую роль Организации Объединенных Наций в решении вопросов, связанных с безопасностью при использовании ИКТ. Они поддерживают идею разработки и принятия всеобщих правил ответственного поведения для государств при использовании ИКТ в целях предотвращения конфликтов в информационном пространстве.

Министры выразили особую обеспокоенность в связи с использованием ИКТ, включая Интернет, для целей, преследуемых международной организованной преступностью, создания инструментов нападения и проведения террористических актов. В этой связи они подчеркнули необходимость принятия под эгидой ООН расширенного универсального международного нормативного документа о противодействии использованию ИКТ в преступных целях, который имел бы обязательную силу. В этом контексте они подчеркнули важность своевременного предоставления надлежащих ответов на взаимные запросы об информации и оказании содействия в отношении злоумышленных действий и деятельности при использовании ИКТ, договорившись осуществлять сотрудничество в этой сфере.

Министры подчеркнули исключительное значение соблюдения общепризнанных принципов международного права при использовании ИКТ, в частности, принципов политической независимости, территориальной целостности и суверенного равенства государств, уважения государственного су-

веренитета, принципа невмешательства во внутренние дела других государств, а также уважения прав человека и основных свобод.

Министры выступают за мирное, открытое и безопасное Интернет-пространство. Считая Интернет одним из глобальных ресурсов, они убеждены, что все государства должны участвовать в его развитии и функционировании на равной основе. В частности, Министры особо отметили приоритетную роль государств в обеспечении безопасности, стабильности и осуществлении экономического сотрудничества при использовании ИКТ. Министры подчеркнули необходимость обеспечения управления Интернетом на основе принципов многосторонности, демократичности и транспарентности при выполнении всеми заинтересованными участниками своих соответствующих функций и обязанностей. Министры также отметили потребность в осуществлении управления Интернетом на международной основе и укреплении для этих целей роли Международного союза электросвязи.

13. Министры подтвердили, что космическое пространство должно оставаться безопасной и бесконфликтной средой и эффективно использоваться в мирных целях. Соответственно, ими будут предприниматься совместные действия для укрепления роли Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях. Они особо отметили, что одним из ключевых факторов поддержания международного мира и безопасности является предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. В связи с этим министры выразили поддержку предпринятым в ходе Конференции по разоружению усилиям по разработке юридически обязывающего международного соглашения о запрете размещения вооружений в космическом пространстве, угрозы силой или применения силы в отношении космических объектов. Они также отметили, что представители России, Индии и Китая принимают участие в диалоге по вопросам разработки в рамках Научно-технического подкомитета Комитета по использованию космического пространства в мирных целях комплекса руководящих принципов для обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности, особенно в области безопасности космических операций, согласно резолюции 70/82 Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 9 декабря 2015 г.

14. Министры обсудили последние события в Афганистане. Выражая глубокую обеспокоенность сохраняющимися проблемами безопасности в этой стране, они отметили значительную активизацию террористической деятельности в Афганистане. Министры заявили о поддержке усилий афганского правительства по достижению национального примирения под руководством афганцев и самими афганцами и усилий по борьбе с терроризмом, выражая готовность к конструктивному сотрудничеству в целях повышения уровня безопасности в Афганистане, поддержке его независимого политического и экономического курса и освобождения страны от терроризма и незаконного оборота наркотиков. Министры выразили мнение, что главным условием стабилизации Афганистана должны являться дееспособные и эффективные Афганские национальные силы безопасности (АНСБ). В связи с этим Россия,

Индия и Китай подчеркнули необходимость сохранения ответственного подхода стран региона и всего международного сообщества, включая возглавляемую НАТО миссию «Решительная поддержка», которая выступает в качестве преемника Международных сил содействия безопасности и играет ключевую роль в наращивании возможностей АНСБ. Министры подчеркнули важность многостороннего внутрирегионального сотрудничества по афганским вопросам, прежде всего в рамках организаций, членами которых являются соседние с Афганистаном страны и другие государства региона, таких как Шанхайская организация сотрудничества и Организация договора коллективной безопасности. В связи с этим они выразили надежду на плодотворную работу предстоящей министерской конференции «Сердце Азии», которая состоится до конца этого года в Индии и благодаря которой у государств региона появилась бы возможность повысить уровень сотрудничества между собой в Афганистане при тесном партнерстве с международными донорами и при их финансовой поддержке.

15. Министры приветствовали начало реализации 16 января 2016 г. Совместного всеобъемлющего плана действий, который был согласован ЕЗ/ЕС+3 и Ираном 14 июля 2015 г. в Вене. Они выразили общее мнение, что основной целью является укрепление доверия международного сообщества к иранской ядерной программе, и что задача МАГАТЭ в конечном счете заключается в подтверждении исключительно мирного характера этой программы. Министры приветствовали тот факт, что данный сложный вопрос был урегулирован дипломатическим путем, что способствовало укреплению региональной и глобальной безопасности, а также нераспространению ядерного оружия. Они выразили готовность прилагать все усилия для обеспечения устойчивого осуществления СВПД и вовлечения Ирана в нормальное экономическое и политическое сотрудничество. Было также отмечено, что прогресс в вопросе снятия режима санкций Совета Безопасности ООН явится вкладом в рассмотрение заявки Ирана на полноправное членство в Шанхайской организации сотрудничества в соответствии с установленными процедурами.

16. Министры обсудили обстановку в Израиле и Палестине. Они поддержали урегулирование на основе переговоров, итогом которых стало бы создание суверенного, независимого, жизнеспособного и объединенного Государства Палестины со столицей в Восточном Иерусалиме, существующего в пределах защищенных и признанных границ, по соседству и в мире с Израилем, согласно соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН и документам «Ближневосточного квартета». Они призвали международное сообщество и других инициаторов продолжать оказывать помощь и поддержку на постоянной основе с целью смягчения гуманитарной обстановки в Палестине.

17. Министры приветствовали подписание 17 декабря 2015 г. в Схирате (Марокко) межливийского соглашения, а также принятие в этом отношении резолюции 2259 Совета Безопасности ООН, направленной на разрешение кризиса в Ливии. В этой связи министры призвали всех ливийцев, еще не определившихся со своей позицией, присоединиться к Ливийскому политиче-

скому соглашению и оказать необходимую поддержку формирующемуся правительству национального согласия.

18. Министры обсудили недавние события в Сирии. Они вновь заявили о том, что кризис в Сирии не может быть разрешен военным путем. Они приветствовали Совместное заявление Российской Федерации и Соединенных Штатов о прекращении боевых действий в Сирии от 22 февраля 2016 г., а также возобновление межсирийских переговоров в Женеве под эгидой ООН и настоятельно призвали всех участников проявить конструктивность и ответственность с тем, чтобы достичь скорейшего политического урегулирования ситуации в Сирии на основе резолюции 2254 Совета Безопасности ООН. Они положительно отметили деятельность Международной группы поддержки Сирии (МГПС) в качестве важного многостороннего механизма оказания дипломатического содействия в процессе урегулирования сирийского кризиса. Министры поддержали усилия Специального посланника Генерального секретаря ООН по Сирии Стеффана де Мистуры и выразили надежду на то, что мир в Сирии будет восстановлен на основе резолюций ООН.

Министры высоко оценили международные усилия по созданию благоприятной атмосферы для проведения межсирийских мирных переговоров.

Министры приветствовали значительные достижения в ликвидации химического оружия Сирии и выразили благодарность Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) за усилия по ликвидации и уничтожению химического оружия Сирии. Они также призвали все стороны конфликта в Сирии и международные заинтересованные стороны выполнять соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН по Сирии. Они призвали международное сообщество следовать руководящим принципам Организации Объединенных Наций, касающимся гуманитарной помощи.

Министры приветствовали освобождение сирийского города Пальмиры, а также единодушное одобрение Исполнительным советом ЮНЕСКО на его 199-й сессии подготовленной Россией резолюции о роли Организации в восстановлении древнего города Пальмиры и других исторических памятников Сирии.

19. Министры заявили о своем уважении независимости, суверенитета и территориальной целостности Ирака. Они полностью поддерживают усилия правительства Ирака по борьбе с терроризмом и восстановлению контроля над территориями, захваченными так называемым «Исламским государством Ирака и Леванта». Министры решительно осудили массовые убийства и притеснения, а также варварские преступления и средневековые зверства, которые ежедневно совершаются религиозными экстремистами и террористами, в частности в отношении меньшинств и объектов культурного наследия. Они выразили надежду на то, что все этнические и конфессиональные группы иракского общества будут способствовать процессу примирения как единственному способу положить конец продолжающейся нестабильности и добиться установления долгожданного мира для иракского народа. В этой связи Министры призвали все стороны поддержать всеобъемлющий процесс на-

ционального примирения в Ираке с учетом интересов всех представителей иракского общества. Министры также призвали международное сообщество и далее оказывать поддержку и предоставлять гуманитарную помощь иракским беженцам и внутренне перемещенным лицам.

20. Министры приветствовали достижение прекращения огня на востоке Украины, в целом соблюдаемого сторонами, и настоятельно призвали стороны конфликта поддерживать установленный режим на долгосрочной основе. Они подчеркнули, что конфликт не может быть разрешен военным путем и что единственный путь к примирению — это инклюзивный политический диалог. В связи с этим все стороны конфликта должны соблюдать все положения Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого Контактной группой по Украине в феврале 2015 г. в Минске при поддержке глав России, Германии, Франции и Украины и одобренного Советом Безопасности ООН в его резолюции 2202.

21. Россия, Индия и Китай привержены поддержанию правового режима на море, основанного на принципах международного права, закрепленных, в частности, в Конвенции ООН по морскому праву. Все соответствующие споры должны решаться путем переговоров и на основе договоренностей между заинтересованными сторонами. В этой связи министры призвали к полному соблюдению положений Конвенции ООН по морскому праву, а также Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море и руководящих принципов по реализации положений этой Декларации.

22. Министры отметили, что постепенное восстановление мировой экономики после недавнего глобального финансового кризиса все же сопровождается значительными рисками ухудшения и такими вызовами, как высокий уровень безработицы, значительная долговая нагрузка, рост волатильности рынков капитала и низкие цены на основные сырьевые товары. В развивающихся странах в целом наблюдаются признаки относительного снижения темпов роста.

В этом контексте международному сообществу следует предпринимать согласованные действия в целях обеспечения прочного восстановления экономики и содействия устойчивому и сбалансированному росту. Развитие макроэкономической координации и поддержка инноваций и структурных реформ всеми крупными экономиками, в особенности странами «Группы двадцати», по-прежнему являются важнейшим фактором создания условий для глубокого и устойчивого восстановления экономики во всем мире. Россия и Индия приветствуют и поддерживают работу Китая по организации саммита «Группы двадцати» в 2016 г. Министры вновь заявляют о своей готовности оказать содействие в его успешном проведении.

23. Министры высказались в поддержку улучшения глобального экономического управления в целях обеспечения здорового, стабильного и сбалансированного роста мировой экономики. Они с удовлетворением отметили осуществление пакета реформ квот и системы управления МВФ 2010 г. и призвали МВФ продолжать проведение реформ, чтобы как можно скорее увели-

чить влияние и представленность стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран. Министры вновь заявили о своей решительной поддержке совместных усилий, направленных на дальнейшее развитие и укрепление открытой, прозрачной, недискриминационной, инклюзивной и основанной на общепризнанных правилах многосторонней торговой системы, способствующей экономическому росту, устойчивому развитию и созданию новых рабочих мест во всех секторах экономики. Они признали центральную роль ВТО в установлении универсальных правил и принципов международной торговли. Министры с удовлетворением отметили итоги десятой министерской конференции ВТО, прошедшей 15-18 декабря 2015 г. в Найроби, Кения, и взяли на себя обязательство и впредь вносить весомый вклад в достижение прогресса на Дохийском раунде переговоров ВТО. Министры вновь заявили, что двусторонние и региональные торговые соглашения (РТС) должны по-прежнему оставаться дополнением к многосторонней торговой системе ВТО. В этой связи они подчеркнули важность обеспечения прозрачности и открытости региональных торговых соглашений. Министры также подчеркнули необходимость сотрудничества всех заинтересованных сторон в рамках ВТО для обеспечения взаимосвязанности и согласованности проектов региональной экономической интеграции.

24. Министры отметили, что, несмотря на финансовый кризис, страны с формирующейся рыночной экономикой и быстро развивающиеся страны не только способствовали стабилизации глобальной экономики, но и внесли значительный вклад в глобальный экономический рост. Министры подтвердили, что их страны по-прежнему полны решимости принимать конструктивные меры в ответ на глобальные экономические и финансовые вызовы, содействовать устойчивому развитию и финансовой стабильности, поддерживать устойчивый, более интенсивный и всеобъемлющий рост, создавать качественные рабочие места и способствовать созданию более представительной системы международного экономического управления. Они выразили убежденность в том, что все страны должны пользоваться установленными правами, равными возможностями и правами на справедливое участие в глобальных экономических, финансовых и торговых отношениях. Они вновь заявили о своей твердой поддержке открытой мировой экономики с эффективным распределением ресурсов, свободным движением товаров и справедливой и упорядоченной конкуренцией на благо всех ее участников.

25. Министры в полной мере признали значение Саммита ООН для принятия Повестки дня в области развития на период после 2015 г., состоявшегося в сентябре 2015 г. Они приветствовали принятие Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., в том числе Целей в области устойчивого развития, которые носят комплексный, неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. Они вновь подтвердили приверженность выполнению Повестки дня на период до 2030 г. и призвали к наращиванию многоплановых усилий в целях своевременного достижения

ЦУР с учетом различных национальных реалий, возможностей и уровней развития и с соблюдением национальных стратегий и приоритетов. Министры подчеркнули, что выполнение Повестки дня на период до 2030 г., включающей цели в области устойчивого развития, может быть обеспечено в рамках обновленного Глобального партнерства в интересах устойчивого развития с помощью конкретных мер и действий, изложенных в итоговом документе третьей Международной конференции по финансированию развития, состоявшейся в Аддис-Абебе 13—16 июля 2015 г. Признавая, что каждая страна несет основную ответственность за свое собственное экономическое и социальное развитие, Министры подчеркнули необходимость дальнейшего содействия мобилизации и эффективному использованию финансовых ресурсов, а также наращиванию потенциала и передаче экологически чистых технологий развивающимся странам на взаимно согласованных условиях. Они подчеркнули, что национальные усилия в области развития должны подкрепляться благоприятными условиями в международной экономике, а также укреплением и совершенствованием механизмов глобального экономического управления.

26. Министры высоко оценили итоги 21-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКООНИК) и 11-й сессии Совещания Сторон Киотского протокола, состоявшихся 30 ноября — 13 декабря 2015 г. Они подтвердили, что Россия, Индия и Китай готовы активно и конструктивно работать в целях выполнения решений, принятых на Конференции Сторон РКООНИК и необходимых для своевременного вступления в силу и осуществления Парижского соглашения.

27. Министры подчеркнули важность региональных взаимосвязанностей, которые придадут мощный стимул укреплению взаимного доверия в политической сфере, экономическому сотрудничеству и развитию культурных обменов и контактов между людьми. В этой связи они приветствовали синергетический эффект различных инициатив по укреплению региональной взаимосвязанности в Азии. Они подчеркнули необходимость изучения всех вариантов взаимосвязанности для углубления экономической интеграции в общем для их стран регионе и подчеркнули, что три страны будут осуществлять тесную координацию и взаимодействие в целях обеспечения результативности различных взаимно согласованных инициатив и их пользы для всех стран и народов региона. Министры также приветствовали роль, которую призван сыграть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в укреплении взаимосвязанности в регионе.

28. Министры согласились, что Россия, Индия и Китай должны расширить сотрудничество на уровне исследовательских центров, содействовать обмену между парламентариями, представителями средств массовой информации, а также культурным обменам, обменам в сфере кино и телевидения и молодежным обменам, включая взаимные визиты молодых дипломатов. Они выразили удовлетворение итогами 14-й трехсторонней научной конферен-

ции, прошедшей в Китае в мае 2015 г., и приветствовали проведение 15-й трехсторонней научной конференции, которая пройдет в Индии в конце текущего года.

29. Министры иностранных дел Китайской Народной Республики и Республики Индии выразили искреннюю признательность и благодарность Министру иностранных дел Российской Федерации за проведение и прекрасную организацию их встречи в Москве.

30. Министры приняли решение о проведении следующей трехсторонней встречи в Индии. Время и место встречи будет согласовано по дипломатическим каналам.

Источник: Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2248368

Joint Communiqué of the 15th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China

December 11, 2017

1. We, the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China held our 15th Meeting in New Delhi on 11 December 2017 and discussed global and regional issues of common concern. The Meeting took place in the backdrop of evolving political scenario in the Middle East and North Africa, numerous challenges in putting the world economy back on growth track, serious concerns relating to growing risks of terrorism, transnational organized crime, illicit drug trafficking, natural and man-made disasters, food security and climate change.

2. We reiterate the importance we attach to the Russia-India-China Trilateral format as a platform to foster closer dialogue and practical cooperation in identified areas among the three countries. Our cooperation is not directed against any other country. We wish to strengthen the trilateral dialogue for consultation and coordination on regional and global issues of mutual interest in the spirit of mutual understanding and trust. Our cooperation is conducive to maintaining international and regional peace, stability and promoting global economic growth and prosperity.

3. We underline the importance of establishment of a just and equitable international order based on international law and featuring mutual respect, fairness, justice in international relations. We believe that various crises in the world should be resolved in accordance with the international law and the principles enshrined in the UN Charter, without resorting to force or external interference and through establishing broad national dialogue with due respect for political independence, territorial integrity and sovereignty of the countries.

4. We reiterate our strong commitment to the United Nations as a universal multilateral organization entrusted with the mandate of helping the world community maintain international peace and security, advance common development, promote and protect human rights. The United Nations enjoys universal membership and embodies our aspirations in global governance and multilateralism.

5. We recall the 2005 World Summit Outcome document and reaffirm the need for a comprehensive reform of the UN, including its Security Council, with a view to making it more representative, effective and efficient, and to increase the representation of the developing countries so that it can adequately respond to global challenges. Foreign Ministers of China and Russia reiterate the importance they attach to the status of India in international affairs and support its aspiration to play a greater role in the United Nations.

6. We stress the importance of coordination on the issues related to the UN reform. It has to be conducted through an active dialogue and consultation with the Member States. Implementation of new initiatives must clearly follow the mandates given by the General Assembly. In any outcome, Member States must maintain realistic mechanisms for monitoring the use of UN financial and human resources. In this context, prerogatives of the UN main organs, including in particular the UNGA, as stipulated by the UN Charter, must be respected.

7. We reiterate the importance we attach to cooperation and strategic partnership within BRICS. We will work together to implement all outcomes of BRICS summits to strengthen cooperation in economic, political, security and people-to-people fields, so as to usher in the second golden decade of BRICS cooperation. Russia and India commend China for successful hosting of the Ninth BRICS Summit in Xiamen in September 2017.

8. We attach special importance to our joint work within the Shanghai Cooperation Organization (SCO). We regard SCO as an important instrument in promoting multilateral political, security economic and people-to-people interaction in the region. Foreign Ministers of Russia and China welcome the accession of India as a full-fledged member of SCO at the Astana SCO Summit in June 2017. Russia and India extend support and cooperation for China as the Chair of Shanghai Cooperation Organization (SCO) for 2017—2018 and for China's hosting of 2018 SCO Summit.

9. We agree that maintaining regional security and economic architecture in the Asia-Pacific that is open, inclusive, and based on multilateralism, universally recognized principles of international law, is imperative for lasting peace and stability in the region. In this regard we reiterate our commitment to further promote dialogue on regional security architecture including within the East Asia Summit framework.

10. Russia and China reiterate that they welcome India's participation in APEC.

11. We emphasize the need for coordination and cooperation in various regional forums and organizations such as East Asia Summit (EAS), ASEAN Regional Forum (ARF), ASEAN Defence Ministers Meeting Plus (ADMM-Plus), Asia-Europe Meeting (ASEM), the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA) and the Asia Cooperation Dialogue (ACD), so as to contribute

to maintaining regional peace and stability and to promote regional development and prosperity.

12. We condemn terrorism in all its forms and manifestations including the recent heinous terrorist attacks around the world and reaffirm our determination to prevent and counter terrorism in all its forms and manifestations. We reaffirm that all acts of terrorism are criminal and unjustifiable irrespective of their motivations, committed wherever and by whomsoever. We call for greater unity, stronger international partnership and concerted actions by the international community in addressing the menace of terrorism in accordance with international law and the UN Charter, including the principles of sovereign equality of States and non-interference in their internal affairs. We commend Russia-led counterterrorism efforts and achievements in Syria aimed at defeating international terrorism. We emphasize the need for a comprehensive approach in combating terrorism, and in this context resolve to step up cooperation to prevent and counter terrorism and radicalization, combat the spread of terrorist ideology and propaganda, stop sources of terrorist financing, prevent travelling of and the supply of arms to terrorists, dismantle terrorist infrastructure, disrupt recruitment and the flow of Foreign Terrorist Fighters and prevent misuse of Information and Communication Technologies (ICTs) for terrorist purposes. We underline the primary and leading role and responsibility of States in preventing and countering terrorism and extremism and reiterate that all States should take adequate measures to prevent terrorist activities from their territory.

13. We stress that those committing, organizing, inciting or supporting terrorist acts must be held accountable and brought to justice in accordance with the obligations under international law, including the principle of «extradite or prosecute" as well as the applicable domestic legislations.

14. We call for swift and effective implementation of existing international commitments on countering terrorism, including the UN Global Counter-Terrorism Strategy, relevant UN Security Council resolutions and targeted sanctions relating to terrorism and the FATF International Standards worldwide. We agree to strengthen cooperation to take decisive and concerted actions against globally proscribed terrorists and terror entities. We condemn all forms of terrorism and all terrorists, terror entities and organizations listed by the UN Security Council.

15. We seek to intensify cooperation in multilateral fora including FATF and FATF-style regional bodies (FSRBs) so as to cut the flows of funds, and other financial assets and economic resources to individuals and entities involved in terrorism including those proscribed under the relevant United Nations' Sanctions. We stress the need for joint, integrated and balanced approach to deal with drug menace, its illicit production and trafficking including new psychoactive substances in accordance with the UN Conventions and principles of international law. We call for an early adoption of the Comprehensive Convention on International Terrorism in the United Nations to establish the much needed comprehensive international legal framework to address the growing global menace of terrorism.

16. We are deeply concerned about the threat of WMDs falling into the hands of terrorist groups, including the use of chemicals and biological agents for terrorist purposes. We would cooperate to prevent proliferation of weapons of mass destruction and their delivery systems and to deny access to such weapons by non-state actors, including terrorists.

17. We need to address the threat of nuclear, chemical and biological terrorism through intensified meaningful work in international fora. We express firm determination to explore actively the modalities of elaborating a mandate and launching negotiations to elaborate an international convention for the suppression of acts of chemical and biological terrorism at the Conference on Disarmament.

18. We consider the UN has a role in developing universally accepted norms of responsible state behaviour in the use of Information and Communication Technologies (ICTs) to ensure a peaceful, secure, open, cooperative, stable, orderly, accessible and equitable ICT environment. In the use of ICTs, we emphasize the paramount importance of the principles of international law enshrined in the Charter of the United Nations, particularly the state sovereignty, the political independence, territorial integrity and sovereign equality of states, non-interference in internal affairs of other states and respect for human rights and fundamental freedoms. We recognize the need for a universal regulatory binding instrument on combating the criminal use of ICTs. We believe that all states should participate on an equal footing in the evolution and functioning of the Internet and its governance, bearing in mind the need to involve relevant stakeholders in their respective roles and responsibilities. The structures that manage and regulate the critical Internet resources need to be made more representative and inclusive. We will continue to work together to contribute to the secure, open, peaceful and cooperative use of ICTs on the basis of equal participation of the international community in its management.

19. We affirm that outer space should be preserved for peaceful exploration and use by current and future generations. We further emphasize the need to promote and strengthen international cooperation in the exploration and use of outer space for peaceful purposes and that priority should be accorded to ensuring long-term sustainability of outer space activities.

20. Prevention of arms race in outer space is one of the key factors of maintaining international peace and security. We support efforts in the Conference on Disarmament to elaborate an international legally binding instrument on the prevention of arms race in outer space, including, inter alia, on the prevention of the placement of weapons in outer space and threat or use of force against outer space assets and support the establishment of a UN Group of Governmental Experts to consider and make recommendations on substantial elements of the above-mentioned international legally binding instrument. We are engaged in dialogue on issues related to the drafting, within the Scientific and Technical Subcommittee of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, of a set of guidelines for the long-term sustainability of outer space activities.

21. We reiterate our support to the Government and the people of Afghanistan in their efforts to achieve an Afghan-led, Afghan-owned national peace and reconciliation and build a peaceful, secure, united, sovereign, democratic, stable, prosperous and pluralistic state.

22. We share the view that a capable and effective Afghan National Defence and Security Forces ANDSF should be the key to the stabilization of Afghanistan. Noting the significant increase of opium poppy production in Afghanistan and the nexus between narcotics revenue and its financial support for terrorism, we emphasize the need for stepping up result-oriented international efforts aimed at countering the Afghan drug threat.

23. We stress the importance of multilateral region-led interaction on Afghan issues, primarily by those organizations which consist of Afghanistan's neighbouring countries and other regional states, such as the Shanghai Cooperation Organization, the Moscow format, the Heart of Asia-Istanbul Process, the Kabul Process and the Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. We welcome the successful holding of the SCO-Afghanistan Contact Group meeting in Moscow on October 11.

24. We welcome the beginning on 16 January 2016 of the implementation of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) agreed upon between E3/EU+3 and Iran in Vienna on 14 July 2015. We share the view that the main objective is to enhance confidence of the international community with regards to the Iranian nuclear programme and for the IAEA to ultimately confirm that this programme is exclusively for peaceful purposes. We welcome the fact that this complex issue was resolved through diplomatic means thus strengthening regional and global security as well as nuclear non-proliferation. We express readiness to exert all efforts in order to ensure sustainable implementation of the JCPOA and engagement of Iran in normal economic and political cooperation.

25. To achieve peace and stability in the Middle East, we reiterate the need for a comprehensive, just and lasting settlement of the Israeli-Palestinian conflict on the basis of the relevant UN Resolutions, the Arab peace initiative and previous agreements between the parties through negotiations aimed at creating an independent, viable, territorially contiguous Palestinian State living side by side in peace and security with Israel within mutually agreed and internationally recognized borders. We also emphasize intra-Palestinian unity as an important factor contributing to the Israeli-Palestinian settlement.

26. We reaffirm that the only lasting solution to the crisis in Syria is through an inclusive «Syrian-led, Syrian-owned» political process which safeguards the sovereignty, independence and territorial integrity of Syria, in pursuance of the United Nations Security Council Resolution 2254(2015), and promotes the legitimate aspirations of the Syrian people. We strongly support the Geneva Peace Talks and the Astana process, and welcome the creation of the de-escalation zones in Syria, which contributed to decrease the levels of violence and generate positive momentum and conditions for meaningful progress in the peace talks under the auspices of the UN.

We appreciate international efforts to create a favorable atmosphere for Syrian peace talks and in particular including the plans to convene the Congress of the Syrian national Dialogue in Sochi. We oppose the use of chemical weapons by anyone, for any purpose and under any circumstances and call upon International community to remain united while addressing any use or threat of use of chemical weapons.

27. We express concern over the continuing armed conflict in the Yemen Republic which has led to the killing of civilians and to the destruction of civilian infrastructure. We call for urgent measures by the international community to alleviate social and economic situation in the country and to facilitate unhindered access to humanitarian aid to all parts of the Yemen Republic. We call for immediate ceasefire in Yemen and urge all parties to the conflict to resume the nation-wide dialogue in which representatives of Yemeni political forces and different groups of Yemeni population could participate in discussing the future of their country.

28. We express full respect for the independence, sovereignty and territorial integrity of Iraq. We support the efforts by the Iraqi government to combat terrorism and restore control over the territories taken by the so called ISIL. We call upon all Iraqi parties to enhance all-inclusive national reconciliation process in Iraq taking into account the interests of all segments of the Iraqi society. We stress the importance of an Iraqi-led national dialogue on the basis of Iraqi constitution that is able to strengthen the country's stability, territorial integrity and democratic institutions. We also urge the international community to provide continued assistance and humanitarian support for Iraqi refugees and internally displaced people.

29. We affirm strong commitment to the sovereignty, territorial integrity and national unity of Libya. We encourage Libyan political forces to overcome their dissensions and seek mutually acceptable solutions on all outstanding issues in pursuance of the Libyan Political Agreement. We express our support for the efforts in promoting national reconciliation by Special Representative of the UN Secretary General for Libya, international partners, neighboring countries and regional organizations consolidated under the leadership of the UN. We also welcome Libyan-led efforts in fighting ISIL, Al Qaida and other terrorist groups, urge all Libyans to unite their struggle against terrorism.

30. We express deep concern over the ongoing tension on the Korean Peninsula as a result of the nuclear and ballistic missile programmes of the DPRK.

31. We affirm strong support for a diplomatic solution to the conflict in eastern Ukraine through the full implementation of the Minsk Agreements by all parties in accordance with UN Security Council Resolution 2202 (2015).

32. Recognising the growing importance of maritime-trade in an increasingly globalised world, we support freedom of navigation and overflight rights based on the principles of international law, particularly UNCLOS.

33. We agree that the imposition of unilateral sanctions, which exceed the ones agreed by the United Nations Security Council, is inconsistent with principles of international law, undermines the prerogatives of the United Nations Security Council as set forth in the UN Charter, reduces effectiveness of its sanctions regimes,

disproportionally affects States against which they are imposed, as well as has a negative impact upon third States and international trade and economic relations at large.

34. We reaffirm our commitment to a strong, quota-based, and adequately resourced IMF. We therefore call on the Fund to work expeditiously toward the completion of the 15th General Review of Quotas and agreeing on a new quota formula as a basis for a realignment of quota shares to result in increased shares for dynamic economies in line with their relative positions in the world economy while protecting the voice and representation of the poorest members within the timeline of the Spring Meetings of 2019 and no later than the Annual Meetings of 2019. We will continue to promote the implementation of the World Bank Group Shareholding Review.

35. We emphasize the importance of an open and resilient financial system to sustainable growth and development, and agree to better leverage the benefits of capital flows and manage the risks stemming from excessive cross-border capital flows and fluctuation.

36. We emphasize the importance of an open and inclusive world economy enabling all countries and peoples to share in the benefits of globalization. We remain firmly committed to a rules-based, transparent, non-discriminatory, open and inclusive multilateral trading system as embodied in the WTO. We reaffirm our commitments to ensure full implementation and enforcement of existing WTO rules and are determined to work together to further strengthen the WTO. We call for the acceleration of the implementation of the Bali and Nairobi MCM outcomes and for the WTO ministerial conference to be held this year in Argentina to produce positive outcomes. We will continue to firmly oppose protectionism. We recommit to our existing pledge for both standstill and rollback of protectionist measures and we call upon other countries to join us in that commitment.

37. We reaffirm our commitment to achieving a fair and modern global tax system and promoting a more equitable, pro-growth and efficient international tax environment, including to deepening cooperation on addressing Base Erosion and Profit Shifting, promoting exchange of tax information and improving capacity-building in developing countries.

38. We reaffirm our commitment to the implementation of the 2030 Agenda and achievement of its Sustainable Development Goals. We recognize the overarching goal of poverty-eradication and call upon countries to work together to implement the 2030 Agenda and the 17 SDGs in all three dimensions viz. economic, social and environment in a balanced manner, in light of their respective national circumstances. In this regard, we recognise the importance of a revitalised global partnership, as outlined in the Addis Ababa Action Agenda, and renew our call to developed countries to fully honor their ODA commitments, mobilise additional finance and provide financial, technological and capacity building assistance to developing countries.

39. We reaffirm our commitment to work together to ensure that the modalities for implementing the Paris Agreement adopted under the UN Framework Conven-

tion on Climate Change are framed to reflect equity and Common but Differentiated Responsibility as recognised under the UNFCCC. We recognise the importance of Parties to fulfil their obligations in the pre-2020 period, and call on Parties to ratify the Doha Amendment to the Kyoto Protocol.

40. We reaffirm our commitment to work together to ensure that the modalities for implementing the Paris Agreement adopted under the UN Framework Convention on Climate Change.

41. We stress the importance of regional connectivity in enhancing political mutual trust, economic cooperation, and promoting cultural and people-to-people exchanges. In this context they welcomed synergy of various initiatives to improve regional connectivity in Asia.

42. We welcome the holding of the first trilateral Russia-India-China consultation on Asia Pacific affairs in Beijing in December 2016. These discussions have been helpful in developing a converging perspective on the emerging scenario in Asia Pacific region. We agree to hold the second trilateral consultation in New Delhi in the first half of 2018.

43. We express satisfaction with the outcome of the 15th trilateral Academic Conference held in India in January 2017 and welcome the 16th Trilateral Academic Conference to be held in Russia next year.

44. We welcome the first edition of the visit of RIC Young diplomats hosted by China in January 2017 and agree to hold the second such interaction in India in 2018.

45. The Foreign Minister of the People's Republic of China and the Foreign Minister of the Russian Federation thanked the External Affairs Minister of the Republic of India for hosting and making excellent arrangements for the meeting in New Delhi.

46. The Ministers decided to hold the next trilateral meeting in China. The time and venue of the meeting will be agreed through diplomatic channels.

Источник: Сайт МИД Индии. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29171/Joint_Communicu_of_the_15th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

ДОГОВОР О ДОБРОСОСЕДСТВЕ, ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, далее именуемые Договаривающимися Сторонами, опираясь на исторические традиции добрососедства и дружбы между народами России и Китая, считая, что совместные российско-китайские декларации и заявления, подписанные и принятые главами двух государств в период с 1992 года по 2000 год, имеют важное значение для развития двусторонних отношений, убежденные в том, что укрепление дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между ними во всех областях отвечает коренным интересам их народов и способствует сохранению мира, безопасности и стабильности в Азии и во всем мире, подтверждая свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций и другим международным договорам, участницами которых они являются, желая способствовать утверждению нового справедливого и рационального международного порядка, основанного на строгом соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права, стремясь поднять отношения между ними на качественно новый уровень, преисполненные решимости передавать дружбу между своими народами из поколения в поколение, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют друг против друга экономические и иные способы давления и разрешают разногласия между собой исключительно мирными средствами в соответствии с положениями Устава ООН, другими общепризнанными принципами и нормами международного права.

Договаривающиеся Стороны подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны, взаимно уважая выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанный каждой из них в соответствии со своими внутренними условиями, обеспечивают долговременное и стабильное развитие отношений между двумя государствами.

Статья 4

Российская Сторона поддерживает политику Китайской Стороны в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности Китайской Народной Республики.

Китайская Сторона поддерживает политику Российской Стороны в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Статья 5

Российская Сторона подтверждает неизменность своей принципиальной позиции по тайваньскому вопросу, изложенной в политических документах, подписанных и принятых главами обоих государств в период с 1992 года по 2000 год. Российская Сторона признает, что в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме.

Статья 6

Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними.

Договаривающиеся Стороны в соответствии с Соглашением между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 года продолжают переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках. До разрешения этих вопросов они соблюдают статус-кво на еще не согласованных участках границы между ними.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны осуществляют меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений. Договаривающиеся Стороны расширяют и углубляют меры доверия в военной области с целью укрепления безопасности каждой из них, упрочения региональной и международной стабильности.

Договаривающиеся Стороны предпринимают усилия по обеспечению собственной безопасности, основываясь на принципе разумной достаточности вооружений и вооруженных сил.

Военное и военно-техническое сотрудничество между Договаривающимися Сторонами, осуществляемое на основе соответствующих соглашений, не направлено против третьих государств.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны не участвуют в каких-либо союзах или блоках, не предпринимают каких-либо действий, включая заключение договоров с третьими государствами, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны. Ни одна из Договаривающихся Сторон не допускает использования своей территории третьими государствами в ущерб государственному суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не допускает создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны.

Статья 9

В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы.

Статья 10

Договаривающиеся Стороны укрепляют равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие, используя и совершенствуя механизм регулярных встреч на различных уровнях, прежде всего на высшем и высоком уровнях, проводя регулярный обмен мнениями и согласовывая позиции по вопросам двусторонних отношений, важным и актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Статья 11

Договаривающиеся Стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, намерены прилагать активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества.

Договаривающиеся Стороны выступают против действий, которые могли бы создать угрозу международной стабильности, безопасности и миру, взаимодействуют в претотвращении международных конфликтов и их политическом урегулировании.

Статья 12

Договаривающиеся Стороны прилагают совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, а также всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договоренностей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности.

Договаривающиеся Стороны активно содействуют процессу ядерного и химического разоружения, способствуют укреплению режима запрещения биологического оружия, осуществляют меры по предотвращению распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и связанных с ними технологий.

Статья 13

Договаривающиеся Стороны укрепляют сотрудничество в Организации Объединенных Наций, ее Совете Безопасности и специализированных учреждениях ООН. Договаривающиеся Стороны предпринимают усилия по укреплению центральной роли ООН как наиболее авторитетной и наиболее универсальной международной организации, образованной суверенными государствами, в решении международных дел, особенно в области мира и развития, по обеспечению главной ответственности Совета Безопасности ООН в области поддержания международного мира и безопасности.

Статья 14

Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы взаимопонимания, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в этих регионах соответствующих их реалиям многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества.

Статья 15

Договаривающиеся Стороны регулируют отношения в области долговых прав и долговых обязательств на основе соответствующих двусторонних межправительственных соглашений и других документов, признают законные права и интересы друг друга в отношении активов и иного имущества одной Договаривающейся Стороны, находящихся на территории другой Договаривающейся Стороны.

Статья 16

Договаривающиеся Стороны на основе взаимной выгоды развивают сотрудничество в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной областях, в ядерной энергетике, в финансовой, космической, авиационной областях, в сфере информационных технологий и других сферах, представляющих взаимный интерес, содействуют развитию приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами и в соответствии с национальным законодательством каждой из них создают для этого необходимые благоприятные условия.

Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права.

Договаривающиеся Стороны обеспечивают защиту интеллектуальной собственности, в том числе авторских и смежных прав, в соответствии со своим национальным законодательством и международными договорами, участниками которых они являются.

Статья 17

Договаривающиеся Стороны развивают сотрудничество в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах, а также в соответствии с положениями уставных документов таких учреждений, организаций и форумов способствуют вступлению одной Договаривающейся Стороны в те из них, членом (участницей) которых является другая Договаривающаяся Сторона.

Статья 18

Договаривающиеся Стороны сотрудничают в деле содействия осуществлению прав человека и основных свобод в соответствии со своими международными обязательствами и национальным законодательством каждой из них.

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своими международными обязательствами, а также законами и правилами, действующими в каждой из них, предпринимают эффективные меры, гарантирующие законные права и интересы юридических и физических лиц одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны, а также оказывают друг другу необходимую правовую помощь по гражданским и уголовным делам.

Соответствующие органы Договаривающихся Сторон на основе соответствующих законов рассматривают и решают проблемы и споры, возникающие в ходе сотрудничества и хозяйственной деятельности юридических и физических лиц одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны.

Статья 19

Договаривающиеся Стороны осуществляют сотрудничество в области защиты и улучшения состояния окружающей среды, предотвращения трансграничных загрязнений, справедливого рационального использования пограничных водотоков, живых ресурсов в северной части Тихого океана и бассейнах пограничных рек, предпринимают совместные усилия для защиты редких видов флоры, фауны и природных экосистем в приграничных районах, а также осуществляют сотрудничество в области предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в обоих государствах и ликвидации их последствий.

Статья 20

Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремиз-

мом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью. Договаривающиеся Стороны сотрудничают в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории.

Статья 21

Договаривающиеся Стороны придают важное значение развитию контактов и сотрудничества между федеральными (центральными) органами законодательной и исполнительной властей обоих государств.

Договаривающиеся Стороны всемерно содействуют развитию контактов и сотрудничества между органами судебной власти обоих государств.

Статья 22

Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Договаривающихся Сторон по другим международным договорам, участниками которых они являются, и не направлен против какого-либо третьего государства.

Статья 23

В целях выполнения настоящего Договора Договаривающиеся Стороны активно содействуют заключению договоров в конкретных областях, представляющих взаимный интерес.

Статья 24

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступает в силу с даты обмена ратификационными грамотами, который будет произведен в Пекине.

Статья 25

Настоящий Договор действует в течение двадцати лет. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Договаривающихся Сторон не менее чем за один год до истечения соответствующего периода действия Договора не уведомит в письменной форме другую Договаривающуюся Сторону о своем намерении прекратить его действие.

Совершено в Москве 16 июля 2001 года в двух экземплярах, каждый на русском и китайском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

16 июля 2001 года

Москва, Кремль

Источник: Официальный сайт МИД РФ. http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870

ДЕКЛАРАЦИЯ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ ИНДИЕЙ

4.10.2000

Российская Федерация и Республика Индия, в дальнейшем именуемые Сторонами,

ИСХОДЯ из заинтересованности и впредь укреплять их традиционно тесные и дружественные связи к взаимной выгоде,

ОПИРАЯСЬ на свой богатый и плодотворный опыт сотрудничества в различных областях, накопленный за полувековой период, прошедший после установления между ними дипломатических отношений,

ПОДЧЕРКИВАЯ основополагающее и непреходящее значение Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 28 января 1993 г., заключенного в продолжение двустороннего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве от 9 августа 1971 г., Декларации о дальнейшем развитии и укреплении сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индией от 30 июня 1994 г., а также Московской декларации о защите интересов многонациональных государств от 30 июня 1994 г.,

БУДУЧИ УБЕЖДЕННЫМИ, что дальнейшее всеобъемлющее развитие их двусторонних связей способствовало бы прогрессу и процветанию обоих государств, а также закреплению позитивных тенденций в мире в целом,

СТРЕМЯСЬ придать многогранным двусторонним отношениям качественно новый характер и долгосрочное измерение и активно развивать их в политической, экономической, торговой, научной, технической, культурной и в других областях в предстоящие годы и в XXI веке,

ИСХОДЯ из убеждения в необходимости построения многополюсной структуры мира на основе суверенного равенства всех государств и народов, демократических ценностей и справедливости,

ПОДТВЕРЖДАЯ свою приверженность общим идеалам мира, демократии, верховенству закона, правам и основным свободам человека, ненасилию и секуляризму,

ОСОЗНАВАЯ свою особую ответственность в качестве крупнейших многонациональных, многоязычных и поликонфессиональных государств,

ДВИЖИМЫЕ желанием внести совместный вклад в укрепление международного мира и безопасности, демократизацию международных отношений, а также в дело содействия установлению нового, справедливого и стабильного мирового порядка,

ВНОВЬ ПОДТВЕРЖДАЯ свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций,

ЗАЯВЛЯЮТ о нижеследующем:

1. Стороны настоящим провозглашают установление между собой отношений стратегического партнерства. Основывающееся на взаимопонимании и укоренившемся доверии друг к другу, оно предполагает вывод их многогранных связей на еще более высокий и качественно новый уровень и в то же время придание им характера особо тесного и динамичного сотрудничества как в области двусторонних отношений, так и на международной арене.

2. Стратегическое партнерство между Сторонами основывается на принципах суверенитета, равенства и территориальной целостности государств, невмешательства в их внутренние дела, взаимного уважения и взаимной выгоды.

3. Такое стратегическое партнерство предусматривает развитие масштабного сотрудничества в следующих областях:

- а) В политической области
- ежегодное проведение встреч на высшем уровне;
 - регулярные двусторонние политические и межмидовские консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес;
 - более тесное взаимодействие в Организации Объединенных Наций, в том числе в ее специализированных учреждениях и органах, на других международных и региональных форумах;
 - дальнейшую активизацию их усилий, направленных на укрепление международного мира и безопасности, всеобщее и полное разоружение, систематические и последовательные меры по сокращению ядерного оружия в глобальном масштабе с конечной целью ликвидации такого оружия, ядерное нераспространение и мирное разрешение споров;
 - совместные инициативы по ключевым международным и региональным вопросам;
 - взаимное информирование о планируемых внешнеполитических инициативах на международной арене;
 - неучастие в любых военно-политических или иных союзах, объединениях или вооруженных конфликтах, направленных против другой Стороны, а также в любых договорах, соглашениях или договоренностях, посягающих на независимость, суверенитет, территориальную целостность или интересы национальной безопасности другой Стороны;

- б) В торгово-экономической области
- наращивание тесного сотрудничества в рамках Межправительственной Российско-индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, а также других совместных организаций предпринимателей и промышленников в интересах расширения торговых и экономических связей;

— углубление и диверсификация сотрудничества в таких отраслях, как металлургия, топливно-энергетический комплекс, информационные технологии, связь и транспорт, включая торговое судоходство и гражданскую авиацию;

— дальнейшее развитие сотрудничества в банковской и финансовой сферах и совершенствование кредитных и страховых механизмов в целях содействия двусторонней торговле;

— создание благоприятных условий для взаимных инвестиций и обеспечение гарантий их защиты;

— упрощение таможенных и иных процедур и содействие отмене нетарифных и постепенному снижению тарифных ограничений;

— учреждение эффективных механизмов взаимодействия российских и индийских организаций с целью устойчивого и ориентированного на долгосрочную перспективу расширения двусторонней торговли;

— поощрение связей между регионами обеих стран с целью содействия развитию торгово-экономического сотрудничества;

— упрощение правил и процедур для поездок предпринимателей и представителей деловых кругов обеих стран;

— дальнейшее повышение качества товаров и их конкурентоспособности на мировом рынке, в том числе путем содействия совместной разработке и взаимной передаче новейших технологий;

— использование ко взаимной выгоде новых возможностей, открывающихся в результате интеграционных процессов в мировой экономике;

— углубление сотрудничества и координации в международных торговых, экономических и финансовых организациях;

— совместное изыскание возможностей формирования региональных торговых механизмов с участием третьих стран;

в) В области обороны

— укрепление военного и военно-технического сотрудничества на долгосрочной основе;

— углубление сотрудничества между вооруженными силами;

г) В области науки и техники

— поощрение сложившихся и новых форм сотрудничества в фундаментальных и прикладных научных исследованиях, расширение обмена учеными и научной информацией, установление прямых связей между научно-исследовательскими учреждениями/высшими учебными заведениями;

— сотрудничество в таких областях, как океанология, сельскохозяйственные науки, медицинские науки и биотехнология, экологически чистые технологии, метеорология, стандартизация, метрология и сертификация продукции обеих стран;

— совместное изыскание возможностей коммерческого применения результатов научно-технических исследований и конструкторских разработок;

— сотрудничество в использовании атомной энергии и космического пространства в мирных целях;

- д) В области культуры
- дальнейшее содействие развитию сотрудничества в области культуры и более широкое ознакомление с культурным наследием и достижениями обоих государств;
 - активизация контактов между людьми и организациями, в том числе в области культуры, образования, средств массовой информации, молодежных обменов и спорта;
 - поощрение туризма и сотрудничества между туристическими организациями обеих стран;
- е) В других областях
- сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков;
 - сотрудничество в оказании взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам, вопросам экстрадиции, а также в других смежных областях.
4. Стратегическое партнерство между Сторонами не направлено против какого-либо другого государства или группы государств и не преследует целей создания военно-политического союза.
5. Подписано в г. Дели 3 октября 2000 г. в двух экземплярах, каждый на русском, хинди и английском языках.

Президент
Российской Федерации

Премьер-министр
Республики Индии

Источник: Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4Icymvb/content/id/598800

**СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ИНДИЯ
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
(ОБ УСТАНОВЛЕНИИ «ОТНОШЕНИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПАРТНЕРСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА ВО ИМЯ МИРА
И ПРОЦВЕТАНИЯ»)**

**Joint Statement of the Republic of India
and the People's Republic of China**

April 11, 2005

1. H.E. Mr. Wen Jiabao, Premier of the State Council of the People's Republic of China, is currently paying a state visit to the Republic of India from 9 to 12 April 2005 at the invitation of H.E. Dr. Manmohan Singh, Prime Minister of the Republic of India.

During the visit, Premier Wen Jiabao held talks with Prime Minister Dr. Manmohan Singh, called on President Dr. A.P.J. Abdul Kalam and Vice President Shri Bhairon Singh Shekhawat, and met with Chairperson, United Progressive Alliance Smt. Sonia Gandhi. External Affairs Minister Shri K. Natwar Singh and Leader of Opposition, Lok Sabha Shri L.K. Advani will call on him. Premier Wen paid a visit to Bangalore and will deliver a speech at the Indian Institute of Technology in New Delhi.

Leaders of the two countries had an in-depth exchange of views in a sincere, friendly and constructive atmosphere and reached broad consensus on bilateral relations and international and regional issues of common concern.

2. The two sides reviewed the friendly contacts and progress in their bilateral relations in recent years and agreed that India-China relations have entered a new stage of comprehensive development. Both sides noted with satisfaction that with the frequent exchange of visits between leaders of the two countries, the process of building trust and understanding has gained momentum. Rapid growth of trade and economic cooperation has been coupled with the expansion of exchanges and cooperation in other fields. The two sides have made incremental progress in addressing outstanding issues. The two sides have also maintained good communication and collaboration in international and regional affairs. Both sides agreed that India and China have made satisfying progress in developing their long-term constructive and cooperative partnership.

The two sides recalled the Declaration on Principles for Relations and Comprehensive Cooperation between the two Prime Ministers on 23 June 2003 and reiterated that the Declaration provided a shared vision of bilateral relations and an agreed framework for cooperation.

3. In the light of the development of their bilateral relations, in order to promote good neighbourliness, friendship and mutually beneficial cooperation and taking into account the profound changes in the regional and international situation, the two sides agreed that India-China relations have now acquired a global and strategic character. The leaders of the two countries have, therefore, agreed to establish an India-China Strategic and Cooperative Partnership for Peace and Prosperity.

Such a partnership is based on the principles of Panchsheel, mutual respect and sensitivity for each other's concerns and aspirations, and equality; provides a sound framework for an all-round and comprehensive development of bilateral relations based on mutual and equal security, development and prosperity of the two peoples; and contributes to jointly addressing global challenges and threats. It reflects the readiness of the two sides to resolve outstanding differences in a proactive manner without letting them come in the way of the continued development of bilateral relations.

4. The two sides agreed that high-level exchanges between the governments, parliaments and political parties of the two countries play an important role in expanding overall bilateral cooperation. They conveyed their determination to maintain and strengthen the momentum of such exchanges in future and agreed to hold regular meetings between the leaders of the two countries. In this context, the two sides also reiterated their intention to promote regular ministerial-level exchanges and make full use of the India-China strategic dialogue and other bilateral dialogue mechanisms.

5. The year of 2005 marks the 55th anniversary of the establishment of diplomatic relations between India and China. To mark the occasion, the two countries will organize a series of commemorative activities. It was noted that «Cultural Festival of China» was currently underway in India and that a corresponding «Cultural Festival of India» would be organized in China later in the year. The two sides would also organize other cultural activities to further promote mutual awareness and deepen the friendship between the two peoples. The two sides declared 2006 as the «year of India-China friendship».

Both sides expressed satisfaction with strengthened exchanges in the area of culture, and affirmed that mutual understanding and cultural exchanges would facilitate development of cooperation in other areas as well. In order to reinforce traditional cultural links, an agreement was concluded for the construction of an Indian-style Buddhist temple at Luoyang in Henan Province of China.

6. The two sides stressed that an all-round expansion of India-China economic cooperation, including trade and investment, constitutes an important dimension of a stronger India-China relationship. The two countries agreed to make joint efforts to increase the bilateral trade volume to US\$ 20 billion or higher by 2008. The two sides

welcomed the report of the Joint Study Group (JSG) that was set up to examine the potential complementarities between the two countries in expanded trade and economic cooperation. The JSG in its Report has identified a series of measures related to trade in goods, trade in services, investments and other areas of economic cooperation, and recommended their expeditious implementation to remove impediments and facilitate enhanced economic engagement between India and China. The two Prime Ministers tasked the Ministerial-level India-China Joint Economic Group (JEG) to consider these recommendations and coordinate their implementation. For this purpose, the two sides will make their best endeavour to hold the next meeting of the JEG within the next six months. The JSG has also recommended an India-China Regional Trading Arrangement, comprising of trade in goods and services, investments, identified understandings for trade and investment promotion and facilitation, and measures for promotion of economic cooperation in identified sectors. The Prime Ministers agreed to appoint a Joint Task Force to study in detail the feasibility of, and the benefits that may derive from, the India-China Regional Trading Arrangement and give recommendations regarding its content.

Both sides noted that the Agreement on the Establishment of a Financial Dialogue Mechanism would further facilitate the dynamic and diversifying economic cooperation between the two sides. They will continue consultations on concluding the Bilateral Investment Promotion and Protection Agreement.

The two sides noted with satisfaction that the two countries have signed the SPS Protocols for the export of grapes and bitter melon from India to China. The two sides also agreed to constitute a Joint Working Group to implement expeditiously the MOU on Application of SPS between the Chinese General Administration of Quality Supervision, Inspection and Quarantine and the Indian Ministry of Agriculture.

China positively evaluates market access for Indian rice to the Chinese market and will launch as early as possible the risk analysis procedure of the Indian rice in accordance with relevant Chinese laws and regulations.

7. The two sides agreed to further promote the cooperation in the spheres of education, science and technology, healthcare, information, tourism, youth exchange, agriculture, dairy development, sports and other fields on the basis of mutual benefit and reciprocity. The two sides decided to establish an India-China Steering Committee on Scientific and Technological Cooperation chaired by their Ministers for Science and Technology, and start consultations on an agreement on mutual recognition of academic certificates and degrees between India and China. The two sides announced the launching of regular youth exchange activities. China will invite 100 Indian youth to China within the year of 2005 and hold an exhibition this year on advanced and applicable technologies in India.

8. The two sides recognized the importance of strengthening mutual connectivity and agreed to jointly work towards further enhancement of direct air and shipping links, tourism and people-to-people contacts. It was noted with satisfaction that an MOU on major liberalisation of civil aviation links between India and China was concluded during the visit.

9. The two sides will continue to cooperate in exchanging flood-season hydrological data of the trans-border rivers as agreed between them.

In response to concerns expressed by the Indian side, the Chinese side agreed to take measures for controlled release of accumulated water of the landslide dam on the river Parechu, as soon as conditions permit. It was noted with satisfaction that an agreement concerning the provision of hydrological data on Sutlej/Langqen Zangbo was concluded during the visit and that the two sides had also agreed to continue bilateral discussions to finalize at an early date similar arrangements for the Parlung Zangbo and Lohit/Zayu Qu Rivers.

The two sides agreed to cooperate in the field of energy security and conservation, including, among others, encouraging relevant departments and units of the two countries to engage in the survey and exploration of petroleum and natural gas resources in third countries.

10. The two sides noted the useful exchanges and interaction in the military field and decided to further promote such exchanges and interaction. They agreed that broadening and deepening of defense exchanges between the two countries was of vital importance in enhancing mutual trust and understanding between the two armed forces, and to ensuring a peaceful environment in which they could pursue their respective national development objectives. The two sides decided to further strengthen effective contacts and exchanges in this field.

11. During the visit, the two sides exchanged views on the India-China boundary question and reiterated their readiness to seek a fair, reasonable and mutually acceptable solution, through equal and friendly consultations and proceeding from the overall interests of bilateral relations. They expressed satisfaction over the progress made in the discussions between the Special Representatives of the two countries and welcomed the conclusion of the Agreement on the Political Parameters and Guiding Principles for the Settlement of the Boundary Question. Both sides are convinced that an early settlement of the boundary question will advance the basic interests of the two countries and should therefore be pursued as a strategic objective. They expressed their commitment to the mechanism of Special Representatives for seeking a political settlement of the boundary question in the context of their long-term interests and the overall bilateral relationship.

Pending a final resolution, the two sides will continue to make joint efforts to maintain peace and tranquility in the border areas in accordance with the Agreements of 1993 and 1996. Both sides agreed that while continuing the discussions between the Special Representatives, it is also important that the Joint Working Group (JWG) continues its work to seek an early clarification and confirmation of the Line of Actual Control (LAC). Progress made so far on the clarification of the LAC in the India-China border areas was noted. It was agreed to complete the process of exchanging maps indicating their respective perceptions of the entire alignment of the LAC on the basis of already agreed parameters, with the objective of arriving at a common understanding of the alignment, as soon as possible.

The two sides expressed satisfaction at the progress achieved in the implementation of the Agreements of 1993 and 1996 and agreed to fully implement them expeditiously. Towards that end, they concluded a Protocol on Modalities for the Implementation of Confidence Building Measures in the Military Field along the Line of Actual Control in the India-China Border Areas.

12. The Indian side reiterated that it recognized the Tibet Autonomous Region as part of the territory of the People's Republic of China and that it did not allow Tibetans to engage in anti-China political activities in India.

The Indian side recalled that India was among the first countries to recognize that there is one China and its one China policy remains unaltered. The Indian side stated it would continue to abide by its one China policy.

The Chinese side expressed its appreciation for the Indian positions.

13. Both sides reviewed with satisfaction the implementation of the memorandum on the border trade through the Nathula Pass between the Tibet Autonomous Region of the People's Republic of China and the Sikkim State of the Republic of India.

14. The two sides noted with satisfaction that through friendly consultations an agreement in principle had been reached between the two countries to solve the long-pending issue of property originally belonging to Indian Consulate General in Shanghai with the Chinese side agreeing to provide a plot of land in lieu of the premises of the original Consulate General of India.

15. As two large developing countries, both India and China were aware of each other's important role in the process of promoting the establishment of a new international political and economic order. Both sides share common interests in the maintenance of peace, stability and prosperity in Asia and the world at large, and share the desire to develop closer and more extensive understanding and cooperation in regional and international affairs.

The two sides are supportive of democratization of international relations and multilateralism, stand for the establishment of a new international political and economic order that is fair, rational, equal and mutually beneficial, and promote North-South Dialogue and South-South Cooperation. The two sides believe that the international community should eliminate poverty, narrow the gap between North and South, and achieve common prosperity through dialogue and cooperation.

16. The two sides reiterated the importance of the United Nations in global peace, stability and common development and expressed their determination to continue their efforts, together with the international community, in strengthening the UN system to develop a sound multilateral basis to address global issues. Both India and China agree that reform of the United Nations should be comprehensive and multi-faceted and should put emphasis on an increase in the representation of developing countries. The Indian side reiterated its aspirations for permanent membership of the UN Security Council. The Chinese side also reiterated that India is an important developing country and is having an increasingly important influence in the international arena. China attaches great importance to the status of India in interna-

tional affairs. It understands and supports India's aspirations to play an active role in the UN and international affairs. The two sides reaffirmed their readiness to conduct close consultations and cooperation in the process of UN reforms.

17. The two sides, aware of the threats posed by terrorism to the peace and security of the two countries and the whole world, resolutely condemn terrorism in any form. The struggle between the international community and global terrorism is a comprehensive and sustained one, with the ultimate objective of eradication of terrorism in all regions. This requires strengthening the global legal framework against terrorism. Both sides noted the positive outcome of the meetings held so far of their bilateral dialogue mechanism on counter-terrorism and agreed to further strengthen and consolidate their discussions and cooperation. It was agreed to hold the next meeting of the dialogue mechanism on counter-terrorism later this year.

18. Both sides agreed to conduct regular exchange of views on major international and regional issues, strengthen cooperation in the WTO and other international multilateral organizations, and to continue the consultations on other issues of common concern. They agreed to work together to preserve stability and growth in the global economy and reduce disparities between developed and developing countries. They supported an open, fair, equitable and transparent rule-based multilateral trade system and resolved to safeguard the legitimate rights and interests of the developing countries.

19. Aware of their linked destinies as neighbours and the two largest countries of Asia, both sides agreed that they would, together, contribute to the establishment of an atmosphere of mutual understanding, trust and cooperation in Asia and the world at large, and facilitate efforts to strengthen multilateral coordination mechanisms on security and cooperation.

20. During the visit, the two sides signed and/or released the following documents.

I. Agreement on Political Parameters and Guiding Principles for the Settlement of the India-China Boundary Question

II. Report of India-China Joint Study Group on Comprehensive Trade and Economic Cooperation

III. Protocol on Modalities for the Implementation of CBMs in the Military Field Along the Line of Actual Control in the India-China Border Areas

IV. Agreement on Mutual Administrative Assistance and Cooperation in Customs Matters

V. MOU on the Launch of the India-China Financial Dialogue

VI. MOU on Civil Aviation

VII. Protocol of Phytosanitary Requirement for Exporting Grapes from India to China

VIII. Protocol of Phytosanitary Requirement for Exporting Bitter Gourds from India to China

IX. MOU on Provision of Hydrological Information of the Sutlej /Langqen Zangbo River in Flood Season by China to India.

X. Protocol on India-China Film Cooperation Commission

XI. MOU on Cooperation between the Indian Council of World Affairs and the Chinese People's Institute of Foreign Affairs

XII. Memorandum on the Construction of an Indian-style Buddhist Temple on the Western side of the White Horse Temple in Luoyang, China

21. The two sides believed that Premier Wen Jiabao's highly successful State visit to the Republic of India marked a new level of India-China relationship and opened a new chapter in the friendly relations and cooperation between the two countries.

Premier Wen Jiabao, on behalf of the Chinese Government and people, expressed his appreciation to the Government and the people of India for their warm hospitality, and invited Prime Minister Manmohan Singh to visit China at a mutually convenient time. Prime Minister Manmohan Singh appreciated the invitation and accepted it with pleasure. The Indian side also reiterated the invitation to President Hu Jintao to visit India. The exact time of the visit will be decided through diplomatic channels.

Prime Minister of the Republic of India

Premier of the State Council of the People's Republic of China

New Delhi

April 11, 2005

Источник: Официальный сайт МИД Индии. URL: http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6577/Joint_Statement_of_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

**О ВСТРЕЧЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В.В. ПУТИНА
С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КНР ХУ ЦЗИНЬТАО
И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ИНДИИ МАНМОХАНОМ СИНГХОМ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, СРЕЛЬНА, 17 ИЮЛЯ 2006 ГОДА**

18-07-2006

17 июля 2006 года 2006 года состоялась встреча Президента России В.В. Путина с Председателем КНР Ху Цзиньтао и Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом.

В.В. Путин отметил, что подходы России, КНР и Индии к основным мировым проблемам практически совпадают. Президент выразил удовлетворение тем, что трем государствам удастся координировать усилия на международной арене.

Вступительное слово Президента России В.В. Путина на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао

В.В. Путин: Уважаемый господин Председатель!
Уважаемый господин Премьер-министр!

Позвольте мне еще раз сердечно поприветствовать Вас в России. Я думаю, что Вы согласитесь со мной в том, что работа в рамках «большой восьмерки» с приглашением ведущих стран мира, которые формально в эту «восьмерку» не входят, является в последнее время уже делом обычным, и мне очень приятно, что мы можем использовать эту возможность для проведения

встречи и в таком, трехстороннем формате. Тем более, что встреча на высшем уровне в трехстороннем формате является естественным продолжением той работы, которую уже начали наши министры иностранных дел. Мне бы хотелось отметить, что наши подходы к основным международным проблемам очень близки, либо, как дипломаты говорят, практически совпадают. Нам удается координировать наши усилия на международной арене благодаря стремлению к поиску взаимоприемлемых решений. И все это, конечно же, является серьезным фактором в международной жизни.

Мы только сейчас с господином Председателем говорили о том, как эффективно, я бы сказал, бурно развиваются двусторонние российско-китайские связи. Мы немножко отстаем с нашими индийскими партнерами в экономической сфере, но у нас большие планы. И уверен, что они вполне реалистичны и будут реализованы. Мы живем в одном регионе мира. У России давние, вековые, как у нас говорят, связи и с Индией, и с Китайской Народной Республикой. И я очень рад возможности встретиться сегодня с вами здесь, в Петербурге, чтобы поговорить о наших общих проблемах и наших общих планах.

Спасибо большое.

Источник: Официальный сайт президента РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/397094

ВСТРЕЧА В ФОРМАТЕ «РОССИЯ—ИНДИЯ—КИТАЙ»

На полях саммита «большой двадцатки» Владимир Путин принял участие во встрече «Россия—Индия—Китай» (РИК) с Премьер-министром Республики Индии Нарендрой Моди и Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином.

* * *

В. Путин: Прежде всего хочу выразить признательность индийским и китайским партнерам за поддержку инициативы о проведении трехсторонней встречи.

Отмечу, что Россию, Индию и Китай связывают давние, можно сказать, вековые дружеские отношения, которые мы выстраиваем на принципах добрососедства, равноправия, взаимного уважения.

В предыдущий раз переговоры лидеров государств РИК состоялись 12 лет назад — в 2006 году в Петербурге. Они были действительно продуктивными, и одним из результатов стало создание впоследствии объединение БРИКС.

С тех пор на постоянной основе проводят консультации наши министры иностранных дел, поддерживаются связи по линии советов безопасности, молодежных, академических кругов.

Считаем, что формат РИК имеет большие перспективы, и взаимодействие в рамках «тройки» может стать эффективным дополнением к сотрудничеству, которое осуществляется между нашими странами на двусторонней основе и по линии БРИКС.

Предложили организовать сегодняшнюю встречу, потому что обстановка в мире, процессы, происходящие в нашем общем регионе, в Евразии, требуют более тесной координации подходов трех стран. Прежде всего в сфере обеспечения безопасности, выстраивания конструктивных межгосударственных отношений.

С учетом крупного вклада трех наших стран в процессы глобального развития — это порядка 30 процентов общемирового ВВП по паритету покупательной способности.

Важно наладить совместную работу по ключевым вопросам экономической повестки дня, в том числе в группе «двадцати». Сообща защищать принципы справедливой, честной конкуренции в мировой торговле и финансах, содействовать формированию максимально открытой системы международных экономических отношений, свободной от протекционизма и политически мотивированных ограничений.

И конечно, мы могли бы более активно заняться сопряжением крупных интеграционных проектов, которые реализуются с участием наших стран, таких, как Евразийский экономический союз, китайская инициатива «Один пояс, один путь». Появляются перспективы для уплотнения контактов между АСЕАНовской «десяткой» и Шанхайской организацией сотрудничества.

Уважаемые друзья! Рассчитываю, что наша сегодняшняя беседа будет полезной, и в дальнейшем мы сможем придать таким встречам регулярный характер. В частности, можно было бы проводить их на полях крупных саммитов, международных мероприятий.

Разумеется, важно продолжать трехстороннюю координацию и на других уровнях, при необходимости создавать дополнительные механизмы взаимодействия. Благодарю вас за внимание.

Н. Моду (как переведено): Уважаемые коллеги! Ваши превосходительства!

Рад возможности провести неформальную встречу на высшем уровне между нами в Буэнос-Айресе. После саммита РИК в 2006 году в Петербурге мы проводим первый саммит в таком формате.

Я благодарю Президента Путина за то, что он выступил с инициативой организовать эту неформальную встречу на высшем уровне, которая дает нам возможность свободно и честно обсудить некоторые ключевые вопросы, вызывающие нашу обеспокоенность на глобальном уровне.

Ваши Превосходительства! Без сомнения, мир сегодня переживает период серьезных перемен и нестабильности, повышенной геополитической напряженности. Серьезное давление оказывается на глобальное управление.

Многосторонность и мировой порядок, основанный на общих правилах, отвергаются все чаще и чаще разными односторонними, транснациональными и местническими группами, разными нациями по всему миру. Мы видим это — накладываются санкции вне мандата ООН, а также развивается политика протекционизма.

Повестка развития в Дохе в рамках ВТО потерпела неудачу. После Парижского соглашения мы не видим ожидаемый уровень финансовой приверженности со стороны развитых стран в пользу развивающихся. Поэтому справедливость в климатической области сегодня под угрозой. Нам пока очень далеко до достижения целей устойчивого развития.

Некоторые слабые экономики по-прежнему уязвимы перед лицом стихийных бедствий. В таком международном контексте ключевые державы, такие как Индия, Россия и Китай, несут особую ответственность.

На нас приходится более трети мирового населения. Мы должны поддерживать политику многосторонности, работать в рамках создания многостороннего глобального порядка, вот с этой целью, а также обеспечить соблюдение международного права.

В формате РИК мы должны работать по четырем аспектам: региональная и глобальная стабильность, экономическое процветание, обмен опытом в об-

ластях взаимного интереса и сотрудничество по мерам ответов на новые и вновь появляющиеся вызовы.

Согласен с Президентом Путиным, когда бы мы не встречались на полях международных мероприятий, нужно иметь возможность проводить такие встречи на высшем уровне в формате РИК, потому что я считаю, что назрела такая необходимость нам троем более активно встречаться и взаимодействовать.

Мы должны играть особую роль на глобальной сцене, а также искать пути продвижения развития наших стран. Хотел бы поблагодарить Президента Путина за то, что он вдохнул новую жизнь в этот формат.

Си Цзиньпин (как переведено): Уважаемые господа!

Для меня большое удовольствие присутствовать здесь вместе с Президентом Путиным и Премьер-министром Моди, провести неформальную встречу между странами РИК. Благодарю Россию за организацию этого мероприятия.

Китай, Россия и Индия — это три большие страны, которые вносят серьезный вклад в мировое развитие. Мы — партнеры по глобальному развитию, стратегические партнеры, у нас совпадающие интересы и схожие цели в области развития.

Мы также несем особую ответственность за будущее региона и мира в целом. Сейчас мир сталкивается с новыми рисками и вызовами. Поэтому общее развитие и более тесное сотрудничество между нашими тремя странами на этом фоне становится все более и более важным для обеспечения глобальной стабильности и предсказуемости.

За последние 10 лет наши три страны в духе открытости, солидарности, взаимного понимания и доверия активно участвовали в диалоге и сотрудничестве.

Нам удалось достичь серьезного прогресса в этой области. Надеюсь, что и на этой встрече мы проведем серьезные, вдумчивые переговоры с Премьер-министром Моди, Президентом Путиным по сотрудничеству РИК в новых обстоятельствах для того, чтобы повысить консенсус сотрудничества и координацию, с тем чтобы совместно мы могли продвигать мир во всем мире, стабильность и развитие.

1 декабря 2018 г., Буэнос-Айрес

Источник: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59278>

Summary

*Dr. Sergei V. Uianaev, Institute of Far Eastern Studies
under the Russian Academy of Sciences, Deputy Director,
Head of the “Russia—China” Research Center*

**RUSSIA—INDIA—CHINA:
IN THE OUTLINES OF THE NEW WORLD ORDER.
FOR THE 90TH BIRTHDAY ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN
EUGENY M. PRIMAKOV**

Voiced in 1998 by Academician Eugeny M. Primakov (then the Prime-Minister of the Russian Federation), the idea of building the ‘Moscow—Delhi—Beijing’ strategic triangle has been materialized in the course of 20 years as the actual policy of cooperation and strategic interaction of the three great powers.

In 2001, the RAS Institute of Far Eastern Studies and Academician Mikhail L. Titarenko, who at that time was its Director, initiated the trilateral project in the “second track” format of the three respective Foreign Ministries by conducting annually (from 2001 until now and on) trilateral forums of the leading scholars from Russia, India, and China alternatively in Moscow, Beijing and Delhi. Thereby produced expert and analytical materials have been used successfully in preparation and conduct of trilateral meetings of foreign ministers and summits of the three countries.

At the present time the relations among the three states reached the level of practical coordination and effective bilateral, regional and global interaction. Added to the international vocabulary, the abbreviation of RIC (Russia—India—China) today has become universally clear. The total population of these three countries amounts to 40 % of the global population, and they account for 20 % of the global GDP.

This book by a well-known Russian scholar, Dr. Sergei V. Uianaev, who was among the initiators of the RIC “second track”, actually generalizes the expert-analytical and international agenda for development of trilateral cooperation among Russia, India and China in 2001—2018, as well as provides an opportunity to have a chronological and systemic view of Russia's role in this extremely important project.

*Prof. Dr. S. G. Luzianin,
Director RAS Institute of Far Eastern Studies*

Научное издание

Уянаев Сергей Владимирович

**Россия—Индия—Китай:
в контурах нового миропорядка**

**К 90-летию академика
Евгения Максимовича Примакова**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Редактор *И.В. Ушаков*

Корректоры *Е.В. Белилина, Г.П. Манчха*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Оформление *Т.В. Иванишиной*

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 20,125. Уч.-изд. л. 20,6.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.).
Заказ №

Издательский Дом «ФОРУМ»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
E-mail: forum-books@mail.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М»

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96

Факс: (495) 280-36-29

E-mail: books@infra-m.ru